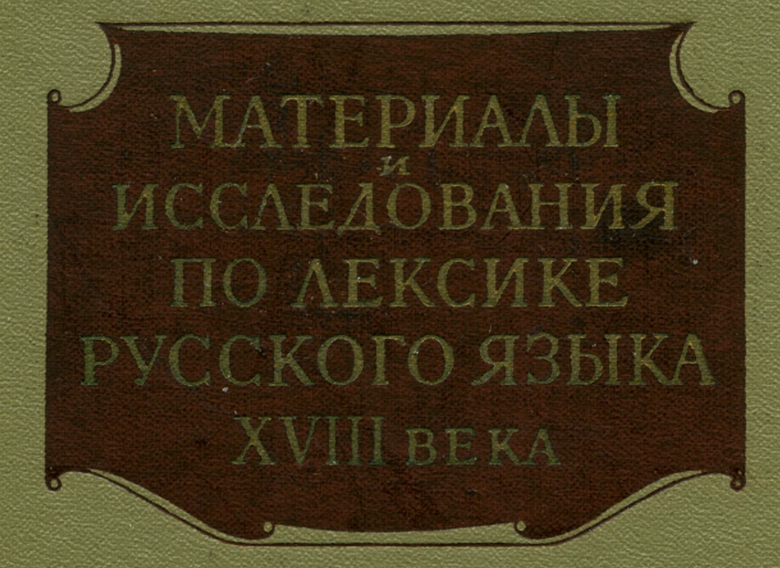
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1965

Ответственный редактор

Ю. С. СОРОКИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга подготовлена сотрудниками группы изучения лексики русского языка XVIII в., образованной в составе Словарного сектора Института русского языка АН СССР. Первоначально эту группу возглавлял Г. П. Блок. С конца 1960 г. общее научное руководство было поручено Ю. С. Сорокину. Ближайшей задачей группы является подготовка большого монографического исследования, посвященного историческому развитию словарного состава русского языка XVIII в. Группа проводит также предварительную работу для составления в дальнейшем полного исторического словаря русского языка XVIII в. (создание картотеки словарных материалов, изучение языка различных литературных источников этого времени).

Вошедшие в состав данной книги материалы и исследования отражают первые результаты работы группы. К ним примыкает также исследование Л. Л. Кутиной «Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.)», которое вышло в 1964 г. отдельной книгой. Помимо работ участников группы, сюда влючены статьи старшего научного сотрудника Института литературы АН СССР И. З. Сермана и доцента Ленинградского педагогического института им. Герцена Е. Г. Ковалевской.

Бо́льшая часть статей тематически связана с одной из основных задач, стоящих сейчас перед группой, — изучением языка различных в жанровом отношении произведений XVIII в. и отдельных лексических разрядов языка этого времени. Таковы статьи Г. П. Князьковой, В. В. Замковой, В. Н. Сергеева, Е. Э. Биржаковой и Е. Г. Ковалевской. К ним в известной мере примыкает статья И. З. Сермана, предлагающая новые материалы о работе Ломоносова над правкой стиля и языка его произведений при подготовке издания 1751 г.

Статья З. М. Петровой затрагивает важный и до сих пор вызывающий различные решения вопрос о принципах издания памятников русской литературы XVIII в. Группа изучения лексики русского языка XVIII в. при выполнении своей основной работы

вынуждена уделить серьезное внимание и этим текстологическим вопросам, по крайней мере в их лингвистическом аспекте.

Статья Ю. С. Сорокина посвящена вопросам, связанным с замыслом будущего словаря, с определением его объема и хронологических границ, общих принципов интерпретации и толкования в нем лексических материалов. Некоторые из этих вопросов (например, о хронологических рамках словаря) решаются, и притом в несколько ином плане, также в статье Г. П. Блока.

Публикуемая здесь статья покойного Г. П. Блока была написана в 1960 г. Она представляет собой часть задуманной им большой работы, в которой автор намеревался осветить вопросы, касающиеся хронологических рамок словаря русского языка XVIII в., его состава и структуры, принципов составления картотеки. Работа должна была представить также систематическое обозрение основных источников будущего словаря, дать характеристику языковых и стилевых особенностей произведений русской литературы XVIII в. в разных ее жанрах. Этот обширный замысел в полном объеме не был осуществлен автором. Основным предметом законченной части работы является характеристика языка и стиля отдельных групп произведений художественной литературы, преимущественно поэтических и драматических произведений первой половины века. Наша специальная литература еще бедна наблюдениями по истории формирования литературного языка в первых десятилетиях XVIII в. и отдельных речевых стилей этого времени. Работа Г. П. Блока, содержащая много ценных наблюдений и характеристик произведений русской литературы XVIII в., характеристик, выполненных в присущей автору свободной, яркой и своеобразной манере, и в своем незавершенном виде представит несомненный интерес для читателя.

В истории русского языка XVIII в. многое остается еще недостаточно затронутым научным исследованием; историческая лексикология русского языка XVIII в. нуждается в широком привлечении для лингвистического изучения новых источников.

Публикуемые в книге статьи представят некоторые новые материалы по лексике и фразеологии русского языка XVIII в., а также дадут возможность обсудить общий замысел и принципы составления нового исторического словаря, еще далеко не во всем определившиеся.

Составители будут благодарны всем, кто выскажет свои соображения, пожелания и советы по затронутым в сборнике вопросам.

Замечания просим присылать по адресу: Ленинград, В-164. Университетская наб., 5, Словарный сектор, Группа изучения лексики русского языка XVIII в.

Ю. С. СОРОКИН

О «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»[1]

I

Создание «Словаря русского языка XVIII в.» представляет собой одну из актуальных задач русского языкознания. Подготовка его должна войти необходимым звеном в развертывающуюся теперь работу по русской исторической лексикологии и лексикографии (в Институте русского языка в Москве параллельно ведется работа по подготовке Словарей древнерусского (XI—XIV вв.) и среднерусского (XV—XVII вв.) языка).

Нельзя не признать того, что в силу различных причин до последнего времени у нас уделялось недостаточное внимание развитию исторической лексикологии русского языка и подготовке исторических словарей. Начатая в свое время работа по подготовке «Словаря древнерусского языка» была затем прервана и возобновилась на иной основе только в последнее время.

Развитие лексической системы русского языка на протяжении многих веков его истории не представлено еще в полном научном описании. Не собраны воедино и те материалы, которые позволили бы дать такое описание. Совершенно недостаточно изучено, в частности, и движение словарного состава русского языка на протяжении XVIII в., времени существенных изменений в русской лексике и фразеологии, эпохи интенсивных процессов формирования русского литературного языка на национальной основе, подготовивших сложение богатейшей и разветвленной лексической системы современного русского литературного языка. Достаточно заглянуть в пособия по истории русского литературного

[1] Статья представляет собой несколько дополненный и переработанный текст докладов, прочитанных автором в феврале 1961 г. на заседании Словарного сектора, а в мае того же года — в Ученом совете Института русского языка АН СССР. Краткий отчет об обсуждении доклада на последнем заседании см.: «Вопросы языкознания», М., 1961, № 4, стр. 149—150. При подготовке статьи были учтены некоторые замечания и возражения, высказанные в ходе указанных обсуждений.

языка, которыми пользуются сейчас студенты филологических факультетов, чтобы увидеть, насколько неполны, отрывочны, случайны, а часто неточны и прямо ошибочны сообщаемые здесь сведения по истории русского языка XVIII в. Обычно дело ограничивается перечислением некоторых, отчасти случайно выхваченных, особенностей языка отдельных писателей XVIII в. — Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Новикова, Державина, Радищева, Карамзина, общими рассуждениями о смешении различных языковых элементов в Петровское время, о галломании в среде русского дворянства середины и второй половины века и т. п. Сколько-нибудь цельной и точной картины развития русского языка в XVIII в. и его словарного состава мы здесь, к сожалению, не находим. В ряде случаев в этих обзорах воспроизводятся данные уже устаревшие, не проверенные, некритически взятые из работ XIX—начала XX в. (из исследований Я. К. Грота, Н. Смирнова и некоторых других). Впрочем, в последнее время появляются новые работы, дополняющие и уточняющие данные о развитии лексики русского языка в XVIII в.[2]

О недостаточном знании языка XVIII в. говорят и факты другого рода. В ряде новых изданий произведений русских писателей и ученых XVIII в. (например, в изданиях сочинений Кантемира, Ломоносова, Державина в серии «Библиотека поэта», даже в академических изданиях Радищева и Ломоносова) встречаются очевидные ошибки в воспроизведении текстов, основанные на неправильном, «осовремененном» понимании этих текстов и проистекающие из недостаточного знания особенностей русского языка XVIII в.

За последние два десятилетия появилось довольно много исследований, посвященных истории русской науки в XVIII в. Естественно, что в связи с историей научных понятий в них уделяется внимание и истории русской научной терминологии. Но и в этих работах, написанных, как правило, специалистами по различным областям знания, а не филологами, историками русского языка, мы встретим немало произвольных утверждений по истории русской научной лексики.

Со стороны наших литературоведов, историков русской культуры и науки можно нередко слышать справедливые жалобы на отсутствие необходимых пособий по изучению русского языка прежних эпох, в частности и по русскому языку XVIII в.

---

[2] См.: G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956. — Рецензию Ю. С. Сорокина см.: «Вопросы языкознания», 1958, № 5. В новой ее книге (G. Hüttl-Worth. Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550—1800. Berkeley and Los Angeles, 1963) — список заимствований XVIII в. Существенны данные по истории слов этого времени в книге В. В. Виноградова «Проблема авторства и теория стилей» (М., 1961). См. также исследование В. Д. Левина «Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексика)» (М., 1964).

Учителя наших школ, преподаватели и студенты филологических и исторических факультетов также испытывают постоянную нужду в таких пособиях.

Всесторонняя разработка истории русского языка XVIII в. настоятельно необходима и для углубленного понимания процессов развития нашего языка в новое время.

XVIII век был временем интенсивного развития русского литературного языка на национальной основе, временем окончательного формирования русской нации и крупных достижений в развитии русской культуры. Сложные и противоречивые процессы, протекавшие с особенной силой в русском языке после Петровской поры и в результате стилистической реформы Ломоносова, подготовили решительное преобразование русского литературного языка во время Пушкина, создание современного русского литературного языка с его едиными, устойчивыми нормами употребления, с его богатейшими и разнообразными стилистическими возможностями. XVIII век дал поистине огромный вклад в развитие русской научной терминологии. Деятельность Ломоносова и других корифеев русской науки в XVIII в. не только обогатила науку открытиями исключительного значения, дала новые направления ее развитию, но и создала основы русского научного языка. Это развитие проходило в тесных деловых контактах между русскими и иностранными учеными. Литература XVIII в. богата примерами творческого усвоения и преобразования европейской научной терминологии и литературной фразеологии. В языке XVIII в. проходили глубокие и важные процессы семантического углубления и приспособления к новым культурным потребностям старых русских и славянских языковых элементов; это время отмечено созданием многих новых русских слов и выражений, прочно вошедших в состав русского языка; среди них значительное место занимают оригинальные переводы иностранных слов с помощью русских словообразующих элементов; русский язык этого времени впитал в себя и дал место в своей лексической системе и многим иноязычным заимствованиям, часто семантически их видоизменяя.

Нужно сказать, что именно эти важнейшие стороны развития русского языка в XVIII в. изучены еще недостаточно. Если в какой-то мере известны сведения о развитии языка художественной литературы XVIII в., о сложении системы ее речевых стилей (хотя и здесь остается много нерешенных вопросов), то почти нет отчетливого и сколько-нибудь полного представления о чрезвычайно важном развитии делового языка XVIII в. и его стилей и языка науки; не определен сколько-нибудь точно вклад, который внес в развитие научного языка Ломоносов, его предшественники — ученые и академические переводчики Петровской поры, его последователи и преемники. XVIII век далеко двинул вперед развитие русской промышленности и ремесла, техники

в ее различных отраслях. В последние годы внимание историков и специалистов разных отраслей было привлечено к изучению экономики и техники XVIII в. Но о специальной терминологии этого времени мы знаем еще очень мало, и это нередко создает затруднения в изучении технической литературы XVIII в. Поэтому было бы крайне желательным, чтобы Словарь языка XVIII в. вобрал в свой состав не только материалы собственно литературного языка, языка художественной литературы, еще сравнительно с последующим, послепушкинским временем недостаточно богатого, свободного и развитого, но и разнообразного круга деловых памятников, научных произведений, технических руководств и т. д. Только это обеспечило бы правильное и полное представление о месте XVIII в. в развитии русского национального языка. Ведь следует признать, что во многих отношениях развитие делового языка (ср., например, язык важнейших правительственных актов XVIII в., язык петровских «Ведомостей», научно-популярных статей в «Прибавлениях к ведомостям», в научной прозе Ломоносова и т. д.) предупреждало развитие языка художественных произведений. Здесь раньше определялись чисто национальные, русские основы нового литературного языка. Такой словарь вместе с тем был бы очень ценным пособием для всех изучающих историю русской культуры, для широкого теперь круга лиц, которые обращаются к чтению и изучению выдающихся произведений русской литературы и науки этого времени.

II

Составление нового исторического словаря предполагает проведение некоторых подготовительных работ. Важнейшей из них является создание картотеки словарных материалов-цитат, картотеки большой и разнообразной по своему составу, иллюстрирующей употребление многих тысяч слов, охватывающей широкий круг различных в жанровом отношении памятников, относящихся ко всем периодам развития русского языка в XVIII в. Создание такой картотеки — первое условие успешной работы по составлению нового словаря. Вместе с тем как собрание известным образом подобранных лексических материалов такая картотека может в дальнейшем обеспечить развитие историко-лексикологических исследований по самым различным направлениям.

В течение прошедших пяти лет группе Словаря русского языка пришлось уделить основное внимание созданию картотеки. Здесь пришлось начинать с самого начала, а составление картотеки требует много времени, систематических усилий и значительных материальных затрат. Ведь в большой, заключающей уже несколько миллионов словарных карточек картотеке Словаря современного русского языка в Ленинграде хотя и имеется известное собра-

ние цитат из источников XVIII в.[3] (из отдельных сочинений Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Радищева, Карамзина и некоторых других, из отдельных (немногих) журналов и сборников XVIII в. (например, из журнала «И то и сїо», «Трутень», из «Российского феатра»), немногие цитаты из отдельных деловых документов, государственных актов, из мемуаров и переписки XVIII в.), но эти материалы часто не удовлетворяют самым элементарным требованиям, предъявляемым к материалам исторического словаря. Многие из этих цитат были выписаны в свое время из изданий уже устаревших и недостаточно авторитетных или текстологически несовершенных. (Так, все примеры из сочинений Державина выбирались по изданию их под редакцией акад. Я. К. Грота, из сочинений Радищева — по двухтомному изданию его сочинений 1907 г. и т. д.). В этих выписках было заключено немало отступлений от изданий XVIII в., не были отражены существенные особенности орфографии и пунктуации того времени, а иногда содержались и прямые словесные ошибки.

Известное число цитатных материалов из памятников XVIII в. заключено также и в картотеке древнерусского словаря (ДРС), находящейся сейчас в Москве. Но и это собрание цитат страдает теми же недостатками: более полное и разнообразное по отношению к памятникам Петровской поры, оно представляет лишь случайные выписки из памятников более позднего времени. Даже применительно к первой четверти XVIII в., которая, по первоначальному замыслу «Древнерусского словаря», должна была быть систематически охвачена, не представлены в выписках не только отдельные выдающиеся произведения этого времени, но и целые жанры литературы (например, язык научной и научно-популярной литературы; почти не затронута публицистика и т. д.).

В результате пятилетней работы по составлению новой картотеки она уже содержит систематические и разнообразные выборки из значительного круга памятников XVIII в. — произведений художественной литературы, научных произведений и научно-популярных изданий, из журналов и деловых документов и т. д.[4] К настоящему времени в картотеке собрано около восьмисот тысяч

---

[3] В ту пору, когда незаконченный «Словарь русского языка, издаваемый II отделением Академии наук» возглавлялся акад. А. А. Шахматовым, он призван был охватывать развитие лексики русского языка со времени Ломоносова. В дальнейшем при подготовке «Словаря современного русского литературного языка» и затем «Словаря русского языка» (тт. I—IV, 1958—1961) временные рамки его были снова сужены, они уже не заходили далее первой четверти XIX в., и приток материалов XVIII в. в картотеку прекратился.

[4] Так, систематической выборке были подвергнуты многие произведения Кантемира (в частности, его сатиры и перевод рассуждения Фонтенеля «О множестве миров»), Ломоносова (например, его сочинения издания 1757 г.), Тредиаковского (в частности — «Езда в остров любви», «Сочинения и переводы» 1752 г., «Тилемахида»), Сумарокова (притчи, комедии, трагедии и др.), Державина (по сочинениям издания 1808—1816 гг.), журналы Новикова («Трутень», «Кошелек», «Живописец», «Прибавления к „Московским ведомо-

карточек, представляющих примеры на употребление более чем 50 000 отдельных слов. Это, конечно, еще собрание, далеко не исчерпывающее весь активный лексический запас русского языка XVIII в.; оно отмечено целым рядом крупных пробелов и зияний. В ближайшие годы работа по интенсивному пополнению картотеки должна быть продолжена и усилена.

Инструкция по выборке лексико-фразеологических материалов для будущего словаря предусматривает сочетание различных типов этой выборки в зависимости от характера и значения источника. В отдельных (но, естественно, ограниченных) случаях (когда имеем дело с особенно важными и авторитетными источниками) применяется метод сплошной выборки всех словоупотреблений. В других случаях применяется метод полной выборки всех особых употреблений отдельных слов (без исчерпывающего выписывания аналогичных, повторяющихся словоупотреблений) с составлением контрольных словников, дающих возможность проверить, насколько полной была эта выборка по существу. Наконец, применяется и специальная выборка определенного круга лексики, характерного для данного источника (например, научной терминологии и отвлеченной книжной лексики из научных, научно-популярных и публицистических произведений и т. д.). Рациональное сочетание различных типов словарной выборки дает возможность, с одной стороны, полно представить в картотеке лексико-фразеологический материал основных источников словаря, а с другой — избежать наводнения картотеки примерами аналогичными, повторяющимися.

Из технических приемов словарного картографирования при составлении картотеки практикуется, с одной стороны, фотографическое воспроизведение текста, гарантирующее точность воспроизведения источника, но также и рукописное (или машинописное) воспроизведение цитат, конечно, при условии буквального

стям"» 1783—1784 гг. и др.), оригинальные произведения и некоторые переводы Фонвизина, все оригинальные произведения Радищева, произведения Крылова (например, «Почта духов»), Карамзина («Письма русского путешественника» и др.). Полная или частичная выборка была также произведена из произведений Феофана Прокоповича, из отдельных драм, повестей и виршей конца XVII—начала XVIII в., из сочинений В. Майкова, Лукина, Елагина, Попова, Чулкова, Княжнина, Аблесимова, Матинского, Николева, Хераскова, Веревкина, Н. Львова, Каменева, Кострова, Пнина, М. Н. Муравьева, Капниста и др., из ряда анонимных комедий второй половины века и т. д. Специальная выборка производилась из многих произведений научной прозы, из ученых «слов», из различных публицистических произведений, деловых документов и пр. (например, из произведений Посошкова, Татищева, Ф. Соймонова, Крашенинникова, Озерецковского, Лепехина, Румовского, Десницкого, Аничкова, Я. Козельского, И. Третьякова, Брянцева, Котельникова, из «Морского устава» 1720 г., «Юности честного зерцала», из «Ведомостей» Петровского времени, из «Полного собрания законов», из ряда опубликованных архивных материалов и т. д.). В картотеке представлены сейчас лексико-фразеологические материалы из нескольких сот источников (принимая за единицу произведения одного автора и отдельные, самостоятельные издания).

воспроизведения всех особенностей текста, его орфографии и пунктуации.

Другим направлением подготовительной работы, тесно связанным с задачей пополнения картотеки, явилось лингвистическое изучение широкого круга возможных источников словаря. Ведь, как уже сказано, обширное литературное наследие XVIII в. лингвистически изучено еще совершенно недостаточно. Если известное внимание историков языка было привлечено к произведениям некоторых писателей-корифеев, то оно почти не распространялось на явления рядовой литературы. Между тем в речи «малых сих» нередко те или иные новые языковые «веяния» отражаются непосредственнее, скорее, еще до того, как получают окончательную канонизацию и авторитетное признание со стороны бесспорных мастеров языка. Для исторического словаря такие свидетельства очень ценны; они позволяют точнее и определеннее установить хронологию отдельных языковых явлений.

Группа за прошедшее время уже провела значительную работу по изучению источников словаря. Отчасти результаты этой подготовительной работы и отражены в данном сборнике статей. Систематическому обозрению и изучению были подвергнуты не только произведения отдельных крупнейших авторов XVIII в., но и целых жанров литературы на протяжении отдельных периодов. Таким изучением уже охвачены произведения поэтические, жанры повествовательной прозы и драматургии (особенно один из самых продуктивных в это время жанров — комедия), журналистика второй половины XVIII—начала XIX в., язык научных произведений первой половины XVIII в. (особенно в области точных и естественных наук); сделаны первые шаги в лингвистическом изучении языка обильной в XVIII в. географической литературы, описаний отдельных стран и областей, литературы путешествий, мемуарной литературы, законодательных актов, публицистики, газеты, многочисленных речей ученых XVIII в., научно-популярных статей и т. д. Однако и здесь остается еще многое сделать. Почти не освещены еще с лингвистической точки зрения такие важные для этого времени жанры, как проповеди и вообще памятники конфессиональной литературы, лишь в отдельных ограниченных участках затронуто обширнейшее море деловых книг и документов разного рода, доступные памятники официальной и частной переписки, отражающей в известной степени черты живой разговорной речи; не уделялось необходимого внимания фольклорным памятникам и стилизациям и различным обработкам народно-поэтических произведений этого времени; не подверглись еще детальному обследованию многие терминологические системы (например, терминология различных ремесел, сельского хозяйства, горнорудной и обрабатывающей промышленности и др.); слабо изучена лексикографическая традиция XVIII в., уже достаточно многообразная (многочисленные дву- и треязычные словари с интерес-

нейшими сопоставлениями русских и иноязычных слов, словари терминологические и др.); требует внимательного изучения обильное (особенно для двух последних десятилетий) собрание переводных книг — романов, ученых изданий и т. п. Эта важнейшая работа по предварительному лексикологическому изучению различных источников нашего словаря должна быть продолжена и расширена; к такому систематическому изучению необходимо привлечь и более широкий круг исследователей-лингвистов.

Вместе с тем перед будущими составителями словаря на ближайшие годы стоит задача окончательного определения его основных принципов, уточнения хронологических рамок и состава словарных материалов, подлежащих включению в него, выбор приемов лексикографического описания этих материалов, определения структуры словарной статьи, средств и путей грамматической и стилистической характеристики слов и т. д. Первым итогом этой работы должно быть составление проекта словаря с приложением образцов словарных статей и списка основных источников словаря.

Настоящая статья ставит перед собою более скромные и ограниченные задачи. Автор ее хотел бы лишь в общей форме поставить вопросы об основных задачах и принципах нового словаря, а также о его составе и хронологических границах.

Имея в виду общие задачи и цели «Словаря русского языка XVIII в.», можно было бы сказать прежде всего следующее. Он должен, во-первых, дать по возможности обширный и разнообразный материал, необходимый для характеристики исторического движения и состояния словарного состава русского языка в XVIII в. (и при этом дать его в сжатой форме, на сравнительно ограниченном «пространстве» нескольких томов). Он должен быть, во-вторых, достаточно полным и авторитетным словарем-справочником, необходимым при знакомстве с литературой и культурой XVIII в. Из первой задачи вытекает необходимость привлечения материалов для словаря из обширного круга памятников разных жанров. Из второй задачи вытекает необходимость по возможности полного учета лексико-фразеологических материалов из произведений всех важнейших авторов XVIII в.

Говоря в общей форме об основных принципах словаря, можно прежде всего заметить, что он должен быть полным — по своему составу, дифференциальным — по способам толкования и описания материалов, историческим — по основному направлению. Истолкованию и обоснованию этих трех общих положений и посвящается дальнейшее изложение.

III

Приступая к составлению Словаря языка XVIII века, предстоит дать ответ на следующие общие вопросы о его составе:

а) каковы должны быть хронологические рамки словаря;

б) каков должен быть круг источников словаря.

К этим вопросам присоединяются вопросы о характере словаря:

а) каковы должны быть общие принципы отбора и выбора материалов для словаря;

б) каковы должны быть в нем общие методы описания и толкования материалов;

в) какие цели следует ставить при описании лексико-фразеологических материалов XVIII в. в этом словаре;

г) каковы должны быть правила цитирования текстов XVIII в. в словарных статьях.

Вопрос о хронологических рамках Словаря языка XVIII века представляет значительные затруднения. Было бы совершенно механическим приемом, если бы мы ограничили его материалы рамками чисто календарного столетия. XVIII век представляет собой известный период в развитии нашего языка. И определить границы этого периода можно, сообразуясь как с общественно-культурными факторами, влиявшими на развитие языка в определенном направлении, так и с внутренними закономерностями самого этого развития. XVIII век в истории русского языка выделяется как время становления русского литературного языка на национальной основе. Развитие русского языка в этот период, с одной стороны, связано с предшествующим развитием языка на московской почве, а с другой стороны, языковое наследие XVIII в. и устанавливающиеся в течение этого времени языковые нормы и речевые традиции переходят и в том или ином виде усваиваются позднейшим употреблением — литературным языком XIX в. Непрерывность процесса языкового развития, постепенность взаимопереходов, длительное совмещение в языковой системе старого и нового затрудняют установление резких граней начала и конца периода. Положение осложняется (особенно в начале и конце периода) столкновением и совмещением различных речевых привычек разных поколений, пестрой социальной дифференциацией речи, различием норм в различных жанрово-стилистических разновидностях речи и неравномерностью в сложении норм внутри этих разновидностей. В XVIII век с его новыми устремлениями и веяниями входит не только Петр и его ближайшее молодое окружение, но и люди старого закала с прочно усвоенными языковыми представлениями старой московской поры. В XIX в. доживают и действуют люди, воспитанные на стилистических нормах ломоносовского направления. Еще в конце XVIII в. формируются стили нового карамзинского направления, которые сохраняют свою силу на протяжении нескольких десятилетий и во всяком случае остаются очень влиятельными в первой четверти XIX в.

Понятно, что при таком положении грани языкового периода остаются в большей или меньшей степени зыбкими и условными и их нельзя провести по какому-нибудь одному году. В начале и

в конце периода являются переходные эпохи, эпохи, характеризуемые нарочито резким столкновением старых и новых норм, и с этим нельзя не считаться при составлении словаря и отборе его материалов. Такой переходной эпохой было Петровское время, или, точнее говоря, время с самого конца XVII в. по конец 20-х годов XVIII в. Такой же переходной эпохой было время, захватывающее последнее десятилетие XVIII в. и первые два или два с половиной десятилетия следующего столетия. Где же целесообразнее установить хронологические грани, ограничивающие источники материалов словаря, ибо их, несмотря на непрерывность и постепенность языковых процессов, все-таки должно и можно установить? Новое движение в социально-политической и культурной жизни страны, повлекшее за собою значительные перемены и в языке, началось с царствования Петра I (собственно, не само движение, ибо все эти новые явления так или иначе вызревали и при ближайших предшественниках Петра, а движение, совершаемое с небывалой для предыдущего времени степенью интенсивности, отчетливости и резкости своего проявления). Но правильно ли было бы начальную грань языкового периода отождествить с формальным началом царствования Петра, т. е. вести его от 1682 г.? Пожалуй, нет. Новый период в развитии языка связан с целым рядом признаков; наблюдая за этими признаками, за отдельными новыми симптомами, мы убеждаемся, что они зарождались и впервые обнаруживались в разное время, как до формального начала царствования Петра, так и позже. Для эпохи Петра характерно обширное заимствование новых западноевропейских элементов лексики и фразеологии, но оно проходило и на протяжении XVII в., особенно в течение второй его половины. Для начала XVIII в. характерен расцвет новых светских литературных жанров и стилей, что имело существенное влияние на развитие и преображение литературной речи. Но некоторые из этих новых жанров и стилей берут свое начало в XVII в., особенно при Алексее Михайловиче. Тогда является театр с его драмами и интерлюдиями. Тогда является виршевая поэзия. Тогда зарождается и развивается повествовательная литература светского характера с авантюрно-романическим сюжетом. Тогда усиливается поток полемической прозы, столь характерной и для Петровской поры. Для начала XVIII в. типично юго-западное влияние, воздействие киевской школьно-академической традиции, но оно появилось и окрепло еще в XVII в. Для начала XVIII в. показательно расшатывание основ языка старого книжного типа с его архаической славянщизной, но падение первоначальной чистоты этого типа началось еще в XVII в., до Петра. При определении исходной точки нового периода нужно исходить не из совокупности этих признаков, показательных для нового периода, но обнаруживающихся в разное время. Необходимо найти ведущий, решающий признак и показатель. Таким решающим призна-

ком явился резкий сдвиг в стилистической системе языка, связанный с развитием новых жанров и стилей деловой речи, чрезвычайная степень интенсивности, которой достигли эти процессы в самом конце XVII—начале XVIII в. То и другое было связано с активными устремлениями и сознательной политикой молодого Петра и его ближайшего окружения. Здесь зародились новые формы деловой и дружеской переписки, светско-политесной речи, которые затем были выставлены как образцы и норма речевой практики для всего привилегированного общества. Желательность и обязательность новых слов, новых терминов западного происхождения, фразеология, восходящая к классической почве, сознательное противопоставление церковной и гражданской стилистики, отказ от витиеватых форм старого церковнославянского красноречия и одряхлевших и вялых форм старого приказного слога — все это особенно явственно сказалось впервые в бумагах и письмах Петра и его окружения с начала самостоятельного его правления, т. е. с 1696 г., и вслед за тем стало языковой политикой, последовательно проводимой сторонниками реформ. По этим новым сознательным нормам правились Петром и Поликарповым «Ведомости», на них были ориентированы переводчики, исходя из них, постепенно, начиная с 1700 г., менялся язык правительственных указов, они определяли словоупотребление таких ответственных документов, как «Морской устав» и др.

С этого времени новые стили, новые нормы развиваются и укрепляются более или менее непрерывно и интенсивно. Такова начальная дата нового периода. Конечно, и принятие этой даты, как более или менее явственного рубежа, не устраняет колебаний и сложностей, противоречий в материалах словаря. Старые явления заходят в новое время, и их наш словарь миновать не может. Так, еще на протяжении ряда лет сохраняются лексико-фразеологические особенности старого приказного слога во многих деловых официальных документах Петровской поры. С другой стороны, ряд литературных источников не может быть точно датирован, как, например, это имеет место по отношению к некоторым драматическим произведениям. Вот почему возможны двоякого рода отклонения в материалах нашего словаря: с одной стороны, здесь будут материалы, которые пережиточно существуют в письменных источниках XVIII в., новых по дате своего проявления, но старых по приемам письма; с другой стороны, здесь будут фигурировать материалы, которые только гипотетически, с разной степенью достоверности можно отнести к данному времени.

Во всяком случае установление этой даты, как нам кажется, позволит несколько ограничить круг материалов и источников словаря и придать этим материалам характер известной систематичности. Вообще же говоря, основная трудность состоит в том, что словарь включает материалы всего XVIII в., т. е. и Пет-

ровской поры, времени явно переходного. Во многих отношениях лексикальные материалы Петровской поры будут сильно отличаться от материалов последующего времени: здесь будут и архаические слова и новозаимствованные слова, которые уже не употребляются в дальнейшем. Не случайно, устанавливая периодизацию развития нового литературного языка, Карамзин начинал его с Кантемира (мы бы добавили и имя Тредиаковского), т. е. с 1729—1730 гг.[5] Но трудно рассчитывать на составление особого словаря языка Петровской поры. А с другой стороны, в языке этого времени действительно много таких новых звеньев, которые прочно соединяют его с единой цепью развития литературного языка в последующие десятилетия. От первого десятилетия XVIII в. ведет свое начало планомерное сложение системы новой русской научной терминологии (первоначально в области точных и естественных наук — математики, особенно геометрии, астрономии, географии, механики). Техническая терминология в ряде своих отраслей (например, в морском деле) либо формируется с этого времени, либо существенно видоизменяется. С самого конца XVII—начала XVIII в. начинается история существования и закрепления в системе русской лексики многих иноязычных заимствований. С Петровской поры существенно видоизменяются (в том числе и со стороны своего словарного состава) некоторые привычные литературные жанры, например жанр проповеди, «слов», который начинает все смелее захватывать темы светские, темы переустройства страны. Феофана Прокоповича никак не свяжешь с предшествующим временем. Газета также является знамением XVIII в. Язык важнейших петровских государственных актов уже мало напоминает деловую спокойную вязь предшествующих указов. Публицистический элемент, с вытекающими отсюда последствиями и для лексического состава, занимает все большее место в книжках, защищающих и объясняющих правительственную политику (например, у Шафирова), в многочисленных обращениях к Петру со стороны «добытчиков», пекущихся о разрешении финансово-экономических трудностей, и т. п.

Одним словом, признавая промежуточность, с точки зрения чисто языковой, времени первой четверти XVIII в. и сильные в это время элементы речевой преемственности, мы, вопреки некоторым утверждениям, считаем, что несравненно больше оснований относить в языковом отношении Петровское время ко всему остальному XVIII в., нежели к предшествующей половине XVII в. Во всяком случае при отрыве лексических материалов Петровской поры от последующих искусственно отрывалась бы история целого длинного ряда слов и терминов, лишаясь своего естественного начала.

---

[5] См.: Пантеон российских авторов, ч. 1, тетрадь 2, Кантемир. М., 1802.

Что касается верхнего предела Словаря языка XVIII в., то и здесь нельзя остановиться на последнем годе века.

Как уже сказано, на протяжении по крайней мере двух десятилетий нового века доживали стили литературной речи, сформировавшиеся в середине или конце XVIII в. Можно указать на довольно обширный круг писателей, эстетические вкусы и устремления которых определялись духом старых теорий и которые в языке своем часто следовали старым нормам употребления (Шишков, Каченовский, Ф. Иванов, Хвостов и др.). Доживали свой век старые слова, не решенной оставалась судьба целых лексических категорий (славянизмы). Но, конечно, было бы неправильно, основываясь на этом, захватывать в Словарь языка XVIII века лексику и фразеологию, вообще употребительную в первой четверти XIX в. В это время слишком много новых явлений, которые уже не укладываются в старые рамки. Ни поздний Карамзин, автор «Истории государства Российского», ни Батюшков, ни Жуковский, ни молодой Пушкин, ни Востоков, ни Гнедич и писатели-декабристы при всех их связях с литературно-языковой традицией XVIII в. не могут быть источниками для Словаря языка XVIII в. С другой стороны, возникли бы всякие осложнения и неясности, если бы мы стали привлекать материалы из произведений первой трети XIX в. выборочно, устанавливая, какие произведения каких авторов в общей сумме произведений этой поры являются по своим языковым приметам архаическими, пережиточными. Если здесь и возможны какие-либо исключения, то только очень немногие.

Остается искать такую грань, которая бы позволила придать относительную законченность старому периоду. Такая грань может быть найдена в первые годы XIX в. Это примерно 1803—1805 гг. Можно указать на несколько симптоматичных историко-литературных явлений, которые придают известную логическую завершенность предыдущему периоду и открывают иную переходную эпоху поисков нового в области жанров литературы и стилей литературной речи.

1803 год подвел первые итоги борьбе двух стилистических направлений — ломоносовского и карамзинского. В 1803 г. вышло рассуждение Шишкова о старом и новом слоге, а в «Московском Меркурии» появилась блестящая антикритика П. Макарова, подвергшая полному разгрому основные положения книги Шишкова. В 1803—1805 гг. закончилась литературная деятельность ряда корифеев литературы XVIII в. В эти годы появились последние произведения Хераскова («Бахариана», 1803; поэма «Поэт», 1805); в 1802 г. умер Радищев, в 1803 г. — Н. Львов, в 1807 г. — М. Н. Муравьев, почти перестал писать с 1803 г. И. И. Дмитриев; Н. И. Новиков, хотя и жил до 1818 г., в XIX в. стоял уже в стороне от литературной деятельности; у Крылова в начале века наступает перерыв в литературной деятельности, а с 1806 г. он

выступает как автор басен, открывающих новую главу и в этом жанре и в стилистике литературной речи; наконец, Карамзин с 1803 г. перестает выступать как беллетрист и критик, не принимает уже прямого участия в литературно-языковой полемике, сосредоточивается на деятельности историографа. С 1802 г. он начинает издавать «Вестник Европы», во многом журнал нового типа, столь не похожий на периодические издания — ежемесячные сочинения, сборники XVIII в. Из крупных писателей, начавших свою деятельность в XVIII в., продолжают выступать за его пределами лишь Державин (умер в 1816 г.), Капнист (умер в 1823 г.), Нелединский-Мелецкий (умер в 1828 г.). Образовался известный перерыв непрерывности, одно поколение писателей сменяется другим, деятельность ряда выдающихся писателей меняет свое направление. Являются истоки новых стилей в лирике, в поэме, в басне, в повествовательной прозе (например, резко сокращается число романов и увеличивается число сентиментальных и романтических повестей). Являются новые типы журналов. Идет большая работа по преобразованию и усовершенствованию стилей научной прозы и исторического повествования.

Вот основания для того, чтобы считать верхней границей нашего словаря первые годы XIX в. (1803—1805). Конечно, при этом было бы целесообразно сделать единичные исключения. Так, например, вполне могут быть материалом для нашего словаря все произведения Державина, включая и произведения последних лет его деятельности. Его стилистика при всем новом, что он пытался искать в последних своих произведениях, не претерпела в XIX в. сколько-нибудь решительных изменений.

Таков наш предварительный ответ на вопрос о хронологических рамках словаря.

IV

Другой, и наиболее трудный для решения вопрос — об источниках словаря. Для точного ответа на него необходимо обстоятельное и исчерпывающее обследование многих материалов. Сейчас можно выдвинуть лишь несколько общих принципиальных положений.

1. Круг источников словаря должен быть не только очень широким; он должен быть разнообразным в жанровом отношении; в нем должны быть представлены различные виды письменных памятников, характерных для XVIII в.

2. При выборе источников для словаря мы не можем исходить из представления о каких-то заранее данных нормах литературного языка XVIII в. Подробнее об этом речь пойдет далее.

3. При выборе источников для словаря не следует делать предпочтение какой-либо жанровой группе памятников, хотя бы этот жанр письменности и был влиятельным в процессе формирования литературной речи.

4. Не следует при отборе памятников, из которых извлекаются материалы для словаря, исходить из каких-либо иных, кроме чисто лингвистических, критериев, например из критериев эстетического порядка.

5. В круг источников должны быть вовлечены не только произведения оригинальные, но и переводные.

Прежде всего встает трудный вопрос о том, в каком соотношении должны находиться в ходе собирания материалов для словаря источники печатные и рукописные. Известно, что круг печатных изданий XVIII в. был уже очень широк (по далеко не полным данным Сопикова, в XVIII в. вышло около 10 000 отдельных изданий), причем на протяжении века, от десятилетия к десятилетию, число печатных изданий бурно нарастало, особенно во второй половине века, так что на два последних десятилетия падает несколько более 5000 отдельных изданий. Следует еще иметь в виду, что значительное число различных произведений и документов XVIII в. было опубликовано в XIX—XX вв. (например, в таких изданиях, как «Полное собрание законов», в «Сборниках русского исторического общества», в журнале «Русский архив» и др., в «Архивах» Куракиных, Воронцовых и т. п., в многочисленных историко-архивных изданиях советского времени и пр. Ср. такие публикации, как публикация документов Пугачевского восстания, материалов комиссии по уложению и пр.). В XIX—XX вв. были впервые опубликованы произведения Посошкова, ряд выдающихся произведений Татищева и т. д. Их тоже нельзя миновать, имея в виду составление полного словаря языка XVIII в. Остается вопрос о том, надлежит ли при составлении этого словаря производить широкие разведки в архивах и рукописных хранилищах и привлекать последовательно материалы из еще не опубликованных документов? Как ни соблазнительна эта задача, мы не сможем ее выполнить в сколько-нибудь широком объеме и систематически; ее выполнение потребовало бы очень значительного времени. Вот почему я думаю, что при собирании материалов словаря нам следует опираться на наличный опубликованный материал, сам по себе достаточно обильный, широкий и многообразный, и прежде всего — на материал печатных изданий XVIII в. Конечно, в некоторых случаях обращения к рукописному наследию, хотя бы и в ограниченном объеме, будут неизбежны. Я имею в виду прежде всего Петровскую пору. Еще относительно небольшое число печатных изданий Петровской поры, и даже довольно значительное уже число позднейших публикаций памятников этого времени, все же не отражают всего многообразия ее письменности, ее языковых исканий. Так, например, неопубликованными остаются некоторые подготовленные при Петре I переводы повествовательных и научных произведений, ряд документов, значительная масса переписки и пр.

Наш Словарь должен быть именно словарем русского языка XVIII в., а не словарем русского литературного языка. Понятие литературного языка для XVIII в. сравнительно с новейшим периодом XIX—XX вв. является гораздо более неопределенным и зыбким. Основное для понятия современного литературного языка — наличие единой, устойчивой, отработанной общенациональной нормы словоупотребления — еще не применимо к литературному языку XVIII в., языку становящемуся, находящемуся в процессе бурного движения, идущего по разным направлениям.

Конечно, в процессе становления единой литературной нормы языка большую роль играло развитие художественной литературы и ее отдельных жанрово-стилистических разновидностей. Поэтому само собой разумеется, что язык художественных произведений различных жанров и направлений должен стать одним из важнейших источников материалов для нашего словаря. Круг источников и поэтических и художественной прозы должен быть и очень широким и очень разнообразным. Но мы не должны преуменьшать значение и другого рода источников: деловой прозы в различных ее проявлениях, языка законодательных актов и других официальных документов, языка газеты и критико-библиографических статей и заметок в журналах, языка научной и научно-популярной прозы, полемико-публицистических произведений и т. д. Мы составили бы превратное представление о русском языке XVIII в. и о его развитии, его историческом движении, если бы ограничили круг этих источников. Ведь XVIII век в истории словарного состава русского языка был веком формирования и поисков новых ресурсов номинативно-терминологического характера, отвлеченно-книжной лексики. Эта новая лексика по преимуществу формировалась в указанных жанрах письменности. Для Петровской поры ведущее положение деловых жанров в процессе преобразования литературного языка на национально-речевой основе бесспорно. Но развитие среднего делового слога имело важное значение и для дальнейшего определения единой литературной нормы, и для формирования новых стилей повествовательной литературы.

Поэтому мы должны при составлении словаря уделить большое внимание этим жанрам письменности и представить в словаре необходимые материалы для изучения непрерывной традиции пополнения лексики русского языка новой терминологией, словами отвлеченно-книжного характера.

Я хотел бы обратить особое внимание на важность изучения и собирания материалов по истории русской научной терминологии XVIII в. Этому, по крайней мере со стороны языковедов, еще не уделялось должного внимания. Следует отметить, что, особенно в 1940—1950 гг., некоторые интересные разыскания в этой области проведены историками — специалистами по отдельным наукам (различные материалы этого рода публиковались, например,

в «Трудах Института истории естествознания и техники Академии наук СССР»). Но естественно, что возникающая в XVIII в. терминология почти не подвергалась при этом филологическому анализу, не исследовалась она и методом фронтального обзора изданий XVIII в. по данной отрасли знания. Отсюда неясность, а иногда и произвольность приурочений появляющегося термина к определенному лицу или неточности датировок его появления.[6] Отсюда и отсутствие надежных и исторически объективных обобщений относительно путей и способов формирования новой научной терминологии, роли и соотношения в ней пришлых, усвоенных (инонациональных и интернациональных) элементов и своих, найденных терминологических элементов (а внутри их — простых переводов или относительных соответствий и калек, русских и славянизированных форм, местных, областных, возведенных в ходе развития науки (как это имело место, например, в географических описаниях) на ступень общеизвестности и общенациональности, и т. д.).

XVIII век в истории русской культуры был временем первого расцвета русской научной мысли и соответственно временем активного формирования системы русской научной терминологии в ряде важнейших ее отраслей, временем напряженных, настойчивых и идущих по разным путям поисков устойчивого словесного выражения новых научных понятий и отражения в терминологии происходивших сдвигов и перемен в воззрениях на природу вещей. От XVII века XVIII век унаследовал известную сумму знаний в некоторых научных областях (например, в арифметике). Но и здесь не всегда понятия были единообразно терминологически закреплены. В других случаях русскую научную терминологию в XVIII в. приходилось создавать заново или существенно менять и дополнять (например, терминологию астрономии в связи с распространением учения Коперника). Затем начинается бурный взлет русской научной мысли во многих областях, обилие переводных научных книг дополняет круг оригинальных работ, написанных, начиная с середины века, уже прежде всего на русском языке. Идет развитие физики, химии, минералогии, ботаники и других областей, связанных с универсальной деятельностью Ломоносова и исследованиями таких выдающихся ученых, как Гмелин, Крашенинников, Рычков, Севергин, Румовский, Лепехин и др. Многие из них филологической стороне дела, «строительству» терминологии и развитию русского книжного языка уделяли большое внимание, были по тому времени совершенными стилистами, мастерами научно-популярного изложения. Достаточно напомнить, что некоторые из них, например Румовский, Севергин, Лепехин, Озерецковский, принимали активное участие в деятель-

---

[6] Подробнее об этом см. в статье В. В. Замковой, публикуемой в данном сборнике.

ности Российской Академии, призванной способствовать развитию отечественного языка, и в подготовке и составлении «Словаря Академии Российской», где, кстати сказать, научная терминология того времени и ее спорные вопросы нашли заметное отражение.

Важную роль в развитии и распространении научных знаний играли в это время уже довольно многочисленные периодические издания и сборники специального или общего научно-популярного характера. Таковы «Краткое описание Комментариев Академии наук» (1728), «Примечания к Ведомостям» (1728—1742), «Содержание ученых рассуждений Академии наук» (1748—1754), «Ежемесячные сочинения» (1755—1764), «Труды Вольного экономического общества» (с перерывами — от 1765 г. до конца века), «Академические известия» (1779—1781), «Экономический магазин» Н. И. Новикова (1780—1789), «Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов», изданное Академией наук в 1785—1793 гг. под ред. Н. Я. Озерецковского, и др. Тираж «Примечаний к Ведомостям» в лучшие годы издания был немногим меньше, чем у популярного «Московского журнала» Карамзина (1791—1792). Избранные статьи из этого первого научно-популярного журнала неоднократно в XVIII в. переиздавались. Язык многих статей был уже настолько совершенным, что при переизданиях в 1760—1790 гг. приходилось «модернизировать» немногое.[7]

Конечно, в таком общем издании, как наш словарь, будет трудно и невозможно представить все известные XVIII веку терминологические круги как известную замкнутую и цельную систему. Это задача специальных изданий. Но в нашем словаре мы имеем возможность и должны показать все важнейшие и основные звенья различных систем и представить материалы, по которым шло их сложение. Вопрос о путях развития научной терминологии имеет самое тесное отношение к общим судьбам книжного языка XVIII в. А многое из круга специального употребления уже в XVIII в. переходило в общее употребление образованных людей. История научной терминологии первой трети XVIII в. интересна (и в общелингвистическом плане) своими попытками преодолеть разнобой и вариантность обозначений определенных понятий; вместе с тем многие терминологические обозначения этого времени отмечены довольно длительным состоянием известной неустойчивости. История образования терминологических систем в это время характерна тенденцией (также имевшей более широкое поле действия) сочетать термины заимствованные с образованием новых русско-славянских слов и терминированных сочетаний и с приспособлением и семантическим преобразованием

[7] В Академическом собрании Библиотеки Академии наук СССР сохранился экземпляр «Примечаний» 1730 г. с редакционной правкой (возможно, Г. Миллера), внесенной, очевидно, для предполагавшегося переиздания некоторых статей. Она минимальна, по преимуществу сводится к замене некоторых устарелых служебных и полузнаменательных слов.

уже известных русских и славянских слов для выражения новых понятий. Ср., например, использование в ряде специальных работ Петровского времени для обозначения понятия «круг, окружность» то старых слов *коло, колесо* (например, в «Арифметике» Л. Магницкого; там же *полуколесо*), то заимствованного *циркуль*; в ходе этих поисков является и закрепляется термин *окружность*, который уже в XVIII в. вышел за пределы собственно специального употребления. Характерна вариантность словоупотребления в переводе «Книги мирозрения» Гюйгенса («Космотеорос»; перевод приписывается Я. В. Брюсу): *быстрота, прыткость* и *скорость, тяжесть* и *тяжелость* (в смысле позднейшего «тяготение»), *отпрядывание* и *отражение* и т. д. Ср. также длительное употребление на равных правах в научных контекстах слов *стужа* и *холод* (с преобладанием первого). В смысле «объем» в научных сочинениях Петровской поры употребляется то *объятие*, то *корпуленция*; в смысле «наблюдения» (например, астрономические) — *обсервация, примечание, усмотрение* и *присмотрение*. В «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова выстраиваются ряды общих и местных названий: *верх горы* и *гребень, огнедышащая гора* и *сопка* и т. д. Вместе с тем с начала XVIII в. являются новые термины, затем прочно оседающие в научном обиходе. Ср. *числитель* и *знаменатель, произведение* (результат умножения) в «Арифметике» Магницкого; *преломление* (рефракция), *полуостров, созвездие, северное сияние, сопутник* и *спутник* (наряду с *сателлитес*) и т. д.[8] Во второй половине XVIII в. является новый общий термин для обозначения одного из выделяемых *царств* (или, как тогда еще говорили, *государств*) *природы: растение*.[9] Первоначально и вплоть до 60-х годов обычно выступали в этом смысле разные другие слова и сочетания: *рощение, растительные* или *растущие вещи, произрастающие, прозябающие*, даже *планты*. (Часто имеет место и отсутствие общего термина наряду с употребляемым ансамблем частных: *дерева, травы, злаки, овощи* и т. д.).

Помимо терминологии естественнонаучного цикла, такого же (если не еще большего) внимания заслуживает лексика иного рода — книжные слова и термины, приуроченные к выражению понятий философских, психологических, исторических, экономических, политических, юридических и пр. В поисках устойчивых и точных выражений таких понятий была особенно настойчива вторая половина XVIII в., особенно 70—90-е годы с характерной для них волной просветительских течений в русской социальной мысли. Терминология этого рода в значительной степени сложи-

---

[8] Подробно этот вопрос освещен в исследовании Л. Л. Кутиной «Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века)».

[9] Еще в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова у этого слова отмечается только значение действия.

лась в 20—60-х годах XIX в.; тогда в ней заняли значительное место и важное положение заимствованные термины интернационального характера. Многие деятели второй половины XVIII в. искали этот недостающий пласт лексики («языка метафизического», по определению Пушкина, «общественного», приспособленного «для выражения предметов науки, общественности, — словом, всего отвлеченного, глубоко цивилизованного», по характеристике Белинского [10]) на других путях; они, наряду с заимствованиями, создавали, «ковали» новые слова (иногда с сильной славянской окраской), пытались придать новый смысл известным русско-славянским словам. Мы должны с подобающим вниманием отнестись и к этим предшественникам «наших» слов *прогресс*, *цивилизация*, *культура*, *образование* и пр., ибо не всегда отсутствие единого, утвержденного слова означает отсутствие понятия! Мы не должны смущаться большой вариантностью, отразившейся и в этой части образования новых слов, тем, что многие из них оказались словарными эфемеридами, не пережив времени своего появления. Ведь такие однодневки (по судьбе, но не по назначению) мы встречаем даже у наиболее выдающихся представителей русской философской и общественно-политической мысли последней трети века — у С. Десницкого, Д. Аничкова, Я. Козельского, у Радищева, наконец. Учет их важен не только для историков нашего общественного сознания, но и для филологов, пытающихся понять сложные и противоречивые, иногда с неожиданными возвратами по форме к прошлому, процессы образования не отдельных слов, но целых новых недостающих лексических пластов. В «Слове о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих» (1783) Д. Аничкова, например, как соответствие латинскому nervi мы найдем *тоненькие жилки*, *тоненькие мозговые жилки* (164); [11] у С. Десницкого — *просвещенный и вычищенный народ*, т. е. цивилизованный (211, 223), *страстоприимство*, т. е. симпатия (261, 288), *единопродавство*, т. е. монополия (291; ср. у Радищева: *единоторжие*); у И. Третьякова как соответствие латинскому industria — *рукомесленность* (336; ср. позднейшее *промышленность*); *сострадание*, т. е. симпатия (346); у А. Брянцева — *сопряжение*, т. е. ассоциация (366), *сострастие*, т. е. симпатия (372) и т. п. Устойчивому употреблению слова *влияние* (*на что* или, ранее, *во что*), укрепившемуся в последние десятилетия XVIII в., предшествовали многообразные способы передачи этого понятия: помимо заимствованного *инфлуенция*, также *втечение* (*физическое втечение* у Д. Аничкова (163, 172—173)); *наваждение* (Сокровиществующие миллионщики ужасное во всем правительстве могут делать наваждение, influence (С. Десницкий. Примечание к пере-

[10] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, М., 1955, стр. 226.

[11] Здесь и далее цифры в скобках обозначают страницы по изд.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. 1. М., Госполитиздат, 1952.

воду книги Блэкстона «Истолкования аглинских законов», стр. 290)); ср. у Брянцева (1790): *влияние физическое* (371) и т. п. Эти, часто эфемерные, неологизмы и иные соответствия важнейшим иноязычным терминам бесспорно должны найти свое место в словаре, тем более что некоторые из этих переводов затем прочно вошли в наш словарный состав: *влияние, мироздание* и пр. Таким образом, вопрос о включении (и возможно широком) в число источников нашего словаря различного рода специальной литературы, научных и научно-популярных произведений, тем более слов и речей на научные темы, представляется для нас бесспорным. Исключение этого круга источников серьезно обеднило бы словарь.[12]

Мы должны использовать (и достаточно широко) в нашем словаре также материалы живой разговорной речи, поскольку она отражена в памятниках письменности этого времени, в мемуарной литературе, в частной переписке. Периферийный круг литературной речи, простой или низкий слог был, как известно, в прямом и постоянном соприкосновении с разговорным просторечием, с простонародной речью, в том числе и с областной.[13] Мы поступили бы опрометчиво, если бы не учли, помимо широкого круга собственно художественных произведений, где отражена эта просторечно-простонародная лексика и фразеология, также отражения живого просторечия в эпистолярном наследии, в немногочисленных, но интересных диалектологических записях XVIII в., в словарях XVIII в. Эти материалы показали бы, насколько закономерно было появление данной лексики в литературных произведениях XVIII в.

Если говорить об источниках, отражающих народно-речевые элементы в языке XVIII в., то спорным является вопрос о привлечении в качестве источников для словаря XVIII в. фольклорных произведений. Речь идет, конечно, не о тех сравнительно немногочисленных записях фольклора, которые были сделаны, изданы, а иногда по вкусам того времени обработаны и стилизованы в самом XVIII в., как например «Собрание разных песен» и «Русские сказки» М. Д. Чулкова. Материал этих изданий должен быть учтен при составлении словаря и его картотеки. Речь идет об изданиях и публикациях позднейшего времени. Здесь было бы

[12] В создаваемой картотеке подбору материалов из этих источников будет уделено самое серьезное внимание. Этим она будет существенно отличаться и от картотеки «Древнерусского словаря», и даже от обширной картотеки «Словаря современного русского языка», где ассортимент цитат из произведений научных, философских, публицистических и пр. до сих пор оставляет желать много лучшего.

[13] Об этом см. подробнее в статье Ю. С. Сорокина (Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской». Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I, М., 1949), а также в публикуемой в данном сборнике статье Г. П. Князьковой.

трудно, а часто и невозможно провести работу по отделению различных слоев, отложившихся в языке народных произведений в разное время, как предшествующее XVIII веку, так и следующее за ним. Я полагаю, что на этом основании было бы целесообразнее отвести из круга источников словаря все позднейшие записи и издания былин, песен, сказок и т. д., начиная со сборника Кирши Данилова,[14] который в XVIII в. еще не привлек внимания исследователей, в том числе, например, и такие бесспорно восходящие к XVIII в. произведения, как песни, приписываемые Прасковье Кузнецовой.

Как мне кажется, таково же должно быть и наше отношение к произведениям повествовательной литературы, которые возникали в предшествующее время, особенно обильно в XVII в., но продолжали в списках ходить и в XVIII в., причем получали и какие-то новые языковые наслоения. Здесь та же трудность, и потому, несмотря на популярность подобных произведений в XVIII в., следовало бы отказаться от учета таких источников, как повести о Фроле Скобееве, Карпе Сутулове, Ерше Ершовиче, Шемякином суде и т. д.[15]

Для XVIII в., вплоть до самого его конца, было живым и руководящим понятие «славено-российского языка». Обширная категория славянизмов еще не была вполне разобрана и переплавлена в русском языковом материале; она сохранила свое особое и часто господствующее положение. Чистота двух различных типов языка была нарушена, явилось и развивалось их взаимодействие и взаимопроникновение, но все-таки, наряду с русским языком, сохранялся и старый тип церковнославянского языка в определенных разделах книжности, очень еще влиятельных для читателей XVIII в. Естественно встает несколько трудных вопросов, связанных с тем, какие источники этого рода принять, какие отвергнуть. Прежде всего эти вопросы касаются произведений конфессионального характера, церковной и раскольнической литературы. Речь идет о церковных канонических книгах, которые были еще так авторитетны для рядового читателя XVIII в., которые еще усердно читались и по которым (например, по Часослову) еще шло обучение языку многих и многих; речь идет также о различного рода богословских сочинениях, принадлежащих авторам XVIII в., о многочисленных полемических сочинениях, посвященных вероисповедным вопросам, о проповеднической литературе, особенно обильной в Петровское время и в царствование Елизаветы. Вопрос о некоторых видах этой литературы решить легко,

[14] Здесь возможны только отдельные исключения, когда мы имеем дело бесспорно с записями и обработками XVIII в.

[15] Впрочем, этот вопрос требует еще специального исследования и осторожного решения, так как в ряде списков XVIII в. этих повестей встречаются явные лексические и фразеологические наслоения XVIII в.

о других — трудно. Так, вне всякого сомнения, за пределами источников для словаря еще могут остаться, несмотря на всю их влиятельность, церковные книги канонического характера, восходящие к предшествующему времени. Составители первого академического словаря 1789—1794 гг. широко пользовались такими источниками, что определило отчасти и выбор слов, толкуемых в словаре, и сами толкования многих слов, обильна была цитация этих книг. Но мы, конечно, должны отразить лексику и фразеологию их лишь в той мере, в какой она не просто хранилась, а использовалась в новой речевой практике XVIII в.[16] Понятно, что в словаре должны найти место те слова и выражения канонических церковных книг, которые применялись (и тем более — творчески преломлялись) в различных произведениях XVIII в. Правда, уже сложнее вопрос о том, как быть с цитатами из церковных книг, часто скрытыми, особенно в текстах первой трети XVIII в. Они не только многочисленны, но часто органически вплетаются в стилистический контекст, образуя трудно разделимую амальгаму традиционного и оригинального выражения мыслей автора.

Сложнее решить вопрос о степени привлечения в качестве возможных материалов для словаря богословских, религиозно-полемических произведений и проповеднической литературы. Нужно сказать, что среди них есть произведения, имевшие большое значение в идейно-политической борьбе, принадлежащие выдающимся деятелям того времени. Таковы богословские сочинения и проповеди Феофана Прокоповича, знаменитый «Камень веры» Стефана Яворского, проповеди Гавриила Бужинского, Феофилакта Лопатинского и т. д. Язык этих произведений, особенно многочисленных проповедей, хотя и очень различный по степени употребления традиционных церковнославянских средств, бесспорно отражает все типические явления эволюции литературного языка XVIII в. Во многих проповедях Петровского и Елизаветинского времени находит свое место живая русская языковая стихия и новозаимствованные европеизмы. Амальгама разнородных речевых стихий — характерный признак языка и этих произведений. Многие из них считались в XVIII в. образцами риторического изложения. Во всяком случае ряд выдающихся произведений ораторского искусства церковников должен найти свое отражение в материалах словаря, например проповеди Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Амвросия Юшкевича, Дмитрия Сеченова, митрополита Платона и др.

«Словарь современного русского литературного языка» исключал из круга своих источников всю переводную литературу.

[16] Впрочем, дело осложняется тем, что в XVIII в. велась большая редакторская работа при издании основных канонических текстов. Достаточно вспомнить историю издания так называемой «Елизаветинской библии».

(Здесь встречаем только одиночные и в значительной степени случайные вкрапления, например цитаты из пушкинского перевода речи Скриба в статье «Французская академия» или переводов из его же очерка «Записки Тернера»). Не вдаваясь в оценку того, насколько правомерно было такое исключение для названного академического словаря, скажу, что подобное решение для Словаря языка XVIII века является совершенно неприемлемым и принципиально неправильным. XVIII век был в значительной степени веком переводов. Переводная литература в общей массе печатной продукции века имеет очень значительный удельный вес. Через перевод приходили в русский язык многие иноязычные термины. В процессе перевода являлись многочисленные кальки, создавались новые слова из славяно-русских морфем, копировавшие и заменявшие соответствующие иноязычные синонимы, и, что еще более важно, известные славяно-русские слова семантически модифицировались, приспособляясь к передаче особых значений слов иноязычного подлинника. В связи с этим язык переводов в его сопоставлении с языком оригиналов оказывает часто неоценимую помощь для правильного понимания и даже для простого выявления новых значений и семантических оттенков слов. Вот почему переводная литература должна быть очень широко вовлечена в круг источников нашего словаря.

При выборе источников словаря, особенно источников, принадлежащих к поэтическим и повествовательным жанрам, не следует, как сказано выше, исходить из каких-либо иных критериев, кроме чисто лингвистических. Было бы неправильно, если бы мы широко отразили материал наиболее в идейно-художественном отношении значительных произведений XVIII в. и отбросили материалы произведений «низшего ранга», исходя только из чисто эстетических и собственно литературоведческих соображений. Не следует забывать, что многие новые языковые явления скорее отражаются не в речи литературных корифеев, которые производят особенно тщательный отбор языковых средств, очищают, уравновешивают и дистиллируют язык, а в произведениях писателей рядовых, часто относящихся к наличному живому языковому материалу чисто «страдательно». Это, конечно, не означает, что мы не должны по возможности исчерпывающе отразить словоупотребление выдающихся мастеров словесного искусства XVIII в. — Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Новикова, Фонвизина, Державина, Карамзина и др. Напротив, эту цель мы обязательно должны преследовать. Это значит только, что мы должны достаточно полно и тщательно выбрать весь интересный языковой материал и из произведений Тредиаковского, Петрова и даже многих «малых сих», не смущаясь тем, что отдельные строфы и строки из тех произведений, откуда мы берем цитаты, являются слабыми, эстетически неполноценными и т. д. Словарь наш должен быть исто-

рически объективным и полным справочником, а не хрестоматией образцовых цитат и примеров.

Решение вопроса об источниках словаря является очень сложной и трудной задачей, требующей большой осторожности.

V

Перехожу к вопросам, касающимся самого характера или типа Словаря. Еще не было опыта составления такого исторического словаря. Особенность Словаря языка XVIII в. определяется двумя характерными признаками: во-первых, это словарь, заключающий лексико-фразеологические материалы сравнительно ограниченного по времени периода, и при этом, во-вторых, периода, непосредственно предшествующего новому, современному периоду существования русского литературного языка, захватывающему XIX и XX века, тому периоду, лексические материалы которого с той или иной степенью исчерпанности и последовательности отражены в многотомном академическом «Словаре современного русского литературного языка». Ограничение периода рамками одного с небольшим столетия позволяет представить лексико-фразеологические материалы его с бо́льшей полнотой, чем в исторических словарях более широкого временно́го охвата, представить, хотя бы и в разъятом, расчлененном виде, в виде собранных в чисто алфавитном порядке материалов, лексическую систему языка этого времени. Само собой разумеется, что словарь не может претендовать на характеристику этой системы, не может заключать в себе ее законченное описание, но он должен дать необходимые материалы для такой характеристики, для такого описания. Это значит, что он должен с большой полнотой собрать и представить такие материалы, показать синонимические и терминологические возможности словарного состава этого времени, помочь вскрыть границы употребительности отдельных слов, охарактеризовать их фразеологические и стилистические возможности.

Академический словарь русского языка XVIII в. должен быть полным. Этот принцип полноты его состава мы выдвигаем как основной. Мы не хотели бы быть дурно понятыми. Речь идет не о претензиях исчерпать лексический состав, встречающийся во всех известных нам печатных и рукописных памятниках века. Эта задача очень трудная, потребовавшая бы многих лет для полного обозрения обширнейшего круга источников, для регистрации всех употребляемых в них слов и всех особенностей их словоупотребления. Впрочем, даже полное, без всяких изъятий, обследование как печатных источников, так и необъятного рукописного наследия не давало бы гарантии исчерпанности. Ведь вполне вероятно, что не все особенности живой речевой практики XVIII в. отразились в доставшемся нам от него письменном наследии.

Дело также и в том, что, опираясь прежде всего и главным образом на наличные печатные публикации в определении круга источников словаря и не имея возможности производить самостоятельно широкие разыскания в рукописных, еще не опубликованных материалах, мы не сможем дать, конечно, полного представления о развитии и сохранении тех или иных речевых традиций. Так известно, что многим печатным переводам романов предшествуют их списки (например, первому печатному переводу «Приключений Телемака» предшествует распространение его переводов в рукописях и т. д.). Следовательно, принятие такого общего принципа не избавляет нас от разного рода случайностей и неполноты.

И тем не менее, при всей его явной зыбкости и противоречивости, мы опираемся на этот общий принцип: не должно быть опущено ни одно слово, зафиксированное нами в языке обследованных памятников. Если отдельные исключения для определенного круга слов, встречающихся в изучаемых памятниках, и придется делать, подготавливая самый словарь, то во всяком случае весь ансамбль слов обследуемых памятников должен быть отражен в справочных материалах картотеки.[17]

Выдвигая принцип возможной полноты отражения в словаре лексики его основных источников, мы исходим, во-первых, из особенностей развития русского языка в XVIII в. и, во-вторых, из современного состояния изучения русского языка XVIII в. в его движении.

Что можно противопоставить определенному выше принципу полного и безусловного охвата всех отдельных слов всех источников словаря? Этому принципу можно противопоставить принцип сознательного отбора слов, отражающих норму, общее правило или по крайней мере характерные тенденции словоупотребления данной эпохи; принципу полного исторического словаря — принцип нормативного словаря. Но можно ли утверждать, что мы уже достаточно знаем нормы и правила языка этого периода, знаем характерные тенденции его движения и изменений? Состояние изучения русского языка XVIII в. сейчас таково (см., например, оценку его в докладе акад. В. В. Виноградова на совещании по вопросам истории русского литературного языка нового пе-

---

[17] Эти исключения должны быть строго ограничены; вводя их, мы должны исходить из основного понятия русского языка того времени. Так, широко отражая иностранные слова, вовлекаемые в орбиту русского языка этого времени, мы должны будем принять ограничения в отношении «экзотических слов». Я имею в виду те иноязычные слова, которые являются в том или ином источнике, посвященном описанию иных земель, лишь как демонстрируемые осколки иного языкового мира. Было бы странно, например, включать все местные слова и термины народов Крайнего севера, которые воспроизводятся и разъясняются в «Описании земли Камчатки» С. Крашенинникова, или все многочисленные тюркизмы, встречающиеся в частых в XVIII в. описаниях Оттоманской империи и ее владений.

риода),[18] что мы не можем дать утвердительного ответа. По возможности полный Словарь языка XVIII в. и должен как раз способствовать более точному и детальному изучению и определению норм и правил языка и их изменений на протяжении столетия. Попытки уже заранее выдвинуть известные ограничения в выборе и отборе лексических материалов для этого словаря, ограничения, основанные на наличных, очень еще неопределенных и узких представлениях о языковых нормах и эволюции русского слова в то время, могли бы лишь препятствовать делу возможно более точного и разностороннего изучения истории русского языка XVIII в.

Построение нормативного исторического словаря было бы затруднительно и, более того, неправомерно, когда речь идет о Словаре языка XVIII в., и по другим основаниям принципиального характера.

XVIII век в истории русского языка был веком сложения новой литературной национальной традиции, протекавшего в борьбе разных тенденций и направлений. Именно это и обусловливало неустойчивость и множественность литературно-языковых норм. Прежде всего наш словарь, поскольку он охватывает материалы всего века, сталкивается с радикальным различием норм первых трех-четырех десятилетий и последующего времени, доломоносовской и послеломоносовской поры. К этому следует прибавить, что в последние два десятилетия XVIII в. являются новые стилистические направления в литературной речи (Карамзин и его школа, Державин, Радищев и др.). Лексико-фразеологические искания в это время часто приобретают индивидуальный характер, но имеют тем не менее общее значение в перспективе нового развития стилистической системы литературного языка.

Применительно к Петровской поре обычно говорят о неустойчивости языковых норм, о смешении, часто неупорядоченном, различных речевых стихий, о неурегулированном притоке иноязычных элементов, о продолжающемся сосуществовании и соприкосновении двух типов языка — славенской книжности и русского просторечия и т. д. Конечно, было бы неправильно говорить вообще об отсутствии литературно-языковых норм в Петровскую пору. Они были. Но, во-первых, они действительно были очень

[18] Ср., например, с одной стороны, указание на «ненормированность просторечия и широту его объема... особенно в области лексико-фразеологической», а с другой, следующие справедливые констатации: «История высокого стиля русского литературного языка в XVII и XVIII вв. почти вовсе не изучена»; «Проблема развития среднего стиля и его роли в процессе образования и нормализации русского национального литературного языка является одной из наиболее сложных, спорных и неисследованных проблем истории русского литературного языка XVIII в.» (Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени. М., 1960, стр. 4—5). А ведь речь идет об опорных разграничениях, на основе которых осуществляется обычно классификация лексикальных и фразеологических элементов языка XVIII в.!

неустойчивыми и противоречивыми, а во-вторых, они были во многих отношениях совсем иными, чем в последующее время. Таким образом, обнаруживается первое противоречие в материалах нашего словаря: противоречие в лексико-фразеологических материалах двух периодов. С одной стороны, поскольку захватываются материалы памятников Петровской эпохи, словарь должен включить те устаревающие элементы, которые еще употреблялись в виршах и драмах Петровского времени, в указах и иных документах этого времени, в ряде публицистических произведений, например в «Отеческом завещании» и в «Зеркале очевидном» Посошкова, но не встречаются уже в памятниках последующих лет; с другой стороны, словарь должен захватить и довольно значительный круг новых лексикальных элементов из числа заимствованных западных слов, из числа украинизмов и полонизмов, которые не пережили этого времени.

В 30—40-х годах являются первые попытки установить нормы национально-языкового употребления в литературной речи. Сперва это Кантемир и Тредиаковский с их явно выраженным стремлением к лексике и фразеологии русского просторечия, к отталкиванию от церковнославянского типа языка. Но в словоупотреблении и того и другого еще много пестроты и зыбкости. Затем это Ломоносов и его три штиля, первая попытка не простого отталкивания от книжной старины, но слияния различных по природе и источникам элементов при обязательном условии их строгого жанрово-стилистического разграничения.

В ломоносовских нормах словоупотребления гораздо больше отчетливости и регулярности, но и их нельзя признать едиными и единственными для последующего времени. Во-первых, каждый из трех стилей представлял собой особую языковую систему с характерными для нее соотношениями и противопоставлениями отдельных элементов, и полная определенность норм выступает лишь в рамках высокого стиля. Нормы среднего и особенно простого стиля были малоопределенными и зыбкими, колебания словоупотребления в пределах, например, простого стиля очень значительны; там широко представлена очень пестрая не только просторечная, но и областная лексика. Во-вторых, не следует преувеличивать силы влияния ломоносовских стилистических норм даже в рамках высокого стиля — стиля оды и торжественных речей. В высоком стиле второй половины XVIII в. существовало параллельно несколько вариаций. Наряду с ломоносовским принципом осторожного сочетания славянизмов и славяно-русских слов продолжал сохранять силу иной принцип, основанный на свободном столкновении в поэтическом контексте славянизмов, даже редких и устарелых, с русскими просторечно-простонародными элементами. Таков принцип «Тилемахиды» и од Тредиаковского 40—60-х годов, таков принцип Державина, позднее — Радищева. Это особая линия, представленная, как видим, писателями очень раз-

личной силы дарования, с очень яркими индивидуальностями, линия, во многом отличная от ломоносовского направления. Интересно, что в отдельных случаях эти различные стилевые тенденции сплетались в творчестве одного лица. Таков язык произведений В. Петрова, где, как это отмечалось уже исследователями, видно воздействие и поэтики Ломоносова и поэтики Тредиаковского.

Вот, например, одна сторона стилистики Петрова:

Средь благ, которы очеси
Словесного творенья лестны,
Блистают камения честны,
Как звезды ночью в небеси.
И аки огнь сияет злато,
Хотя на свет из мрака взято.
. . . .
Туда Потемкина
Тя имя призывает.
Истощавай твой дар
Водохновенье с неба,
Глася его хвалы
И истинны велики.

(Ода Потемкину, 1778).

Взгляни, как в плод оделись лозы
И развернулись нежны розы,
Сидейство Феба ощутя!
Как блещет нивы он златя!
Цветут, ухают рощи злачны,
Шумят, журчат ключи прозрачны...

(Потемкину, 1775).

А вот другая сторона:

Молчите звучны плесков громы
Пиндара слышные в устах;
Под прахом горды ипподромы,
От коих Тибр стонал в брегах,
До облак восходили клики,
Коль вы пред оным не велики,
Кой нам открыт в прекрасный век
Екатерининой державы;
Когда питомец вечной славы
Геройства Росс на подвиг тек.

(На карусель, 1766).

Умолк на юге гром Беллоны,
Почил всесильный Россов меч,
Не слышны больше варвар стоны,
Престал Дунай их кровью течь.
Сквозь ясность тихого эфира,
Дары златого вскрылись мира;
Сверкает в нивах серп и плуг;
Желтеет виноград и класы,
Пасущих раздаются гласы:
Мир долу, мир! Турк Россу друг!

(На заключение с Оттоманскою
Портою мира, 1775).

Особую вариацию высокого стиля дает сумароковская школа. Несколько вариаций с различными нормами сочетания славянизмов и русских слов выступает даже в высоком стиле духовных проповедей, столь обильных в первые годы царствования Елизаветы. С одной стороны, например в проповедях новгородского архиепископа Амвросия Юшкевича или в проповедях другого знаменитого проповедника Димитрия Сеченова, является много характерных черт полемического гражданского стиля, в известной степени европеизированного, сочетающего сравнительно немногие отобранные славянизмы и церковную фразеологию с типичными русскими и заимствованными словесными элементами партикулярного характера. Ср. в проповеди Амвросия от 18 декабря 1741 г. характеристику Петра Великого: «Когда он воевал, учил воевать воинство; когда учил воинство, устроял благополучие внутреннего гражданства; когда устроял благополучие гражданства, и о духовном своем чине промышлять не оставил. Видел он совершенно, ово из древних историй, ово же и сам своим уже искусством, как народ российский тогда был неславный и посмеятельный; видел, как был вовся темный в науках и непросвещенный: и того ради великою суммою сыскивал людей ученых, держал их во всяком довольстве и почтении, посылал своих подданных для науки и всякой экспериенции в иностранные государства, старался везде заводить училища духовные и политические, снабдевал их весьма мудрыми и славными учителями, и, что всего удивительнее, сам своею императорскою персоною почти по всей Эвропе странствовать изволил, для единого, чтоб, рассмотрев тамошнее состояние училищ, воинства, гражданства и мастерства корабельного, завесть то таким же образом и в своем государстве».[19] С другой стороны, в проповедях, например, Кирилла Флоринского является изобильная славянщизна, характерные приемы старинного церковного «речеточца» с изощренной сетью символико-аллегорических фигур и уподоблений. Например, следующий полемический эпизод в защиту Елизаветы как наследницы Петра в проповеди его от того же декабря 1741 г.: «Егда вопросите мя, да скажу вам не притчу, но свежую историю о насеянных плевелах в России? Тако отвещаю: сеявый в нас доброе семя есть сам Петр Великий, село есть Россия, доброе семя — сынове российского отечества вернии, паче же всех по превосходству и по преимуществу дщерь царска и императорска Елисавет, наследница престола Петрова; а плевелы — под видом токмо сынов отечества, вещию же порождения ехиднина изгрызающие утробу матери своея России, да чужестранцы пришлецы, Петром насеянных в России расхитители, правоверия ругатели, благочестия вкорененного в России от многосотных лет растлители и истлители, под ухищренною политикою всего счастия российского

[19] Цит. по: Н. Попов. Придворные проповеди в царствование Елисаветы Петровны. Летописи русской литературы и древности, кн. 3, отд. III, СПб., 1889, стр. 3.

губители; ...а жатели, плевелы и плевелосеятелей врагов собирающие, сынове же верных без повреждения, яко пшеницу в житницах в отечестве хранящие — лейб-гвардия и вся воя».[20]

Таким образом, определяя состав нашего словаря, трудно и даже невозможно ориентироваться заранее на какую-то единую норму (даже в рамках наиболее «кодифицированного» высокого слога) и отсеивать те или иные разряды лексики, практически представленные в письменных источниках данного времени. Это отсеивание невозможно производить ни за счет славянизмов, ни за счет просторечно-простонародных слов и слов областного характера, двух полюсов лексики русского языка XVIII в. Славянизмы, даже те сильно обветшалые и нетерпимые с точки зрения ломоносовского учения о чистоте «штиля», невозможно отбирать и отсекать, потому что они представлены на протяжении всего XVIII в. в обширной группе памятников, например в отдельных драмах Петровского времени, в ряде гражданских переводов этого времени (например, у Ф. Поликарпова), особенно в полемических сочинениях, затрагивающих вопросы церкви и раскола, например в «Камне веры» Стефана Яворского, в «Зеркале очевидном» Посошкова и т. д., во многих позднейших проповедях Амвросия Юшкевича, Димитрия Сеченова, Кирилла Флоринского, Стефана Калиновского, Петра Гребневского, Сильвестра Кулябки и др., некоторые из которых принимались за образцы высокого слога и витийственного красноречия, даже в переводах иностранных проповедей (см., например, перевод, помещенный Андреем Нартовым в «Ежемесячных сочинениях» 1763 г., похвального слова графу Тюренну, принадлежащего известному французскому проповеднику времени Людовика XIV Флешье);[21] они представлены в различных произведениях поэзии: в виршах начала века, в одах и поэмах Тредиаковского, в одах Петрова и Державина, в прозе Радищева (например, в «Житии Ф. В. Ушакова», в рассуждении «О человеке, о его смертности и бессмертии» и др.), в ряде переводов елагинской школы и т. д.

Также невозможно представить себе и многочисленные комедии второй половины XVIII в., комические оперы, интермедии XVIII в., притчи Сумарокова, ирои-комическую поэму, если не учитывать важную роль для характеристики их языка очень пест-

---

[20] Там же, стр. 7—8.

[21] Приведем здесь хотя бы следующий кусок: «Я не могу подать вам, слышателие, большего понятия о печальном содержании нынешнего моего слова, как ежели предложу вам великолепные и точные слова во священном писании сказуемы, похваляющие жизнь мудрого и храброго Маккавея, и смерть его оплакивающие. Сей военачальник, распространивший славу народа своего до конца вселенныя, поля житом своим покрывающий, и кичение неприятелей мечем десницы своей укротивший, противу себя ополчившихся царей в конец огорчивший, и дом Иакова добродетелями и делами возвеселивший, коих память во веки между нами пребудет» (Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, СПб., 1763, февраль, стр. 124—125).

рого и свободного набора просторечно-простонародных слов разной тональности, зачастую областных слов и выражений.

Говоря о составе Словаря, важно учесть и другую характерную особенность языка этого времени. XVIII век был в значительно большей степени, чем XVII и даже последующий XIX, временем словесного эксперимента. Потребности выражения новых понятий, их уточнения и дифференциации, потребности перевода многих иностранных произведений, посвященных новым явлениям и темам, не находивших себе аналогии на русской почве по жанрово-стилистическим признакам, вызывали к жизни образование новых слов от известных славено-русских основ и с помощью известных словообразовательных формантов, они вызывали также неожиданные смысловые сдвиги в уже известных словах, их семантическое приспособление к синонимам другого языка. Очень обильны различные индивидуальные новообразования и в поэтических стилях этого времени, вызванные потребностями образно-художественного выражения. Многие из этих неологизмов стали общим достоянием уже в XVIII в. или в первые десятилетия XIX в.; многие остались принадлежностью речи их авторов. Встает вопрос: следует ли включать в общий словарь XVIII в. индивидуальные новообразования последнего типа? Вопрос этот касается довольно значительного круга слов. Достаточно сослаться, например, на многочисленные неологизмы Тредиаковского; в одной «Тилемахиде» таких слов несколько десятков (например, сложные слова: багрочерный, буревейный, легкоплывный, мяснобагр, новорастный, самогосподственный, целоденный и т. д.). Значительно число таких слов у Радищева (в его трактате «О человеке»: водяность, утлость, возниченный (в знач. «вертикальный»), руденение, согнительное воскипение (в знач. «разложение»), воздухообразный, единосилие, предсуществовать, единственник (в знач. «индивид»); в «Житии Ф. В. Ушакова»: обществовать (в знач. «обобщать»); и т. д.). Ряд неологизмов, не ставших употребительными, найдем и у других писателей, в частности у В. Петрова, Державина, Татищева, Десницкого и др., у писателей разного времени, разных направлений, в произведениях разных жанров и стилей. Полагаю, что многие подобные индивидуальные образования должны быть учтены Словарем. Их явление в языке XVIII в. было симптоматичным. Они образовались часто для того, чтобы заполнить ту или иную ощущавшуюся пустоту в словарном составе. Немалое число их получило права гражданства в общем языке, например многие новообразования Тредиаковского и Карамзина. Но и те из них, которые не стали общеязыковым достоянием, показывают, в каком направлении шли поиски новых слов, какие словообразовательные модели были особенно влиятельны.

Конечно, с точки зрения последующей их судьбы в русском литературном языке эти неологизмы XVIII в. не равноценны:

одни закрепились в нем, другие оказались недолговечными. Но в момент их появления не всегда было легко определить их дальнейшую судьбу; и тут многое зависело от ряда исторических случайностей. Вот почему, повторяю, было бы неосторожным и неправильным отказаться от введения в Словарь многих новообразований XVIII в., предлагавшихся отдельными авторами.[22]

VI

Если по подбору слов наш словарь должен быть по возможности полным и отказаться от каких-либо предвзятых попыток нормирующего отбора, то по методу толкования и описания слов он должен быть словарем дифференциального типа. Это также определяется его отношением к словарю современного языка, а именно тем, что он захватывает материалы другой эпохи, но непосредственно соприкасающейся с эпохою современного состояния языка. В словарном составе языка XVIII в. много слов и сочетаний слов, отличных от современного употребления, но много слов и совпадающих с современным употреблением. Если принять во внимание, что словарь является прежде всего справочным изданием и при этом относительно ограниченного объема, то следует признать необходимой разную степень полноты и обстоятельности в описании тех и других слов и сочетаний. Нет никакой нужды подробно описывать и обильно иллюстрировать те слова и значения слов, которые совпадают с современным употреблением, такие, например, как *вода, быть, идти, белый, большой, хорошо, я, тот* и т. д. При описании таких слов должны быть более всего выделены и подчеркнуты особенности, которые отличают их от современного употребления. В отношении того, что совпадает в их употреблении с современным, было бы достаточно кратких указаний и немногих цитат. Можно было бы принять и несколько типов толкования слов и их значений — от развернутых толкований, полно раскрывающих объем понятия и сферу применения слова, до кратких указаний родового характера (*вода* — жидкость; *стол* — род мебели). Возможно было бы в этих случаях и вообще не давать определения значений, что само по себе означало бы совпадение значения их в языковом употреблении XVII в. с современным.

С другой стороны, отличия в словоупотреблении XVIII в. от позднейшего времени дают возможность широко прибегать к кратчайшим толкованиям слов, или, точнее говоря, давать вместо толкования слов или сочетаний слов подстановку одного-двух ближайших по смыслу синонимов, сменивших в позднейшем

[22] Может быть, впрочем, было бы целесообразно выделить такие новообразования, встречающиеся лишь у одного автора, в самостоятельный дополнительный раздел словаря.

употреблении старое слово (*аще* — если; *кольми паче* — тем более; *особенник* — индивид, личность; *уобщать* — обобщать; *обществование* — обобщение; *полуденный круг* — меридиан и т. п.).

Таким образом, Словарь языка XVIII в. имеет возможность прибегать к разным приемам толкования слов, сочетая развернутое раскрытие понятийного и предметного содержания слова с кратчайшими указаниями на предметно-семантический разряд, к которому относятся слова, и с синонимическими соответствиями слов нашего, современного употребления.

Еще в одном существенном отношении Словарь языка XVIII в., как словарь исторический, должен отличаться от словаря современного русского литературного языка. Словарь современного русского литературного языка, хотя он и охватывает лексикальные материалы почти полутора столетий, демонстрирует в общем сравнительно устойчивую, сложившуюся лексическую систему. Конечно, многие изменения произошли в словарном составе и за это время, но они не изменили сколько-нибудь резко эту систему. Что касается Словаря языка XVIII в., то он призван в первую очередь показать движение словарного состава русского литературного языка, показать неустойчивость и колебания лексико-фразеологических норм этого времени, постепенную смену устаревающих элементов словарного состава новыми. Это выдвигает ряд особых принципов в построении отдельных словарных статей. Во-первых, порядок отдельных значений и смысловых оттенков должен соответствовать порядку их образования и развития во времени. Во-вторых, словарь должен показать границы функционирования того или иного слова в его определенном значении на протяжении века. Очень важной и заманчивой задачей в таком словаре оказывается по возможности точное указание на время и источник появления того или иного слова или нового значения в уже известном слове. Было бы целесообразно, например, среди цитат, иллюстрирующих употребление слова в XVIII в., обязательно давать, с одной стороны, наиболее раннюю из известных нам, с другой — наиболее позднюю по времени. В-третьих, эта задача делает необходимым гораздо более обширное цитирование источников, чем в современном нормативном словаре. Ведь основная задача последнего состоит в том, чтобы истолковать вообще значения слов, вскрыть их иерархию и взаимосвязь. Для нашего словаря важно, как уже сказано, вскрыть семантическое движение слова, показать систему его значений в исторической перспективе, а кроме того — так или иначе показать границы и степень употребительности слов в данном значении. Было бы целесообразно, помимо ряда цитат, иллюстрирующих употребление слова на протяжении XVIII в., давать еще систему кратких ссылок на материалы картотеки, которые позволили бы судить о степени употребительности слов и о широте

круга памятников и авторов, которым в XVIII в. данное слово свойственно или знакомо. В-четвертых, известным образом о степени употребительности и обычности слова для языка данной эпохи свидетельствует его лексикографическая фиксация в эту эпоху. Поэтому наш словарь должен учитывать все случаи фиксации того или иного слова во всех типах словарей XVIII в. — общих толковых, двух- и многоязычных, специально-тематических, диалектологических и т. д. Было бы целесообразно в качестве необходимого справочного материала давать ссылки на эту фиксацию слов в лексикографических изданиях XVIII в.

Значительно более широкие и свободные рамки цитирования и приведения различных справочно-ссылочных материалов, чем в современном словаре, должны быть установлены в Словаре языка XVIII в., исходя и из других потребностей. Задача этого словаря состоит и в том, чтобы показать фразеологические связи слов, границы сочетаемости слов, характерные типы сочетаний слов в разные периоды и в разных литературных направлениях XVIII в., а также дать наиболее полную и точную стилистическую и грамматическую характеристику слов. Трудно было бы установить единую систему стилистических помет для такого словаря (имея в виду существенные перемены в лексике на протяжении времени именно в плане стилистическом), тем более важно дать полные и достаточные в своем разнообразии материалы для того, чтобы показать место и значение данного слова в различных стилистических системах XVIII в.

Сложную и трудную задачу представляет для нашего словаря характеристика слова с точки зрения грамматической, особенно если учесть, что ансамбль форм слова менялся на протяжении века: показ хронологических границ сосуществования и соотношения, например, новых форм прошедшего времени и форм имперфекта и аориста, форм инфинитива на *-ти* и *-ть*, причастий типа *седящий* и *седяй*, различных падежных форм, например *врагом* и *врагам*, *на земли* и *на земле* и т. д. Очень серьезное внимание нужно уделить особенным и характерным для XVIII в. формам словосочетания: особенностям прииментого и глагольного управления и т. д.

Словоупотребление XVIII в. отличалось, в силу разных причин, исключительной лексической вариантностью. Одно слово представлено часто в одно и то же время (нередко у одного автора и в пределах одного произведения) в различных фонетических, морфологических и словообразовательных вариантах, отчасти стилистически и семантически разграниченных, отчасти еще безразличных к стилю и равнозначных (*вожь* и *вождь*, *вожатой* и *водитель*, *ночной* и *нощной*, *беспрерывно* и *беспереръівно*, *средина* и *середина*, *равный* и *ровный*, *разница* и *розница*, *коричневый* и *коришневый*, *проток* и *протока*, *оттенок* и *оттенка*, *идти* и *иттить*, *принести* и *принесть*, *величие* и *величество*, *князек* и *князец* и

многие другие). В словаре очень важно широко показать эту вариантность образований и найти систему выразительной и точной передачи всех возможных формальных соответствий слова и взаимных отсылок.

Очень важной задачей является также, применительно к этому словарю, указание на синонимические отношения между словами и по возможности тонкое и точное выделение семантических и стилистических различий между этими синонимами.

VII

Важно для нашего словаря принять определенные правила цитирования текстов XVIII в. в словарных статьях. Если учесть, что часто мы имеем дело с многочисленными изданиями этих текстов, сделанными в разное время и на разных основаниях, если иметь в виду отсутствие до сих пор единых и твердых текстологических принципов при издании памятников XVIII в., особенно с точки зрения орфографических и пунктуационных норм, и если, наконец, принять во внимание пестроту и неустойчивость правил орфографии и пунктуации на протяжении всего XVIII в. (причем эта орфографическая пестрота часто является и у одного автора, в одном издании), то этот вопрос получает особенно важное значение. Большой осторожности требует выбор издания текста, из которого делаются выборки для словаря. Я думаю, что здесь может быть принят прежде всего один общий принцип: выборки производятся, как правило, по изданиям XVIII в., по последним прижизненным публикациям произведений данного автора; конечно, при условии, что эти издания XVIII в. дают необходимо авторитетный текст. Конечно, этот общий принцип требует также осторожного применения с учетом всех возможных обстоятельств. Например, нет никаких оснований брать за основу текст издания сатир Кантемира 1762 г., правленный И. П. Барковым. Здесь остается прибегнуть к наиболее авторитетному изданию П. А. Ефремова, вышедшему сто лет спустя. Или другой пример. Как основной текст для большей части сочинений Радищева (за исключением, конечно, «Путешествия», оды «Вольность» и др., не вошедших сюда) принимается текст издания «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева», выпущенного его наследниками в шести частях в 1806—1811 гг. Это издание является необходимым источником, потому что оно включает в себя ряд важнейших произведений Радищева (в том числе его работу «О человеке, его смертности и бессмертии», «Описание моего владения», «Памятник дактилохореическому витязю» и др.), не представленных ни в прижизненных изданиях, ни в сохранившихся рукописях. Но далеко не во всех случаях можно следовать за этим изданием. Так, известно, что «Житие Ф. В. Ушакова» в этом издании подверглось в ряде мест значительной правке, как по со-

держанию, так и стилистической, со стороны редактора издания А. Ф. Мерзлякова. Очевидно, эти правленные места следует восстановить в том виде, в каком они были даны в отдельном издании «Жития», подготовленном ранее (1789) самим Радищевым.

В случаях, когда тот или иной текст не был издан в XVIII в., а приводится лишь в изданиях XIX—XX вв., следует при наличии выбора останавливаться на авторитетном издании, наиболее точно воспроизводящем текст. Имея в виду некоторые специфические цели нашего словаря, не следует пренебрегать, однако, и интересными в языковом отношении вариантами других авторитетных изданий. Так, «Письма русского путешественника» принимаются для выборок в их первом отдельном издании 1797 г. (позднейшие издания не берутся в расчет, поскольку все существенные исправления их текста сделаны автором уже за пределами XVIII в. и отражают позднейшую эволюцию его стилистических тенденций), но должны быть приняты во внимание существенные лексические варианты первой публикации первых частей в «Московском журнале» 1791—1792 гг.

Что касается орфографии и пунктуации источников, то общим принципом для цитирования их в нашем словаре должно быть безусловное сохранение всех ее особенностей, в том числе и всех ее колебаний (исправлению подлежат лишь явные опечатки). Конечно, при этом остается вопрос о целесообразности отражения некоторых общих отличий орфографии XVIII в. от нашей современной, традиционно сохранявшихся на протяжении длительного времени, в том числе и за пределами XVIII в., и не отражавших особенностей живой речи. Речь может идти о целесообразности сохранения написания ъ на конце слов, ѣ, *i*, *є*, ѵ, ѕ. Следует заметить, что и решение этих вопросов требует большой осторожности и что не во всех случаях легко пойти по пути прямого отказа от сохранения этих написаний, как это обычно делается сейчас при воспроизведении текстов XVIII в. Это легко, например, сделать в отношении конечных ъ и провести последовательно во всех случаях. Но это нелегко сделать в отношении ѣ, ибо известно, что для первой половины XVIII в. эта буква часто выражала звук, не идентичный *е*. Известно, что в виршах начала века обычны рифмы типа: видно — многобѣдно, зѣльно — сильно и т. д., указывающие на произношение ѣ как *и* на юго-западный, украинский манер. В этих случаях воспроизведение ѣ оказывается прямо необходимым. Конечно, можно было бы сохранить ѣ для подобных особых случаев или для текстов первых десятилетий XVIII в., не прибегая к этой букве при воспроизведении текстов более позднего времени. Но это внесло бы еще больший разнобой в передачу текстов. Нужно учесть еще, что ѣ сохраняла для XVIII в. свое этимологическое значение, что написание с ѣ указывает часто на невозможность перехода *е* в *о* (*звѣзды*).

Что касается *і*, то этот знак был чисто условен, «нефонетичен» на протяжении всего XVIII в.; но нужно учесть, что в употреблении его соотносительно с *и* наблюдаются особенно большие колебания на протяжении почти всей первой половины XVIII в. Известно, что в ряде изданий Петровской поры употреблялось только *і*; известно, что в изданиях 1720—1730 и даже 1740-х годов *і* употреблялось не только в сочетании с гласными, но и во многих заимствованных (и не только заимствованных) словах и в других сочетаниях: *імператоръ*, *іллумінація* и т. д. Вообще говоря, учитывая эти специфические особенности, было бы желательно сохранение и таких написаний, не имеющих фонетического значения.

Применяемые в изданиях старых текстов принципы орфографической и пунктуационной унификации и подравнения под современные правила и нормы, как показывает опыт, редко оказываются последовательными, проведенными до конца; часто такое «подравнивание» влечет за собой характерные искажения.[23] Вот почему в словаре, где требуется особенная точность и щепетильность при передаче всех особенностей словоупотребления XVIII в., самым правильным было бы отказаться от попыток переводить цитаты в какой-либо степени на современные нормы орфографии и пунктуации и устранять характерный для орфографии и пунктуации источников разнобой — одно из показательных явлений этой эпохи.

Разработка подробного проекта словаря — дело будущего. В статье выдвинуты только некоторые, важнейшие, с нашей точки зрения, положения, выделены пункты, которые могут служить предметом для последующего обсуждения. Мы надеемся, что такое обсуждение позволит остановиться на наиболее правильных и рациональных принципах при определении объема словаря, его состава и построения.

---

[23] См. некоторые примеры в статье З. М. Петровой, публикуемой в данном сборнике.

Г. П. БЛОК

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСТОЧНИКОВ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»

(ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ВЕКА) *

I

Хронологические границы будущего Словаря предопределены его названием: в нем должна быть представлена русская лексика и фразеология XVIII в.

Термин «век» не следует, однако, понимать в строго календарном смысле (с 1 января 1701 по 1 января 1801 г.): жизнь языка несколько опередила календарь.

Явления, характерные для развития русского языка в XVIII в., заложившие основу общенационального литературного языка, возникли, как и всякие явления языка, не внезапно. Они, как известно, стали обозначаться примерно с половины XVII столетия и были в прямой связи с таким протекавшим тогда величественным историческим процессом, как образование русской нации. В основе этого процесса был все убыстрявшийся рост производительных сил огромной страны; он сопровождался все более оживленным товарообменом между ее областями, все более решительным отрывом ремесла от землепашества и все более на-

* Статья Г. П. Блока, как уже сказано в предисловии, представляет лишь часть не завершенной автором большой работы. В последние месяцы жизни Г. П. Блок предполагал вернуться к этой рукописи и, предназначая ее для данного сборника, придать написанной части бо́льшую законченность и цельность. Смерть помешала осуществить это намерение. Подготавливая не обработанную автором окончательно рукопись к печати, мы не считали возможным изменять что-либо, касающееся ее основных положений, так же как и менять отдельные формулировки, представляющиеся нам спорными. Опущены были лишь некоторые страницы, посвященные организации картотеки словаря. Замечания, сделанные автором на этих страницах, носили чисто технический характер и уже не отвечают практике составления картотеки в настоящее время.

Статья публикуется под тем названием, которое намеревался ей дать Г. П. Блок после окончательной обработки ее для печати. (*Ред.*).

стойчивыми попытками насадить мануфактурное производство. Крепостнический строй оставался господствующим, но уже начинали создаваться буржуазные отношения. Техническая и научная отсталость Московской Руси давала себя знать при таких обстоятельствах все более жестоко, и передовые умы все упорнее искали путей сближения с зарубежным Западом.

Перелом наступил в конце 80-х годов XVII в.

С этого времени все перечисленные историко-экономические процессы пошли иным ходом. Перемена была не столько качественная, сколько количественная: суть процессов осталась почти та же, но темпы достигли скорости еще не виданной, а в некоторых областях жизни, по точному определению Ломоносова, и «неимоверной».

Это сразу почувствовали если не все русские люди, то во всяком случае огромные и весьма разнообразные их контингенты. Следует твердо помнить — для истории нашего языка это чрезвычайно важно, — что именно с данной поры, с последнего десятилетия XVII в., вихрями новой жизни были подхвачены не одни только ближайшие помощники Петра I, с которыми он метался в те годы из Немецкой слободы в Соловки, из Воронежа в Азов и из Лондона в Вену. В дальние странствия по своим и чужим краям пустились, сопровождая ленивых бояр, и их холопы, а в их среде было, конечно, немало таких любознательных, как крепостной крестьянин Бориса Шереметева, будущий сановник Алексей Курбатов. Люди, порой далеко не знатные, учившиеся грамоте в лучшем случае у приходского дьячка, воспитанные в убеждении, что выезд за границу «запрещен под казнию», очутились вдруг на законнейшем основании в Лейденском анатомическом театре или в аудиториях Сорбонны. Перед глазами иных провинциальных одичалых недорослей, отродясь не державших в руках ничего «заморского» и листавших разве только закапанные воском страницы Часослова, замелькали еще пахнувшие типографским станком строки учебных книжечек по арифметике, астрономии и всеобщей истории, только что изданных по-русски в Амстердаме по почину каких-то толкавшихся там русских дельцов. Тысячи посадских и деревенских парней, никогда не видавших моря и едва ли даже помышлявших о нем, построили в четыре-пять месяцев громадный флот, которым устрашили такую могучую морскую державу, как Турция. Тысячи подобных же парней, разносословных новобранцев, никак не подготовленных к войне, приняли на себя под Нарвой удар самой закаленной в боях европейской армии, сумев превратить эту первую большую неудачу подымавшейся нации в орудие победы.[1]

Ошеломляюще новые впечатления и порожденные ими новые, еще неясные мысли нахлынули так неожиданно и в таком количестве, что делиться этими впечатлениями и мыслями не только

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, М., 1962, стр. 20—21.

письменно, но и устно, не только с посторонними, но и в самом тесном семейном кругу становилось задачей далеко не простой, требовавшей непривычного, а подчас и непосильного напряжения умственных способностей. Очевидными, иногда «ушам досадными» признаками такого напряжения изобилует русский язык первой половины XVIII в.: они составляют в эту пору наиболее яркую отличительную его особенность, окончательно изжитую лишь к последним годам столетия. Этой особенностью, которую Евгений Болховитинов так метко назвал «неостепенением» языка,[2] не страдала ни книжная, ни деловая речь допетровской Руси. Она сохраняла традиционную степенность, несмотря на происходивший во второй половине XVII в. медленный распад книжно-славянского типа языка и на некоторое сближение его с народно-литературным типом языка и с живой разговорной речью.[3] «Неостепенение» делается явлением заметным, порою даже бросающимся в глаза, лишь после того исторического перелома, которым ознаменовался конец XVII в. Вот отчего в Словаре XVIII в. должен быть обязательно представлен и язык 1689—1700 гг., когда успело уже достаточно явственно сказаться торопливое приспособление всех слоев русского языка к резко изменившимся потребностям людского общества.

Само собою разумеется, что в памятниках этих лет свойственное первой половине XVIII в. напряженное и не всегда ловкое искание способов назвать впервые увиденный предмет, передать только что воспринятое впечатление, выразить едва зародившуюся мысль проявилось не везде одинаково и не всегда ясно. Новое просачивалось в язык исподволь и, проникая во все его пласты, растекалось по ним неравномерно. Трудности, а то и муки речевого творчества, сводившиеся чаще всего к борьбе не столько с языком, сколько со своим «недовольным в нем искусством», находили в разных случаях разное отражение — то вполне отчетливое и откровенное, как у обжившегося за границей князя Бориса Куракина, то задернутое старомодным «извитием словес», как у придворного иеромонаха-стихослагателя Кариона Истомина, то трогательно простодушное, как в той (может быть, несколько более поздней) прекрасной народной песне, где поверстанный в капралы добрый молодец, брезгуя чужеземным термином «шеренга», заменяет его исконно русским, но по-своему переосмысленным разговорным словом «ширинočка».[4] Такие и даже еще труд-

---

[2] Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. II. М., 1845, стр. 211.

[3] См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2. М., 1938, стр. 5—7, 27—32.

[4] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 252. — Несколько иной случай в другой народной песне Петровского времени, где Ладожский канал преобразовывается в близкую, по-видимому, этимологически *канавушку Ладожску* (М. Д. Чулков, Соч.,

нее различимые предвестники тех явлений, которым предстояло широкое и бурное развитие в языке XVIII в., должны несомненно найти себе место в словаре.

В языке последних десяти-двенадцати лет XVII в., как и в языке любого вообще отрезка времени, прирост новых лексических и морфологических элементов был, если брать его в абсолютных цифрах, не так уж велик, но, в связи с небывало крутым ускорением темпов государственной, экономической и технической жизни, этот прирост был все же несравненно больше, чем в каждом из предшествовавших десятилетий. И это количественное изменение стало именно в данное время переходить в качественное. Одним из наиболее приметных признаков такого перехода явилась стилистическая дисгармония: новые элементы сочетались со старыми несравненно менее стройно, чем прежде.

История языка не знает резко прочерченных хронологических рубежей. Можно говорить только о более или менее длительных пограничных периодах, соединяющих одну эпоху развития языка с другой, но отнюдь их не разобщающих. Для русского языка одним из таких ярко выраженных пограничных периодов был конец XVII в. Вполне законно и уместно было бы поэтому, если бы лексика и фразеология этих десяти-двенадцати лет была показана и в Словаре XVIII века, и в Словаре старорусского языка. Оба словаря от этого только выиграют, ровно ничего не потеряв.

Вопрос о конечном хронологическом пределе Словаря XVIII в. разрешается проще. Здесь не потребуется ни захвата чужой территории, ни уступки своей.

К исходу столетия получили некоторое итоговое выражение те сложные и еще очень мало исследованные процессы, которыми определялось развитие русского литературного языка на протяжении XVIII в. Эти процессы, получившие начало в предыдущем столетии, отражали — с течением времени все яснее — не менее сложную и тоже еще недостаточно изученную борьбу элементов дворянской культуры с начатками элементов культуры демократической.

В первые десятилетия XVIII в. работа над русским литературным языком сводилась, как известно, почти исключительно к попыткам усовершенствовать его деловые, публицистические и научные стили: новые условия государственной жизни предъявляли на эти стили литературного языка особенно настойчивый спрос. Представители правящих кругов государства участвовали в обработке языка лишь косвенно: дальше самых общих и часто весьма неопределенных руководящих указаний и столь же общих критических замечаний они — за единичными исключениями —

т. 1, СПб., 1913, стр. 204). Ср. в анонимных силлабических стихах начала XVIII в. выражение *фортунища злая* (Вирши. Силлабическая поэма XVII—XVIII веков, Л., 1935, стр. 275).

в эту пору не шли. Непосредственными же исполнителями были преимущественно «средней статьи люди» — грамотные выходцы из разночинной служилой и торговой среды.[5] Усилиями этих именно незаметных тружеников, «из подлости к наукам взятых», русский литературный язык и приспособлялся к новым, чрезвычайно разнообразным требованиям, какие ежечасно выдвигало то бурное время.

Литературная и лингвистическая активность представителей дворянской культуры делается сколько-нибудь заметной лишь с конца 20-х годов, причем с этого же примерно срока центр внимания начинает мало-помалу сдвигаться с деловых функций литературного языка на его художественные функции. К половине столетия художественная литература, обогащенная получившими уже широкую известность произведениями Ломоносова и Сумарокова, становится важнейшим участком открытой и ожесточенной борьбы двух представленных этими писателями антагонистических направлений. Предметом идеологической борьбы становится и литературный язык.

С точки зрения Ломоносова, словесное искусство, способное «сердца народа привлещи», являлось настолько действенной силой, что непозволительно было расходовать его при тогдашних условиях на «сладкие слова» о «нежности сердечной»: художественную литературу следовало подчинить, по мнению Ломоносова, в первую очередь наиболее насущным нуждам русской культуры и государственности, т. е. прежде всего подъему национального самосознания и заботе о всенародном просвещении. Допуская существование любых литературных жанров, Ломоносов упорно выдвигал, однако, на первое место те из них, где ведущую роль играла героическая, гражданская тематика («геройство и высокие мысли»),[6] а она требовала, на его взгляд, особого, украшенного, «высокого» слога. Определение основ и значения этого слога было одной из главных задач осуществленного Ломоносовым преобразования системы трех стилей русского литературного языка — системы, которая в XVII в. была провозглашена только теоретически, а реальным, влиятельным фактом литературной жизни стала лишь после того, как ее творчески переосмыслил и с предельной ясностью изложил Ломоносов.

«Довольство российского слова... и собственным своим достатком велико»[7] — таков был основной тезис, из которого исходили все филологические труды Ломоносова и, в частности, его теория трех стилей. Первоосновой этих трех стилей, которые различались некоторыми орфоэпическими, морфологическими, син-

---

[5] См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв., стр. 63.

[6] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 589.

[7] Там же, стр. 587.

таксическими, словообразовательными и лексико-фразеологическими особенностями, была, по учению Ломоносова, письменная и разговорная речь широких слоев народа, имевшая свою грамматическую структуру и свой словарный состав, во многом отличные от тех, на которые опирался книжно-славянский тип русского языка.[8] Утверждая независимость нового русского литературного языка от этого изжившего себя типа книжного языка (что особенно ясно выражено в «Российской грамматике»), Ломоносов, говоря о нормах высокого, а отчасти и среднего стиля, не считал, однако, возможным порывать связь с этим древним типом языка, но рекомендовал пользоваться только теми лексическими его элементами, которые, с одной стороны, «всем грамотным людям вразумительны» и благодаря которым, с другой стороны, «речи о важных материях... от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются». «Сим штилем, — подчеркивал Ломоносов, — преимуществует русский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славянским из книг церковных».[9] Отстаивая права испытанной временем «словенороссийской» лексики, хорошо освоенной в процессе многовековой религиозной практики и богатой синонимами и словами, удобными для выражения отвлеченных понятий, Ломоносов основывался на верной оценке исторических условий развития русского языка и на правильном понимании стоявших перед языком общественных задач. Жизненность своей теории он доказал собственной литературной практикой. Это оценил по достоинству Пушкин, сказав, что слог Ломоносова «ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным».[10]

Совершенно иную позицию занимали Сумароков, группировавшиеся вокруг него литераторы из дворян и их многочисленные продолжатели. Присущим Ломоносову «глубоким знанием» древней языковой традиции не мог похвалиться никто из них, чем и объясняются в значительной мере их нападки на ломоносовский высокий стиль и на славянизмы, которые, по словам Сумарокова, уместны лишь в церковных книгах и «очень будут дурны не только в любовных, но и в геройских разговорах».[11] Что же касается «языка простонародного», то Сумароков и его приверженцы допускали этот язык лишь в том ограниченном объеме, в каком он был усвоен разговорной речью дворянского общества. «Природное изъяснение» этого общества признавалось нормой

---

[8] Ср.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 66.

[9] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 588—589.

[10] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, изд. 2-е, т. VII, М., 1958, стр. 29.

[11] Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. X, М., 1787, стр. 98.

литературного языка, а слова и обороты речи, не принятые в светском кругу, объявлялись «низкими», «подлыми», «площадными» и презрительно отметались как принадлежность «мужичьего наречия». Борьба дворянских писателей с торжественным витийством Ломоносова объяснялась не только их пристрастием к более интимным литературным жанрам, которые они с начала 50-х годов усердно насаждали, и не только склонностью к простоте и естественности выражения, какие требовали эти «домашние» жанры: одним из затаенных мотивов борьбы на первых ее порах было также и стремление отвести художественную литературу от большой гражданской темы, от того громогласного вмешательства в политическую жизнь, которое было так характерно для художественного творчества Ломоносова, в основе своей публицистического.

Неудачи Семилетней войны, вскрыв позорную немощь насквозь прогнившего правительственного аппарата, ожесточив обнищавших крестьян и вызвав оскудение помещичьих хозяйств, создали некоторый перелом в настроениях среднего дворянства. В голосах наиболее интеллигентных его представителей становятся слышны с этого времени оппозиционные ноты, в связи с чем на рубеже 50-х и 60-х годов в недрах дворянской литературы зарождается и десять лет спустя расцветает пышным цветом сатирическое направление. Его с жаром подхватывают и те немногочисленные разночинцы, которым удается время от времени заявлять о себе писательским трудом. В годы, когда в сельских глубинах феодальной России назревало общее негодование, разразившееся в 1773 г. крестьянской войной под знаменами Пугачева, общественное возбуждение нарастало и в городах, придавая литературной сатире все более яркую политическую окраску. Сатирические произведения внесли значительный и весьма своеобразный вклад в развитие среднего и низкого стилей русского литературного языка: они еще более сблизили тот и другой с разговорной речью образованных людей, а неизбежно сопутствующие сатире опыты пародии и стилизации открывали широкий доступ просторечию, уже не просеянному сквозь дворянское сито. В прямой речи литературных персонажей все чаще становятся слышны в связи с этим то элементы областных говоров, то макаронический великосветский жаргон, то подьяческое косноязычие, авторская же речь, силясь сберечь себя от подобных вторжений, не стесняется вместе с тем придавать русским словам новые значения с оглядкой на чужеземные образцы и строит по тем же образцам новые фразеологические единицы и синтаксические комбинации.

Все это исподволь вело к смешению трех стилей, четко разграниченных в свое время Ломоносовым. Однако самый тяжелый удар знаменитой системе Ломоносова нанес прямой поэтический его наследник — Державин. Силой огромного творческого темпе-

рамента он узаконил «необыкновенное, по определению Гоголя, соединение самых высоких слов с самыми низкими и простыми»,[12] решительно отказавшись от рекомендованной Ломоносовым «равности» стиля. Смелым употреблением такого приема Державину удавалось достигать подчас невиданных в нашей литературе эффектов, однако же сочетать живую народную речь с книжной так, чтобы их соединение не казалось «необыкновенным», не сумел и Державин.

Чрезвычайно знаменательно, что, когда в 1790 г., уже под грозовыми тучами французской революции, появляется первая русская книга, «совершенно и явно бунтовская», открыто посвященная пропаганде революционных идей, автор этой книги Радищев пытается найти стилистическую опору не в стихах Державина и не в произведениях своих ближайших предшественников, дворянских сатириков, а в высоком слоге Ломоносова и в «народном красноречии» пугачевских воззваний.[13]

Но книга Радищева была явлением исключительным, резко отличаясь не только по содержанию, но и по форме от подавляющего большинства произведений тогдашней художественной литературы, которая в последней четверти XVIII в. оказалась почти вся целиком в дворянских руках. Этим последним обстоятельством объясняется, почему в 80—90-х годах литературный язык так быстро и успешно достиг состояния, как нельзя лучше отвечавшего общественно-политическим нуждам и эстетическим вкусам господствовавшего класса. Заметный, давно уже удостоверенный многими наблюдателями сдвиг произошел в эти годы и в области лексики и в грамматическом строе языка. Этот сдвиг справедливо связывают с именем Карамзина, который мастерски завершил дело, начатое предшествовавшим ему поколением писателей.[14]

---

[12] Н. В. Гоголь, Собр. соч. в шести томах, т. VI, М., 1953, стр. 147.

[13] История русской литературы в трех томах, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 617.

[14] Отдавая должное чрезвычайно ценным наблюдениям Г. Хютль-Ворт (G. Hüttl—Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956; см. также более ранние работы того же автора: About obstojatel'stvo... «Slavic Word», New York, 1954, № 3, стр. 439—441 и Zur russischen Lexik des 18. Jahrh. «Zeitschrift für slavische Philologie», Heidelberg, Bd. XXIV, H. 2, 1956, стр. 251—266), которые нуждаются, впрочем, ввиду сравнительно небольшого круга изученных этой исследовательницей источников, в некоторых поправках, и признавая, что Карамзину действительно приписывалось много таких лексических и синтаксических новшеств, которые, как это доказала Г. Хютль-Ворт, были введены в литературный оборот до Карамзина, нельзя все же никак согласиться с теми, кто на этом основании пытается отрицать чрезвычайно значительную роль Карамзина в усовершенствовании русского литературного языка его времени (см., например, высказывания Курта Габка в журнале «Вопросы языкознания», 1959, № 1, стр. 124). Дело не в количестве отдельных новшеств, а в их качестве, в их жизнеспособности, главное же — в гармоничном сочетании всей совокупности новых слов, словосочетаний и обо-

С этих пор наш язык после столетних стараний сбросил с себя, наконец, оковы напряженной искусственности и обрел, по выражению Гоголя, «свободу и легкость перелетать от предмета к предмету».[15] При всей значительности подобного завоевания наш письменный язык в пределах XVIII в. воспользовался своими новыми качествами лишь в довольно ограниченной мере. Порожденный французской революцией испуг делал свое дело: первенствующей заботой дворянских писателей стала забота о «приятности» языка. «Гнались, — по выражению Белинского, — за словом, и мысли подбирали к словам только для смысла».[16] Литераторам советовали не столько бороться за определенные идеи, сколько «играть идеями».[17] Совершенно прав был молодой Пушкин, когда корил своих предшественников за то, что средствами литературного языка они пользовались чаще всего «не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм».[18] При этих условиях от здоровых семян, посеянных Карамзиным, нельзя было ожидать богатых всходов.

Дальнейшее развитие качеств, приобретенных русским языком в ходе завершившегося таким образом процесса, и расширение круга применения этих качеств произошло уже в XIX в.

Несмотря на громкий, но в области стилистики преимущественно сокрушительный успех Державина и на еще более громкий и притом созидательный успех Карамзина, лингвистические традиции Ломоносова и на исходе столетия оставались живы. Это объясняется тем, еще недостаточно оцененным нами обстоятельством, что русскую науку и, в частности, русскую филологическую науку удерживали в своих руках вплоть до конца XVIII в. представители демократических низов, последователи Ломоносова, а в некоторой своей части и непосредственные его ученики. Верность заветам великого деятеля они засвидетельствовали не только индивидуальными научными работами, каковы были, например, грамматические исследования А. А. Барсова и В. П. Светова, но и руководящим участием в таком грандиозном коллективном предприятии, как выпущенный в 1789—1794 гг. «Словарь Академии Российской» — «просвещенный труд наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечествен-

---

ротов речи со всей подавлявшей их количественно совокупностью старых слов, словосочетаний и оборотов речи. Нет сомнения, что именно под пером Карамзина язык нашей художественной литературы достиг такой стилистической гармонии, какой не мог добиться ни один из предшествовавших Карамзину писателей последней четверти XVIII в.

[15] Н. В. Гоголь, Собр. соч. в шести томах, т. VI, стр. 148.

[16] В. Г. Белинский. Собр. соч., ч. I, М., 1872, стр. 64.

[17] Аониды, или собрание разных новых стихотворений, кн. II. М., 1797, стр. VIII—IX.

[18] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII, стр. 65.

ного». Такая совершенно справедливая оценка была дана этому словарю Пушкиным.[19]

Если литературная деятельность Карамзина подвела итог одной линии развития русского литературного языка в XVIII в. — линии по преимуществу дворянской, то итогом другой линии развития этого языка — линии, в основе своей демократической, — явился «Словарь Академии Российской». Каковы бы ни были, однако, намерения тогдашних представителей словесности и их боровшихся между собою групп, намерения, не всегда ими ясно сознававшиеся и часто противоречивые, обе линии, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга, но находясь в непрерывном, сложнейшем взаимодействии, вели русский литературный язык к достижению одной цели — к образованию единой национальной языковой нормы, способной удовлетворить все слои общества. Такая норма была создана усилиями деятелей следующего, XIX столетия, и задача, над которой они трудились, была окончательно разрешена лишь в пушкинское время.

Таким образом, календарный конец XVIII в. является вполне естественным пределом словаря, посвященного языку этого столетия.

Но и тут, разумеется, не следует впадать в чрезмерный педантизм. Составители словаря едва ли будут правы, если обойдут вниманием лексику и фразеологию такого, например, источника, как «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова, которое хоть и вышло в свет в 1803 г., однако всеми своими корнями уходит в XVIII в. То же касается, конечно, и лексикографических работ, появившихся в первые годы XIX столетия.

II

Было бы неблагоразумно связать составляющуюся картотеку Словаря жестким поименным списком источников. Опыт других словарей показывает, что подобные списки в ходе выборки неизбежно подвергаются многократным существеннейшим изменениям. Это и понятно: любой сколько-нибудь искушенный лексикограф подтвердит, что истинная «словарная» ценность памятника познается только в процессе выборки, причем сплошь и рядом оказывается, что какой-нибудь мало соблазнительный, на первый взгляд, источник способен обогатить картотеку несравненно более полезными материалами, чем иное когда-то известное произведение нашумевшего в свою пору писателя. Список источников дол-

---

[19] А. С. Пушкин. Евгений Онегин. СПб., 1825, стр. 53. — На эти чрезвычайно значительные, но недостаточно известные слова Пушкина обратил внимание лингвистов Ю. С. Сорокин в статье «Разговорная и народная речь в „Словаре Академии Российской"». (Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 95).

жен тщательно, без спешки продумываться, рассматриваться и утверждаться по частям. Пока достаточно наметить только основные контуры этого списка, т. е. обозначить более или менее суммарно важнейшие типы источников, на которые должен опираться «Словарь русского языка XVIII века».

Естественнее и удобнее всего начать с произведений художественной литературы, разделив их обзор на три хронологические части приблизительно по третям столетия.

Язык этих произведений должен быть показан в Словаре возможно более широко и глубоко — в этом не может быть, разумеется, никаких сомнений. Столь же несомненно, что в картотеке должны быть представлены все без исключения написанные в XVIII в. оригинальные художественные произведения таких ведущих авторов, как Феофан Прокопович, Тредиаковский, Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин, Новиков, Фонвизин, Радищев, Карамзин и Крылов.

Некоторого размышления требуют в этом случае только два вопроса: во-первых, как быть с произведениями Державина, Карамзина и Крылова, написанными в XIX в., и, во-вторых, как поступить с переводными работами Тредиаковского, Кантемира, Ломоносова, Фонвизина, Державина, Радищева и Карамзина?

При решении первого вопроса следует иметь в виду прежде всего, что речь идет не о словарях языка отдельных писателей, а о словаре русского языка XVIII в. Лексика Державина, Карамзина и Крылова должна быть показана поэтому только в том ее составе, в каком отразили ее произведения, написанные этими авторами в XVIII столетии. Язык Карамзина и Крылова эволюционировал в XIX в. настолько заметно,[20] что вводить элементы этого преобразованного языка в Словарь XVIII в. значило бы вносить в картину развития русского литературного языка в этом столетии искажающие ее черты. Но и для Державина рубеж двух веков явился тоже моментом, во многих отношениях переломным: именно с этого примерно времени стареющий, ушедший от служебных дел поэт начинает увлекаться новыми для него литературными жанрами, которые требуют еще не испытанных Державиным форм словесного выражения, и он ищет такие формы, внимательно прислушиваясь к молодым голосам пришедших ему на смену собратьев по перу, то борясь с их мужающим слогом, то поддаваясь в какой-то мере воздействию его.[21] Каковы бы ни были еще не изученные результаты этого воздействия, они не должны замутнять собой представление о державинском языке в том его виде, в каком его знал XVIII век.

---

[20] См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв., стр. 181.

[21] См.: Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1945, стр. 312.

Сказанное о позднем творчестве Державина, Карамзина и Крылова не касается, конечно, последних сочинений Радищева, который пережил свое столетие всего на год и несколько месяцев.

Следует ли подвергать выборке наряду с оригинальными русскими текстами и такие, которые переведены на русский язык с других языков? На этот чрезвычайно важный вопрос, касающийся не одних художественных произведений и не одних лишь ведущих писателей, можно ответить только положительно.

На всем протяжении XVIII в., как и во второй половине XVII столетия, деятельность русских переводчиков — и притом не только таких знаменитых, как перечисленные выше, а иногда и вовсе не известных по имени, — оказывала настолько выдающееся влияние на развитие русского литературного языка, что исключать переводы из числа источников Словаря было бы ничем не оправданной ошибкой. Новейшие исследования показывают, что основными питомниками новообразованных и по-новому осмысленных слов, которыми так изобиловал русский язык XVIII в., были переводные тексты.

Нельзя забывать и другое, весьма существенное обстоятельство: на русский язык переводились в XVIII в. Гомер, Гезиод, Эзоп, Анакреон, Феокрит, Цицерон, Виргилий, Гораций, Овидий, Апулей, Данте, Эразм Роттердамский, Ариосто, Томас Мор, Рабле, Тассо, Сервантес, Шекспир, Корнель, Мильтон, Перро, Лафонтен, Фенелон, Дефо, Свифт, Лесаж, Поп, Монтескье, Ричардсон, Вольтер, Прево, Фильдинг, Руссо, Стерн, Дидро, Мармонтель, Клопшток, Гольдсмит, Геснер, Бомарше, Виланд, Жанлис, Гёте, Шиллер и многие другие иностранные авторы. Благодаря этим переводам (иными из них пользовался еще и Пушкин), все так или иначе примечательное в мировой литературе, древней и новой, становилось доступно не только привилегированным одиночкам, владевшим иностранными языками, но и очень широкому демократическому читателю. Русская культура XVIII в. оттого так быстро и росла, что пускала глубокие корни в самые разнообразные пласты общества. Оттого же, в значительной мере благодаря переводам, так быстро развивалась и речевая культура.

В начале столетия переводных книг выпускалось немного,[22] к концу же века русский книжный рынок оказался положительно наводнен переводной литературой: достаточно вспомнить, что за время с 1781 по 1800 г. одних только переводных романов и по-

---

[22] За время с 1701 по 1707 г. включительно вышла в свет только одна переводная книга (см.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 89—90). В течение следующих восемнадцати лет, со времени введения гражданского шрифта по день смерти Петра I, выпускалось в среднем, считая и переиздания, по четыре переводных книги в год. (См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 67—480).

вестей было выпущено не менее 1330.[23] По мере того как книга все прочнее внедрялась в русский быт, книжное слово все заметнее цивилизовало разговорную речь читающего общества, а разговорная речь притязала в свою очередь на все большую долю участия в книжном языке и завоевывала все большие литературные права. В процессе этого языкового «кровообращения», которое вело ко все более деятельному взаимопроникновению двух стихий, устной и письменной, языку русских переводчиков принадлежала чрезвычайно значительная роль.

Продуманные с подлинно научной тщательностью переводы Кантемира, блестящие во всех отношениях, многократно переиздававшиеся переводы Ломоносова, образовавшие в составе его «Риторики» целую хрестоматию, «Тилемахида» Тредиаковского, лучшее его детище, образцовые по легкости и благозвучию переводы Державина, Фонвизина и Карамзина достойны такого же внимательного лексикологического изучения, как и оригинальные произведения этих крупнейших литературных деятелей. Столь же обязательным источником Словаря должны явиться и переводы Радищева. С несколько меньшей полнотой могут быть представлены в картотеке переводные тексты таких писателей, как И. П. Елагин, М. М. Херасков, Ф. А. Эмин, В. И. Лукин, М. И. Попов, Я. Б. Княжнин, М. Д. Чулков, И. Ф. Богданович, И. И. Хемницер, В. А. Левшин, Е. И. Костров, А. Н. Клушин, Н. И. Страхов и некоторые другие. Но картотека не должна пренебрегать текстами и таких переводчиков, чьи имена не вошли ни в одну учебную книгу по истории русской литературы. Мало кому известны, например, И. Виноградский, В. Вороблевский, Т. Воскресенский, М. Вышеславцев, П. Захаров, Г. Каменев, Т. Кириак, Ф. Лазинский, П. Молчанов, Н. Осипов, А. Печенегов, В. Подшивалов, К. Рембовский, Ф. Розанов, А. Свищов, В. Теплов, Я. Трусов, П. Фонвизин, Е. Харламов. А между тем каждый из этих полузабытых литераторов не менее пяти раз выступал в печати со своими переводами, иные же, например Вышеславцев, Осипов, Теплов, поработали так усердно, что имеют полное право считаться профессиональными переводчиками. Выпускали в свет свои переводы и прямые ученики Ломоносова: Николай Поповский, Гур Иванов, Дмитрий Легкой, Дмитрий Мокеев, Панкратий Полонский; печатались и женщины-переводчицы (их насчитывается десятка полтора). Некоторые переводчики выставляли на титульных листах только свои инициалы, другие (и таких было много) не обозначали себя никак. Лучи славы никогда не заглядывали в это очень мало знакомое нам литературное подполье XVIII в., но оно было обширно и в своей области влиятельно. Именно отсюда поступала на книжный рынок основ-

---

[23] В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1. СПб., 1909, стр. 48.

ная масса наиболее ходовой переводной беллетристики, которую особенно жадно поглощал рядовой, неаристократический читатель. Оригиналы переводных произведений бывали зачастую далеки от высокого художества, да и русские переводы не всегда отличались «чистотой штиля», которой требовал Ломоносов, и «приятностью слога», которой искал Карамзин, однако же средний уровень переводных текстов был отнюдь не низок. На этих-то текстах и воспитывалась главным образом разговорная речь грамотного общества, и тот же Карамзин при всей своей лингвистической взыскательности оценивал их воспитательное воздействие положительно. «В самых дурных романах, — писал он, — есть уже некоторая логика и реторика: Кто их читает, будет говорить лучше и связнее совершенного невежды, который в жизнь свою не раскрывал книги».[24] Загромождать картотеку XVIII в. обильными выборками из переводной литературы подобного типа, конечно, не следует, но надо все же считаться с тем, что переводы многих произведений таких второстепенных и третьестепенных авторов, как Арно, Мейссенер, Флориан, Дюкре-Дюмениль и др., переиздавались по многу раз, а потому лексика и фразеология хотя бы пяти-шести наиболее популярных произведений этого рода должна быть обязательно представлена и в картотеке и в Словаре.

Об оригинальных художественных произведениях ведущих писателей, оказавших решающее влияние на историю русского литературного языка, уже говорилось выше: выборка из всех их сочинений должна быть возможно более полной, а в некоторых случаях и сплошной. Что же касается оригинальных произведений менее значительных авторов, то при включении их в список источников Словаря нельзя исходить из одной только историко-литературной оценки того или иного памятника. У лингвистики и, в частности, у лексикографии своя «табель о рангах», далеко не всегда совпадающая с литературоведческой.

Это ясно видно из таких, например, сопоставлений.

Историки русской литературы в течение многих уже десятилетий изучают и обсуждают «Историю о Александре, российском дворянине», чего эта повесть по своему содержанию и заслуживает. Лексикограф же должен отнестись к данному произведению с известной сдержанностью, потому что язык «Истории о Александре», нарочито искусственный, искаженно галантный, а местами и попросту безграмотный (Здравие, почто ты себя лишило, ох, горестию же пропадаешь; Знаю, что не из фундамента сердца рыдаешь; Устремилась за Александру вскоре в корете гнати; Можно в печали с персоны уразумей; Цырькулярный кругь есть советьной друг),[25] никак не может быть отнесен к числу надеж-

---

[24] Н. М. Карамзин, Соч., т. VII, изд. 3, М., 1820, стр. 244.

[25] Первый пример цит. по кн.: В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.). СПб., 1907,

ных образцов языка ее времени. Под ним не ощущается никакой сколько-нибудь твердой основы — ни книжной, ни народно-поэтической, ни разговорной. Это и не удивительно: перед нами, как это превосходно раскрыто Перетцем, неуклюжая попытка насильственно вогнать русскую лексику в западноевропейские окостеневшие фразеологические формулы, к тому времени уже вышедшие на Западе из моды и пропущенные вдобавок сквозь несколько чужеязычных фильтров.[26]

С лингвистической точки зрения несравненно ценнее блестящая находка В. Ф. Покровской, довольно равнодушно встреченная литературоведами, — стихотворная исповедь спившегося поповича — подьячего петровских времен, не сумевшего «ерзнуть», по примеру других, за границу.[27] Стилистически она беспорядочна, как и все литературные произведения той поры; она пересыпана без всякой системы и книжными торжественными славянизмами (О, Симеоне, аще совета послушаеши благого...), и новыми европейскими заимствованиями (фортуна, банкет, сект, водка с алексиром), и подьяческими словечками (и за тот вышереченный удар, и в третьих товарищах сидети приказал), но за всем этим явственно слышна неподдельная, живая русская речь хорошо грамотного демократического горожанина.

Литературоведам и нужен и важен громко известный при жизни М. М. Херасков, который как нельзя лучше укладывается в общепринятую историко-литературную схему, и совсем не нужен В. П. Петров, одинаково сурово осужденный и сверстниками, и потомством. Составителям же Словаря аляповатая, но сочная лексика такого, например, стихотворения Петрова, как «На гору в родах», может оказаться куда полезнее, чем дистиллированный язык «Россиады».

В курсах истории русской литературы XVIII в. «Письмам Ернеста и Доравры» принадлежит законное место как первому русскому эпистолярному роману, в свое время довольно популярному. Автор романа Эмин выдавал себя за полиглота, что, может быть, и верно, но какой из знакомых ему языков был для него родным — это так же неясно, как неясна национальность этого таинственного автора; русский же его язык хоть и гладок, но столь безличен, бесцветен и даже как бы бесплотен, что даст лексикографу только очень скудную и пресную пищу. И довольно многим, наоборот, поживится тот же лексикограф, пере-

---

стр. 16; остальные по публикации В. В. Сиповского: Сб. «Русские повести XVII—XVIII вв.», под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского, т. I, СПб., 1905, стр. 137, 140, 148.

[26] В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.), гл. VI, стр. 13—24 и др.

[27] В. Ф. Покровская. Стихотворная автобиография подьячего XVIII века. Тр. Отд. древнерусской литературы, т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 283—300.

бирая, например, цитаты скромно мелькнувшей в конце столетия и всеми теперь забытой анонимной повести «Мои свадебные похождения»,[28] где в диалогах удачно и, по-видимому, достоверно передана разговорная речь людей тогдашнего среднего дворянского круга.

Задачу подобных сопоставлений (их легко было бы и продолжить) не надо понимать превратно. Речь идет только о том, что внимание лингвистов и литературоведов к отдельным литературным памятникам должно дозироваться у тех и у других по-разному и сосредоточиваться на разном. Но из этого вовсе не следует, что составители Словаря могут пренебречь такими источниками, как рукописные повести первой половины XVIII в., как стихи Хераскова или проза Эмина.

Языковый уровень рукописных повестей, рассчитанных на вкусы наименее разборчивых читателей, невысок, но не всюду так низок, как в «Истории о Александре», и по-своему показателен для определенного времени: это как бы некие довольно мутные подонки еще мало развитого, но уже обновленного книжно-литературного языка. Из такого источника можно почерпнуть кое-какие подсобные сведения о том, например, насколько цепко отстаивал свое право на существование тот или иной архаизм; но лексикограф поступил бы опрометчиво, если в материале, извлеченном из такого источника, попытался бы искать основу для каких-нибудь далеко идущих выводов.

Совсем по-другому показателен язык таких, отнюдь, конечно, не равноценных авторов, как Херасков и Эмин, которых сближает только присущая обоим осторожная несамостоятельность в области языка: оба довольно искусно распоряжаются тем, что введено в обиход их литературными предшественниками и современниками, оба старательно избегают повторять промахи тех и других и оба одинаково упорно воздерживаются от каких бы то ни было языковых нововведений. Это не хозяева языка, а разумные, но робкие слуги. В соответствии с этим Словарь должен рассматривать их сочинения как своего рода кладовую, где в надлежащем порядке хранится все наиболее устоявшееся в еще зыбком языке их времени. Чтобы воспользоваться этими ограниченными, но доброкачественными словесными припасами, нет надобности подвергать выборке произведения Хераскова и Эмина во всем их чрезвычайно большом объеме: язык этих произведений настолько однороден и небогат лексически, что достаточно выделить из их числа лишь некоторые сочинения или даже отдельные части некоторых сочинений и в пределах этих частей произвести сплошную выборку.

Необходима еще одна оговорка.

---

[28] Магазин общеполезных знаний и изобретений, ч. II. СПб., 1795, стр. 30—44, 115—127.

В XVIII в., особенно же в начале столетия, существовал вполне естественный и довольно значительный спрос на литературные произведения, возникшие в более ранние времена. Иные из таких произведений переписывались механически, другие же подвергались переработке — частичной или полной. Бывали и такие случаи, когда сочинение, известное в допетровскую пору только в рукописном виде, издавалось в XVIII в. типографским способом.[29]

Что же из этой литературы должно войти в круг источников «Словаря русского языка XVIII в.»?

Ответ на этот вопрос приходится расчленить.

Совершенно ясно, что к числу таких источников никак нельзя относить то, что в XVIII в. только списано с более древних подлинников и куда люди нового столетия не внесли от себя ничего, кроме невольных искажений текста, допущенных неисправным писцом.

Столь же очевидно, что из состава тех старых памятников, которые в XVIII в. были частично переработаны или дополнены, картотека XVIII в. имела бы право воспользоваться только тем, что изменено или добавлено. Отклонения от исходного текста бывали подчас существенны,[30] но для того чтобы их установить, выборщикам пришлось бы в каждом отдельном случае углубляться в кропотливейшие исследования и брать на себя иной раз решение таких вопросов, которые и в кругу многоопытных текстологов признаются еще спорными.[31] Возлагать на составителей картотеки подобные бремена, в полном смысле слова неудобоносимые, было бы по меньшей мере непрактично. Благоразумнее поэтому вовсе отказаться от выборки цитат из таких переработанных в XVIII в. литературных текстов, которые отличаются от старых подлинников лишь отдельными исправлениями и вставками. При сравнительно малом числе текстов этого рода и при весьма внушительном изобилии других источников убыток от такого отказа будет невелик и нечувствителен.

Если же в XVIII в. перелицован весь текст какого-либо литературного памятника в полном его объеме, то от работы над таким источником картотека, само собой разумеется, не откажется. Хорошо известным примером подобной перелицовки является напечатанный в 1785 г. Иваном Новиковым рассказ «Новгород-

---

[29] История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 388.

[30] Например, в так наз. Архангельском списке «Сказания о молодце и о девице» (История русской литературы, т. II, ч. 2, М.—Л., 1948, стр. 233).

[31] До сих пор еще, например, нет полного единогласия по вопросу о соотношении разных редакций «Повести о Ерше Ершовиче» (см.: Русская повесть XVII в. Л., 1954, стр. 438) и «Истории о российском дворянине Фроле Скобееве» (см.: М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве. Научн. бюлл. Лен. гос. унив., № 3, Л., 1945, стр. 33—34).

ских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным»: он точно — с добавлением только незначительных художественных деталей — воспроизводит все содержание знаменитой «Истории о российском дворянине Фроле Скобееве», написанной столетием ранее, но дает его в совершенно новой словесной оболочке.[32] Цитаты из этого рассказа имеют все основания войти в картотеку русского языка XVIII в., так же как и цитаты из новой редакции повести о Бове (по Ярославскому списку 1734 г.), из всех трех опубликованных Н. К. Гудзием переработок легенды о папе Григории, датируемых несомненно XVIII в.,[33] из возникшей не ранее начала этого века «Гистории» об Илье Муромце и Соловье Разбойнике[34] и т. п.

Особого подхода требуют те немногочисленные литературные произведения, которые русским читателям прежних веков были знакомы только в рукописном виде, а в начале XVIII столетия были напечатаны и выдержали по нескольку изданий. Таковы, например, «Историа, в ней же пишет о раззорении града Трои...» (три издания: 1709, 1712 и 1717 гг.) и «История о разорении и последнем святаго града Иерусалима... вторая о взятии славного столичного града греческого Константинополя...» (тоже три издания: 1713, 1716 и 1723 гг.). Это были своего рода «воинские повести», и воспринимались они как художественная литература.[35] Вопрос о том, перерабатывался ли для печати старый, рукописный текст этих повестей, еще не разрешен исследователями,[36] однако в данном случае этот вопрос не так для нас и важен: рукопись, преобразившись в книгу, стала литературным фактом иного, не свойственного ей прежде значения. Дело не столько в том, что печатный станок дал ей несравненно более широкое, чем раньше, распространение, сколько в том, что изменилось качество ее воздействия и на читателей, и на писателей. Общеизвестно, насколько печатное слово авторитетнее и влиятельнее, чем рукописное. Названные выше древние рукописные повести, будучи напечатаны только что введенным гражданским шрифтом, вошли в состав той на первых порах еще очень скудной, но по-своему боевой серии наскоро выпущенных книг, которая при всех ее несовершенствах оказала тем не менее значительное дей-

---

[32] См. работу В. В. Сиповского (Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 2. СПб., 1910, стр. 643—647), где отрывки рассказа И. Новикова сопоставляются с соответствующими отрывками повести о Фроле Скобееве.

[33] Изв. ОРЯС АН, т. XIX, кн. 4, СПб., 1914, стр. 234—256, и Тр. Отд. древнерусской литературы Инст. русской литературы АН СССР, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 185—191.

[34] Тр. Отд. древнерусской литературы Инст. русской литературы АН СССР, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 242—246.

[35] П. Н. Берков. Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII в. В кн.: Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Описание изданий гражданской печати. М.—Л., 1955, стр. 18—19, 29.

[36] Там же, стр. 89 и 142.

ствие на развитие русского литературного языка. Исключать печатные тексты этих исторических повестей из числа источников Словаря XVIII в. было бы при таких обстоятельствах едва ли правильно.

III

В картотеке русского языка XVIII в. художественная литература изучаемого времени должна быть представлена, само собой разумеется, возможно более полно — во всех ее стилях и во всех ее жанрах.

Что касается поэтических произведений последних десяти-двенадцати лет XVII в. и первой трети XVIII в., то из их числа надо выделить прежде всего ту «большую» поэзию, которую следует подвергнуть, независимо от жанров, сплошной выборке: это в первую очередь все поэтическое наследие Феофана и Кантемира, причем сатиры последнего должны быть обработаны во всех доступных нам редакциях со всеми авторскими примечаниями и пояснениями. Ломоносова и Сумарокова не удовлетворял язык Феофана Прокоповича: оба совершенно справедливо отмечали, что «в чистом слоге он часто погрешал». Но и Ломоносова, и Сумарокова, как и очень многих, вероятно, представителей их поколения, восхищало тем не менее словесное искусство Феофана,[37] находившее и подражателей. Его всегда боевое по содержанию и своеобразнейшее по форме литературное творчество не могло не оказать существенного влияния на развитие русского литературного языка и должно быть отнесено к числу памятников, требующих особенно тщательного лингвистического изучения. То же следует сказать и о поэтических произведениях Кантемира, в лице которого стихотворец сочетался с человеком, глубоко интересовавшимся теоретическими вопросами языка. Запоздалое опубликование знаменитых сатир отнюдь не дает права преуменьшать, как это делали еще недавно,[38] роль Кантемира в истории литературного языка. Его сатиры, как только он их сочинял, получали сразу же широчайшее распространение в рукописном виде,[39] и уже через четыре года после смерти их автора, задолго до выхода в свет первого их издания, Ломоносов чрезвычайно внушительно засвидетельствовал в официальном документе, что «в российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею апробациею приняты».[40]

---

[37] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 174, примеч. д, и стр. 821, примеч. 140.

[38] История русской литературы, т. III, ч. I. М.—Л., 1941, стр. 59.

[39] В. И. Перетц. Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира. Изв. по русскому языку и словесности, т. I, Л., 1928, стр. 335.

[40] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 631.

Слова «в российском народе» и «с общею апробациею» многозначительны.

Крупное историческое значение Тредиаковского и как филолога и как поэтического деятеля достаточно ярко освещено за последние десятилетия как советскими, так и зарубежными учеными. Нет надобности доказывать, что все его стихотворные произведения, в том числе и самые ранние, должны быть подвергнуты тоже сплошной выборке.

Предметом выборки должно быть все, что дошло до нас из панегирической лирики рассматриваемого времени, как вышедшей из-под пера известных авторов (Дмитрия Ростовского, Стефана Яворского, Иоанна Максимовича, М. П. Аврамова, М. Ширяева, П. Буслаева и др.), так и анонимной (приветственные песни, исторические песни панегирического характера,[41] канты). Тут кроются зачатки того «украшенного», вскормленного школьной пиитикой одического стиля, который определил собою одну из главнейших линий развития русского литературного языка в XVIII в. Полная выборка здесь невозможна: она наводнила бы картотеку, так как некоторые виршеписцы того времени (например, Максимович) отличались необыкновенной многоречивостью. Однако выписку цитат следует производить все же так, чтобы была по возможности всеобъемлюще отражена та лексическая и грамматическая пестрота, какой страдал неблагоустроенный язык тогдашней высокой лирики. Варваризмы самого разнообразного происхождения (*триумф, фама, синусы, автократор, радамант* и т. п.) тесно сплетались со славянизмами (*днесь виват, в монарсех пречестный*), русские грамматические формы перемежались с книжно-славянскими (*бусурманы турки приял еси в руки*), и в пределах одного и того же произведения высокий слог (*Орле парящи, шведа страшащи*) нередко граничил с просторечием (*Мазепа дурак, с деревни казак*). Более полной выборки заслуживают только те сравнительно немногие панегирические стихи, где основой был язык, относительно близкий к разговорной речи: таковы, например, известная «Победославная песнь» 1709 г. и кант на смерть Петра I («В слезах Россия вся погружалась...»). Интересную разновидность представляет собой также приветствие Петру I, написанное в 1721 г. М. Ширяевым ритмической прозой в гимнографическом стиле и предназначавшееся, очевидно, для пения.[42]

По совершенно верному наблюдению И. Н. Розанова, язык петровских панегирических виршей «насыщен украинизмами».[43]

[41] Подробный перечень этих песен см.: А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. Уч. зап. Моск. гос. заочного педагогического инст., т. I, М., 1958, стр. 42 и 50.

[42] См.: П. Покровский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 371—372.

[43] История русской литературы, ч. III, стр. 141.

Они встречаются, впрочем, и в стихотворных произведениях других жанров, притом не только при Петре, но и в несколько более позднее время. Уместно поэтому решить здесь же, как должны действовать в таких случаях составители картотеки. При выборке следует различать, с одной стороны, лексические украинизмы, сравнительно редкие (*готует, мовити, ховати, кохает, пожные люди, як, абы* и т. п.), и, с другой стороны, весьма многочисленные фонетические украинизмы (*рикает, муси парнасски, не бивало, глубынами, во грисе, усмотрити, унятно* вместо *внятно, усем* вместо *всем* и т. п.), а также попадающиеся только в единичных случаях морфологические украинизмы типа *сбежав* вместо *сбежал*. Лексические украинизмы картотека должна регистрировать на тех же основаниях, как и всякие вообще заимствованные слова, в Словарь же они войдут или не войдут в зависимости от данных картотеки о длительности и характере употребления этих украинизмов в русских контекстах. Такое решение подсказывается и тем, что иные из подобных украинизмов (например, *ховати*, восходящее к древнерусскому *ховатися*) и производные от них (например, *мóвня* — поговорка, от *мовити*) сохранились в некоторых областных русских говорах. Что же касается фонетических и морфологических украинизмов, то загромождать примерами их картотеку русского языка XVIII в. едва ли есть основание.

Должны быть обработаны также и образцы дидактической поэзии, начиная со стихотворного «Букваря» Кариона Истомина и его же энциклопедической поэмы «Полис» и кончая теми виршами, которые, по примеру Л. Магницкого и Ф. Поликарпова, вводились в прозаические учебные и научные тексты, а также в календари, и которыми снабжались нередко изображения гербов, книжные иллюстрации, титульные листы книг, а порой и списки опечаток.[44] Художественный уровень подобных стишков обычно невысок, но в ряде случаев они касались тем, так или иначе злободневных, а это не могло не сказаться на их лексическом составе.

Не должна быть обойдена вниманием и так называемая «школьная лирика»: в погоне за чисто формалистическими «стиховными штуками» она извлекала подчас из пассивных запасов тогдашнего языка такие слова, которые в произведениях других жанров могут и не встретиться.

Несравненно более обогатит, конечно, картотеку сатирическое стихотворство, представленное и поэтическими переработками старых прозаических сатир (например, повести о Ерше Ершо-

---

[44] Так, в книге И. Максимовича «Феатрон, или позор нравоучительный», выпущенной в Чернигове в 1708 г., списку опечаток предпосланы следующие стихи, которые имеют достаточно оснований заинтересовать лексикографа:

Типографска в книзе сей счислят падения,
Нелет, многа узряши зде погрешения.

виче), и новыми произведениями (такими, например, как сатира на архиепископа Феодосия Яновского, «Хождение попа Саввы», кант «На горах краншта́тских ходил инженер» и т. п.), где язык изобилует знамениями времени.

Таких знамений — несколько иного, правда, свойства — немало и в появлявшихся тогда бытовых и любовных поэмах. К этому своеобразнейшему жанру можно отнести и упоминавшуюся уже[45] исповедь подьячего, и женские поэтические автобиографии («Отрывок из романа в стихах»,[46] «Азбуковник о прекрасной девице»), где в совершенно свободную от чужеязычных влияний, размашистую, подчас грубо циничную речь горожанки, познавшей прелести новомодных гуляний в Лафертове (т. е. в Лефортове), неожиданно врезаются архаические книжные словечки и грамматические формы (аки, аще, зело, паки, врази, мыслми, аз есмь, была есмь, имам тя погубити).

Внимательного изучения требует и разнохарактерная любовная лирика данного периода: стихотворные послания, вирши, канты, а также те «арии», которыми так охотно украшались тогдашние рукописные повести. Язык этой письменной, но не проникавшей в печать и в подавляющем большинстве случаев анонимной лирики был за редкими исключениями весьма отличен от языка демократических любовных поэм. Эротическая тематика не имела за собой на Руси почти никакой письменной традиции, новые же условия быта, узаконившие эту тематику, были еще недостаточно хорошо освоены. Немудрено поэтому, что «и девицы чистые и отроки, коих от денницы до другой невидимо колет любви жало»,[47] занявшись поэтическим творчеством, зачастую не знали, как политературнее назвать вновь вводимые в литературу понятия, и лихорадочно искали образцов то в церковной книжности, прибегая даже к цитатам из псалмов (яко орли юность обновися), то в народной поэзии, то в глухих отголосках античной классики, то в жалких отбросах западноевропейских галантных стилей, то (пожалуй, чаще всего) в живой, неряшливой речи своей, еще очень молодой, должно быть, среды. Эта среда, по социальному составу пестрая, не выдвинула в те годы ни одного крупного дарования.[48] В тогдашних любовных виршах и кантах, в тех, по крайней мере, какие дошли до нас, не сыщешь следов подлинно поэтической мысли. Нет в них и свежих, самостоятельных образов. Тематика их до крайности узка, тон почти

---

[45] См. стр. 57.

[46] Насчет даты этого замечательного произведения до сих пор еще идут споры. Наиболее убедительна аргументация П. Н. Беркова, который относит поэму к началу XVIII в. (см.: История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 393—394).

[47] Кантемир. Сатира IV (во второй редакции 1737 г.).

[48] Если не считать Кантемира, который писал любовные вирши только в очень ранней юности.

всюду один и тот же, а стиль во многих случаях хаотичен. Фольклорные обращения *красный цветочек, голубка, светик мой* уживаются с такими «комплементами», как *магнит дражайший, предрагоценнейший клейноте, неоцененная краля, брилиант, дорогая*, и с плацпарадными возгласами *виват!*, а *Венера, Купида* и *прекрасная Диана* предстают иной раз в окружении дряхлых аористов и приказных *понеже*. О том, как причудливо сочетались в любовных виршах все эти разнородные элементы, можно судить по следующим образцам:

О коль велию радость аз есмь обретох
Купидо Венерину милость принесох.

Или:

Тужу зело и вздыхаю, ах мне, умираю!
Когда милого не вижду, жива быть не чаю.

Или:

А что нажел себе друга, помыслом нелесна,
Разумна, умна, манерна и чесна.

Однако, несмотря на все сказанное, в этих стихах, в силу бескорыстно интимного их значения, ощущается в большинстве случаев гораздо большая непосредственность и безыскусственность, чем в прозаических повестях того времени, рассчитанных на рыночный спрос, то есть на вкусы наименее разборчивых читателей. Язык любовных виршей, при всех своих грамматических, лексических и художественных недостатках, — это все же русский литературный язык, для своего времени в разных отношениях показательный. Он примечателен, в частности, несомненным родством с языком ранних лирических опытов Тредиаковского.[49] В картотеке языка XVIII в. этот песенно-виршевый язык должен быть обязательно представлен, и притом возможно более полно.

Иное отношение вызывают стихи таких не вполне обрусевших иностранцев, как Иоганн-Вернер Паус и Вилим Монс, безжалостно калечивших русскую речь. Их поэтические произведения интересны как историко-литературный эпизод, но памятниками русского языка признать их нельзя и в число источников Словаря включать не следует.[50] То же можно сказать и о русских стихо-

---

[49] См.: Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века, т. I. Изд. 4, М., 1952, приложение «Сборник кантов XVIII в.», стр. 114.

[50] Полезно напомнить, что это были за стихи. Вот как стихотворствовал, например, Паус, образованный немецкий магистр, автор интересной работы по русской грамматике:

Знаешь, милая же, знаешь,
За неволи есть учить,
В лице твое сто желаешь,
Хоть нас слутчаи разлучить.

О поэтическом языке Пауса А. И. Соболевский говорил, что это «немецко-русский язык с сочиненными словами, с пропуском звуков, с неправильными обо-

творных опытах шведского посла в Москве Иоанна Габриэля Спарвенфельдта.

На пополнение картотеки материалами, характеризующими поэтическую лексику начала XVIII в., не следует жалеть ни времени, ни средств: она еще до странности мало исследована и сулит составителям Словаря целый ряд далеко не легких семантических загадок вроде той, которой посвящена недавняя работа М. П. Алексеева о значении эпитета «рогатый».[51] Но сулит она также и приятные неожиданности, такие, например, как замечательный для своего времени и по точности, и по чистоте и легкости русского языка перевод шуточных стихов некоего саксонского «акцызного секретаря» Ганке, напечатанный в 1729 г. Академией наук и перепечатанный сорок лет спустя в знаменитом «Письмовнике» Н. Г. Курганова.[52]

IV

С поэтическими произведениями первой трети XVIII в. наиболее тесно смыкаются произведения драматические того же и несколько более позднего, досумароковского времени: многие из них написаны тем же силлабическим стихом, каким оперировала и тогдашняя лирика. Язык их еще не подвергался всеобъемлющему и глубокому изучению, какого он несомненно заслуживает. В соотношении лексических и морфологических компонентов этого языка (который некоторые исследователи называли иногда «обычным» для пьес той поры «славяно-русским» языком) обнаруживается такая изменчивость, какой не наблюдалось, пожалуй, ни в одном из существовавших тогда других жанров художественной литературы. Язык драматических произведений удобен для исторического анализа, потому что представлен довольно большим количе-

---

ротами, вообще странный (или даже смешной) для русского слуха». (См.: А. И. Соболевский. Разбор сочинения В. Н. Перетца. СПб., 1905, отдельный оттиск из Сборника ОРЯС АН, т. XXXI, стр. 6).

А Монс писал, например, так:

Ах, сто ест свет и в свете, ах, все пратинае,
Не магу жит, не умерти, серца таскливая,
Долго ты мучилса, нет упокой серца,
Купидо, вор проклятый вельми радуитса.

(См.: В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России. СПб., 1905, стр. 6 и 9). — В недавнее время было высказано предположение, что как эти стихи Монса, так и все другие, приписанные ему, были сочинены не им (А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков, стр. 57, 79—82).

[51] М. П. Алексеев. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича. В сб. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков», Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 17—43.

[52] П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. В сб.: XVIII век, I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 70—79.

ством текстов, датированных более или менее точно и отражающих несколько последовательных этапов развития русского литературного языка. Он достоин самого пристального внимания еще и оттого, что обращен не к читателю, а к зрителю, благодаря чему в языке драматических сочинений бывает заметно стремление стать возможно более легко воспринимаемым на слух.[53] Средства, которыми пытались достигнуть такой цели, были весьма различны.

Так, руководительница одного из первых наших театров, сестра Петра I, царевна Наталья, несмотря на относительную прогрессивность своих политических взглядов, считала, по-видимому, что зрителям, или «слышателям», как их тогда называли, доступнее всего освоенный ими в процессе религиозной практики церковнославянский язык. Публика мирилась с этим, вероятно, когда смотрела «комедии» на библейские или агиографические сюжеты и выслушивала почти дословно иногда пересказы Четьих-Миней, но когда ставился инсценированный переводной роман и когда актер, выступая в роли турецкого «салтана», произносил: «Аще же и постраждеши, то велик от Махомета наречешися», то зрители, хоть и понимали, должно быть, смысл его слов, однако едва ли испытывали художественное удовлетворение. Судя по дошедшим до нас обрывкам пьес, консерватизму языка соответствовал и пуризм: такие реплики, как *Махометову персону ударил*, составляли, видимо, в репертуаре Натальи Алексеевны лишь очень редкое исключение. В отношении этих текстов достаточно ограничиться выборочной выпиской цитат.

У брата с сестрой взгляды на театр были разные: Петру хотелось, чтобы со сцены говорили по-русски. Перевод первых драматических произведений, которые ставились в Москве в самом начале XVIII в., Петр поручил дьякам Посольского приказа. К концу предыдущего столетия это учреждение — тогдашнее министерство иностранных дел — обратилось, по выражению Д. С. Лихачева, в «своеобразный литературный центр».[54] Среди работавших там людей были достаточно образованные носители московской отборной речи, хорошо владевшие и письменным деловым языком, которому умели придавать некоторую литературность. За новое дело, навязанное им Петром, дьяки принялись, как известно, с великой неохотой: их отталкивала тривиальность некоторых театральных текстов и крайне смущала, как видно,

---

[53] Этого требовали и тогдашние теоретики, которые сами, впрочем, выражались не очень-то удобопонятно. Так, в статье «О позорищных играх, или комедиях и трагедиях» анонимный автор писал: «Что до языка говорящих персон касается, то оной есть наиспособнейший, которой смотрители наилучше разумеют, потому что для их увеселения такия позорищныя игры представляются» («Примечания к Ведомостям» 1733 г., стр. 176).

[54] Д. С. Лихачев. Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 321.

непривычная необходимость облекать в общепонятную литературную форму утонченные любовные диалоги. Этих диалогов они не осилили. Трудясь над ними, переводчики то придумывали искусственные слова (Поволь чрез смотрение наших цветов очеса и чрез изрядное вонение чувствования нашего наполнить), то сбивались на несвойственный им в других случаях книжный язык (Очесами убо видети принужден еси, как маркиз от Алоизии возлюблен, а ты от нея, напротив, отриновен еси; Или бдю или снит ми ся?). Иногда смысл чужеязычного текста оставался им, кажется, неясен, однако со своей очень трудной задачей посольские дьяки все же в конце концов справились. Пьесы были переведены на русский, хоть и не очень опрятный, засоренный варваризмами, но довольно понятный язык. Одну же из пьес — «Комедию о Доне Педре и Доне Яне» — кто-то из дипломатических чиновников перевел даже и образцово.[55] Текст этой комедии и других драматических сочинений, переведенных по заданию Петра, следовало бы подвергнуть сплошной выборке. Нужно, однако, тщательно отмежеваться при этом от пьес, которые ставились в том же, может быть, «комедиальном анбаре» на Красной площади, но, по всем вероятиям, в небытность царя и без его ведома, и к которым Посольский приказ не имел, видимо, никакого литературного отношения. Такова, например, комедия «Сципис Африкан», переведенная совершенно безграмотно — очевидно, каким-нибудь иностранцем, очень плохо говорившим по-русски.[56] Таков же перевод комедии Мольера «Les precieuses ridicules»; автором этого перевода был один из шутов Петра I, по национальности поляк, одинаково слабо владевший как французским, так и русским языком.[57] Пользоваться такими явно недоброкачественными текстами как источниками Словарь, разумеется, не может.

По-другому — без прямой правительственной опеки — развивался язык так называемой школьной драматургии. Здесь можно различить в какой-то степени и местные театральные традиции.

---

[55] Язык этого перевода грубоват, но чист. Варваризмов нет вовсе. Почти единственной уступкой архаике являются немногочисленные звательные падежи. Чрезвычайно интересно введенное в этот перевод слово *ѣжа*, к середине XIX в. уцелевшее только в некоторых областных говорах, а во второй половине XVII в., по-видимому, довольно обычное в том кругу, к которому принадлежали служащие Посольского приказа: оно встречается у Котошихина (а понадобится на ѣжу смолоть ржи, то пошлин не платит) и в подметном письме, подкинутом Меншикову в 1700 г. и написанном, судя по языку, лицом того же круга (хлеба, ржи и овса зело много исходит в винное курение: чаю, столько же изойдет и болши, сколко на ѣжу). (См.: С. А. Белокуров. Материалы для русской истории. М., 1888, стр. 514).

[56] Это было замечено еще П. П. Пекарским (П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 459—460).

[57] Название пьесы не понял и передал его так: «Драгыя смеяныя». Французское un peu переводил как 'нечто мало', mesurer le temps — 'пору мерить' и т. д.

Наиболее устоявшейся и мощной была киевская традиция, оказавшая немалое влияние на язык всех вообще школьных пьес, так как всюду, где учреждались духовные учебные заведения, их преподавательский состав пополнялся преимущественно питомцами Киевской Могилянской академии. Что же касается, однако, собственно киевских драматических произведений, то язык подавляющего их большинства таков, что вводить их в число источников «Словаря русского языка XVIII в.» нет причины. Это в основе своей книжно-славянский тип древнерусского языка в том его виде, в каком он сложился на Украине во второй половине XVII в. В. Н. Перетц называет его славяно-украинским.[58] От тогдашнего московского он отличался несколько большей близостью к церковному языку и некоторыми фонетическими, а иногда и лексическими уступками живой украинской речи с характерными для нее в то время полонизмами и латинизмами (декрет божий, декретуй, корона, авдитор в знач. «слушатель», бозство, бозскою рукою, пекелна яма, пекелно коло, без отмови, року 1698, кланяюс ти до ног, милостивая пани и т. п.). На протяжении первой трети XVIII в. киевские школьные драматурги охраняли нерушимость этого типа языка с таким же постоянством, с каким придерживались они и схоластической схемы театрального представления на религиозно-назидательную тему. Язык пьес профессора пиитики Киевской академии Митрофана Довгалевского, написанных в 1736—1737 гг., или драмы Георгия Конисского «Воскресение мертвых», написанной в 1747 г., отличается, конечно, кое-чем от языка таких киевских школьных действ, как «Царство натуры людской» (1698) или «Торжество естества человеческого» (1706), но разница малозначительна и сводится главным образом к немного большему количеству украинизмов и немного меньшему количеству полонизмов и латинизмов. В этом языке не обнаруживается даже и во второй половине тридцатых годов никаких признаков сближения ни с русской разговорной речью, ни с другими новыми элементами русского литературного языка, уже вступавшего тогда в пору бурного и многостороннего развития. Едва ли благоразумно было бы при таких условиях относить киевские школьные драмы начала XVIII в. к числу памятников русского языка этого столетия: их место в истории украинского языка.

Необходимо, однако, выделить в качестве исключений две пьесы, в разных отношениях весьма замечательные.

Речь идет прежде всего об известнейшей трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир», написанной в 1705 г. еще в Киеве. В ней замечается, с одной стороны, присущее всем киевским дра-

---

[58] В. Н. Перетц. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и начала XVIII веков. В сб.: «Старинный спектакль в России», Л., 1928, стр. 91.

матургам стремление соблюдать книжно-грамматические нормы XVII в. и свойственное многим из этих авторов пристрастие к сложным словам (светозрачный, злосмрадный, молниелучный, детоумный и т. п.), с другой же стороны, наблюдаются и резкие подчас отступления от киевской традиции. Феофан, заметно воздерживаясь от латинизмов, не стесняется пользоваться и такими обветшалыми славянизмами, как *праг* и *крава*, и такими просторечными украинизмами, как *послухай* и *звати треба*, и — это, пожалуй, всего знаменательнее, — такими русизмами, как *крепчае* и *глубочае*. Языковые навыки «киевских Афин» оказались тесны и другому даровитому местному уроженцу, Дмитрию Ростовскому. В отличие от Феофана, латинизмов он не чуждался,[59] но в своей «Рождественской драме» прибегает к таким стилистическим контрастам, на какие не отваживался никто из тогдашних киевлян: с высокого церковного слога он в самые торжественные моменты вдруг соскакивает на бытовой крестьянский говорок — то украинизированный, то русский.[60] В языке обеих названных пьес явственно ощущается многообещающее брожение, которое на рубеже двух веков было так характерно для всех, кто был причастен к борьбе за создание новых стилей русского литературного языка. Обе пьесы должны быть подвергнуты поэтому подробной выборке.

Московская славяно-греко-латинская академия, несмотря на тесные связи с Могилянской коллегией, создала свою драматургическую школу, по языку не сходную с киевской. На протяжении первых пятнадцати лет XVIII в. язык московских библейско-агиографических «комедий» мало отличался от того, какой облюбовала для своего театра царевна Наталья: здесь, как и там, стремились не отходить от установившихся к концу предыдущего столетия книжно-церковных грамматических норм, а в области лексики избегать по возможности чужеязычных заимствований: польско-украинские латинизмы (сенатор, натура, фортуна, персона, фрукты, фамилия) пускались в оборот лишь в очень редких

---

[59] Одна из аллегорических фигур, введенных в «Рождественскую драму», выражается, например, так:

Внимать сладкогласному сему инструменту
Сего слыша, никогда дознавай ляменту.

[60] В сцене поклонения вифлеемских пастухов новорожденному Христу, например, один из пастухов обращается к лежащему в яслях младенцу с такими словами:

И аз ти кланяюся, боже воплощенный,
Да нас возвеселиши, в плоти умаленный.

А другой пастух говорит так:

Это нам, деревенским, зде лежать прилично,
А тебе, спасителю, этак необычно.

случаях. Подобную сдержанность труднее было бы соблюдать в пьесах «мирского» содержания, особенно же, конечно, в любовных диалогах, где встречаются такие, например, реплики: *Моего сердечна секрета не повем никому* или *Фи, фи, мерзостный и дерзостный языче!* Случалось и так, что в число действующих лиц комедии, представлявшей собой переработку какого-нибудь античного поэтического предания, включался взамен интермедии шутовской персонаж, который уже без всякой оглядки на книжный язык изливал со сцены потоки грубейшего сквернословия. Если не считать таких довольно редких прорывов в сторону вульгарного русско-украинского просторечия, язык московских академических пьес раннего периода настолько однороден и беден, что выборочная выписка из них только отдельных цитат вполне удовлетворит потребности Словаря.

С середины 10-х годов в языковом творчестве московских академических драматургов становится заметен некоторый сдвиг. Русский язык нового народно-литературного типа, носящий явные следы воздействия разговорной речи, начинает даже и в библейских пьесах оттеснять мало-помалу старый язык книжно-славянского типа. Такова, например, сочиненная около 1717 г. комедия о царе Давиде, где наряду с архаическими славянскими глагольными формами (призва, рече, приступиша, имам, родихся, явихся) довольно широко представлены и русские (воцарился, приклонился, сотворил, поговорим, имеетца) и появляются такие числительные, как *двенадцать*, такие наречия, как *немедленно*, такие словосочетания, как *неудобное дело*. На протяжении последующих десяти-двенадцати лет этот процесс получает столь быстрое развитие, что относительно московских академических пьес конца 20—начала 30-х годов трудно уже определить, какой из двух типов языка является в них основным, преобладающим. В пределах одной и той же драмы («Драма о Езекии», 1728) одно действующее лицо выражается так: «Кто убо аз бех прежде?», а другое так: «Никогда твоей любви к нам не забудем». В чудовищно громоздкой трилогии на светскую псевдо-историческую тему («Акт комедиальный о Калеандре и Неонилде», 1731) и в несколько более поздней, может быть, «Комедии о графе Фарсоне» (самый ранний список ее датирован 1738 годом)[61] слышны уже, несмотря на драматизм содержания, откровенно просторечные, иногда почти прибауточные интонации (авос-либо оная перед вами явитца; экой бездельник, так мне досаждает; полно веселитца, пора в гроб ложитца; ну-те, братцы; сунься-ста

---

[61] С. А. Щеглова предполагает, что эти две пьесы ставились не на школьной сцене, а разыгрывались на площадях актерами-любителями (С. А. Щеглова. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар. Тр. Отд. древнерусской литературы Инст. русской литературы АН СССР, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 270). Однако же связь этих пьес с московской академической традицией совершенно очевидна, чего не отрицает и С. А. Щеглова. По ее

ко мне, не унесеш ноги), которые уживаются, впрочем, и с дательным самостоятельным (спящу ми на ложи), и со звательными падежами (Антигрине, бралианте, Цесарю, Фортуно, пажу), и с аористами, и с имперфектами, и с энклитическими формами личных местоимений. О былом пуризме нет уже и речи: нахватанными из самых разнообразных источников европеизмами пользуются без всякого стеснения (виктория, под арест, фундамент, империум, гофмейстерина, каналия, венерую, протокол, бестианцы, фертмаршал, покал, марш, пакет, в осамблеи аз бых) и часто без всякой надобности (апартамент, кавалерское платье, в команде имущий). В монологах христианского провидения мелькают имена обитателей языческого Олимпа, и то же провидение, обращая «глас ко пророку», выражается так: «Солнце вспят возвращает, вспят на десять степеней от центру своего».

Таков был не лишенный известной прогрессивности, но беспомощно хаотический слог театральных авторов Московской славяно-греко-латинской академии (в их числе был и преподаватель риторики) в ту пору, когда ее покинул Тредиаковский и когда в число ее учеников был только что принят Ломоносов. Оценка ранних поэтических и лингвистических трудов того и другого немыслима без тщательного изучения этого слога, обоим отлично, разумеется, знакомого: вероятно, ему главным образом обязаны своим зарождением первые идеи Ломоносова и Тредиаковского о настоятельной необходимости «вычислить» и упорядочить русский литературный язык, почему чрезвычайно пестрые лексические элементы именно этого драматургического слога должны быть представлены в картотеке возможно более полно.

В те же годы (1722—1742) существовал в Москве, как известно, и другой школьный театр — «Феатр публичный в Московской гошпитале», которым руководил голландский медик Николаус Бидлоо и где в качестве авторов и актеров подвизались его ученики, набранные преимущественно из числа питомцев той же Московской академии. Судя по тому очень немногому, что дошло до нас из репертуара «феатра», гошпитальные драматурги отставали от академических по части работы над языком. Основой оставался здесь язык старо-книжного типа со всеми его лексическими и морфологическими особенностями. Сближения с разговорной речью избегали весьма старательно, и просторечие врывалось в текст только в очень редких случаях (ныне плакать и охать вечно ты затела; мы и в нос не дуем; что за бабью нам загадку гадает; умеете за печью рассуждать смело). Но зато модному увлечению чужеязычными словами, не всегда верно понимаемыми, предавались подчас так безудержно, что иногда

мнению, «Комедия о Фарсоне» написана не ранее 1732 г. (С. А. Щеглова. К истории драмы XVIII века о графе Фарсоне. «Сборник статей к 40-летию деятельности академика А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 133).

целые фразы состояли почти сплошь из таких слов.[62] В последней особенности единственная в сущности ценность этих пьес для Словаря: они дадут возможность пополнить картотеку такими заимствованными словами, каких может не оказаться в других источниках.

Даже и этой, весьма ограниченной ценности лишен язык драматических произведений, которые ставились на провинциальных семинарских сценах (их дошло до нас очень мало). Он примечателен разве только своим консерватизмом, напоминающим традиции театра царевны Натальи Алексеевны. Такова, например, панегирическая драма «Стефанотокос», написанная префектом Новгородской духовной семинарии и разыгранная в 1742 г.; таков же и панегирический «Диалог», сочиненный в Тверской семинарии четырьмя или пятью годами позже, когда уже приобрела широкую известность поэзия Ломоносова и когда приступал к драматургической деятельности Сумароков. Именно поэтому составители картотеки должны уделить известное внимание и этим пьесам: они позволят зарегистрировать немаловажные факты позднего употребления таких форм, как *под моима ногама,*[63] *умыслихом, проседшеся, отрекостеся, уведят, вем, веси* и т. п., а в свете этих фактов яснее станут заслуги Ломоносова и Сумарокова в деле обновления театрального языка.

Существенно обогатит картотеку язык интермедий, или, как их называли иногда, интерлюдий. Этот театральный жанр оказался весьма живучим: эволюционируя в сторону все большей демократизации, он продержался до конца XVIII в.[64] Основной наиболее ценной для Словаря особенностью языка интермедий является несомненная его близость к живой речи средних пластов городского населения, вполне понятной, разумеется, и представи-

---

[62] Например, в панегирической трагедии ученика хирургии Ф. Журавского «Слава печальная» (1725) были такие стихи:

Не дал ли Петр России днес архитектуру,
Оптику, механику, да учат структуру,
Музыку, медицину, да полированны
Будет младых всех разум и политизованны.

Или:

А салдаты с мушкеты все и гранодеры
Марсовато ходят все, аки бы кавалеры.

В другой пьесе того же автора — «Славе российской» (1723—1724) встречается и прилагательное «марсоватый».

[63] Нельзя не отметить, впрочем, что двойственное число вплоть до самого конца XVIII в. продолжало еще жить в грамматическом сознании даже наиболее передовых литераторов: поэт Н. А. Львов, советчик Державина и в какой-то мере соратник Карамзина, писал в стихотворном послании, датированном 1797 годом: «Слепой очима, духом зрячий...» («Литературное наследство», кн. 9—10, М., 1933, стр. 271).

[64] См.: В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII в. Тр. Отд. древнерусской литературы Инст. русской литературы АН СССР, т. X, М.—Л., 1954, стр. 408, примеч. 3.

телям социальных верхов. В первой трети столетия интермедии, оправдывая свое название, были только придатком к серьезным пьесам и доставляли во время антрактов гигиенически необходимый отдых от того умственного напряжения, какого требовал от зрителей трудноусвояемый язык школьной драмы. В те годы публику было принято веселить весьма циничными подчас шутками, в связи с чем язык интермедий бывал нередко загрязнен множеством непристойных слов, а иногда еще засорен вдобавок не вязавшимися с народной речью славянизмами (слышу его сюды идуща, многими вопросы, восхотел еси, абие, яко же, минушася, глаголеши и т. п.) и новыми европеизмами (фляжка, брант-вин, дишкант, менуе́, антраша, резолюция, кухмистр, учини корнутом). От этих примесей он заметно очистился с тех пор, как во второй трети века интермедия сошла со школьных подмостков и, став уже не «междувброшенным», а самодовлеющим представлением, сделалась достоянием народного театра. Последний, сохраняя ее развлекательность, начал все охотнее придавать ей сатирический, обличительный характер: высмеивались помещики, судьи, подьячие, духовные лица, лекари.[65] С годами язык анонимных авторов стал почти совпадать с языком их городской демократической аудитории и только изредка разнообразился пародированием чужих говоров. Но в картотеке язык ранних интермедий, для своего времени чрезвычайно характерный, должен быть представлен с такой же по возможности исчерпывающей полнотой, как и грубоватый, но крепкий и по-своему цельный язык народных интермедий второй половины XVIII в.

Серьезнейшего внимания и подробной выборки требуют переведенные Тредиаковским в 1733—1735 гг. для придворного театра тексты итальянских интермедий и «перечни» (т. е. сценарии) итальянских комедий.[66] По весьма точному замечанию В. Н. Перетца, Тредиаковский — несколько для него неожиданно — нашел в этом случае для либретто «язык простой и хотя для нашего времени устаревший, но достаточно ясный и чистый, даже брезгающий народными словами и оборотами речи».[67] Язык этот чрезвычайно ценен, в частности, наличием целого ряда таких выражений, которые дожили до наших дней и в литературном языке и в живой речи (оставьте его в покое, дала ему поесть; то и другое явно скалькировано с французского, но есть и чисто русские: бежит вода, сидеть дома, лежал в смысле «болел», танец на русскую стать, по рукам ударили и т. п.), поговорок, тоже еще живых (толочь воду в ступе, ковать железо, пока горячо), а иногда и пословиц (сухая ложка рот дерет). Интересны и дру-

---

[65] См.: П. Н. Берков. Русская народная драма. В кн.: Русская народная драма XVII—XVIII вв. М., 1953, стр. 16—18.

[66] См.: В. Н. Перетц. Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе имп. Анны Иоанновны в 1733—1735 гг. Пгр., 1917.

[67] Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Пгр., 1918, стр. 150—151.

гие особенности этого языка: *стень* в знач. «признак», *пащека* (челюсть животного), последовательное употребление глагола *благодарить* с дательным падежом, не менее последовательное употребление просторечных глаголов *пужать, дражнить, передражнивать* и т. п.

V

В продолжение первых пяти десятилетий XVIII в. беллетристические произведения русских писателей не проникали, как известно, в печать. Вся дошедшая до нас оригинальная художественно-повествовательная проза этого времени исчерпывается немногими рукописными «гисториями», из которых только одна точно датирована и не анонимна.[68] В картотеке нельзя не отразить их лексику и фразеологию, но при пользовании выбранными из них цитатами составителям Словаря придется проявлять, как уже говорилось, особую осторожность. Такого осторожного отношения требуют и наиболее поздние повести 40—50-х годов — о гишпанском дворянине Карле и об Архилабоне, справедливо признаваемые наиболее чистыми по языку.[69] Автор повести о Карле, судя по его пристрастию к канцеляризмам (за что оные доносители награждены быть имеют; а стол иметь с кавалерами; ко двору не требовать, так и от команд не репортовать; во всю его бытность на своем коште содержан и довольствован и т. п.), вышел, вероятно, из рядов того же мелкого столичного чиновничества, к которому принадлежал и автор «Архилабона»; уровень языковой культуры того и другого весьма невысок: в этом убеждают не только грубые искажения чужеязычных слов (*патрет, фуриетор, цегувая карета, для курезити* вместо обычного тогда *куриозите*) и неверное понимание их значения (приказал корете за конем ретироватца), но и несвойственное образованным людям того времени обращение с русскими словами (*дворецкой* отожествляется с *дворянином, при тогдашнем времени, при време* и т. п.).

Первым в XVIII в. и вплоть до начала 40-х годов этого века единственным переводным беллетристическим произведением, появившимся в печати, была повесть Поля Таллемана «Езда в остров любви», вышедшая в свет в 1731 г. Смелость и серьезность лингвистических намерений Тредиаковского, пытавшегося перевести ее «почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим», шумные и противоречивые толки, вызванные ею в разных кругах тогдашнего общества,[70] внимание, которое уделяли ей, по-видимому, еще в последней

---

[68] «Гистория королевича Архилабона», написанная в марте 1750 г. в Москве сенатским чиновником Петром Орловым.

[69] История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 454.

[70] П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., 1936, стр. 20—22.

четверти XVIII в., о чем свидетельствует выпуск в 1778 г. второго ее издания, — все это заставляет признать этот переводной текст настолько замечательным явлением в истории русского литературного языка, что сплошная выборка безусловно необходима. Что касается печатавшихся в первой трети XVIII в. книг исторического содержания, воспринимавшихся читателями как художественные произведения, то те из них, которые в рукописном виде были в ходу уже в предыдущем столетии, дадут материал для выписки только отдельных, семантически или грамматически наиболее ярких цитат. Зато полной выборки потребует весьма известный под названием «Апоффегмата» историко-нравоучительный сборник, который был переведен с польского и напечатан еще при Петре и до конца столетия оставался, по авторитетному сообщению Новикова, «в уважении у чтецов из небогатых людей»: на протяжении семидесяти лет (1711—1781 гг.) он выдержал десять изданий. Таким успехом сборник был обязан, конечно, содержанию входивших в него «узловатых» повестей, а не языку, еще далеко не чистому и не гладкому, пестревшему архаизмами, украинизмами и полонизмами (отревает, штидесят дву лет, смотрилися, стоскнувся, укусно, провинка, здобычь и т. п.), но из-за исключительной популярности книги этот язык не мог не оказать влияния на широкую читательскую, а тем самым и на писательскую среду.

VI

В XVIII в. фольклор, как совершенно правильно констатирует М. К. Азадовский, занимал огромное место в быту всех без исключения слоев русского общества. По замечанию того же исследователя, представители литературных и научных кругов — в зависимости от классовой позиции каждого деятеля — оценивали фольклорную стихию далеко не одинаково и пользовались ею по-разному,[71] но, начиная с Татищева, Тредиаковского и Кантемира и кончая Радищевым, Карамзиным, Болтиным и Барсовым, не было ни одного сколько-нибудь крупного русского писателя и ученого, на которого устное народное творчество не оказало бы того или иного, в большинстве случаев существенного воздействия. Через них оно мощно влияло и на развитие литературного языка. Чем более с годами сближался последний с разговорной речью, тем значительнее становилось это фольклорное влияние. Живая, не прерывавшаяся связь с языком народной поэзии и помогла — более, может быть, чем что-либо другое — «переварить», как выразился Л. В. Щерба,[72] все то новое и старое, свое и чужое, что поглотил

[71] М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 47—48 и сл.

[72] Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 125.

русский литературный язык с конца XVII столетия. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что произведения устного народного творчества должны быть обязательно введены в круг источников Словаря.

Что касается, в частности, первой трети XVIII в., то язык фольклора этой поры достоин особенно внимательного изучения. Резкое ускорение темпов государственной жизни, всколыхнувшее весь народ на пороге нового столетия, решающая роль, которая выпала на долю народа в перестройке и укреплении государства, сознание народом этой своей роли, обострение классовой борьбы, а с другой стороны, и некоторая терпимость, которую власти по ходу этой борьбы сочли полезным проявить по отношению к недавно еще запрещенным народным песням и игрищам,[73] — все это вызвало заметный подъем устного народного творчества, наполнило его новым, часто злободневным содержанием, натолкнуло на искание новых форм и значительно обогатило его язык.[74] Это обогащение заключалось не только в том, что осваивались и с обычным для народной поэзии художественным тактом укладывались в песенный и сказочный строй новые наименования званий, должностей, учреждений, новая военная, чиновничья и техническая терминология (графы, генералы, подполковнички, майорушка, адмиральша, губернаторы, капрал, матрос, драгун, сенат, лагирь, погоны, крона, провиант, фонтаны, камзол и т. п.), новые словосочетания, уже приобретавшие в иных случаях устойчивость (швецкие караулы, пехотные полки, ранг высокий, государевы гребцы, сержант полевой, российская армеюшка, капитан бомбардирский, первой император и т. п.), и зачатки новой фразеологии, оставившие некоторый след и в современном нам языке (примыкали штыки на мушкеты, быть в рекрутах, на часах стоит, на линию гонять, царю репортует,[75] последнюю честь с церемонией отдавать и т. п.). Для развития литературного языка еще важнее было то, что здесь, в устном народном творчестве, в отличие от тогдашнего письменного, не иссякали и в это время родники подлинной, иногда очень высокой поэзии. Бережно хранимые художественные традиции прошлого не мешали поэтической мысли народных творцов делать свое созидательное дело: новая действительность и порожденные ею новые понятия, переосмысление и переоценка старых понятий получали тут отражение в неожиданных, сильных образах, глубоко внедрявшихся в память.

[73] В сочинениях некоторых иерархов встречаются еще в конце XVII в. запрещения: «не колыхатися на качелях и не пети бесовских песней, не творити игр» (В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I. СПб., стр. 195).

[74] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, стр. 702—709.

[75] В отличие от канцелярского языка XVIII в., где глагол *репортовать* был чаще глаголом переходным: репортовал президента Манифактур-коллегии, репортую Вотчинную контору.

Достаточно вспомнить хотя бы песенное изображение полтавского поля битвы под видом «шведской пашни», которая распахана солдатской белой грудью, орана солдатскими ногами, боронена солдатскими головами, поливана горячей солдатской кровью, или другую, тоже символическую и не менее выразительную картину ненастья, когда расплакалась травушка зеленая, а мати земля сырая унимает ее словами:

Не одной тебе в чистом поле тошненько,
И мне еще тово тошнее.

На основе подобных поэтических образов не могли не возникать такие метафоры, которые утвердились затем в языке в качестве новых, так называемых переносных значений старых слов.[76] Для XVIII в. это еще совсем неразведанная область. Приняться за ее основательное изучение можно будет лишь после того, как создан будет словарь, опирающийся одновременно и на литературные и на фольклорные источники.[77]

В картотеке должно быть представлено в порядке выборочной выписки цитат все наиболее значительное и новое, что дал за интересующий нас период язык народных исторических и лирических песен (одних только песен, связанных так или иначе с личностью Петра I, насчитывается около двухсот), сказок и былин, пословиц, поговорок и подписей к народным картинкам.

VII

Из числа произведений художественной литературы, появившихся во второй трети XVIII в., наиболее обширную и важную группу источников Словаря должны составить произведения поэтические.

С половины тридцатых годов до начала шестидесятых стихотворные жанры являлись тем «опытным полем», где всего деятельнее шла обработка русского литературного языка. В составе же стихотворных памятников этого периода первое место принадлежит, разумеется, стихам Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова. В кипевших тогда теоретических спорах о задачах

---

[76] Не исключена, например, возможность, что именно такими путями вошло в литературный язык одно из переносных значений существительного *искра*; в записанной М. Д. Чулковым песне XVIII в. есть слова: Не во всяком самоцветном камне искра.

[77] Как заманчиво было бы, например, исследовать родственные связи существовавших в XVIII в. выражений *привод воды* и *взводить воду* со словом *водопровод*, причем в качестве материалов для исследования могли бы быть привлечены в числе прочих, с одной стороны, формула Ломоносова: *Способы, как фонтаны делать без приводу с высоких мест воды*, а с другой стороны, слова народной песни Петровского времени: *Москворецкая вода по фонтанам взведена.* Не менее интересно было бы сопоставление литературного и разговорного слова *бесценок* с песенным *бесцен* (он дороги товары за бесцен дает).

и средствах литературного языка они трое были главными «зачинщиками»; каждое стихотворение каждого из трех задавалось в какой-то мере целью продемонстрировать применение тех или иных теоретических взглядов и оказывалось актом лингвистической борьбы. В ходе этой стихотворной битвы и закладывались основы отвечавшего новым потребностям жизни литературного языка. Поэтической лексике Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского уделено в прошлом немало внимания, но сколько-нибудь удовлетворительных словарей их языка еще нет. Только сплошная выборка даст возможность приступить к обстоятельному научному его изучению, которого поэтический язык всех троих, в силу исключительно крупной исторической своей роли, настоятельно требует. «Глазомер», всегда опасный, когда речь идет о регистрации явлений языка, в данном случае безусловно недопустим.

Если недостаточно полны и не всегда точны пока наши сведения о языке трех главнейших поэтических деятелей середины XVIII в., то лексические запасы и грамматические навыки их второстепенных и третьестепенных собратьев по перу почти вовсе еще не обследованы. Каков бы ни был художественный уровень их стихотворчества, образцы последнего нельзя не ввести в круг источников Словаря. Цитаты из них (выписанные, конечно, только выборочно) помогут создать тот исторический фон, без которого немыслимо составить себе ясное представление о постепенной перестройке системы поэтического языка. Картотека должна располагать данными, во-первых, о том, как долго удерживались в нижних пластах литературы те старые языковые средства и приемы выражения, от которых писательские верхи исподволь отказывались, и о том, во-вторых, как скоро и в каком виде перенимались низами новые языковые средства и приемы выражения, пущенные в оборот на верхах.

Этот художественно далеко не яркий, но совершенно необходимый материал не обременит картотеку: во второй трети XVIII в. его сравнительно немного. Печатное собрание сочинений удалось выпустить только одному из мелких поэтов — И. К. Голеневскому. Произведения остальных рассеяны (часто без имен авторов) по целому ряду периодических и самых разнообразных не периодических изданий. Выборку из этих стихов надо производить так, чтобы в картотеке был отражен язык разных литературных групп на разных этапах их существования.

В тридцатых и в самом начале сороковых годов одну из таких групп составляли те, чьими стихотворческими услугами пользовалась Академия наук для перевода на русский язык домодельных панегирических стихов — немецких, латинских, итальянских. Это были поздравительные оды, надписи к фейерверкам и иллюминациям и т. п. В «Примечаниях к Ведомостям» печатались, впрочем, изредка переводы стихотворений и других жанров (например, римского поэта IV в. Авзония, французского поэта

XVII в. де Барро и др.). О том, каков бывал язык академических переводчиков этого времени, можно судить хотя бы по следующему началу написанной в 1734 г. латинской оды на день восшествия на престол императрицы:

Россия храбра! всегда к торжествам способна!
Красота и государств! имя, страшно свету!
И непобедимым здесь правящая Марсом![78]

или по следующему четверостишию из итальянского приветственного сонета, написанного в 1736 г. директором выступавшей при русском дворе итальянской труппы Иосифом Аволис:

Здравствуй, героиня в веке! здравствуй, о преславна:
Се к твоим Азия вся ногам припадает,
Что нрав стал быть тверд тобою бывший в ней издавна,
Отдая же честь тебе, себя почитает.[79]

К произведениям этих «должностных» литераторов можно присоединить и ту серию стихотворений, тоже, очевидно, переводных, которая появилась в 1736 г. в связи с приездом в Россию выписанных из Саксонии специалистов «рудокопного дела».[80] Это были сочиненные от их имени приветственные песни императрице, одновременно и панегирические, и дидактические. Художественностью они не блещут, но картотека не может не воспользоваться довольно обширным подбором содержащихся в этих стихах горных терминов (рудная жила, горный хрусталь, копань, горокопцы, штейгер, маркшейдер), многочисленных названий орудий производства (ломы, топоры, молоты, кирки, клинье, ямные лампады, магнитная стрела, горные весы, рудокопный компас, руды указующая лоза и т. п.).

Академические стихотворцы 30-х годов были бесспорно в какой-то степени учениками Тредиаковского. Его ушам, как сам он признавался, славянский язык казался в ту пору «жесток». Избегают славянизмов и его последователи. Чуждаются они и варваризмов, которых остерегался тогда Тредиаковский,[81] силившийся писать «почти самым простым русским словом». Достойными подражания представлялись им и «многочисленные и ничем не ограниченные инверсии»[82] Тредиаковского: это видно из приведенных примеров (что нрав стал быть тверд тобою бывший в ней издавна). При всем том их тяжелый, спотыкающийся, не

[78] Архив АН СССР, разр. II, оп. I, № 015, стр. 100. Автор оды — Иоанн Фабри Панноний. Имя переводчика не выяснено.

[79] Имя переводчика, старавшегося, видимо, подражать Тредиаковскому, также не выяснено.

[80] Тр. Комиссии по древнерусской литературе АН СССР, т. I, кн. V, М.—Л., 1928, стр. 107—114.

[81] П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 19 и 288, примеч. 29.

[82] С. М. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. В кн.: Тредиаковский. Стихотворения. Л., 1935, стр. 63.

всегда удобопонятный поэтический язык оставался безжизненно сухим, лишенным какой бы то ни было выразительности, сбивающимся на деловой.

Итоги десятилетнего воспитательного воздействия Тредиаковского несравнимы с тем, что сделали на протяжении каких-нибудь полутора-двух лет первые оды Ломоносова. Начиная примерно с 1743 г., элементы преобразуемого Ломоносовым высокого поэтического слога становятся как бы обязательными для официального академического стихотворства. Таковыми остаются они и в продолжении следующих двух десятилетий. Цитаты из произведений таких прямых последователей Ломоносова, как уже упоминавшийся И. К. Голеневский, Н. Н. Поповский, А. Л. Дубровский, Ф. Я. Яремский, И. С. Барков,[83] из анонимных панегирических стихов, печатавшихся в академических изданиях данного периода, покажут, как быстро и основательно осваивался вклад, внесенный в русский литературный язык начальными одическими опытами Ломоносова. Перенимались прежде всего те «украшения», которые должны были придавать, по учению Ломоносова, поэтической речи «великолепие и силу». Таковы, например, были эпитеты, которыми тогдашняя школа Тредиаковского пренебрегала и которым ломоносовская школа придавала, наоборот, существенное значение. Из числа подражателей Ломоносова ни один не обладал его творческим темпераментом, а потому и эпитеты, которыми они украшали свои стихи (волна златая, златые струи, бисерны фонтаны, бисерная пена, маргаритны стены, светлое око, багряна дверь и т. п.), были лишены громогласной смелости, какой отличались ломоносовские эпитеты (паляща хлябь, полки орлины, нетленная книга, горяща мысль, алчна челюсть, седая пена, огнь ревущий, умытый кровию меч, бурные ноги коней и т. п.). Так же робки и бледны у этих стихотворцев и так называемые «тропы речений и предложений» (ты славу в плен взяла; щедрота здесь цветы растит; сила с славою в монархине цветут; (природа) ударяет в свой тимпан и т. п.), а если кто-нибудь из них и решался изредка на поэтическую дерзость, то это кончалось обычно неудачей. Так случилось, например, с Голеневским, когда он попытался назвать солнце титаном, который гордится *горящим цугом* и *огнь из ноздрей на землю льет*. Однако, несмотря на все это, подобные поиски материала для «украшений», особенно же поиски метафор были при тогдашних условиях несомненно плодотворны. Они заставляли пересматривать с новой точки зрения лексические запасы языка и вводить в литературное употребление такие слова, которыми до того пользовались только в разговорной речи. Подобные услуги лите-

---

[83] О «чистом и приятном», по отзыву Новикова, языке Баркова даст, впрочем, едва ли верное представление то очень немногое из им написанного, что по характеру своего содержания может быть подвергнуто выборке.

ратурному языку образное употребление слов оказывало иногда и в тех случаях, когда с поэтической стороны оно бывало заведомо неудачно; наглядным примером могут служить следующие два стиха:

Благословение вновь сыплется на мя,
А я его с себя стрясаю на тебя.[84]

Из произведений тех же второстепенных поэтов видно, что оды Ломоносова сняли негласный запрет с заимствованных слов, уже успевших утвердиться в языке (натура, фрукт, нектар, планета, перл и т. п.), и широко пустили в поэтический оборот те общепонятные «речения славянороссийские», которые, по мысли Ломоносова, должны были явиться лексической основой высокого слога (приял, подъемлет, зиждет, мещет, зрю, древеса, очеса, дщерь, днесь, купно и т. п.). Удивительнее же всего и важнее, пожалуй, то, что за чрезвычайно короткий исторический срок Ломоносов своими одами научил даже и мелких поэтов придавать стихотворному языку благозвучие и гибкость, каких еще не знала русская письменная поэзия.[85] Этими уроками воспользовались не одни только демократические последователи Ломоносова.

Особую группу стихотворцев, по языку заметно отличавшуюся от академической, составляли преподаватели и воспитанники духовных школ. Они выступали со стихами еще и во второй половине 40-х годов, но их произведения едва ли заслуживают выборки. Это были преимущественно панегирические приветствия и канты, приуроченные к тем или иным мелким событиям придворной жизни (посещения императрицей монастырей, возвращение ее в Петербург из очередной поездки в Москву и т. п.). Широкого

---

[84] Надпись к новогоднему фейерверку 1756 г. «Ежемесячные сочинения», СПб., 1756, январь, стр. 13. Автором немецкого текста был Я. Я. Штелин. На русский язык она переводилась в Ведомостной экспедиции Академии наук, где в качестве переводчиков работали в то время И. С. Горлицкий, К. А. Кондратович, В. И. Лебедев, В. Е. Теплов и Г. Фрейганг. Кто из этих пяти лиц перевел стихи Штелина, не установлено.

[85] Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить приведенные выше отрывки из стихотворений академических поэтов 30-х годов со следующими хотя бы фрагментами произведений их преемников, выступавших в печати в 50-х годах:

На что ни обратит свои кротчайши взоры,
Все радость чувствует — земля, моря и лес,
И оживляются бесчувственные горы.

(Н. Н. Поповский. Панегирические стихи 1754 г. Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 189, л. 334).

Обратно потекут к своим вершинам воды,
И солнце примет путь не тот, что в прежни годы.
Звездами будет вся испещрена земля,
И станут на небе сохой орать поля.

(А. Л. Дубровский. Перевод элегии Овидия. «Ежемесячные сочинения», СПб., 1756, октябрь, стр. 380).

распространения они не получали и не могли поэтому оказывать влияния на развитие литературного языка. Веяния времени оказали некоторое действие и на этих стихотворцев. Они пытались иногда применять предложенные Тредиаковским способы стихосложения[86] и, что для нас более существенно, примирились с необходимостью отказаться от старого книжно-славянского типа языка. Однако то и другое давалось им трудно. Так, когда в 1744 г. в Троице-Сергиевской лавре императрицу приветствовали и славянскими и русскими стихами, автор русских стихов не сумел обойтись без таких славянизмов (желаша, храняй, владый, юже, ку́ю радость, день тот, в оньже к нам грядет и т. п.), от которых к тому времени уже освободился язык столичных поэтов. Еще менее чисты по языку были стихи киевских церковных деятелей, таких, например, как М. Козачинский. К славянизмам примешивались у него не только чрезвычайно многочисленные украинизмы (якое, произийшлы, мнозы, виражают, простачкы, истие, старобитние и т. п.), но и такие искажения русских слов (*спрежде* вместо *прежде*, *заглаждает* вместо *заглаживает*, *попожити* вместо *пожить* и т. п.), которым не место ни в Словаре, ни в картотеке. В стихах школьных поэтов не обнаруживается никаких признаков влияния ломоносовской поэзии. Из всех дошедших до нас произведений этой группы стихотворцев достойно выборки, кажется, только одно, по языку резко отличающееся от прочих: это написанное в Вологде не позднее пятидесятых годов, а может быть еще в конце тридцатых, назидательно-сатирическое послание к скупому человеку.[87] Количество славянизмов, украинизмов и европеизмов здесь незначительно, а русская просторечная лексика и фразеология представлены так богато (брюхо, глаза впали; в петлю лезти; волочу чють ноги; хлеба кус; грабить меня хошь; последнюю содрать кожу; на ветер слова свои, как мякину, веешь; на вси слова твои плевать без разбору и т. п.), что упускать подобный источник нельзя.

Если школьная семинарская поэзия была в середине века явлением уже пережиточным и малозаметным, то совершенно новым явлением, вносившим существенные изменения в систему литературного языка, была поэзия дворянская. Она зародилась, как известно, в половине 30-х годов. Ее колыбелью было первое специальное дворянское военно-учебное заведение — так называемая Рыцарская академия, переименованная затем в Сухопутный шляхетный корпус.

Самых ранних образцов этой поэзии, восходящих к 30-м и к началу 40-х годов, до нас дошло очень мало — менее десятка. Все они относятся к области панегирического стихотворства. Их

[86] См.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 35—40.

[87] Изв. по русскому языку и словесности АН СССР, т. I, кн. 2, Л., 1928, стр. 341—357.

неустоявшийся язык носит следы самых разнообразных и притом противоречивых влияний и еще очень далек от того, что к началу 50-х годов обратилось в своего рода норму дворянской поэтической речи. Так, анонимная кадетская ода на новый 1736 год и появившееся год спустя стихотворение кадета М. Г. Собакина «Выслушай мой вопрос. . .» являются по структуре своей повторением «стиховных штук» школьной лирики Петровского времени, а по пестроте лексики близки к панегирическим виршам той же эпохи. Достаточно показателен в этом отношении такой, например, стих из оды 1736 г.:

А егда воздух шумит, трещит арматура,[88]

где из шести слов три общеразговорных, одно просторечное, один славянизм и один варваризм. Нечто подобное видим и в стихотворении Собакина:

Кто тя толь украсил, яко розу в лете.

Собакин к тому же пользуется здесь и аористами (свободи, показа, дадеся), но в следующем его стихотворении («Совет добродетелей», 1738) славянизмов уже гораздо меньше. Анонимная кадетская ода 1738 г. является прозаическим переводом немецкого текста; русский язык тут довольно чист, только это не поэтический, а деловой язык, сходный несколько с дипломатическим языком той поры, например: Тебя прославляет и хвалит неисчетное число тех людей, которых благополучие произошло от твоего совета; Малое пространство курландского престола определенныя к империи главы вместить не могло. Сумароков, питомец той же Рыцарской академии, в новогодних одах 1740 г. (это первое его выступление в печати) открыто подражает Тредиаковскому, заимствуя у него, подобно ранним академическим поэтам, и форму стиха, и приемы выражения, и даже затемняющие смысл инверсии. Вот примеры:

Но смолчать нельзя, что ж мне взять за средство,
Не умея же петь чтоб не впасти в бедство?

Или:

О Россия! веселись, монархиню видя,
Совершенную в дарах, на престоле сидя.

---

[88] Ода 1736 г., написанная силлабическим тринадцатисложным стихом, являлась длинным акростихом, в качестве же эпиграфа к ней было дано следующее четверостишие, которое представляет собой как бы утроенный акростих:

Анна, буди здравА, от бога нам даннА.
Новый год ти миреН дай бог и угодеН,
На победы силеН, земли плодородеН.
Анна, ты нам славА, будь богом сохраннА.

Эти четыре стиха состоят, в отступление от нормы, не из 13, а из 12 слогов, и цезура следует, тоже в отступление от нормы, не после 7-го, а после 6-го стиха. Те же отступления от нормы допущены и в стихотворении Собакина. Не он ли был автором эпиграфа?

Иногда Сумароков, в отличие от своего учителя, пытается украсить стих поэтическим образом, но это удается ему плохо. Например:

Бомбы в воздухе летят недо достигати,
Чтоб небесна на врагов грому там достати.

Русская разговорная лексика тут довольно чиста, но бросаются в глаза явные нелады с синтаксисом. А три года спустя, в 1743 г., тот же Сумароков, по примеру следующего поколения академических поэтов, решительно отворачивается от Тредиаковского и усердно старается перенять поэтические приемы Ломоносова,[89] но, как и академические стихотворцы, осваивает ломоносовскую поэтику только внешним образом: появляются и «славяно-российские» слова (приял, подъемлет), и претендующие на выразительность эпитеты (кровавый меч, плененный ум, страшный час), и гиперболы ([рука], которая единым махом сильна низвергнуть грады прахом), однако «пермесского жара» все это не создает и не спасает оду от вялости, которая, по верному наблюдению Н. Н. Булича,[90] присуща и всей последующей торжественной лирике Сумарокова.[91]

Менее переимчив оказался Собакин, хотя знакомство с первыми одами Ломоносова не прошло и для него бесследно. Свое стихотворение «Радость столичного города Санктпетербурга», написанное в конце 1742 г., он начинает со «славенороссийского» слова и с двух олицетворений в духе Ломоносова:

Стогнет воздух от стрельбы, ветры гром пронзает,[92]

но дальше (уже со второго стиха) словно забывает о ломоносовском высоком слоге и переходит на бойкую разговорную речь светского общества, далеко не всегда отвечающую требованиям панегирического жанра.[93] Полезно сопоставить изображение

---

[89] См.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 68.

[90] См.: Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов.., под ред. С. А. Венгерова. Т. I. XVIII век. Эпоха классицизма. СПб., 1897, стр. 158.

[91] Достойно внимания, что, сурово осудив впоследствии одический слог Ломоносова, Сумароков в своих собственных «похвальных» одах продолжает пользоваться заимствованными у Ломоносова художественными средствами до конца своих дней: в его последней оде (1775) встречаем такие слова, как *возэрите, эри, подъятые, днесь, мещет*, такие эпитеты, как *бессмертна честь, тишина драгая, страшны молнии, быстрые орлы*, такие гиперболы, как *Дунай дрожит, трепещет море, колеблет Азию твой меч* или *Нептун скрывается в валах, Еол ревети не дерзает.*

[92] Собакин, видимо, хорошо знал и те оды Ломоносова, которые после воцарения Елизаветы Петровны были изъяты из обращения. В одной из этих од бог войны Марс назван Градивом. Тот же очень редко встречавшийся в литературе эпитет Марса мы видим и в данном стихотворении Собакина, которое цитируется по публикации В. Н. Перетца (см.: Изв. ОРЯС АН, т. VI, кн. 2, СПб., 1901, стр. 116—124).

[93] Сам Собакин называл эти свои стихи панегирическими (см. факсимиле его доношения в статье: П. Н. Берков. У истоков дворянской литературы

одного и того же события в стихах Собакина и в написанной одновременно с ними оде Ломоносова. Оба поэта описывали морской бой 29 июля 1724 г., когда русская гребная флотилия обратила в бегство шведскую парусную эскадру, причем Ломоносов называет шведов готами, а у Собакина их символизирует лев, государственный герб Швеции:

У Ломоносова

Так флот Российский в понт дерзает,
Так роет он поверьх валов;
Надменна дерзость уступает,
Стеня от тягости судов.
Во след за скорыми кормами
Спешит седая пена рвами.
Весельный шум, гребущих крик
Наносят Готам страх велик;
Уже надежду отвергают
И в мгле свой флот и стыд скрывают.[94]

У Собакина

Он[95] отчаен взад бежит, а куды не знает,
По несчастию своему в воду попадает,
Но как по природе льву трудно плыть водою,
То находится стеснен лютою бедою.

Такова языковая сумятица, характеризующая первые, еще ученические шаги дворянской поэзии. Нет сомнения, что в картотеке должны быть исчерпывающим образом отражены все разнороднейшие явления языка, которые, скрещиваясь и вытесняя друг друга, создавали эту сумятицу.

Как ни скудны имеющиеся в нашем распоряжении материалы, они позволяют думать, что Собакин при всей ограниченности его литературных данных ранее других своих товарищей по Рыцарской академии нащупал путь, по которому стал развиваться затем язык дворянской лирики. Но на этом скромная роль Собакина и кончилась. Вождем нового литературного движения стал Сумароков. Можно констатировать и другое: стихи, написанные Собакиным и Сумароковым в 1742—1743 гг., синтаксически несравненно более стройны и гораздо более благозвучны, чем то, что они написали двумя-тремя годами ранее. Нет сомнения, что и их обоих многому научили первые оды Ломоносова, который, стало быть, уже и тогда, на третьем году академической деятельности, был бы вправе заявить, что своими сочинениями «исправил он штиль российский».

XVIII века. Поэт Михаил Собакин. «Литературное наследство», кн. 9—10, М., 1933, стр. 429.

[94] Вторая ода 1742 г. (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 92).

[95] Т. е. лев.

В. В. ЗАМКОВА

ФИЗИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «ВОЛЬФИАНСКОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФИЗИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА

В настоящей статье рассматривается вопрос о роли М. В. Ломоносова в создании русской физической терминологии на материале его перевода «Вольфианской экспериментальной физики». В области физики деятельность Ломоносова была наиболее плодотворной и доставила ему мировую известность. Ломоносов занимался разнообразными проблемами физики: законами упругости воздуха и земного притяжения, предложил новую теорию для объяснения физических явлений теплоты, света, цветов, электричества и северных сияний; занимался наблюдением планетных атмосфер и кометных хвостов. В области механики ему принадлежит заслуга в усовершенствовании старых оптических инструментов и изобретении новых, таких, например, как батоскоп, горизонтоскоп, многие инструменты для мореходной практики, для точного определения долготы и широты на море, как самопишущий компас, усовершенствованный барометр, в создании новых машин для мозаичного производства и т. п. Ломоносовым написано немало теоретических работ в области физики.

Важное место среди других физических сочинений Ломоносова занимает его перевод «Вольфианской экспериментальной физики», сделанный в 1744 г., поскольку этот перевод является первым систематическим курсом физики. В нем были заложены основы той физической терминологии, которой Ломоносов пользовался и в последующих своих физических трудах. «Вольфианская экспериментальная физика» Ломоносова была первым учебником в этой области. Учебник являлся переводом с латинского языка шестой части сокращенного Тюммигом труда Х. Вольфа. 20 сентября 1745 г. акад. Гмелиным был представлен отзыв об этом переводе, в котором он пишет, что перевод «со всем прилежанием прочтен и усмотрено, что объявленный перевод большей части отделов вполне хорош и силу сочинителя весьма хорошо изъяснил, кроме немногих мест, которые от гдна профессора Ломоносова

при гдне докторе Гмелине отчасти и тогда же исправлены, а отчасти поправление оных до будущего печатания по находящейся в Академии росписи для того оставлено, чтоб письменного экземпляру не измарать».[1]

О Ломоносове как физике написано немало статей и исследований, однако эти работы освещают чисто физические проблемы, лишь в некоторых из них встречаются отдельные замечания о том или ином физическом термине, употребленном Ломоносовым. Так, например, в книге Б. Н. Меншуткина «Труды М. В. Ломоносова по физике и химии» по поводу перевода «Вольфианской экспериментальной физики» говорится: «В этих новых для того времени словах, но к которым мы теперь вполне привыкли, я и вижу главное значение перевода Ломоносова. Наш научный язык теперь заключает в себе немало слов, которые тогда были пущены в обиход Ломоносовым».[2] И далее следует перечисление некоторых из этих терминов: ареометр, воздушный насос, поршень, сферический, упругость, атмосфера, барометр, метеорология, термометр, манометр, игрометр, преломление лучей, теплотворная материя, микроскоп, полюс магнита, наклонение и склонение магнитной стрелки и некоторые другие.

Специально посвящена естественнонаучной терминологии в трудах Ломоносова большая статья С. М. Бурдина.[3] В этой работе дается длинный перечень терминов, встречающихся в «Вольфианской физике» Ломоносова. Соглашаясь с мнением Будиловича о том, что перевод «Физики» Вольфа и другие произведения Ломоносова «стоят многих специальных словарей и статей по терминологии», Бурдин рассматривает терминологию «Вольфианской физики», взятую саму по себе, не сопоставляя ее с тем, что уже было до Ломоносова. Поэтому к числу «странных» слов (как назвал их в «Вольфианской физике» сам Ломоносов), т. е. к терминологии, впервые употребляющейся, он относит все без исключения термины, иначе говоря, считает, что все они были введены в научный обиход Ломоносовым. Например: экспериментальная физика, опыт, ватерпас, горизонтальная линея, перпендикулярная линея, жидкие тела, барометр, зажигательное стекло или зеркало и многие другие (всего более восьмидесяти). Насколько справедливо такое утверждение, станет ясно лишь тогда, когда мы попутно рассмотрим физическую терминологию, употреблявшуюся предшественниками Ломоносова или его современниками. Нам представляется невозможным рассматривать

[1] П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 180.

[2] Б. Н. Меншуткин. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 62.

[3] С. М. Бурдин. Значение М. В. Ломоносова в создании русской естественнонаучной терминологии. Уч. зап. Ташкентского гос. педагогического инст., вып. II, Ташкент, 1954.

терминологию физики, употребляемую Ломоносовым, не привлекая материалов из физических трудов, написанных до «Вольфианской физики» Ломоносова.

Для того чтобы яснее представить, какова была роль Ломоносова в развитии языка русской физики, необходимо кратко остановиться на том, каково было состояние физики в России, в особенности начиная с деятельности учрежденной в 1724 г. Академии наук.

Физический отдел Российской Академии наук сделался крупным научным центром в области физики. В качестве профессоров там работали такие известные в XVIII в. физики, как Бильфингер, Лейтман, Крафт, Геллерт, Рихман и Ломоносов; существовали физическая лаборатория и механическая мастерская, изготовлявшие различные физические приборы и инструменты.[4] Кроме того, ученые физики читали в Собрании Академии свои «диссертации» по различным проблемам физики. Все эти работы излагались на латинском языке, но потом многие из них были переведены в сокращенном изложении русскими академическими переводчиками. Так, в 1728 г. вышло «Краткое описание комментариев Академии наук», в котором помещены сокращенные переводы работ И. Германа «О кеплериановом предложении», Бильфингера «О причине тяжести от движения вихрей» и «О исправлении барометров», Меера «О сиянии северном» и др.

В «Примечаниях на Ведомости»[5] в 30—40-х годах XVIII в. помещены переводы многих работ Крафта, таких как «Соединение Венеры и Луны», «О северном сиянии», «О зрительных трубах», «О магните», «О термометрах», «О молнии и громе» и др.

Следовательно, уже в первой трети XVIII в. русскому читателю было предложено довольно большое количество научных работ в области физики. Статьи по физике предназначались не только для специалистов в данной области, но и для всех любителей наук. Академические переводчики (в частности, Адодуров, переводчик Крафта) много сделали для формирования русского научного языка. Можно сказать, что в 30—40-х годах XVIII в. во многом определился русский научный язык в области физики.

Однако не для всех физических понятий были найдены соответствующие научные термины. Наблюдается также колебание и в использовании многих терминов, существование нескольких вариантов для названия одного и того же явления.

Дальнейшее развитие языка научной прозы, в особенности языка физики, принадлежит Ломоносову. Огромную роль в этом

---

[4] Подробнее об этом см.: А. А. Елисеев. Физический кабинет Академии наук в первой половине XVIII в. В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

[5] «Месячные исторические, генеалогические и географические Примечания на Ведомости» (в дальнейшем: Примеч. Указывается год выхода и страница).

играет его перевод «Вольфианской физики», послуживший образцом для дальнейших сочинений и переводов такого рода.

Перевод «Вольфианской физики» представлял для Ломоносова значительные трудности, так как целый ряд научных понятий не имел еще в русском языке соответствующего выражения. Приступая к изложению, Ломоносов писал в предисловии: «Я уповаю, что склонный читатель мне сего в вину не поставит, ежели ему некоторые описания опытов не будут довольно вразумительны: ибо сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; и поэтому она на латинском языке весьма кратко и тесно писана, чтобы для удобнейшего употребления учащихся вместить в ней три книги немецких, как уже выше упомянуто. Притом же сократитель сих опытов в некоторых местах писал весьма неявственно, которые в российском переводе по силе моей старался я изобразить яснее. Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако, надеюсь, что они со временем через употребление знакомее будут».[6]

Ломоносов старался перевести «Вольфианскую физику» как можно более точно, но, как явствует из приведенного выше предисловия, там, где из-за неясности смысла невозможно было дать буквального перевода, Ломоносов отступает от подлинника.

При подготовке Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова издатели сверили текст перевода «Вольфианской физики» с подлинником, т. е. с работой Тюммига. При этом было установлено, что изменения, которые внес Ломоносов в перевод, имеют следующий характер:

1. Устранены фактические ошибки, вкравшиеся в текст по вине автора или типографии.

2. Произведены замены терминов, избраны более привычные для русских читателей, например перевод иностранных аптекарских мер веса на русскую систему мер.

3. Введены различные уточняющие смысл слова, например:

В подлиннике	У Ломоносова
§ 40 Ежели медный шар	Ежели медный шар внутри тощий
§ 115 В тертых материях, например, в землях разного вида	В измолотых или тертых материях, напр. в разных тертых землях
§ 133 Движение в колоколе произведено бывает прутом железным СД, который повернуть можно, с крючком ДЕ.	Движение в колоколе произведено бывает прутом железным СД, который во дне колокола повернуть можно крючком ДЕ.

[6] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1950—1957 (в дальнейшем в тексте: Ломон. Римская цифра — том, арабская — страница).

4. Найдены более краткие определения, чем в подлиннике.

В подлиннике	У Ломоносова
§ 130 Так как таким образом собирательное стекло принимает свет, уже сгущенный путем преломления в большой чечевице AB, то оно собирает его в своем фокусе гораздо более уплотненным, чем если бы был захвачен обыкновенный солнечный свет.	Таким образом солнечные лучи, через собирательное стекло вторично стеснившись, сильно действуют.

5. Чтобы сделать текст более понятным, Ломоносов дает распространенные пояснения.

В подлиннике	У Ломоносова дополнено
§ 182 Когда вещи отстоят далече от выпуклистого стекла, тогда изображение представляется много меньше самих вещей... Оттуду удобно разуметь можно, что ежели вместо вещи поставлено будет ее изображение, то самая вещь должна быть изображением...	...то есть, ежели на то место, где маленькое изображение кажется, поставлена будет такая же маленькая вещь, тогда на том месте, где прежде была сама вещь в настоящей свой величине, покажется изображение с настоящую вещь величиною...

«Вольфианская экспериментальная физика» представляет собой описание ряда физических опытов, подтверждающих различные законы физики. По своему содержанию она состоит из семи частей, которые в свою очередь делятся еще на ряд глав.

В первой части представлены опыты над жидкими телами, демонстрирующие закон сообщающихся сосудов, определение удельного веса тел, законы давления жидкостей. Вторая часть посвящена опытам над воздухом, описано действие воздушного насоса, опыты, выявляющие свойства воздуха, а также различные «действия воздуха». В третьей части содержатся опыты и наблюдения над изменениями в атмосфере, в связи с этим рассказано о приборах, определяющих изменения в атмосфере, а также о дожде и ветре. Опыты над «чувствительными свойствами» тел заключены в четвертой части, к ним относятся явления теплоты, холода и огня. В пятой части помещены оптические опыты по преломлению света, разложению цветов. Описаны оптические стекла и наблюдения с помощью микроскопа. Шестая посвящена разным смешанным опытам: магнитным, звуковым, наблюдениям за животными в вакууме. В последней, седьмой, части описываются опыты механические и гидравлические.

Разнообразие физических проблем, разработанных в «Вольфианской физике», и широта охвата материала обусловили наличие в тексте множества специальных терминов. Эта книга действительно является энциклопедией физических знаний своего времени. Однако заслуга Ломоносова при переводе «Вольфианской физики» состоит не только в наиболее рациональном выборе для перевода соответствующей физической терминологии и вве-

дении в научный обиход новых терминов, но также и в том, что Ломоносов стремился к ясному, четкому выражению мыслей, что находит свое отражение в краткости изложения и точности формулировок. Сравним два отрывка одинакового содержания из «Вольфианской физики» и перевода Адодуровым статьи Крафта «О зажигательных зеркалах и зажигательных стеклах» 1735 г.:

Когда против луча AB поставлено будет зеркало HL накосо, тогда он на другую сторону отвратится таким образом, что угол отвращения CBL с углом впадающего луча ABH будет равен (Ломон., I, 477).

Во-первых, известно, что луч света, которой всегда как прямую из сияющего тела исходящую линею рассуждать надлежит, сквозь такую плоскость пройти не может, которая с задней стороны темный вид имеет, но в таком случае принужден он опять назад отскочить, что называется возвращение лучей. При том наблюдает естество с крайнею исправностию следующее правило: то есть, что угол впадения углу возвращения есть всегда равен (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735, стр. 199).

В формулировке Ломоносова отсутствует описание, утяжеляющее изложение, такое, как определение луча (который всегда как прямую из сияющего тела исходящую линею рассуждать надлежит), вместо *сквозь темную плоскость пройти не может, которая с задней стороны темный вид имеет* Ломоносов просто говорит *зеркало*.

Приведем еще отрывок из другой статьи Крафта «О магните» и соответствующее ему по содержанию место из «Вольфианской физики» Ломоносова.

Магнитная сила имеет свои пределы, далее которых магнит к себе железа притягать не может, что компасом легко показать можно (Ломон., I, 508—509).

К томуж должен такой магнит, который железо притягать имеет, некоторое известное расстояние иметь, дале которого он действовать не может. Сие расстояние называется его Сфера Активитатис, или место действия (О магните. Примеч., 1733, стр. 222).

Мы видим, что перевод статьи «О магните» также страдает некоторыми длиннотами, которых нет у Ломоносова; говоря о магните, излишне было повторять: «такой магнит, который железо притягать имеет», ведь до этого притягательная сила рассматривалась как основное свойство магнита.

Логическая стройность мысли Ломоносова находит свое отражение в более простых синтаксических конструкциях. Ср. описание простого гигрометра у Ломоносова и в анонимной статье 1734 г. «О гигрометре»:

Пеньковая веревка или стуна, из овечьих кишек сделанная, от сырости воздушной короче становится, а на сухом воздухе раздается. Для того простой игрометр составляется из пеньковой веревки или струны AB, привязанной одним концом ко крючку A и через блочок или кружок B перевешенной, к другому ее концу привязана гирька CLG, которая стрелкою L или O опускаясь, — сухость, поднимаясь, — влажность воздуха на прямой или округлой лествице показывает (Ломон., I, 464).

Находятся два способа, как помощию веревки гигрометр сделать. Первый касается до сокращения оной веревки, и получается таким инструментом, которой вид первыя фигуры имеет. Когда у стены к гвоздю А привяжется долгая веревка и по векше В, которая бы очюнь легкое движение имела, вниз опустится, а на конце привесится гиря С с указкою ДЕ, то сделанное по сторону гири разделение FE покажет, ссадится ли оная веревка или больше в длину распустится, то есть влажен ли или сух воздух учинится (О гигрометре. Примеч., 1734, стр. 310—311).

Здесь мы встречаемся и с различием терминологии: у Ломоносова *блочок*, в статье 1734 г. *векша*, у Ломоносова *стрелка*, там *указка*, у Ломоносова *лествица*, там *разделение*. Хотя в статье 1734 г. очень удачно и понятно описан принцип действия гигрометра, но изложение Ломоносова более стройно логически и более ясно и понятно для читателя.

Сделав некоторые предварительные замечания о «Вольфианской физике», перейдем к рассмотрению имеющейся в ней терминологии. Необходимо тут же оговориться, что далеко не вся терминология, встречающаяся в этом сочинении, будет подвергнута анализу. Предметом статьи является анализ физической терминологии в переводе «Вольфианской физики», а также научных терминов общего характера, касающихся метода исследования и основных понятий естественных наук.

Мы не рассматриваем подробно терминов, относящихся к области таких наук, как химия (хотя этих терминов встречается около 50: ярь очищенная, фосфор, сера, соль простая, селитра, нашатырная водка, купорос, квасцы, винный спирт и др.), ботаника, зоология, анатомия (их около 20: четвероногие, ушко сердца, пестик в цветке, кровавые сосуды, зорочек глаза, артерия и др.), математика (также около 20: шар, цилиндр, синус дуг, прямой угол, параллельный, пропорция, эллипс и др.), не рассматриваются и такие термины общего характера, как названия различных наук (метеорология, катоптрика, диоптрика и др.), названия частей некоторых приборов (язычок мехов, трубка насоса, колено среднее трубки, коромысло и др.). Заметим лишь, что большинство из них (особенно термины математические) уже употреблялось в научной литературе первой трети XVIII в. Приведем некоторые примеры.

Горизонт: Ежели трубку наклонишь, чтобы вода скакала несколько к горизонту наклонившись, то увидишь, что она будет выше подниматься, нежели когда перпендикулярно скачет (Ломон., I, 526—527).

Но осталось еще одно главное онаго свойство, а имянно наклонение магнитной иголки к горізонту (О магните. Примеч., 1733, стр. 318).

Диаметр: Они (трубки) имеют равные или неравные диаметры (Ломон., I, 427).

Одна модель есть колесо о 12 реіпляндских футах в диаметре толщиною с 15 дуимов (Примеч., 1729, стр. 223).

Поверхность: Из сего следует, что в трубках, сообщение имеющих, одинакие жидкие тела встают до одной вышины, на разность ширины не взирая, и

имеют в них равновесие, когда обе поверхности стоят на одной горизонтальной линеи (Ломон., I, 427—428).

Зеркало вообще называется всякая не на одной стороне чисто выглаженная поверхность, а с другой стороны темной вид имеющая (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735, стр. 197).

1. ТЕРМИНЫ ОБЩЕНАУЧНОГО ХАРАКТЕРА

Говоря о терминах физики, следует прежде всего отметить, что большинство из них не является изобретением самого Ломоносова. В своей «Вольфианской физике» он производит тщательный отбор терминологии, уже имеющейся в научном обиходе начала XVIII в. Нет никакого сомнения в том, что Ломоносов прекрасно знал русскую физическую литературу своего времени и выбирал из нее термины, которые, по его мнению, более всего соответствовали выражаемым ими понятиям, или же те, которые получили широкое распространение в языке. Рассмотрим это на материале «Вольфианской физики».

Прежде всего остановимся на некоторых терминах общего характера. Поскольку физика принадлежит к числу естественных наук, то мы встречаем в «Вольфианской физике» термины *натура, натуральный*:

Сию науку [экспериментальную физику] употребляют для познания натуры и художеств, к постановлению новых или к исследованию старых изобретений (Ломон., I, 426).

Слово *натура* употреблялось на всем протяжении XVIII в. в значении «природа», «естество» (см. словари Ф. Поликарпова, Нордстета, «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный»).

Камень азбест к прочим минеральным вещам надлежит, которые от натуры в горах родятся (О камне азбесте. Примеч., 1728, стр. 39).

И в конце XVIII в. в учебнике физики Гиларовского[7] встречаем:

Вода находится в натуре в трех различных состояниях: в виде жидкости, в виде паров, в виде льда (Гилар., Рук. к физике, стр. 128).

Слово *природа* в данном значении употребляется очень редко. Например, в переводе «Физики» Крафта:[8]

---

[7] П. И. Гиларовский. Руководство к физике сочиненное Петром Гиларовским, учителем математики и физики в учительской Гимназии, физики в обществе благородных девиц, Российского слога и латинского языка в благородном Пажском Корпусе. СПб., 1793 (в дальнейшем в тексте: Гилар., Рук. к физике).

[8] Крафт. Начертание открытого прохождения опытные физики преподаваемые при Императорской Санктпетербургской Академии наук, в пользу ее любителей. Переведено с французския рукописи академика Г. Крафта (М. А. Ковалевым). Часть первая содержащая в себе всеобщие естественных тел свойства и механику твердых тел. СПб., Академия наук, 1779 (в дальнейшем: Крафт, Кр. начерт.).

Фисика имеет главным своим основанием все то, что о естественных телах и явлениях природы познать можно посредством чувств (Крафт, Кр. начерт., стр. 4).

Что касается слова *натуральный*, то в значении «естественный, относящийся к наукам, изучающим природу», оно употреблялось широко в первой половине XVIII в., в том числе и у Ломоносова:

Мы намерены здесь описать только те опыты, которые ныне в академиях предлагаются любопытным людям, и оттуду взять подлинные основания натуральной науки (Ломон., I, 426). Ср. ранее: Он и Натуральной Истории не оставил, но так же обычаи, веры, торги и промыслы всех ему известных народов объявил (О земле. Примеч., 1732, стр. 34—35).

Но во второй половине XVIII в. слово *натуральный* в данном значении употребляется реже, оно заменяется термином *естественный*. Например, у Нолле и Гиларовского: [9]

Телами естественными (corps naturels) называются все те вещественные существа, из которых составляется вселенная (Нолле, Уроки эксп. физики, I, стр. 2). Из таковых замечаний составлена наука, называемая физикою или естественною философиею (Гилар., Рук. к физике, стр. 1).

Для обозначения методов исследования Ломоносов пользуется терминами *опыт* и *наблюдение*. Термин *опыт* заменил более старый термин *искус*, еще довольно распространенный в первой трети XVIII в.

Часто повторен был оный искус, ово пред клевретством, ово в показании искусов всенародном пред смотрителями разного достоинства (Бильфингер, О причине тяжести от движения вихрей, стр. 105).[10]

Наряду с термином *опыт* существовал и термин *эксперимент*. Оба эти термина в научном языке XVIII в. употребляются без всякого семантического различия, часто в пределах одной и той же статьи:

Как древние так и нынешние ученые люди уже издавна знают такие пропорции, как эѯпериментами (опытами), так и рассуждениями (О первых учениях физического фундаментах (основаниях). Кр. оп. ком., стр. 5). Хотя мы воздуха и не видим, однакож не ложными экспериментами найдено, что он тяжол (О инструментах к познанию погод принадлежащих. Примеч., 1734, стр. 128). Понеже учиненными опытами найдено, что от обыкновенных горящих углей исходящие лучи, ежели они на зажигательное зеркало упадут чрез свое возвращение в зажигательной точке трут и другие способно загорающиеся вещи зажигают (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735,

---

[9] Нолле Жан-Антуан. Уроки экспериментальной физики сочиненные Г. Нолетом, Французской королевской Академии наук и Лондонского ученого общества, членом. С французского переведены и потребными примечаниями изъяснены Иваном Вельяшевым Волынцовым, т. I—III. Арт. Инж. Кад. Корп., СПб., 1778—1781 (в дальнейшем в тексте: Нолле, Уроки эксп. физики. Указываются том и страница).

[10] В кн.: Краткое описание комментариев Академии наук. СПб., 1728 (в дальнейшем в тексте: Кр. оп. ком.).

стр. 202). Егде ученые люди из иных земель приезжали оного кошелка смотреть, тогда он честь сеи опыт делал: полож в тот кошелек несколько монет, потом его в огонь бросал, где те монеты от великого жара разтопилися, а оный кошелек невредим остался (О камне азбесте. Примеч., 1728, стр. 52). Я во оном камне сеи эξперимент (искус) зделал: взвесил прежде оную часть камня (О камне азбесте. Примеч., 1728, стр. 52). Другими не так знакомыми древами учиненных опытов я сюда не вношу (О твердости разных тел. Примеч., 1740, стр. 380). Здесь объявляю я еще большие эксперименты о собственной твердости разных тел (там же).

Ломоносов в «Вольфианской физике» пользуется только термином *опыт:*

Мы намерены здесь описать только те опыты, которые ныне в академиях предлагаются любопытным людям, и оттуду взять подлинные основания натуральной науки (Ломон., I, 426).

В других научных сочинениях Ломоносов также пользуется этим термином. В более поздних учебниках физики также обычно употребляется термин *опыт*, например:

Когда же Фисик делает нарочно в состоянии тела или явления какую-нибудь премену, дабы или разсмотреть самому или показать другим происходящия от насильствия сего во природе действия, тогда делает он так называемые Фисические опыты (Крафт, Кр. начерт., стр. 5). Свойства тела есть то, что об нем подтвердить можно. Свойства сеи открываются посредством наблюдений (Observationes) и опытов (experimenta) (Гилар., Рук. к физике, стр. 1).

Термин *эксперимент* встречается очень редко, вовсе не употребляется термин *искус*, хотя в «Словаре Академии Российской» при определении слова *опыт* находим:

Искус, исследование, производимое над какой-либо вещью для узнавания свойств оныя.

Слово *наблюдение* употреблялось в научной литературе XVIII в. до Ломоносова наряду с терминами *обсервация, присмотр* и др.

[Тихобраг] такожде и в Праге боемской чрез многие годы с неусыпным тщанием наблюдения Астрономические чинил (Герман. О кеплериановском предложении. Кр. оп. ком., стр. 44). Сии то суть барометры, которые для усмотрения погод или обсерваций метеорологических употребляются (О барометре. Примеч., 1734, стр. 138). Учиню перво краткое сего сияния описания феноменов из собранных моих присмотров, которые имелись доселе (Меер. О сиянии северном. Кр. оп. ком., стр. 84).

Ломоносов в «Вольфианской физике» употребляет термин *наблюдение.*

Манометров при метеорологических наблюдениях по сие время физики не употребляли (Ломон., I, 457).

Термин *наблюдение* закрепляется в дальнейшем в научной прозе XVIII в.:

Когда Фисик устремляет внимание свое на какое-нибудь естественное тело или явление, не переменяя ничего во состоянии оного: тогда делает он то, что наблюдением называется (Крафт, Кр. начерт., стр. 4). Свойства тела есть то, что об нем подтвердить можно. Свойства сии открываются посредством наблюдений (observationes) и опытов (experimenta) (Гилар., Рук. к физике, стр. 1).

2. ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОНЯТИЮ МАТЕРИИ, ЕЕ ФОРМ И ОБЩИХ СВОЙСТВ

В основе научных воззрений Ломоносова лежало представление о материи как основе всего существующего. Такое же понимание материи встречаем мы и в «Вольфианской физике».

Откуду весьма явствует, что в воде, в пиве и проч. содержится много воздуху, следовательно, есть в них скважинки, в которых нет собственной материи, тело составляющей (Ломон., I, 514).

Согласно научным представлениям XVIII в., материя выступает в двух состояниях, а именно в виде твердых и жидких тел. Газы причислялись к жидкостям; сам термин *газ* встречается у Ломоносова только один раз в его работе на латинском языке, и, как видно из контекста, он этого термина не принимает:

Ибо в сосуде, где эта жидкость собралась, находилась постоянная щелочь в виде крепкого водного раствора, которым поглощался насыщенный тонкой кислотою бурый пар, непрерывно поднимающийся при растворении меди: ему некоторые авторы, опасающиеся назвать возрожденный воздух своим именем и предпочитающие говорить о каком-то «газе», приписывают упругость жидкости (Ломон., II, 138—139).

Термины *жидкие* и *твердые тела* постоянно встречаются на страницах «Вольфианской физики»:

Из сего видно, что твердые тела в жидких столько своей тягости теряют, сколь тяжела вода, им величиною равная (Ломон., I, 432).

Из сего следует, что в трубках, сообщение имеющих, одинакие жидкие тела встают до одной вышины, на разность ширины не взирая, и имеют в них равновесие, когда обе поверхности стоят на одной горизонтальной линеи (Ломон., I, 427—428).

Наряду с этими терминами употребляются и другие — *жидкие* и *твердые материи.*

Если которую-нибудь из помянутых трубок наполнить крашеною водою или какою ни есть другою жидкою материю, например ртутью. . . то и в другой ножке поверхность той же жидкой материи коснется до той же линеи (Ломон., I, 427). Ср. в других его сочинениях: Посему надлежит рассмотреть, таким образом помянутая жидкая материя стисняет в союз частицы, тела составляющие, потом кратко истолковав свойство твердых и жидких тел (Ломон., III, 383). Отсюду происходит, что самые кислые минеральные жидкие материи зеленого цвету не имеют (Ломон., III, 341).

Эти термины унаследованы Ломоносовым от его предшественников, у которых мы встречаем и термин *твердые* (или *жидкие*) *тела* и *твердые* (или *жидкие*) *материи:*

От помянутаго умаления движения жидкое тело в твердое переменяется (О льде. Примеч., 1734, стр. 21). Самыя малыя зрительные трубы обыкновенно делаются из металла, дерева, кости или иных твердых материй (О зрительных трубах. Примеч., 1732, стр. 9). Хотя все тела от стужи сжимаются и в меньшее место стесняются, однакож от сего правила воду и прочия жидкия материи выключить надлежит (О льде. Примеч., 1734, стр. 21).

Термин *жидкость* не был известен ни Ломоносову, ни его предшественникам, он появляется позднее:

Всякая жидкость есть собрание слабо связанных вещественных частей (Крафт, Кр. начерт., стр. 96—97).

Даже в «Словаре Академии Российской» слово *жидкость* определяется лишь как свойство жидкого, а как выражение определенного состояния дается в нем *жидкое тело*.

Слово *материя* употребляется в «Вольфианской физике» и в значении «вещество» в таких терминах, как *измолотые* или *тертые материи, кислая материя, химическая материя:*

Понеже чрез искусство известно, что жидкие материи, в одно время будучи на солнце положены, неравный степень теплоты на себя принимают, для того не можно сомневаться, что и каждое твердое тело определенный степень теплоты получает, что можно исследовать в измолотых или тертых материях (Ломон., I, 467). Потом, как прильешь кислую материю, то есть купоросную или селитряную крепкую водку, цвет потеряется и прозрачность возвратится (Ломон., I, 487—488). Ежели химических материй близко не случится, то вместо оных известь употребить можно (Ломон., I, 468).

Встречаем в «Вольфианской физике» и такие термины, как *магнитная материя, теплотворная материя.*

К дружному полюсу от другого магнита течет некоторая тонкая и жидкая материя и иглу с собою движет, а в другом случае из недружного полюса такая ж материя выходит и иглу в противную сторону наклоняет. Сию материю будем мы называть магнитною (Ломон., I, 505). Мы станем ее называть теплотворною материею. Аристотелическим штилем можно оную назвать огненною стихиею (Ломон., I, 465—466).

Эти термины отражают состояние науки того времени, когда все физические явления теплоты, света, магнетизма, электричества и пр. приписывали существованию особых тонких, невесомых материй. Сам Ломоносов в ряде своих работ, например в «Размышлении о причинах теплоты и стужи» 1746 г., опровергает существование этих материй и объясняет данные явления материалистически. Однако в «Вольфианской физике», поскольку она является переводом, эти термины употребляются именно так, как это понималось в XVIII в.

Рассмотрим теперь терминологию, которая относится к общим свойствам тел. Физики в XVIII в. относили к таким свойствам *протяженность, тяжесть, скважность* и *движимость.* В работе «Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причине частных качеств», написанной на латинском языке, Ломоносов дает следующее определение протяжения:

Под протяжением понимают размеры по длине, ширине и высоте (Ломон., I, 171).

Этот термин есть и в «Вольфианской физике»:

С движением тел местным соединена двигающая сила, которая по Лейбницову изобретению пропорциональна квадрату скорости; следовательно, жидкие тела кроме протяжения имеют двигающую силу (Ломон., I, 430).

Термин *протяжение* был известен и до «Вольфианской физики»:

А в самое то время, когда вода в лед обращается, делается ея протяжение вдруг, и следовательно оное протяжение должно не беспосредственно стуже, по наипаче замерзанию приписывать. Чего ради стужу только в таком разумении за причину протяжения почитать можно, что от оныя замерзание производится (О льде. Примеч., 1734, стр. 21).

Встречаются у Ломоносова названия всех трех измерений: *длина, ширина, вышина.*

Ежели трубка АВ, которой один конец А заплавлен, а другой В пол, длиною около трех футов, наполнена будет ртутью, а конец В во ртуть же, в сосудец СД влитую, погрузишь, тогда ртуть в трубке поднимется до Е на 27 парижских дюймов (Ломон., I, 441). Из сего следует, что в трубках, сообщение имеющих, одинакие жидкие тела встают до одной вышины; на разность ширины не взирая (Ломон., I, 427).

Наряду с термином *вышина* употреблялся на всем протяжении XVIII в. и термин *высота.*

В время сего севернаго сияния меркурии в барометре на $29^{8}/_{10}$ аглийских дюймов вышиною стоял (О бывшем не давно не обыкновенном северном сиянии. Примеч., 1733, стр. 340). Чем скоряе и сильняе помянутое течение есть, тем большая разность между вышиною воды по сю и по ту сторону устья есть (О изхождении паров. Примеч., 1732, стр. 415). Столь велико бывает исхождение паров из земли, из воды и из упругих тел... как стужа, теплота, влажность, твердость и высота атмосферы переменяется (О прибывании и убывании воды в Неве реке. Примеч., 1741, стр. 186). Отстояние или высота облаков, из которых капли падают, в скорости их падения очюнь мало помогает, а причиною того есть оное сопротивление, которое толь малые телеса, каковы капли, от воздуха претерпевают (О дожде и росе. Примеч., 1733, стр. 174).

Даже «Словарь Академии Российской» дает оба эти варианта.

С понятием протяжения связано и понятие формы; вот что писал по этому поводу Ломоносов на латинском языке:

С конечным протяжением неразрывно связана фигура, так что конечное протяженное нельзя представить себе без фигуры, и, следовательно, каждое тело должно иметь определенную фигуру (Ломон., I, 173).

Термин *форма* в физических работах XVIII в. редок. Известен термин *фигура.*

В «Вольфианской физике»: Камень, кубической фигуры, величиною в один дюйм... погрузи в воду, в двойную водку или в какую-нибудь другую жидкую материю (Ломон., I, 431). Зажигательные зеркала и стекла соединяют лучи своею выпуклистою и вогнутою фигурою, что в катоптрике и диоптрике доказано бывает (Ломон., I, 472). Каждое [зернышко] имело фигуру нерегулярную и особливую (Ломон., I, 498). Ср. в «Примечаниях на Ведомости» 1735 г.: Наши облака имеют обыкновенно так же не правильную фигуру (О солнечных пятнах. Примеч., 1735, стр. 105). Во второй половине XVIII в.: То, в каком порядке или расположении состоят окружающие тело поверхности, именуются фигурою оного (Нолле, Уроки эксп. физики, т. I, стр. 48). Протяженность есть свойство, состоящее в том, чтоб занимать известное место и иметь пределы и фигуру (Гилар., Рук. к физике, стр. 2).

3. ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАЗВАНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ПРИБОРОВ И ИНСТРУМЕНТОВ

Ареометр:

Ареометры, то есть инструменты, которыми следуют пропорциональную тягость жидких тел (Ломон., I, 432). Ср. до Ломоносова: Но понеже они [манометры] при воздухе тож делают, что ареометры или винные пробы при других жидких телах, то можно их назвать и воздушными пробами (О манометре. Примеч., 1734, стр. 362).

Ватерпас:

При сем употребляем еще ватерпас, то есть стеклянную трубку, наполненную крашеною двойною водкой, в которой один только пузыречек воздуха оставлен, а оба концы накрепко заплавлены (Ломон., I, 427). Ср. до Ломоносова: У кровли сего дому надлежит верьх сломить и вместо онаго зделать из двойных гладко выструганных и по ватерпасу положенных досок пол (О исправном усматривании ветров. Примеч., 1740, стр. 315).

Барометр:

Торрицеллиева трубка, к измерению тягости воздуха употребленная, называется барометр или бароскоп (Ломон., I, 452). Ср. до Ломоносова: Как сие от барометров видно, которые кроме давления воздуха такожде и тяжесть оного показуют (О изхождении паров. Примеч., 1732, стр. 309).

Манометр:

И для того барометр густоты и редкости воздуха показать не может, но только одну тягость определяет; того ради другой инструмент выдуман, который называется манометр (Ломон., I, 456). Ср. в первой трети XVIII в.: Инструмент, который показывает, когда бывает воздух тоне или гуще, и такой инструмент называется манометр (О инструментах к познанию погод принадлежащих. Примеч., 1734, стр. 129).

Флюгер:

Ветр верхний по движению облаков, нижний по флюгерам познается (Ломон., I, 460). Ср. в первой трети XVIII в.: Таким образом можно будет знать оную сторону, с которой какой ветр веет, ежели на острый конец онаго шеста поставится особливым образом сделанной флюгер, которой свободно от ветру оборачиваться будет (О исправном усмотрении ветров. Примеч., 1740, стр. 315).

Зрительная труба:

Навел он поутру рано зрительную трубу на башню, на полмили отстоящую (Ломон., I, 480).

Земная зрительная труба:

Земная зрительная труба, сложенная из трех или четырех стекол, представляет вещи в прямом положении и очень близко к глазу (Ломон., I, 494—495).

Астрономическая зрительная труба:

Астрономическая зрительная труба, состоящая из двух выпуклистых стекол, вещи увеличивает и ближе представляет, однако наизворот (Ломон., I, 494).

Ср. в первой трети XVIII в.: На большие астрономические зрительные трубы, длиною от 30 до 100 футов, обыкновенно употребляют так долгия доски, какие найти можно (О зрительных трубах. Примеч., 1732, стр. 10).

Еолипила:

Еолипилою называется шар медный АВ, внутри тощий, с узенькою трубкою АЕ, диаметр горлышка величиною бывает едва с диаметр иглы (Ломон., I, 457).

Микроскоп:

Пары состоят из весьма маленьких водяных пузырьков и ради полости по воздуху плавают, что в темной каморке видеть можно, ежели на пары, из теплой воды встающие, в солнечном луче сквозь дирку в каморку впущенном, посмотришь сквозь микроскоп (Ломон., I, 461).

Игрометр:

Через игрометр или игроскоп, разумеется инструмент, который показывает сухость и влажность воздуха (Ломон., I, 464).

Флорентинский термометр:

Флорентинские термометры зимою не всегда верно показывают количество стужи (Ломон., I, 455).

Все эти термины встречаются уже в 30—40-х годах XVIII в. Приведем лишь пример различной фонетической передачи термина *игрометр:*

И так воздух иногда бывает суше, а иногда сыряе. Для усмотрения сеи перемены воздуха вымышлен третий инструмент, которой называется гигрометр (О инструментах к познанию погод принадлежащих. Примеч., 1734, стр. 129). О прочих также к познанию свойств воздуха служащих инструментах, каковы например гидрометр, показывающий влажность, манометр жидкость и густоту, и анемометр жесткость движения в воздухе, я нарочно не упоминаю (О исправном усмотрении ветров. Примеч., 1740, стр. 310).

Понятие *чувствительный прибор*, т. е. такой, который реагирует на малейшие изменения, известен в XVIII в. и до Ломоносова.

У Ломоносова: Шар немалого диаметра воздушным насосом опорознив и внешнему воздуху не оставив в него проходу, прицепил к чувствительным вескам (Ломон., I, 457). У термометра, который скоряе и чувствительнее действует, убавлял сосудца, пока он с другим, в котором перемены тише происходят, привел в согласие (Ломон., I, 455). Ср. ранее: Сии барометры суть не довольно чувствительны (О барометре. Примеч., 1734, стр. 136).

4. ТЕРМИНЫ ОПТИКИ

В разделе «Об огне и опыты оптические» Ломоносов рассматривает опыты, подтверждающие закон прямолинейного распространения света и разделение светового луча на световые пучки. Останавливаясь на опытах, демонстрирующих явления, происходящие при падении света на тела, Ломоносов прежде всего рассматривает явле-

ния отражения и преломления света. Приведем встречающиеся здесь термины оптики.

Луч впадающий и *луч отвращающий*, т. е. падающий и отраженный:

Ежели зеркало повернешь, тогда лучи, впадающий и отвращающий, то раздвигаются в В (а) и В (с), то друг у другу ближе приходят в ВА и ВС (Ломон., I, 477).

Отвращение или *возвращение лучей* (отражение):

Чрез что познаешь, что по втором отвращении лучей в зажигательной точке загорится трут или серяная нитка (Ломон., I, 471). А понеже как чрез преломление, так и чрез возвращение сгущенные лучи такую же силу имеют, то можно новым некоторым способом вместо переднего большого стекла употребить зажигательное зеркало (Ломон., I, 472).

Угол впадающего луча, угол отвращения:

Отвращенный луч ВС светлою дорожкою простирается, пока впадет в другое непрозрачное тело LM которое, ежели будет полированное, то луч от него возвратится в Д, так что угол впадающего луча BCL будет с углом отвращения ДСМ равен (Ломон., I, 477).

В статье Крафта 1735 г. «О зажигательных зеркалах и зажигательных стеклах» говорится о тех же оптических явлениях и терминология сходна с ломоносовской.

Возвращение лучей:

Луч света, который всегда как прямую из сияющаго тела исходящую линею рассуждать надлежит, сквозь такую плоскость пройти не может, которая с задней стороны темной вид имеет, но в таком случае принужден он опять назад отскочить, что называется возвращение лучей (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735, стр. 195).

Луч возвращающийся и *луч впадающий:*

АВ будет луч возвращающийся, а SA впадающий (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735, стр. 200).

Угол впадения и *угол возвращения:*

Угол впадения углу возвращения есть всегда равен (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735, стр. 199).

Эта терминология, безусловно, была известна Ломоносову, и он ею воспользовался при переводе «Вольфианской физики». Меер в более ранней статье в значении «отражение» употребляет иностранный термин *рефлексия*, в скобках неуклюже переведенный как *вспящение*, отраженный луч у него назван *вспятным:*

О столпах сияющих поставляю, что сии чинятся чрез рефлеѵью (вспящение) лучей исходящих из светлыя вещи, которая инде пребывает, а не в самых столпах их же видим, ибо все, что видим, видим то чрез лучи прямые, взломныя или вспятныя (Меер. О сиянии северном. Кр. оп. ком., стр. 89).

Уже в первой трети XVIII в. известен термин *преломление*.

У Ломоносова: Лучи солнечные поутру и ввечеру больше ломаются, так что с утра до полудни преломление лучей убывает, а после полудни прибывает (Ломон., I, 480). Такое же преломление показать можно в треугольном стеклянном бруске (Ломон., I, 478). В других статьях 30-х годов: Понеже сию тень солнечные лучи вкруг осиявают, то мнит Кеплер, что оные тамо в некотором отстоянии от земли все так преломляются, что оные якобы корону или круг изображают, чему такождь по известным регулам преломления лучей всегда так чинится надлежит (О изъяснении северного сияния. Примеч., 1730, стр. 121). Вся сила зажигательных стекол состоит в преломлении лучей. (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735, стр. 208).

Изломленный луч[11] (т. е. преломленный), *излом луча*:

Буде рюмку подвинешь, то и луч изломленный подвинется столько, сколько повышение или понижение оной требует (Ломон., I, 478).

Наклонение света:

Свет, прикоснувшись к телу, несколько в сторону отвращается; которую перемену прежде всех Грималд приметил, а потом Невтон в Оптике пространнее оное доказал и наклонением света назвал (Ломон., I, 480).

Зажигательные стекла и *зажигательные зеркала:*

Чрез повседневное искусство известно, что солнечные лучи греют. Однако они бóльшую теплоту производят, ежели собраны будут зажигательным стеклом или зеркалом (Ломон., I, 471).

Для определения вида зеркал у Ломоносова встречается ряд терминов.

Плоские зеркала, выпуклистые и *вогнутые зеркала, цилиндрические* и *конические зеркала:*

Ежели вместо плоского зеркала употребить круглое, выпуклистое или вогнутое, отвращение таким же образом воспоследует (Ломон., I, 477—478). Цилиндрические зеркала представляют вещи в ложном виде, ибо в рассуждении ширины оные сжимают, а по длине в натуральной величине показывают (Ломон., I, 495). Подобным образом конические зеркала представленные вещи обезображивают, но другим видом, то есть у конца представляются они много уже, нежели у дна (Ломон., I, 496).

Термины *зажигательные стекла* и *зеркала выпуклистые* и *вогнутые* имеются в названной выше статье Крафта.

Лучи, собранные в фокусе линзы, называются у Ломоносова *сгущенными лучами:*

А понеже как чрез преломление, так и чрез возвращение сгущенные лучи такую же силу имеют, то можно новым некоторым способом вместо переднего большого стекла употребить зажигательное зеркало (Ломон., I, 472).

Фокус зажигательного стекла или зеркала называется *зажигательной точкой:*

Солнечные лучи собирают в малое место, которое от зеркала отстоит на четвертую долю диаметра той сферы, которой самое зеркало есть отрезок. Оно

---

[11] Ср. выше у Меера: *взломныя лучи.*

называется зажигательною точкою (Ломон., I, 496). Также у Крафта: Сие место в точке F где возвращающиеся солнечные лучи наиближайше соединяются называется зажигательная точка вогнутаго зеркала (О зажигат. зеркалах и зажигат. стеклах. Примеч., 1735, стр. 201).

Термин *фокус* появляется в более поздней работе Ломоносова «Химические и оптические записки». В физических трудах первой половины XVIII в. он редок; более употребительным становится позднее, например, в «Сокращении опытной физики» Мушенбрека:[12]

Точка или место, где сближающиеся лучи соединяются, называется фокусом (зажигательною точкою) (Муш., Сокр. оп. физики, стр. 373).

5. ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К МАГНИТНЫМ ЯВЛЕНИЯМ

Описывая свойства магнита, Ломоносов в первую очередь отмечает *притяжение*, или *притягательную силу:*

Между удивительными свойствами камня магнита первое есть притягательная его сила, ибо игла на нитке повешенная, к придвинутому полюсу как бы сама собой прискакивает и к магниту или к железу, которым он оправлен прилипает (Ломон., I, 503). Ср. в статье Крафта «О магните»: Впрочем найдено и сие, что получающее от магнита притягательную силу железо оную опять теряет, когда оно покривится (О магните. Примеч., 1733, стр. 222).

Магнитные полюсы:

Притягательная сила показывает себя в двух точках, которые суть по обеим сторонам магнита и называются магнитные полюсы для управительной их силы (Ломон., I, 504).

По указываемому ими направлению полюсы магнита называются *северный* и *южный:*

Один полюс [магнита] называется южный, а другой северный, ибо, когда магнит на нитке повесишь, тогда он таким положением установится, что полуденным полюсом поворотится на полдень, а северным на север (Ломон., I, 504).

А по взаимному действию они названы *дружные* и *недружные:*

Разноименные полюсы [магнита] называются дружные, а одноименные — недружные (Ломон., I, 504).

В статье «О магните» 1733 г. они названы *согласные* и *несогласные:*

Оные разноименные полусы называются poli amici, или согласные полусы, а сии называются poli inamici, или несогласные полусы (О магните. Примеч., 1733, стр. 224).

В более поздних руководствах по физике термины amici и inamici переведены как *дружественные* и *неприязненные*, или *враждебные:*

---

[12] Питер Мушенбрек. Сокращение опытной физики изданное в пользу всего обучающегося юношества, а особливо тех, кои любят науку. Переведеное с латинского языка В. И. Сазановым. М., тип. Решетникова, 1791 (в дальнейшем в тексте: Муш., Сокр. оп. физики).

Одноименные полусы магнитов называются неприязненными или враждебными (poli inamici), а разноименные дружественными (amici). (Гилар., Рук. к физике, стр. 364—365).

Из других свойств магнита рассказано в «Вольфианской физике» о *склонении* и *наклонении:*

Магнитная игла, поставленная по меридианальной линеи, показывает от севера склонение в некоторых местах к востоку, в некоторых — к западу (Ломон., I, 509). Еще примечено в магнитной игле к горизонту наклонение, то есть, ежели игла была прежде принятия магнитной силы с горизонтом параллельна, то по получении оной наклоняется к горизонту тем или другим концом (Ломон., I, 510). Есть эти термины и в статье «О магните»: Мы в прежних примечаниях еще не о всех удивительных действиях магнита объявили, но из оных осталися еще два особливыя, а имянно склонение и наклонение (О магните. Примеч., 1733, стр. 235).

6. ТЕРМИНЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАЗЛИЧНЫМ ФИЗИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ И ПОНЯТИЯМ

В разделе «О опытах над чувственными свойствами тел» рассказано об опытах по наблюдению над явлениями теплоты и холода. Термин *теплота* прочно вошел в русскую физику с начала XVIII в. Он присутствует в «Вольфианской физике», а также и в других сочинениях Ломоносова, например в статье «О причинах теплоты и стужи».

И для того никакого нет сомнения, что от теплоты воздух расширяется, а от стужи сжимается (Ломон., I, 443). Ср. также до Ломоносова: Духи вспалаемыя с парами водными сливаются чрез теплоту (Меер. О сиянии северном. Кр. оп. ком., стр. 98). Мы неимеем здесь причины, сии правила, в чем оные до натуры света, теплоты и стужи касаются (О изъяснении северного сияния. Примеч., 1730, стр. 139).

Не употребляет Ломоносов термина *жар* в значении «теплота», что нередко встречается в научной литературе 30-х годов. Ср.:

К сохранению компаса потребно и сие, чтоб до него великаго жара, стужи и влажного воздуха не допустить (О магните. Примеч., 1733, стр. 226).

Что касается термина *стужа* (холод), то он существовал на всем протяжении XVIII в.

В «Вольфианской физике»: Стужа есть недостаток теплоты, о чем свидетельствует и повседневное искусство (Ломон., I, 469). И позднее: По внутренней причине редеют тела от жара и сгущаются от стужи (Крафт, Кр. начерт., стр. 6). Все тела от огня разширяются, а от стужи сжимаются (Муш., Сокр. оп. физики, стр. 231). Сжатие и разширение твердых тел доказывается действием теплоты и стужи даже над самыми твердейшими металлами (Гилар., Рук. к физике, стр. 14).

Лишь к концу века термин *холод* начинает конкурировать со *стужей*:

Но справедливее ли будет, когда теплота и холод почтутся истинными свойствами материи огня? (Муш., Сокр. оп. физики, стр. 249).

В разделе «О звоне» обращают на себя внимание два равнозначных термина *звон* и *звук:*

Тот же Дергам чрез стреляние из фузей познал, что звон простирается равномерным движением, и что звук от ударения молотом и от фузейного выстрела чрез расстояние одной английской мили вдруг слышны (Ломон., I, 511).

Оба термина имели вплоть до конца XVIII в. широкое распространение. *Звон* как синоним термина *звук* отмечен в «Словаре Академии Российской». Ср. в позднем учебнике физики:

Звон происходит обыкновенно от удара или взаимного между собою ударения двух тел (Нолле, Уроки эксп. физики, I, стр. 373).

Густость и *редкость воздуха:*

И для того барометр густости и редкости воздуха показать не может, ...того ради другой инструмент выдуман, который называется манометр (Ломон., I, 456). До «Вольфианской физики»: Пременение бо погод такожде зависит от зноя и мраза от густости и редкости воздуха (О исправлении барометров. Кр. оп. ком., стр. 112—113). Сие измеривание высоты гор утверждается на том предложении, по которому густость воздуха тем больше умаляется, чем кто выше возходит (О барометре. Примеч., 1734, стр. 137).

Многие понятия физики еще не были в первой половине XVIII в. точно терминологизированы, поэтому наблюдается вариантность в употреблении того или иного термина. Мы убедились в этом, рассматривая термины *опыт, наблюдение.* Для Ломоносова характерно постоянство в употреблении какого-либо термина. Можно проследить, как Ломоносов, избрав в «Вольфианской физике» какой-либо физический термин, пользуется им и в своих последующих сочинениях. Одним из свойств тел является его тяжесть. Это свойство в «Вольфианской физике» названо Ломоносовым *тягостью:*

Вода тягостию своею тела сдавливает (Ломон., I, 528). Из сего видно, что твердые тела в жидких столько своей тягости теряют, сколь тяжела вода, им величиною равная (Ломон., I, 432). В других сочинениях Ломоносова: Итак, на толь ли знатной вышине, которая на 100 или 200 сажен простирается, воздух, нижнею тягостию много превосходящий, противу естественных законов удержаться может? (Ломон., III, 43). Но противное тому испытателями натуры примечено и доказано, что атмосфера почти до самого верхнего предела среднего морозного слоя состоит близко в одной густости и тягости (Ломон., III, 475). Из законов механических о тягощении известно, что сила тягости действует в обратной квадратной пропорции расстояния от центра тяжких тел (Ломон., IV, 167).

В других научных сочинениях первой трети XVIII в. встречается как этот термин, так и его варианты.

Тягость:

Ежели собственная тягость какого-либо тела так мала, что оную в рассуждение привешенной гири ни во что вменити нельзя, то сие тело одну настоящую тягость иметь будет (О твердости разных тел. Примеч., 1740, стр. 352).

Тяжесть:

Оный камень некоторую знатную часть тяжести своей утратил (О камне азбесте. Примеч., 1728, стр. 48). Всякое твердое тело, которое в жидкое опущено, столько от своей тяжести теряет, сколько такая часть оной жидкой материи весом тянет, какую твердое тело из места выгоняет (О манометре. Примеч., 1734, стр. 363).

Тяжелина:

Потом и того надлежит смотреть, чтоб 1) оба плеча коромысла СА и СВ были совершенно равной долготы и тяжелины, также и чашки с своими снурками и с крючками долженствуют иметь между собою совершенно равную тяжесть (Крафт, Кр. начерт., стр. 29). Будто бы например кубической фут онаго [воздуха] из году в год всегда равную тяжелину или вес имел (О гиэтометре или мере дождя. Примеч., 1734, стр. 372).

Тяжелость:

Но склонение всех вещей к земному центру есть самая тяжелость (О земле. Примеч., 1732, стр. 48).

Встречается у Ломоносова в «Вольфианской физике» и в других сочинениях термин *вес* как выражение этого свойства тел, но очень редко:

Ежели два тела весом равные, равною скоростию встретившись, прямо столкнутся, после сражения оба остановятся (Ломон., I, 524).

Так же и в составе терминологического сочетания.

Центр тягости:

Части АС и СВ будут в равновесии, ибо они равны равным гирям, к центрам тягости в Д и Е привешенным (Ломон., I, 522).

Центр тяжелости:

Физик рассуждает землю по ее естественным частям, из которых она состоит, по ее плодам в тройном царствии натуры, по ее особливым свойствам, а именно по магнитной силе, по склоняющимся к ея центру тяжелости всех телес и пр. (О зрительных трубах. Примеч., 1732, стр. 23). Линеи *мч рт* меридиана, где экватор *им* пересекается к пункту *ч*, который есть центр тягости... *ор* представляет отсечение земли по тому кругу, который с экватором параллельно переходит чрез пункт *ч* (Ломон., IV, 167).

В физических сочинениях второй половины XVIII в. встречаем подобные термины.

Центр тяжести и *средоточие тяжести:*

Во всяком теле можно назначить такую точку, в которой однако если оно будет сдержано или подперто, то целое тело остается во всяком положении в покое. Точка сия называется центром тяжести тела (Крафт, Кр. начерт., стр. 52). Средоточием тяжести или центром называется в телах некая умственная точка, за которую тела естьли будут подвешены или на которой они будут поддерживаемы, в каком бы положении и каким бы образом то ни было, то всегда части их будут находится в равновесии (Муш., Сокр. оп. физики, стр. 68).

Применительно к воздуху слово *тягость* употребляется Ломоносовым и в значении «давление».

Тягость воздуха:

Перемены тягости воздуха, которые чрез повышение и понижение в барометре показываются... с переменами погод имеют следующее согласие (Ломон., I, 453). Манометр перемену теплоты и тягости воздуха чувствует (Ломон., IV, 174).

В первой трети XVIII в. понятие «давление» выражалось в научном языке весьма разнообразным способом: *давление* и *тиснение, угнетение, жмение, тяжесть, тяжелость:*

Художник сея махины добре знал, что вина возведения в таких махинах есть давление воздуха внешняго на воде лежащего (О первых учениях... Кр. оп. ком., стр. 11). Но жидкие материи в том, что до сего давления или тиснения принадлежит, от твердых тел разствуют. Ибо твердые тела давят токмо вниз по мере их тяжести, а жидкие давят кроме того еще и в верх такожде и по всем сторонам (О инструменте к познанию погод принадлежащих. Примеч., 1734, стр. 128). И следовательно воздух под линеею от движения земли больше угнетение имеет (О земле. Примеч., 1732, стр. 47). Наступление по Галилеи Торицеллии егда о тоижде вещи размышлял, в недоумении пал, что может быть, что вода в таких трубах чрез внешняго воздуха жмение поднимается (Меер. О исправлении барометров. Кр. оп. ком., стр. 109). Барометр ничто инное показует разве тяжесть воздуха (там же, стр. 112). Подлинно есть что ртуть в барометре показует состояние воздуха настоящаго применяяся к тяжелости его (там же, стр. 112).

Другое свойство тел — *двигающая сила,* т. е. сила, способная производить движение другого тела:

С движением тел местным соединена двигающая сила, которая по Лейбницову изобретению пропорциональна квадрату скорости; следовательно, жидкие тела кроме протяжения имеют двигающую силу (Ломон., I, 430).

До Ломоносова пользовались для обозначения этого свойства другими терминами.

Сила двизательница:

Буде два тела А и В равны суть и движутся разною скоростию, так что тело А в двое скорее нежели тело В движется, тогда сила двизательница онаго А не точию в двое больше есть, нежели сила двизательница тела В, но есть в четверо больше (О первых учениях... Кр. оп. ком., стр. 14).

Движущая сила:

Когда земле подвигнуться надобно, то требуется к тому движущая сила, которая внутри земли основание свое иметь долженствует (О местах огнь из себя выбрасывающих. Примеч., 1733, стр. 41). Ср. позднее в переводе физики Крафта: Поемику всякое движение раждается от некия движущия силы, то можно положить два рода движений (Крафт, Кр. начерт., стр. 66).

Торрицеллиева трубка:

Трубка, ртутью наполненная, называется Торрицеллиева, для того что сей опыт изобрел Торрицеллий (Ломон., I, 441). Ср. в более ранних научных сочинениях XVIII в.: Опыт от него и имя получил, так что оная трубка еще и по ныне торрицелианскою трубкою называется (О инструментах к познанию погод принадлежащих. Примеч., 1734, стр. 134).

Торрицелианная трубка:

Еще тому ста лет не прошло, как славный Отто Герике в Мегдебурге не взначай усмотрел, что находившаяся в так называемой торрицелианной стеклянной трубке ртуть в некоторые времена одним концом вверх поднималась, а потом опять опускалась (О исправном усматривании ветров. Примеч., 1740, стр. 309).

Итак, у Ломоносова мы наблюдаем стремление к определенному отбору из уже имеющихся научных терминов и к постоянному употреблению и закреплению одного термина за определенным физическим явлением или понятием. Среди терминов, взятых Ломоносовым от его предшественников, встречаем как термины иноязычного происхождения (натура, материя, ареометр, ватерпас, манометр, флюгер, гигрометр, барометр, микроскоп, магнит и др.), так и термины русские (опыт, наблюдение, густость и редкость воздуха, луч впадающий и отвращенный, преломление, склонение и наклонение [магнита], протяжение, твердые и жидкие тела, зеркала плоские, выпуклистые, вогнутые, сгущенные лучи, зажигательная точка, теплота, стужа, звон и звук и др.).

Рядом с ними в «Вольфианской физике» встречаются физические термины, о которых можно с уверенностью сказать, что они введены Ломоносовым.

Трубки, сообщение имеющие:

Из сего следует, что в трубках, сообщение имеющих, одинакие жидкие тела встают до одной вышины, на разность ширины не взирая, и имеют в них равновесие, когда обе поверхности стоят на одной горизонтальной линеи (Ломон., I, 427—428).

Из этого термина развился современный термин *сообщающиеся сосуды*. Термин *сообщающийся сосуд* можно наблюдать в учебнике Нолле конца XVIII в.

Когда жидкости находятся в разных сообщающихся между собою сосудах, сравниваются в рассуждении весу их, то не количество оных содержащияся в сосудах сравнивать должно, но столпы, касающиеся основанием своим к скважине сообщения (Нолле, Уроки эксп. физики, т. III, стр. 217).

Термин *воздушный насос* нам не встречался до «Вольфианской физики».

К предложению опытов над воздухом больше всех служит воздушный насос, которым воздух из сосудов вытягивают или в оных сжимают (Ломон., I, 436).

В более ранних физических трудах встречаем вместо него термин *антлия пневматическая:*

Тотчас умереть принуждены [звери], как скоро антлиею пневматическою воздух у них отоимется (О водолазах. Примеч., 1733, стр. 37). Из двух равных водою наполненных сосудов антлиею пневматическою воздух, который всегда с водою смешан был, вытягивали (О льде. Примеч., 1734, стр. 23).

Возможно, что этот термин был создан Ломоносовым по образцу имевшегося в научной литературе термина *водяной насос*.

По сему основанию можно такожде легко показать, какое свойство общие водяные насосы имеют (О барометре. Примеч., 1734, стр. 133).

В дальнейшем иностранный термин не встречается, а употребляется только *воздушный насос:*

Сосуд сей накрывается стеклянным колоколом или колпаком, потом из под колокола воздушным насосом вытягивается воздух (Крафт, Кр. начерт., стр. 17). Всего явственнее доказывается давление воздуха машиною, изобретенною в 1654 г. . . . которая известна под именем воздушного насоса (Anthlia Pneumatica; machine pnevmatique, Luft pumpe) (Гилар., Рук. к физике, стр. 58).

Безвоздушное место (т. е. вакуум):

[Оттон де Герикк] представил совсем нечаянные опыты, которые сперва описал Каспар Шотт, езуита вирцбургский, 1657 году в прибавлении к художеству механическому идравликопневматическому, а потом и сам автор 1672 году под титулом Магдебургских опытов, в безвоздушном месте учиненных (Ломон., I, 437).

Этот термин также не встретился до Ломоносова, но зато в дальнейшем получил широкое распространение до конца века.

В безвоздушном месте пары повинуются так же, как и все прочие тела силе тяжести и падают перпендикулярно сверьху вниз (Крафт, Кр. начерт., стр. 46). Другая умерщвляющая в безвоздушном месте животных причина есть та, что находящийся в различных сосудах и в самых их жидкостях воздух в то время когда не бывает он более удерживаем давлением наружного воздуха, учиняется весьма редким (Нолле, Уроки эксп. физики, т. III, стр. 249).

Одним из свойств воздуха Ломоносов называет *упругость:*

А понеже явно есть, что пузырь растягивается воздухом, в нем оставленным, для того следует, что воздух имеет силу, чем он во все стороны раздается, которая упругостию называется (Ломон., I, 438).

До Ломоносова также этот термин по отношению к воздуху не употреблялся. Говоря об искусственном создании холода, Ломоносов пользуется термином *знобительная материя:*

Из снегу или изо льду и из соли составляется знобительная материя, которая великую стужу производит (Ломон., I, 469).

Так Ломоносов называет охлаждающую смесь, которая в статье 1734 г. «О льде» названа *простуждающей материей:*

Сие почли за не поколебимое доказательство вышеобъявленного мнения, и то еще тем наипаче, что в наших примечаниях в конце прошедшаго года показанное произведение стужи такою постуждающею материею очюнь легко изъяснить можно (О льде. Примеч., 1734, стр. 24).

Гремячий порошок (т. е. гремучая смесь):

Гремячий порошок делают из трех частей селитры, из двух частей соли, из винного камня сделанной, и из одной части серы горючей (Ломон., I, 512).

Геронов фонтан (прибор, в котором под действием сжатого воздуха вода выбрасывается струей):

В Героновом фонтане ACOP воздух сдавливается вытекающею водою сквозь трубку GGH в нижней сосуд MNOP (Ломон., I, 530).

Позднее в переводе Нолле «Уроки экспериментальной физики» 1779 г. этот прибор назван *Геронов водомет*.

При изложении явлений дисперсии света Ломоносовым применяется ряд новых для XVIII в. терминов, например: *белый свет* (Ломон., I, 485), *красные лучи* (Ломон., I, 486).

Сжатый воздух: [13]

Не неприятно смотреть на действие сжатого воздуха в стеклянных куклах, называемых Картезиевых бесках (Ломон., I, 449).

Картезиевы бески (прибор для демонстрации равновесия плавающих тел; термин переведен с латинского Diabolos Cartesianos, в настоящее время носит название Декартова водолаза).

Не неприятно смотреть на действие сжатого воздуха в стеклянных куклах, называемых Картезиевых бесках (Ломон., I, 449).

Скважностью называли такое свойство тел, которое характеризует взаимное расположение в нем молекул, наличие промежутков между ними, известных под названием скважин.

Материи не совершенно плотные, но имеющие многие в себе скважины. (О зажигательных зеркалах. Примеч., 1735, стр. 227).

В «Вольфианской физике» Ломоносов употребляет термины *скважинки* и *поры*:

В воде, в пиве и проч. содержится много воздуху, следовательно есть в них скважинки, в которых нет собственной материи, тело составляющей, и которые воздух в себе содержат. Сии скважинки называются поры (Ломон., I, 514).

Термин *поры* сравнительно редок в научном языке XVIII в., и хотя Ломоносов пытается ввести его в научный обиход, но и в физических сочинениях конца века употребляется преимущественно термин *скважины*:

Содержащаяся в сосуде вода проходит чрез скважины дерева и ниспадает каплями внутрь стеклянной трубы: дерево при сем случае разделяется, а иногда и расщепляется (Крафт, Кр. начерт., стр. 18). Сии между-местия называются скважинами pori а свойство по которому тело их имеет, называется скважностью porositas (Гилар., Рук. к физике, стр. 7). Есть ли же несложные частички не будут правильно соединены, или ежели фигуры их будут неодинаковы, так что одна частичка не будет касаться всею поверхностию других смежных и окружающих, но будут между ими промежутки, то сии промежутки называются проходами и скважинами (Муш., Сокр. оп. физики, стр. 16).

Некоторые термины, введенные Ломоносовым, не получили дальнейшего хождения и остались лишь как его индивидуальные.

---

[13] Ср. употребляемый в XVIII в. термин *стисненный воздух:* Стисненным воздухом стреляют с великою силою из стволов свинцовыя пули (Крафт, Кр. начерт., стр. 13—14).

В «Вольфианской физике» таких терминов только два. Рассмотрим их. В работе Б. Н. Меншуткина «Жизнеописание М. В. Ломоносова»[14] указывается, что термин *удельный вес* впервые ввел в употребление Ломоносов. В действительности же термин *удельный вес* отсутствует в физических трудах Ломоносова, вместо него Ломоносов пользуется термином *пропорциональная тягость* (так переведен термин gravitas specifica):

Чрез сей опыт определить можно пропорциональную тягость жидких тел. Также чрез сие познается, что жидкое тело, которое пропорционально легче, например вода, давит другое тело, которое пропорционально тяжелее, например ртуть, которая все жидкие тела тягостию превосходит (Ломон., I, 428).

Термин *удельный вес* более позднего происхождения. Понятие об удельном весе в русской науке существовало еще в XVII в.,[15] однако это понятие вначале передавалось описательно. В статье «О инструментах к познанию погод принадлежащих» 1734 г. встречаем термин *свойственная тяжесть*.

Сей инструмент можно употреблять и при других жидких телах, для сыскания свойственной их тяжести (О инструментах к познанию погод принадлежащих. Примеч., 1734, стр. 402).

А во второй половине XVIII в. для удельного веса существовало несколько названий:

Вес двух тел равной величины называется *уравнительным весом* сих тел (poids specifica) (Крафт, Кр. начерт., стр. 50). Тяжесть тела сравненная с тяжестию другого тела равного с ним объема, называется *особенной относительною* и *собственной тяжестию* тела (gravitas specifica) (Муш., Сокр. оп. физики, стр. 218). Собственная тягость вещества есть содержащаяся в определенной обширности вес, что так же называется и плотностию или густотою оного (Нолле, Уроки эксп. физики, III, стр. 344). Твердое тело погруженное в жидкость по непроницаемости своей должно вытеснить такое же количество воды, какое составляет его пространство. Ежели сие количество вытесненной воды больше или меньше весит нежели самое твердое тело; то избыток тяжести того или другого тела называется *тяжестию относительною* (gravitas respectiva) (Гилар., Рук. к физике, стр. 139).

Ни в одной из физик XVIII в. нам не встретился термин *удельный вес*. Очевидно, этот термин и не был известен в XVIII в.

Описывая действие различных приборов, необходимо было объяснить, каким образом можно наблюдать изменения их показаний. Термин *шкала* мало известен в XVIII в. В статье «О термометре» дается такое описательное толкование этого понятия:

Сия стеклянная трубка привязывается к доске, а по сторонам делается по изъявлению разделение, чтоб можно было лучше приметить, как вода в ней поднимается и опускается (О термометре. Примеч., 1734, стр. 182).

---

[14] Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937.

[15] См.: Т. И. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

Ломоносов применяет также термин *лествица:*

Для того лествица ДЕ... которая придается торрицеллиевой трубке, чтобы ей барометром быть, немного больше бывает двух дюймов парижского фута (Ломон., I, 452).

Однако, кроме него, на всем протяжении XVIII в. этим термином никто не пользовался. Ср. в статье 1734 г. «О гигрометре»:

Когда у стены к гвоздю привяжется долгая веревка и по векше В, которая бы очюнь легкое движение имела, вниз опустится, а на конце привяжется гиря С с указкою ДЕ, то сделанное по сторону гири разделение FE покажет, ссадится ли оная веревка или больше в длину распустится (Примеч. 1734, стр. 311).

Среди терминов, впервые введенных Ломоносовым, встречаем такие, которые прочно вошли в состав русской физической терминологии и существуют по сей день; например: воздушный насос, упругость воздуха, геронов фонтан, воздушное сопротивление, сжатый воздух, поры. Ряд терминов, предложенных Ломоносовым, претерпел лишь некоторые изменения в современной физической науке: трубки, сообщение имеющие — сообщающиеся сосуды, безвоздушное место — безвоздушное пространство. Остальные же термины были выражены новыми, обычно образованными по тому же принципу, как и у Ломоносова, но с заменой устарелых слов или устарелых значений: знобительная материя — охлаждающая смесь, гремячий порошок — гремучая смесь, стиснение — сжатие. В отдельных случаях ломоносовские русские термины заменены иноязычными и наоборот, например: лествица — шкала, иетометрия — дождеизмерение. Буквальный перевод Ломоносовым термина *Картезиевы бески* заменен в современной физике термином *Декартов водолаз,* это единственная замена, относящаяся не к области языка, а к сущности действия данного прибора.

Рассмотрев физическую терминологию, употребленную Ломоносовым в переводе «Вольфианской физики», можно сделать некоторые выводы относительно принципов, которыми руководствовался Ломоносов при выборе и использовании этой терминологии. Прежде всего следует отметить, что в «Вольфианской физике» мы находим всю основную физическую терминологию, соответствующую развитию физической науки того времени, поскольку эта книга является первым в России систематическим пособием по физике, охватывающим широкий круг физических проблем и посвященным изложению основ физики, в отличие от работ предшественников Ломоносова, касающихся лишь частных вопросов. Не удивительно, что все последующие составители курсов по физике, оригинальных и переводных, без сомнения, пользовались ломоносовской работой как образцом и заимствовали из нее физическую терминологию.

Сам Ломоносов хорошо понимал важность осуществляемой им работы. Он прекрасно знал все имеющиеся физические статьи своего времени и, изучив их, отбирал все то в области терминологии, что

считал наиболее удачным, все то, что уже получило широкое распространение в научном языке своего времени. Как можно видеть из приведенного выше материала, Ломоносов использует уже сложившуюся терминологию в области оптики, в области физики, рассматривающей атмосферные и магнитные явления. При этом следует заметить, что Ломоносов употребляет уже установившиеся в науке термины в том виде, как они существуют в языке; он не пытается переводить на русский язык те иноязычные по происхождению термины, которые прочно вошли в язык физики его времени.[16] В этом отношении характерно использование им иноязычных терминов, обозначающих различные приборы и инструменты. Целый ряд терминов, введенных Ломоносовым в «Вольфианскую физику», можно отнести к тем «странным», по его выражению, сочетаниям, которые не были подхвачены его последователями и известны только как собственные употребления самого Ломоносова. К таким терминам следует отнести, например, следующие: пропорциональная тягость, картезиевы бески, знобительная материя, лествица, луч отвращенный, дружные и недружные полюсы магнита, гремячий порошок. Другие же термины, впервые введенные Ломоносовым в «Вольфианской физике», такие, как *трубки, сообщение имеющие* или *безвоздушное место*, были подхвачены после него в научной литературе XVIII в. и в дальнейшем усовершенствованы. А целый ряд его терминов прочно вошел в научный обиход и сохранился до наших дней: воздушный насос, упругость воздуха, сжатый воздух, геронов фонтан.

Характерным для Ломоносова является и стремление к однозначности термина. Его термин строго прикреплен к определенному научному понятию. Поэтому мы почти не встречаем у него вариантности в использовании термина, что характерно для переводчиков первой трети XVIII в. (так, например, Ломоносов всегда употребляет термин *тягость*, и не только в «Вольфианской физике», но и в других своих сочинениях,[17] в то время как у его предшественников выступали различные варианты, приведенные выше — тягость, тяжесть, тяжелость, тяжелина. Очень редко наблюдается у Ломоносова колебание в употреблении термина (скважинки — поры, звон — звук и некоторые другие). Вводя новые термины, Ломоносов стремился передать их так, чтобы они были наиболее понятны русскому читателю, поэтому там, где это было возможно, иноязычные термины переведены на русский язык: вместо *антлия пневматическая* появляется *воздушный насос*, вместо *аэрометрических опы-*

---

[16] Ср. в этом отношении перевод термина *термометр* в книге Мушенбрека: Изобретены инструменты дабы помощию их можно было узнавать количество огня, кроющагося в различных телах: инструменты, определенные для сего названы тепломерами (thermometra, termosopia) (Муш., Сокр. оп. физики, стр. 269).

[17] См. «Слово о явлениях воздушных» (Ломон., III, 43) или «Рассуждение о большей точности морского пути» (Ломон., IV, 167).

тов — опыты над воздухом, вместо *пендула — отвес* и пр. Там же, где переводы казались ему нецелесообразными, он оставлял иноязычный термин (иетометрия, геронов фонтан). Ломоносов никогда не злоупотреблял заменой иноязычных слов, которые получили уже широкую известность в русском языке; поэтому у него невозможны такие замены, как *тепломер* вместо *термометр, геронов ведомет* вместо *геронова фонтана.*[18]

Перевод Ломоносовым «Вольфианской экспериментальной физики» внес большой вклад в установление русской физической терминологии. Как видно из описанного материала, большинство физической терминологии, употребленной им в этой книге, прочно вошло в научный обиход и сохранилось до наших дней. Научный авторитет Ломоносова, его сознательное отношение к языковому творчеству способствовали закреплению и утверждению распространяемой им физической терминологии. И в этом огромную роль сыграла «Вольфианская экспериментальная физика».

---

[18] Об употреблении Ломоносовым заимствованной терминологии см. статью Л. М. Сахарова «Из наблюдений над терминологической лексикой в научных трудах М. В. Ломоносова» (в кн.: Ломоносовский сборник. Тр. Московского педагогического гос. заочного института, М., 1961, стр. 105 и сл.).

И. З. СЕРМАН

ЛОМОНОСОВ В РАБОТЕ НАД ТЕКСТОМ «СОБРАНИЯ РАЗНЫХ СОЧИНЕНИЙ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» 1751 ГОДА

В примечаниях к старому и новому академическим Собраниям сочинений Ломоносова [1] сделана сводка разночтений и вариантов текста его стихотворных произведений, отражающая различные стадии редакторской работы поэта при включении их в состав «Риторик» [2] или при перепечатке в Собраниях сочинений.[3] Как видно по этим сводкам вариантов, Ломоносов долго работал над текстами од, от публикации к публикации изменяя, иногда очень существенно, целые строки, а иногда и строфы. Особенно интенсивно и последовательно дорабатывал и переделывал свои произведения Ломоносов для «Собрания разных сочинений» 1751 г.

Систематическое изучение истории текста этого издания может ввести в творческую лабораторию поэта и позволит установить некоторые закономерности развития и становления его стиля.

Сборник стихотворных произведений Ломоносова 1751 г. был первым печатным поэтическим сборником, изданным деятелем новой, послепетровской литературы. Сатиры Кантемира дождались появления в печати на русском языке только в 1762 г. Оба сборника Тредиаковского (1730 и 1752) были смешанного характера; преобладала в них проза.

---

[1] М. В. Ломоносов. 1) Сочинения с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова, тт. I, II. Изд. АН, СПб., 1891—1893; 2) Полн. собр. соч., т. VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959. — Здесь и дальше цитаты из произведений Ломоносова даются по т. VIII Полного собрания сочинений, ссылки делаются в тех случаях, когда привлекаются другие источники текста.

[2] «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (написано в 1744 г., при жизни Ломоносова не публиковалось); «Краткое руководство к красноречию книга первая, в которой содержится риторика. . .» (издано в 1748 и 1759 гг.).

[3] Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михаила Ломоносова. Книга первая. 1751; Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. Книга первая. Второе издание с прибавлениями, 1757 (вышло в октябре 1758 г.).

В процессе подготовительной работы над своим первым поэтическим сборником Ломоносов с особой тщательностью взвешивал и учитывал обстоятельства политической и литературной жизни данного времени. Много внимания было при этом уделено и работе над текстом стихотворений, и самому составу издания, и, наконец, даже общей композиции выбранных для него произведений. Характерно, что Ломоносов в одном из разделов издания, а именно в «Одах похвальных», отказался от чисто хронологического расположения их. На первое место здесь оказались естественно выдвинутыми оды, посвященные царствующей императрице Елизавете; за ними следовали оды, обращенные к наследнику престола — Петру Федоровичу. Именно в этих произведениях (особенно в одах 1746, 1747 и 1748 гг.) Ломоносов раскрывал свою общественно-политическую и просветительную программы, высказывал заветные надежды и чаяния. В конец раздела оказалась отнесенной знаменитая ранняя (1739) ода на взятие Хотина, посвященная теперь в новой своей редакции «блаженныя памяти Анне Иоанновне».

Рукопись сборника стихотворений Ломоносов представил в Академическую канцелярию 9 февраля 1751 г.; следовательно, основная работа над ней шла в конце 1750—начале 1751 года.[4] Набирать сборник начали после 11 февраля.[5] Печатание «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Книга первая. 1751» было окончено до 22 июля.[6] За эти полгода, с февраля по июль, в процессе чтения корректур Ломоносов вносил последние исправления.

«Собрание разных сочинений» отражает, следовательно, литературные позиции Ломоносова такими, какими они были в 1750—1751 гг., и вполне допустимо искать в авторской работе над текстом откликов Ломоносова на литературные события и споры первой половины 1751 г.

Мы вправе рассматривать ломоносовскую правку как выражение его коренных литературно-стилистических взглядов еще и потому, что, помимо частных изменений текста отдельных строк или строф, Ломоносов подверг некоторые оды полной переработке.

Так, «Ода на прибытие Петра Федоровича» (1742) известна в двух очень несходных между собой редакциях: отдельное издание 1742 г. и текст «Собрания сочинений» 1751 г. К сожалению, ранние редакции ломоносовских од сохранились только частично, в виде отрывков, включенных в «Риторики», но все же сопоставление этих отрывков с редакцией соответствующих строф и строк «Собрания сочинений» 1751 г. дает материал для суждений о характере и направлении доработки текста.

---

[4] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 175.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 181.

Разумеется, те немногие образцы ломоносовской правки собственного текста для издания 1751 г., которых мы коснемся, могут дать лишь самое первоначальное представление о ее смысле и историко-литературной значимости. Текстология ломоносовской поэзии еще только начинает разрабатываться, и в этой связи нам хотелось показать важность и плодотворность изучения работы поэта над текстом первого собрания его стихотворных произведений.

Возможно ли определить, какими непосредственными причинами была вызвана переработка ранних вещей Ломоносова для издания 1751 г., или следует говорить лишь о каких-то общих закономерностях его собственного творческого развития? Возможно ли сегодня, при нашем еще очень недостаточном знании фактов литературной жизни 40-х годов XVIII столетия, найти соответствующую историко-литературную «оправу» для ломоносовских художественных поисков, поэтических проб и примерок?

Как мы покажем дальше, именно в период своей работы над изданием 1751 г., то есть зимой 1750—1751 гг., Ломоносов находился под впечатлением острого и содержательного литературно-критического выступления своего давнего антагониста, В. К. Тредиаковского.

В марте 1750 г. Тредиаковский в ответ на памфлетную комедию Сумарокова «Тресотиниус» написал обширную критическую статью под названием «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю».

«Письмо» Тредиаковского формально не затрагивает Ломоносова, так как в нем разбираются, и очень придирчиво, произведения Сумарокова, а Ломоносов упоминается только в благожелательном тоне. Однако по существу «Письмо» было обращено в той же мере к Ломоносову, в какой и к Сумарокову, к первому даже больше. Тредиаковский, которого принято считать слабым и неловким полемистом, прибег в своем «Письме» к прекрасному приему: он подробно разобрал ранние подражательные оды Сумарокова, исполненные «ломоносовского» духа, ломоносовского «парения», и легко доказал, что Сумароков в них еще не следовал правилам, которые высказал в «Двух епистолах» (1747). Громя Сумарокова за «ломоносовское» в его одах, Тредиаковский одновременно наносил скрытый, но чувствительный удар по Ломоносову, высмеивая основы его одического стиля.

Для наглядности привожу часть замечаний Тредиаковского[7] по поводу сумароковской «Оды императрице Елисавете Перьвой в день 25 ноября 1743» в сопоставлении с текстом Сумарокова:

---

[7] В. К. Тредиаковский. Стихотворения. «Советский писатель», Л., 1935 («Библиотека поэта», Большая серия), стр. 368—383.

Сумароков	Тредиаковский
Уже и горы возвещают Дела, что небеса пронзают, Леса, и гордые валы.	Что то у нас за разум, когда дела прободают небо, лес и гордую волну? Но скажет, что он взял пронзаю за французское percer однако метафора сия у французов употребительна, а у нас она странна и дика, еще и никакие пошлыя в сем разуме не означает идеи.
Тобой разрушен облак гневный, Свирепы звезды пали в понт.	...что значит, *разрушен облак гневный и свирепы звезды пали в понт!* (Здесь и дальше курсив Тредиаковского, — *И. С.*). Да и может ли кто быть толь великий Аполлон, который бы мог какой-нибудь найти в сем разум? Сие точно самое называется сумбуром не означающим никакия мысли.
Теперь девическая сила Полсвета скиптру покорила, Низпал из облак гневный вал.	...что автор разумеет в последнем стихе, чрез *низпал из облак гневный вал,* — того отнюдь понять не могу, и чаю, что и никто сего никогда не поймет, и еще думаю, что хотя и самого автора спросить, то он так же непонятное сие чрез непонятное ж толковать станет. Как? Кто видал, чтоб *гневный вал из облак низпал*! Что то за дивовище? или лучше, что то за сумбур? и только страннейший, что он здесь прилеплен как горох к стене.
На грозный вал поставив ногу, Пошел меж шумных водных недр, И положив в морях дорогу, Во область взял валы и ветр, Простер премудрую зеницу, И на водах свою десницу, Подвигнул страхом глубину, Пучина власть его познала, И вся земля вострепетала, Тритоны вспели песнь ему.	В последнем самом стихе сея строфы *тритоны вспели песнь* благополучно обладавшему морем. Но что то за козьи рога, которыи в мех не лезут? Как? при толиком шуме, при толиком страхе, ужасе, при толиком трепете, и пременении, для того что нога ставится на грозный вал, ход делается между шумными водными недрами, дорога пролагается в морях, в область берутся валы и ветры, простирается на водах зеница и десница, подвигается от страха глубина, пучина под власть подвергается, и вся земля трепещет, одни тритоны могут быть спокойны и непоколебимы, и еще так веселы, что они с радости поют песни!
Твой гром колеблет небеса	Самодержицына войска гром не для колебания небес, но для поражения врагов: ибо он законный и справедливый, и для того вооружаться на небеса никогда не возможет.
Да взыдет наш гремящий глас В дальнейшие пространства селы, Пронзив последние пределы,	*Пронзить последние пределы*, значит *пробость последние пределы*. Но что то за разум? Мы уже видели, что

К престолу божьему в сей час.	сей глагол у автора употреблен не сам за себя, но за *проникать*, а что он *пронзать* кладет, то видно, что он глагола проникать не знает.

Тредиаковский бьет Сумарокова его же оружием, обвиняя в отказе от принципа «ясности»: «О! Дерзка авторова мысль, куда взлетаешь, не имея высокопарных крил и за тем не подымаясь от низких своих долов[8] ни на вершок? Просим тебя, мысль дорогая, не летай толь высоко, да изображай себя, пожалуй, с *надлежающею только ясностью*».[9]

Тредиаковский обвиняет Сумарокова в нарушении им же заявленных правил одического жанра, в тех самых отступлениях от принципа разумной ясности, в которых Сумароков ранее[10] обвинял Ломоносова: «И хотя ж оды свойство есть такое, по мнению авторову, что *она взлетает к небесам и свергается во ад, мчася в быстроте во все края вселенны, врата и путь везде имеет отворенны*, однако сие не значит, чтоб ей соваться во все стороны, как угорелой кошке, но чтоб ей по одной какой линее, по прямой, или круглой, или улитковой взлетать к небесам, и спускаться в дол; то есть беспорядок ее долженствует быть порядочен и соединен, и нестись чрез все горы и долы, выше, как говорят, дерева стоячего, и облака ходячего, к одному, токму главнейшему делу. Инако ода будет не ода, но смеха и презрения дойстойный сумбур. Сей у того не может не случиться, кто токмо одни надутые пузыри пускает и хватает ртом облака».[11]

Сумароков ответил Тредиаковскому антикритикой в прозе, как и «Письмо» Тредиаковского не предназначенной для печати и опубликованной только посмертно в Собрании сочинений 1780—1781 гг. Ответ этот много короче статьи Тредиаковского. Сумароков не отвергает нападок Тредиаковского на свои ранние оды за их «ломоносовскую стилистику», так как это было, в сущности, невозможно, а защищает свои трагедии, доказывая, что Тредиаковский придирается к опечаткам и не способен на серьезную критику. По-видимому, Сумароков считал, что более действенное средство, чем антикритика, это комедия-памфлет. И уже в июне 1750 г. он написал комедию «Чудовищи», в которой представил в карикатурном виде суждения Тредиаковского о «Хореве». Так, в «Письме» Тредиаковский иронизирует над употреблением слова *седалище* в трагедии Сумарокова, он пишет: «Кий просит, пришед в крайнее изнеможение, чтоб ему подано было *седалище*. О рассуждение слепого мудрования! Знает автор, что сие слово есть славенское, и употреблено в псалмах за стул: но не знает, что славенороссийский

---

[8] «Низкий дол» Тредиаковский критиковал на том основании, что «дол» не может быть «высокий».
[9] В. К. Тредиаковский. Стихотворения, стр. 370.
[10] В статье 1747 г. «Критика на Оду».
[11] В. К. Тредиаковский. Стихотворения, стр. 387.

язык, которым автор все свое пишет, соединил с сим словом ныне гнусную идею, а именно то, что в писании названо у нас афедроном. Следовательно, чего Кий просит, чтоб ему подано было, то пускай сам Кий, как трагическая персона введенная от автора, обоняет. Такое точно во всем авторово искусство!».[12]

В «Чудовищах», в VI явлении, Дюлиж и Критициондиус обсуждают это же место из «Хорева»:

Критициондиус: ...Кию подали стул, бог знает на что, будто как бы он в таком был состоянии, что уж и стоять не мог. От чего? Я не знаю. Стул назван седалищем, будто стулом назвать было нельзя, а ежели для тово не названо стулом, что стул по-немецки, так бы можно было сказать: подай скамью, или сказать: подай на чем сесть.

Дюлиж: А седалище то разве худо сказано.

Критициондиус: Крайне худо.

Дюлиж: Что же.

Критициондиус: Резона на ето никакова нет: однако ж.

Дюлиж: Я бы думал, что лучше сказать подай канапе.

Критициондиус: Да и то б не хуже было. Поетам ета вольность дается что нужды ради и чужое слово положить можно, а седалище слово из славенщизны, даром что ево и малые знают робята.[13]

И тем не менее в новом издании «Хорева» Сумароков сократил эту реплику Кия и выбросил из нее одиозное слово:

Изд. 1747 г.

Всех лютостей что есть исполнен мне сей день,
О жалующаяся во тьме на Кия тень,
Не представляйся мне стеняща предо мною,
И дай хотя на час пристанище покою!
Хоть на минуту дай мне мысль мою собрать...
Хорев, и с ним Завлох!.. ах! Что ему сказать!
Волнуется вся кровь, не держат тела ноги.
Подай седалище. (Садится).[14]

Изд. 1768 г.

Несносых лютостей исполнен сей мне день.
О жалующася во тьме на Кия тень!
Не представляйся мне стеняща предо мною,
Не мучь меня моей ты варварской виною! [15]

Снисходительно и свысока изображая своих критиков в комедиях, Сумароков не мог не посчитаться с теми суждениями «зоилов», в которых указывались действительно существенные недостатки его трагедий, — существенные с точки зрения эстетики разумной ясности, принятой в это время, несмотря на жестокую личную вражду, и Сумароковым, и Тредиаковским, и даже отчасти Ломоносовым, позже своих соперников подчинившимся духу времени.

---

[12] В. К. Тредиаковский. Стихотворения, стр. 398—399.

[13] А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, изд. 2, ч. 5, М., 1787, стр. 263.

[14] А. Сумароков. Хорев, СПб., 1747, стр. 70.

[15] А. Сумароков. Хорев, СПб., 1768, стр. 72.

А как в данной литературно-полемической ситуации держался Ломоносов? Ведь прямо он в «Письме» Тредиаковского задет не был. Может возникнуть вопрос, читал ли он это «Письмо», могло ли оно его заинтересовать?

Конечно, трудно допустить, что в тогдашнем узком кругу литераторов такая обширная критическая статья (больше четырех печатных листов), почти трактат, могла быть кем-либо из причастных к литературе лиц не прочитана. Но и помимо подобного рода общих соображений в нашем распоряжении есть убедительные доказательства, что Ломоносов «Письмо» Тредиаковского читал, и не только читал, но и с некоторыми из замечаний Тредиаковского согласился.

Сумароков остро реагировал на ироническое замечание Тредиаковского относительно употребления слова *седалище* в значении «стул». Ломоносову, видимо, эта полемика запомнилась, так как, переиздавая свою «Риторику» в 1759 г., он сделал в ней следующую замену:[16]

«Риторика» 1748 г.	«Риторика» 1759 г.
...с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился.	...с высокого престола разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился.

Это, кажется, единственный пример употребления данного слова у Ломоносова, и то, что он его заменил, как только к тому представилась возможность, не оставляет сомнений, что «Письмо» Тредиаковского было им прочитано. Для нас важно не то, насколько последовательно выполнял Ломоносов советы Тредиаковского, а то, что он над ними задумывался и с ними считался.

В трагедии Сумарокова «Хорев» (1747), в монологе Астрады, Тредиаковский нашел то, что он называл «противусловием», то есть выражение типа *приятная приятность*, над которым издевался в «Тресотиниусе» Сумароков, вспоминая давние стихи и трактаты самого Тредиаковского. Приведя строку

Противься только в том поборно естеству,

Тредиаковский пишет: «Как? Госпожа Астрада велит *противиться не противно естеству!* Но что сие значит? Может ли кто противиться естеству и в то ж самое время быть ему без сопротивления? ... Казалось бы, что автор взял слово *поборно* за *противно*, как то и Гамлетов у него *поборник* взят за *противник*. Но в сем знаменовании, какой будет разум в оном стихе? *противься только в том противно естеству*».[17]

---

[16] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, Изд. АН СССР, 1950—1957, стр. 170.

[17] В. К. Тредиаковский. Стихотворения, стр. 397—398.

В издании 1768 г. Сумароков отмеченную Тредиаковским строку из реплики Астрады выбросил.

Преследуя неправильное, по его мнению, переосмысление слова *поборник*, Тредиаковский не пропустил его и в другой трагедии Сумарокова, «Гамлет», в которой датский принц так сам себя характеризует:

Се, боже, пред тобой сей мерзкий человек,
Который срамотой одной наполнил век,
Поборник истины, бесстыдных дел рачитель,
Враг твой, враг ближнего, убийца и мучитель.[18]

По поводу этого образца сумароковского стиля Тредиаковский злорадно писал: «Но *славное* в „Гамлете“ слово поборник, в действии II, в явл. 1, выговоренное Клавдием, сколько в ложном знаменовании употреблено, столько и в смешном, для того, что сие показывает, что ... автор мало бывает в церькве... ибо инако ... мог услышать ... что слово *поборник* значит не *противника*, но *защитника и споспешника*».[19]

Ломоносов ввел слово *поборник* в свое переложение 70 псалма именно в том смысле, в котором его толковал Тредиаковский, и вовсе не потому, что этого требовал текст оригинала:

Поборник мне и бог мой буди
Против стремящихся врагов
И бренной сей и тленной груди
Стена, защита и покров.

В псалме 70 слова *поборник* нет вообще, тексту, переложенному Ломоносовым, соответствуют следующие слова «Псалтыри»: «Буди ми в бога защитителя, и в место крепко спаси мя: яко утверждение мое и прибежище мое еси ты». Первоначально Ломоносов хотел поставить в первой строке *защитник*, но потом остановился на приведенной редакции.

Тредиаковский категорически осудил один оборот у Сумарокова в его переложении 143 псалма. Тредиаковский привел следующую строфу:

Дающу области, державу,
И царский на главу венец,
Царем спасение и славу,
Премудрый всех судеб творец!

А затем высказал свои возражения: «Строфа сия вся неисправная сочинением и весьма порочная. Первое, к чему у него возносится слово *дающу*? Ежели оно возносится предъидущия строфы к словам, а именно к *восхвалю тя песнью шумной*, то местоимения *тя*, есть винительный падеж и, следовательно надлежало написать: *дающа*. Буде ж оное его *дающу* принадлежит сея ж самыя строфы к слову *творец*, которое слово положено в четвертом стихе, то, хотя б оно

18 А. Сумароков. Гамлет. СПб., 1748, стр. 19.
19 В. К. Тредиаковский. Стихотворения, стр. 394.

было звательный падеж, хотя б именительный, в обоих случаях должно ему было быть *дающий*».[20]

Ломоносов отнесся к этому совету внимательно и отказался от архаического оборота с дательным падежом, как требовал Тредиаковский, но заменил его прошедшим временем личного глагола, а не винительным падежом причастия, как хотелось Тредиаковскому.

Перепечатывая в 1751 г. переложение 143 псалма, сделанное в 1743 г., Ломоносов подверг его существенной правке. При этом решительным образом была изменена десятая строфа:

Ред. 1743 г.	Ред. 1751 г.
Тебе, спасителю царей, *Давида в храбрости прославльшу.* От лютого меча *избавльшу,* Что враг взмахнул рукой своей	Тебе, спасителю царей, *Что крепостью меня прославил* От лютого меча *избавил,* Что враг вознес рукой своей

В своих замечаниях по поводу сумароковского употребления слова *дающу* Тредиаковский отмечал как большой недостаток его стиля разрыв между подлежащим и управляемыми словами, в результате которого нарушается логическая связь между строфами. Ломоносов не оставил без внимания и этого замечания Тредиаковского. В «Вечернем размышлении» в редакции «Риторики» (1748) вся вторая строфа состояла из придаточных предложений, отнесенных к слову *бездна* в первой строфе:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Как персть между высоких гор,
Так гибнет в ней мой ум и взор.

Ломоносов, по-видимому, заметил этот недостаток логической связи и отсутствие второго члена в этом перечне сравнений. Он испробовал сначала такой вариант двух последних строк:

Теряет так мой ум себя,
Смущен, пространство то смотря.

Но этот синоним слова *бездна* его не удовлетворил, так как не получилось все же полной соотнесенности между *бездной небесной* в первой строфе и *пространством* во второй. Поэтому Ломоносов предпочел в окончательном тексте повторить опорное понятие и остановился на общеизвестной редакции:

Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслью утомлен!

---

[20] А. Куник. Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII веке, ч. II. СПб., 1865 (в дальнейшем: А. Куник. Сборник материалов. . .), стр. 449.

Поправки, сделанные Ломоносовым для издания 1751 г., получают историко-литературное значение лишь тогда, когда они соотнесены с литературной позицией поэта, когда понята их направленность.

«Письмо» Тредиаковского потому было так принято поэтами-современниками, что оно касалось самой важной проблемы литературного стиля середины XVIII в. — проблемы поэтического словоупотребления. Тредиаковский в этом вопросе стоял на позициях пуристических и считал возможным предписывать поэтическому словоупотреблению «правила», исходя из норм логики.

Позиция же Ломоносова была не столь прямолинейна, это наглядно проявилось в разногласиях по поводу осмысления, а следовательно и сферы применения в поэзии слова *твердь*.

Тредиаковский в своей статье приводит следующий пример «ложного знаменования» из «Гамлета» Сумарокова: «Говорит Гертруда сыну своему, чтоб он бежал от тех мест, на которых они находились, ибо под ними, говорит она, *твердь трясется*».[21] Далее, установив значение славянского *твердь* через сопоставление с греческим, латынью и французским, Тредиаковский заключает, что «чрез слово *твердь* разумеется у нас... *небо*». Однако сам он хорошо знал, что поэтические книги Библии дают и другие значения этого слова: «Однако автор (Сумароков, — *И. С.*) помнил, может быть, что у нас положено во псалме 103: *основаяй землю на тверди ея*. Того ради вы скажете, можно было ему *твердь* положить за *землю*, и потому говорить право, *под ними твердь трясется*. Нет, государь мой, не можно... в нашем оного псалма переводе слово *твердь* которое есть собственно *фирмамент*, то есть *небесная твердь*, взято не само за себя, и не в точном его знаменовании, но за *крепость*, за *утверждение*, за *столбы*, за *подпору*, и за *подставку*: словом за *твердость*, или за *твердыню* основания». И заключает Тредиаковский: «Без сего моего об нем изъяснения, никто из знающих основательно наш язык не может не принять оного за *небо*, и за *твердь небесную* в авторовом сочинении».[22]

Тредиаковский хочет остановить процесс поэтического переосмысления слова *твердь* и потому настаивает на «законности» только его славянского значения, отвергая русское литературное употребление, предложенное Сумароковым.

Какую позицию занял в этом споре Ломоносов?

---

[21] Там же, стр. 480.

[22] Тредиаковский в своем «Письме» (1750) одобрил ломоносовское употребление слова *твердь* в этой строфе, он писал: «Разум сего четверостишия есть тот же, что и Давидов: так меня чужой народ объял, что я погряз как в глубокой пучине. Того ради, Ты мне с *высокия тверди* простри длань, и тем избавь меня от оных многих вод пучинных» (Цит. по кн.: А. Куник. Сборник материалов..., стр. 447).

В своем переложении 143 псалма (1743) Ломоносов ввел слово *твердь* в его, так сказать, каноническом значении *небо*:

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой;
Ты с *тверди* длань простри высокой,
Избавь меня от многих вод.

Характерно, что в тексте псалма слова *твердь* нет. Там говорится: «Посли руку твою с высоты, изми мя и избави мя от вод многих. . .».

Слово *твердь* у Ломоносова сопровождается эпитетом *высокая* (вместо библейского *высота*), этим как бы утверждается значение «небо»,[23] но вместе с тем наличие «подкрепляющего» эпитета говорит и о каких-то сомнениях поэта, о какой-то его неуверенности в достаточной определенности данного значения.

Оба соперника Ломоносова по переложению 143 псалма, Сумароков и Тредиаковский, обошлись без слова *твердь* в этой строфе:

Сумароков

Подай мне крепкую десницу.

Тредиаковский

На защиту мне смиренну
Руку сам простри с высот.

Через несколько лет, обратившись к псалму 103, в котором слово *твердь* употреблено было, по мнению Тредиаковского, «за твердость, или за твердыню основания»,[24] Ломоносов остановился на таком решении:

Ты землю твердо основал
И для надежныя окрепы
Недвижны положил заклепы
И вечну непреклонность дал.

Ломоносов не захотел или не счел возможным употребить слово *твердь* в таком значении, как это сделал Сумароков в «Гамлете», напечатанном в 1747 г. Вместо славянского или «славянорусского» *твердь* он ввел русское наречие *твердо*, в котором идея «тверди земной» вообще не присутствует, и таким образом обошел «сомнительное» место библейского текста.

Вновь ввел слово *твердь* Ломоносов в свой стих при переработке «Оды на прибытие Елизаветы Петровны» (1742) для сборника 1751 г.

По счастливой случайности ранняя редакция двух занимающих нас строк сохранилась:

---

[23] А. Куник. Сборник материалов. . ., стр. 481.

[24] В тексте псалма: «Основаяй землю на тверди ея: не преклонится в век века».

«Риторика» 1744 г.	Ред. 1751 г.
Единой цепью звезды свяжет И вспять итти Луне прикажет.	Что твердь с собой в союзе свяжет И вспять итти Луне укажет?

В каком же значении употребил Ломоносов слово *твердь*, что оно обозначает: небо или землю? В свете изложенных Тредиаковским соображений о необходимости разграничивать основное (небо) и переносные значения (твердыня, основание и т. д.), Ломоносов как будто должен был сделать выбор, остановиться на каком-нибудь одном из «знаменований».

У Ломоносова слово *твердь* находится в таком отношении к субъекту предложения (шведу, который, «как Атлас, держит целый свет» и характеризуется необъятностью претензий и планов, космическими масштабами дерзновений), что может означать и небо и землю, а вернее — и то и другое вместе.

Тредиаковский, переложивший 103 псалом в начале 1750-х годов, заменил *твердь* словом *твердыня*:

Поставил землю на твердыне,
Да не преклонится ввек ныне.

Он буквально последовал собственному толкованию текста псалма, данному в «Письме».

Ломоносовское решение не историко-грамматическое и не логическое (в формальном смысле), а поэтическое. Ломоносов вовсе не стремился к строгому разграничению значений слов, к соблюдению точности словоупотребления в поэзии. Он легко решался на замещение одного понятия другим, его более или менее близким синонимом.

Так, известнейшая ода 1747 г. («Царей и царств земных отрада...») вся построена на замещении понятием *тишина* другого понятия — *мир*.

Переделывая свои ранние вещи для издания 1751 г., Ломоносов вносил поправки и в текст од, написанных после 1745 г., который можно считать условной границей периода выработки его художественной манеры. И эти поправки свидетельствуют о продуманности творческих исканий Ломоносова, о его остром чувстве литературной современности, которое заставило Ломоносова внимательно взвешивать каждое критическое суждение, все равно — было ли оно адресовано непосредственно ему или обращено к другим поэтам.

В 1747 г. Сумароков написал полемическую статью «Критика на оду», в которой подробно разобрал ломоносовскую «Оду на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» (1747). Статья Сумарокова не была при его жизни напечатана, но, по-видимому, Ломоносову она стала известна, так как в издании 1751 г. можно обнаружить следы чтения этой статьи в виде некоторых, и очень характерных, изменений текста оды 1747 г.

По поводу последних двух строк первой строфы этой оды в отдельном издании 1747 г. Сумароков писал:

«Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

Я думаю, что тишина сыплет щедрою рукою по земли богатство, а не свое богатство, которого она не имеет».[25] Ниже Сумароков поясняет, почему он отрицает за тишиной право на какие бы то ни было «действия», ей метафорически поручаемые в оде Ломоносова: «Тишина никакого существа не имеет, и здесь ни в каком образе не представляется, как например, в Епических поемах добродетели и прочее тому подобное».[26]

Употребление местоименных прилагательных *свой*, *твой* в это время было предметом споров. Тредиаковский в своем «Письме» по поводу второй строфы сумароковского переложения 143 псалма писал:

«Защитник слабыя сей груди,
Невидимой *своей* рукой!
Тобой почтут мои мя люди
Подверженны под скипетр мой.
Правитель бесконечна века!
Кого *Ты* помнишь! человека.

Сия строфа есть вся взывательная; слово в третием стихе *Тобой*, и в шестом *Ты*, означают сие бесспорно. Надлежит знать, что правило взывания есть такое, чтоб ему всегда быть произносиму ко второму лицу: о сем, кроме автора, и дети обучающиеся грамматике знают. Но из сих слов, *мой* есть первого лица, *твой* второго, *свой* и *его* — третиего. И как взывание всегда бывает второго лица, то следует, что наш автор от незнания погрешил, полагая во втором стихе взывательном *своей*, вместо *твоей*».[27]

Какую же позицию занял в этом споре Ломоносов? В издании 1751 г. он изменил осужденную Сумароковым строку несколько неожиданным образом. Она приняла такой вид:

Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Вопреки мнению Тредиаковского, считавшего правильным в подобных оборотах употребление местоименного прилагательного 2-го л. (твой), и наперекор Сумарокову, отрицавшему вообще возможность метафорической персонификации тишины (как синонима слова мир), Ломоносов усилил связь между миром — тишиной и ее плодами для человечества, народа, России.

Слово в контексте ломоносовской оды подчинено ее поэтической теме, и в соответствии с развитием этой темы, с той или

---

[25] А. П. Сумароков. Стихотворения. Л., 1935 («Библиотека поэта», Большая серия), стр. 344.
[26] Там же, стр. 345.
[27] А. Куник. Сборник материалов..., стр. 444.

иной степенью ее проясненности для автора, Ломоносов и правил стихотворные тексты для издания 1751 г.

Ломоносов пронизал свое переложение 34 псалма в отличие от библейского оригинала темой зла, словесно воплощенной в различных производных от одной основы (злые, злоба, зляся, злодей, злятся, злость и т. д.). В печатном тексте 1751 г. одна из строк седьмой строфы читается иначе, чем в рукописи:

В рукописи	В изд. 1751 г.
Сие гонение ужасно Да оскорбит за злобу их, Что зляся на меня напрасно, Скрывали ков сетей своих.	Сие гонение ужасно Да оскорбит за злобу их, Что зляся на меня напрасно, Скрывали мре́жу злоб своих.

Ков сетей, как и *мре́жа злоб*, в одинаковой степени изысканные и сложные метафоры. Никакого упрощения или изменения смысла здесь не произошло. Вряд ли можно считать, что *мрежа* в представлении Ломоносова больше соответствовала библейскому стилю, чем *ков*. Остается только одно объяснение: Ломоносов хотел еще настойчивее подчеркнуть тему зла, хотел, чтобы эта тема не переплеталась с другими. Слово *ков* вводило бы другой тематический мотив, тему коварства, в этом стихотворении ненужную, лишнюю.

В более крупном масштабе эта тенденция к выделению основного мотива, ведущей поэтической темы произведения проявилась в переработке «Оды на прибытие из Голстинии и на день рождения его императорского высочества государя великого князя Петра Федоровича 1742 года, февраля 10 дня» при включении ее в сборник 1751 г. В данном случае мы располагаем не только редакцией оды 1751 г., но и полным текстом ее в отдельном издании 1742 г., а также цитатами из нее в «Риториках» и вариантами рукописи издания 1751 г.

Наличие двух основных, очень несходных, редакций 1742 и 1751 гг., а также некоторых промежуточных вариантов дает материал для выводов, имеющих более общий характер, чем те наблюдения, которые можно было бы сделать на основании переработки отдельных строк или даже строф.

Переделывая оду 1742 г. для издания 1751 г. через восемь лет после ее первой публикации, Ломоносов пересмотрел и изменил в ней очень многое, начиная с объема. Вместо двенадцати в ней стало четырнадцать десятистрочных строф. Две новые строфы (в редакции 1751 г. шестая и седьмая) изображают горе и скорбь России в разлуке с Петром Федоровичем, прямым потомком Петра Великого:

О плод от корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
К тебе горит уже издавна
Россиян искренняя любовь!
Петрополь по тебе терзался,
Когда с тобою разлучался.

Еще в зачатии твоем[28]
Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзским кораблем
Балтийски волны побелели.
Как мать стенаньем и слезами
Крушится ó сыне своем,
Что он, противными ветрами
Отгнан, живет в краю чужом,
Она минуты все считает,
На брег по всякой час взирает,
И просит щедры небеса, —
Россия так тебя желала
И чрез пучину и леса
Усердны мысли простирала.

Здесь настойчиво утверждалась мысль о русском происхождении Петра Федоровича, русского наследника престола, потомка Великого Петра, только насильственно оторванного от его матери — России.

Приезд официально назначенного наследника престола содействовал упрочению Елизаветы Петровны и укреплению политического положения в стране вообще. Приезд Петра Федоровича в Россию изображается в оде как залог такого упрочения, грядущего мирного процветания. Поэтому основное чувство, которое Ломоносов в оде высказывает, основная ее тема — это радость. О ней дважды говорится прямо:

Чтобы Елисаветы *радость*,
Свою лила повсюду сладость...
. . . .
И целого к веселью света
Желаю в *радости* прожить
Тебе с Петром чрез многа лета.

Отчасти к *радости* примыкают или ее заменяют такие выражения:

Всего народа *весел шум*,
Как глас вод многих вверх восходит. .
. . . .
Спокойно слушай Аполлона,
И тем *веселья* нам прибавь:
. . . .
И целого к *веселью* света...

Развивают тему *радости* и некоторые ее синонимы-заместители:

И мой *отрады* полный ум
Восхитив тем в восторг приводит.
. . . .
Забавы все ликуют с нами...

В редакции 1751 г. тема радости усилена, подчеркнута, выявлена гораздо сильнее и заметнее, чем в редакции 1742 г. Привожу вновь введенные упоминания радости:

Уж с *радостью* любовь согласно
Везде ликуют безопасно

---

[28] Дочь Петра I Анна вышла замуж за герцога гольштейнготторпского Фридриха-Карла в 1725 г. Герцог и Анна Петровна уехали из Петербурга 27 июля 1727 г., а 4 марта 1728 г. у них родился сын Карл-Петр-Ульрих, объявленный в ноябре 1741 г. наследником русского престола под именем Петра Федоровича, — будущий император Петр III.

. . . .
Твоя надежда совершилась
И *радость* паки обновилась...
. . . .
Но ныне *радость* умножает
Желанный нами твой приход...

Один оборот со словом *радость* Ломоносов переделал:

Ред. 1742 г.

Воинской звук покинь Беллона,
И жажду крови, Марс, оставь,
Спокойно слушай Аполлона,
И тем веселья нам прибавь:
Чтобы *Елисаветы радость,*
Свою лила повсюду сладость...

Ред. 1751 г.

Воинский звук оставь Беллона,
И Марс вложи свой шумный меч,
Чтоб стройность праздничного тона
И муз поющих ныне речь
Едина громко разносилась
И *нашей радости* сравнилась...

Радость превратилась из личного чувства Елизаветы в общенародную, *нашу* радость.

В целом переработка этой оды была необходима еще и потому, что можно уже было подвести некоторые итоги: показать, насколько Петр Федорович оправдал надежды и пожелания поэта, насколько он приблизился к ломоносовскому идеалу правителя— Петру Великому. И в этом пункте Ломоносов самым решительным образом пересмотрел свои прежние оценки личности Петра Федоровича. Если в 1742 г. Ломоносов видел в нем «все совершенства», все необходимое для великих обязанностей наследника и продолжателя Великого Петра, то нескольких лет оказалось вполне достаточно, чтобы внушить Ломоносову менее оптимистический взгляд на дарования и способности наследника российского престола. Уже в «Риторике» (1748) строфа, в которой дается оценка личности Петра Федоровича, помещена в измененном виде: все перенесено в будущее время, все только еще в области надежд и предположений, а не фактов и свершений. В редакции 1742 г. Ломоносов говорил, обращаясь к императрице:

Для общего твоих блаженства
Цветут в нем всяки совершенства.

В редакции «Риторики» (1748) точка зрения Ломоносова несколько изменилась, в характеристику Петра Федоровича, вернее — его качеств человека и будущего правителя, внесен элемент длительности. Ранее совершенства Петра назывались как уже существующие, теперь они еще только складываются, вызревают:

О коль велика добродетель
В Петровых нежных днях цветет!
Коль славен Севера владетель
В тебе, Россия, *возрастет!*
Уже для твоего блаженства
Доброт в нем *спеют* совершенства.

А в редакции 1751 г. все эти «добродетели», все необходимые и желаемые качества Петра рисуются Ломоносову только отдаленной надеждой, поэтому он совершенно изменяет смысл двух последних строк:

Он ради твоего блаженства
Даров *достигнет* совершенства...

Можно установить со значительной точностью, когда же Ломоносов вместо уверенности в высоких душевных качествах Петра Федоровича выразил самую неопределенную надежду на будущее. В рукописи сборника 1751 г. этой неуверенности еще нет, хотя и здесь вносится какой-то новый оттенок смысла при помощи замены глагола *спеют* другим глаголом, его синонимом *зреют*, в котором можно предполагать качество большей длительности. Решительное изменение в этот текст Ломоносов внес уже в корректуре, т. е. в начале 1751 г. Возможно, что такая перемена его отношения к Петру Федоровичу была вызвана какими-либо событиями политического характера в сложной обстановке взаимоотношений большого и малого дворов.

Политические и литературно-критические влияния во многом определили смысл правки, которой подверг Ломоносов тексты стихов для «Собрания сочинений» 1751 г. Но, кроме того, следует остановиться и на поправках иного характера, мотивировки которых коренятся во внутренней логике творчества поэта, а не зависят от внешних причин. Такова, например, правка, которой подверглась «Ода на взятие Хотина», как видно из сопоставления отрывков из нее в «Риторике» (1744) с редакцией 1751 г. Переработка этой оды главным образом преследовала одну цель — облегчить восприятие стиха, прояснить его логико-синтаксическую структуру.

В строфе пятнадцатой этой оды изображается бегство турок после разгрома под Хотином, их растерянность и «презрение» к побежденным Дуная, на берегу которого происходило сражение.

Оставив без изменения первую строку, Ломоносов внес существенное уточнение смысла в последующие строки:

Ред. 1744 г.	Ред. 1751 г.
Вливаясь в Понт, Дунай ревет Отзывкой плеску шум прибавил, Сердясь волнами турка льет, Что смелость, нрав, шатер оставил.	Вливаясь в Понт, Дунай ревет И россов плеску отвещает; Ярясь волнами турка льет, Что стыд свой за него скрывает.

В редакции 1751 г. *гнев* Дуная получает целевое назначение, тогда как в ранней редакции об этом можно было только догадываться. Этот гнев за поражение и бегство мотивирован в редакции 1751 г. тем, что турки убегают «за Дунай», пытаясь спастись там и «скрыть» свой стыд. Почти не меняя синтаксической структуры фразы, Ломоносов вносит в нее необходимую логиче-

скую связь, большую ясность, которая одновременно оказывается и мотивировкой поэтической образности. В редакции 1744 г. четвертая строка могла бы служить примером «сопряжения далековатых идей» — синтаксического объединения логически очень трудно соединимых понятий:

Что смелость, нрав, шатер оставил.

Отвлеченные качества человеческой личности (смелость, нрав) поставлены на одну плоскость с конкретным понятием *шатер*, поэтому формально возможная фраза в сущности является логическим парадоксом. В «Риторике» 1744 г., в которой приведена данная редакция раннего текста оды 1739 г., в другом параграфе эта строка дана в измененном виде:

Что смелость, *кровь*, шатры оставил.

Здесь нет больших перемен по существу, по-прежнему поставлены в один ряд смелость и шатры, но отвлеченное *нрав* заменено более конкретным в данном контексте словом *кровь* (возможно, в значении кровавый след?), соседство которого с шатрами не удивляет и не поражает. Но все же общий характер «чрезъестественности» в строке сохранился, что и потребовало ее переработки в 1751 г.

Можно привести пример, как будто противоречащий нашему утверждению, что Ломоносов хотел избавиться от сочетаний «далековатых» понятий при конкретном глаголе. Это строка из оды 1743 г., сохраненная Ломоносовым и в издании 1751 г.

Земля и *сердце* в нас нагрето...

Однако здесь есть существенная качественная разница: *нагрето* в контексте этой строки имеет одновременно и предметное и метафорическое значение. Здесь не возникает противоречивого осмысления из-за разнородности понятий, так как *сердце* употреблено не в предметном, основном своем значении, а как условное обозначение эмоционального начала человеческой природы вообще.

Следующие шесть строк этой строфы Ломоносов переработал еще более основательно, чем первые четыре.

В редакции 1744 г. речь шла о турках собирательно (турка), а в пятой строке они уже названы в множественном числе: *агаряне*. Ломоносов в 1751 г. заменил это новое имя местоимением *он* (турка), что прочнее связало первую часть строфы с последующей и сделало более простой и логичной всю постройку, не нарушив самое изображение панического бегства врага:

Ред. 1744 г.	Ред. 1751 г.
Агарян ноги в выстрел всяк Дрожат, себе являя знак,	Он рыщет как пронзенный зверь И чает, что уже теперь

В последни что бежа ступают.	В последний раз заносит ногу,
Земля не хочет их носить,	И что земля его носить
От *нас* не знали, что покрыть;	Не хочет, что не мог покрыть.
Верьхи свои древа качают.	Смущает мрак и страх дорогу.

Характерна перемена в предпоследней строке. Местоимение *нас* в редакции 1744 г. появлялось неожиданно и требовало значительного усилия для определения, к кому оно относится. Имелось в виду, что турки *не знали* (не сумели) защитить свою землю от русских. Как видно из сопоставления текстов, в редакции 1751 г. стих понимается легче, хотя некоторая затрудненность и сохраняется.

Указанные перемены не касались существенных сторон идейного содержания оды. Но две строки из шестой строфы, приведенные в «Риторике» (1744), получили в редакции 1751 г. совсем другой смысл. В ранней редакции речь идет об Анне Иоанновне (Орлица), а в редакции 1751 г. о солдатах (орлы).

Ред. 1744 г.	Ред. 1751 г.
Претить не могут, огнь, вода,	Но чтоб орлов сдержать полет,
Орлица как парит туда.	Таких препон на свете нет.

Эта замена царицы подлинными героями войны меняет и всю концепцию оды, превращая ее в гимн русскому войску и русской нации. По-видимому, такой обработке подверглась в 1751 г. вся ода 1739 г.; императрица в ней упоминается реже, чем в какой-либо другой оде Ломоносова.

Правка многих текстов продолжалась и после того, как рукопись «Собрания разных сочинений» была представлена в типографию. Об этом говорят расхождения между рукописью и печатным текстом.

В рукописи издания 1751 г. в тексте оды 1739 г. было:

В сердцах кипит, волнуясь, кровь;
Растет от грозна бодрость звуку,

В печатном же варианте оды 1739 г. мы находим:

Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.

Здесь характерное для первых од Ломоносова свободное словорасположение (подлежащее оторвано от сказуемого, определение — от определяемого) им исправляется. Примеры такого затрудненного словорасположения часты в ранних произведениях Ломоносова:

Вашими под *сединами*
Рву цветы над облаками

(Перевод оды Фенелона, 1738).

Ветр от запада приятно
В наших *веет* тих местах...

(Там же).

Нагреты *нежным* воды *югом*.

(Ода Иоанну III,
12 августа 1741 г.).

Земля, пусти таки цветочки,
Сдивиться *Флоре* чтоб *самой*...

(Там же).

В *подданстве* ревность что *глубоком*
Воспеть дерзнула в сих стопах.

(Там же).

Россия вновь трофей вздымает
В другой на финских *раз* полях...

(Первые трофеи, 1741).

И *целого* к веселью *света*
Желаю в радости прожить...

(Ода на прибытие Петра Федоровича,
1742. Первая ред.).

Российской что *богини* дивной
Кропишь лице от струй твоих

(Ода на прибытие Елизаветы Петровны,
1742. Ред. 1744 г.).

Отказываясь от подобных оборотов, упрощая словорасположение, внося логику и ясность в те одические тексты, которые в период подготовки издания 1751 г. оказались несоответствующими принципам его искусства, Ломоносов действовал в духе общих положений своей эстетики, важнейшим понятием которой была «мера» — соблюдение равновесия между ясностью смысла и образностью поэтического стиля.

Г. П. КНЯЗЬКОВА

ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В КОМЕДИИ И КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЕ 60—70-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

(МАТЕРИАЛЫ И НАБЛЮДЕНИЯ)

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Русская оригинальная комедия и комическая опера XVIII в. подверглась тщательному и подробному изучению советских литературоведов. В работах Д. Д. Благого, П. Н. Беркова, Л. Барага, Г. А. Гуковского, Г. П. Макогоненко, Д. К. Мотольской, К. Д. Пигарева и ряда других дан анализ творчества крупнейших комедиографов того времени (А. П. Сумарокова, В. И. Лукина, Я. Б. Княжнина, Н. П. Николаева, М. И. Попова, А. О. Аблесимова и др.), анализ наиболее значительных анонимных комедий и комических опер, определены основные черты русской оригинальной комедии как жанра.

Иначе обстоит дело с изучением языка комедии. Обширный и многообразный языковой материал русской оригинальной комедии и комической оперы 60—70-х годов XVIII столетия пока не только обстоятельно не изучен, но еще и не собран. Отдельные ценные замечания о языке комедии и комической оперы рассеяны в работах литературоведческого характера. Отчасти этого вопроса касаются также и общие курсы истории русского литературного языка.[1] Статья Н. Л. Бродского «История стиля русской комедии XVIII века» посвящена особенностям речевых партий персонажей в комедиях Сумарокова.[2] Интересные наблюдения сделаны Берковым в статье «О языке русской комедии

[1] См. главу III в кн.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2. М., 1938. — О языке комедии бегло говорится и в лекции IX кн.: А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М., 1954.

[2] «Искусство», 1923, № 1, Пгр., стр. 172—184.

XVIII века»,[3] вопрос о принципах применения областной и простонародной лексики поставлен в статье М. Н. Гомон-Дзюбановой «Стилистическое использование областной и простонародной лексики в русских комедиях второй половины XVIII века».[4] В некоторых диссертациях дано описание лексики комедий Сумарокова, Лукина, Фонвизина, относящихся к 60—70-м годам XVIII в.[5]

Настоящая статья посвящена описанию лексики народной разговорной речи в комедиях и комических операх 60—70-х годов XVIII в. Лексический материал извлечен из более чем пятидесяти русских оригинальных комедий и комических опер, а также комедий «прелагательного» направления и «вольных» переводов. Описанию лексики народной разговорной речи предшествует краткий обзор различных направлений в развитии комедии и комической оперы 60—70-х годов XVIII в., выявляющий основные тенденции развития русской комедии, которые оказывали значительное влияние на становление языка этого жанра.

Становление языка русской комедии и комической оперы неразрывно связано с историей их формирования — сложной и многоплановой. Путь от первых переводных до оригинальных комедий с тенденциями реализма («Недоросль» Фонвизина, комедии П. А. Плавильщикова, Крылова) был нелегким. Формирование этих жанров с самого начала (с 50—60-х годов) связано с борьбой различных направлений.

К 60—70-м годам XVIII столетия относится довольно большое количество комедий и комических опер. До нас дошло около 45 оригинальных комедий и комических опер и более 100 комедий переводных.[6]

После открытия русского театра в 1757 г. переведено на русский язык, главным образом с французского и немецкого языков, много комедий Алленваля, Гольдберга, Де Брюэса, Ле Гранда, Де Туша, Мариво, Пуассине, Сент-Фуа и других авторов. Переводчиков привлекали забавные легкие сюжеты, основанные на комизме положений, увлекательной интриге, развлекающие и

---

[3] Известия АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, М.—Л., 1949, стр. 34—49.

[4] Научн. зап. Нежинского гос. педагогического инст. им. Н. В. Гоголя, Нежин, 1958, стр. 3—13.

[5] См. авторефераты канд. дисс.: А. Т. Кунгурова. Лексика комедий А. П. Сумарокова (общелитературная книжная лексика). М., 1954; Н. М. Гомон. Лексикографическая деятельность Д. И. Фонвизина и лексика его комедий. Киев, 1949. См. также канд. дисс.: Р. К. Превратухина. К истории борьбы за национально-демократические основы русского литературного языка в XVIII веке (1949, Хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина).

[6] Сведения даются на основании ознакомления с каталогами Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР и Государственной театральной библиотеки им. Луначарского в Ленинграде. См. также: В. Всеволодский-Гернгросс. Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII—XVIII веках. Сборник историко-театральной секции, т. I, Пгр., 1918.

забавляющие зрителей. (См., например, переводы А. А. Нартова: «Притворная Агнесса или сельский стихотворец», комедия в 3-х действиях де Туша, 1764 г.; «Превращенный мужик», комедия в 5-ти действиях Гольдберга, 1765 г.; «Молодой ученый», комедия в 3-х действиях Лессинга, 1765 г.; «Гейнрих и Пернилла», комедия в 3-х действиях Гольдберга, 1760 г., а также «Щеголеватый скороход или одноминутное дело» ле Гранда, перевод с французского Ив. Текутьева, 1764 г.; «Важный», комедия в 5-ти действиях де Брюэса, «Пателень стряпчий», комедия в 3-х действиях де Брюэса, переводы В. Д. Вороблевского 1776 и 1777 гг.; анонимный перевод комедии Лесажа «Криспин соперник своего господина», 1779 г.; анонимный перевод комедии Пуассине «Вечеринка по моде», 1776 г. и многие другие).

Развлекательность характерна даже для переводных комедий, в которых отражены важные явления общественной жизни (таков, например, перевод комедии Мольера «Жорж Данден»).[7] «Развлекательность» переводных и ряда оригинальных комедий 60—70-х годов XVIII столетия (см., например, комедию А. А. Волкова «Чадолюбие») свидетельствовала о безыдейности переводчиков и авторов. Вместе с тем «развлекательная» комедия 60—70-х годов являлась в какой-то мере одной из ступеней разработки комедийного мастерства (комизм положений), формирования языка комедии — процесса многообразного и противоречивого, отражающего как сложность становления жанра комедии, так и особенности сложения русского литературного языка.

В эти два десятилетия XVIII в. значительного развития достигает комедия собственно классицистическая, представленная главным образом творчеством А. П. Сумарокова. (См. комедии Сумарокова: «Опекун», 1765 г.; «Лихоимец» и «Ядовитый», 1768 г.; «Три брата совместники» и «Приданое обманом», 1769 г.; «Рогоносец по воображению», «Вздорщица», «Мать совместница дочери» — начало 70-х годов, а также М. М. Хераскова: «Безбожник», 1761 г.; «Ненавистник», 1779 г.; комедии Ф. А. Эмина, А. Г. Карина, П. С. Батурина и др.).

В отличие от развлекательной комедия классицизма ставила перед собой воспитательно-дидактические цели: путем осмеяния человеческих пороков способствовать исправлению нравов.

Нельзя сказать, что комедия собственно классицистическая избегла всех недостатков, свойственных комедиям развлекательным. Ей также в известной мере свойственна отвлеченность и условность, проявившиеся в показе элементов чужой жизни, не свойственных русской действительности порядков и обычаев, в иностранных именах персонажей — людей якобы русских.

---

[7] Об этом см. в работе: П. Н. Берков. Комедия и комическая опера XVIII века. В сб.: Комедия и комическая опера XVIII века, Изд. «Искусство», М.—Л., 1950.

(См., например, комедию Сумарокова «Лихоимец», где все действующие лица, кроме лихоимца Кащея, носят иностранные имена: Изабелла, Дорант, Леандр, Клара, Пасквин). Не в меньшей мере, чем развлекательным, классицистическим комедиям свойственны примитивность фабулы и натуралистичность образов. Персонажи таких комедий делятся на две противостоящие группы: положительные — это олицетворенные добродетели, ходячие манекены, отрицательные — олицетворенные пороки, у них не встретишь положительных черт (например, у Сумарокова Чужехват только ханжа, Кащей только скупец и лицемер). Но все же в классицистической комедии в известной мере отражалась русская действительность. К этому вела не столько цель комедии «издевкой править нрав», сформулированная Сумароковым, сколько, вероятно, особый метод «подлинников», примененный им в комедиях (создание памфлетных портретных изображений современников автора, по большей части его личных и литературных врагов), предполагавший описание окружающей действительной жизни, хотя и примитивное, натуралистическое.

Вот почему в классицистической комедии нашли отражение некоторые явления русской жизни того времени (например, обличение в комедиях галломании русского дворянства, взяточничества судей и подьячих и т. д.), встречаются зарисовки русского быта (см., например, картину жизни поместного дворянства в комедии Сумарокова «Рогоносец по воображению»). Это оказывало в свою очередь влияние на формирование языка комедий, проявившееся прежде всего в расширении их лексического состава за счет обильного привлечения бытового просторечия, некоторых элементов «простонародной» и жаргонной лексики.

В начале 60-х годов оформилось и другое течение русской комедиографии — «прелагательное направление» во главе с В. И. Лукиным, активно противостоявшее как развлекательной комедии, так и комедии классицизма (см. комедии Лукина: «Мот любовию исправленный», «Пустомеля», «Щепетильник», «Награжденное постоянство» и др., относящиеся к 60-м годам, комедию Ельчанинова «Наказанная вертопрашка», 1767 г., комедию Фонвизина «Корион», 1764 г. и др.). Отличительной чертой «прелагательного» направления была тенденция к максимальному сближению комедии с тогдашней жизнью. «Преложение» или «склонение на русские нравы» иностранных комедий, характерное для представителей этого направления, являло собой переработку комедий с целью привести их в соответствие с русской действительностью и нравами. Оно, по мнению Лукина, усиливало воспитательное воздействие театра на общество, повышало его роль в жизни общества.[8]

---

[8] См.: Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 110—120.

Выдвигая «преложение на наши нравы» в качестве единственного способа создания репертуара для русской сцены, Лукин исходил из того, что русская оригинальная комедия находилась на самом начальном этапе своего развития; еще не было талантливых «писцов», способных создать настоящую комедию.

Пропагандирование этого метода, а также личный пример Лукина сыграли определенную роль. В 60-х и 70-х годах появилось значительное количество так называемых «вольных переводов» (см., например, переводную комедию М. И. Попова «Бурлин, слуга, отец и тесть», 1772 г.; комедию С. Титова «Выбор по разуму», 1773 г.; анонимный перевод комедии Дюфрени «Спорщица»; комедию Сорена «Обычай нынешнего света», перевод А. Салтыкова и др.).

Особенное значение «прелагательное» направление имело для развития оригинальной комедии, отходящей, хотя и робко, от традиций классицизма. Она усвоила и развила самое ценное и рациональное в этом направлении — намечающееся стремление к сближению с реальной русской жизнью того времени.

Изображение жизни и быта русских людей характерно для целого ряда русских оригинальных комедий 60-х и 70-х годов и прежде всего — для комедии Фонвизина «Бригадир», для комедий и комических опер А. О. Аблесимова, М. И. Веревкина, М. И. Попова, М. Прокудина и др.

Это обусловило в свою очередь расширение социально-сословного круга персонажей, заметное, впрочем, уже в первых комедиях «прелагательного» направления. Комедия классицизма вывела на сцену столичных дворян (например, Чужехват в комедии Сумарокова «Опекун», Кащей в его же комедии «Лихоимец»), менторов-слуг (например, Исмена в комедии «Ядовитый» и Пасквин — «Приданое обманом»), педантов и хвастливых воинов (см. комедию Сумарокова «Тресотиниус») и, наконец, добродетельных любовников (например, Сострата и Валерий — комедия «Опекун», Дорант и Изабелла — «Лихоимец»). Как эпизодические персонажи (для свершения правосудия и заключения браков) появлялись на сцене секретари и подьячие.

В комедиях Фонвизина «Корион» и Лукина «Щепетильник» впервые в числе персонажей появились крестьяне.[9] В комедиях Лукина «Мот любовию исправленный» и «Щепетильник» в числе других персонажей выступают и купцы (Докукин как отрицательный персонаж и добродетельный купец Щепетильник).[10]

[9] В комедии Сумарокова «Опекун» дан эпизодический персонаж — старуха, говорящая «мужичьим наречием», вероятно, городская мещанка.

[10] Правда, в комедии Сумарокова «Ядовитый» среди персонажей назван Купец. Однако вся роль его состоит из одной безличной фразы: Я тому только радуюсь, что я честному человеку мог оказывати мое добросердечие (Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова (в дальнейшем: Сумароков, Соч.), ч. V, М., 1787, стр. 176).

В комедиях конца 60-х и в комедиях и комических операх 70-х годов заметно стремление к более точной социально-профессиональной дифференциации персонажей. Так, в числе персонажей комедий появляются крестьяне-землепашцы (Мирон в комической опере Попова «Анюта», Анкудин в «Мельнике» Аблесимова), батраки и работники (Филат в «Анюте» Попова, Работник в комической опере Аблесимова «Счастье по жеребью»), однодворцы (Филимон в «Мельнике» Аблесимова), деревенские ремесленники (Мельник в одноименной комедии Аблесимова, лесник Семен, рыбак Любим в комической опере Н. П. Николева «Розана и Любим»).

Более дифференцированно показано и дворянство. Так, встречаются образы провинциальных дворян (Веревкин, «Именинники», «Так и должно», «Точь в точь»; Попов, «Отгадай не скажу»; анонимный перевод комедии Дюфрени «Спорщица» и т. п.), дворян военных (Фонвизин, «Бригадир»; анонимная комедия «Подражатель»; вольный перевод С. Титова комедии «Выбор по разуму» и др.), чиновных дворян (Фонвизин, «Бригадир»; комедия «Выбор по разуму» и др.), столичных придворных (комедия Л. Т[атищева] «Свадьба г. Промоталова»).

В ряде комедий и комических опер появляются ранее не встречавшиеся в этих жанрах персонажи: солдаты (Аблесимов, «Счастье по жеребью»), денщики (анонимные комедии «Подражатель», «Награжденная хитрость»; Николев, «Испытанное постоянство»), мещане (анонимные комедии «Игрище о святках», «Обман за обман или неудачный развод» и др.).

Отражение в оригинальной и «прелагательной» комедии и комической опере 60—70-х годов XVIII в. реальной жизни русского общества нельзя еще рассматривать как проявление последовательного реализма. Преодолевая условность в обрисовке персонажей, свойственную комедии классицизма, выступая против недостаточного отражения в них русской жизни того времени и разрушая канонические классицистические единства, комедия и комическая опера конца 60—начала 70-х годов XVIII в. шла по пути натуралистического отображения действительности; она еще не создавала глубоко национальные характеры, не показывала их во всей психологической сложности, в развитии и становлении. Сближение с реальной жизнью было только первым шагом сложного, глубокого и многостороннего процесса становления реалистической комедии.

Идейно-художественная ограниченность авторов и переводчиков была одним из факторов, оказавших большое влияние на развитие языка комедии и комической оперы, процесса сложного и многогранного.

С другой стороны, немалую роль в формировании языка комедии сыграла стилистическая теория Ломоносова. Комедия и комическая опера, по теории трех штилей Ломоносова, принадлежали к жанрам, обслуживаемым низким штилем. В них возбра-

нялось пользоваться «высокими славенскими» словами; выбор «простонародных низких» слов отдавался на волю автора. Естественно, что для этих жанров был характерен не только определенный круг языковых средств, но и целый ряд сложившихся в этом «штиле» приемов применения их в тех или иных целях.

Как атрибут низкого штиля следует рассматривать отражение некоторых особенностей свойственного разговорной речи произношения средствами орфографии с тем, чтобы оттенить непринужденный бытовой характер диалога (или сообщения).

Натуралистичность приема, основанного на отборе наиболее броских, но чисто внешних особенностей речи, не подлежит сомнению. Перечислять все приемы, прочно вошедшие в оборот в произведениях различных жанров, принадлежащих низкому штилю, едва ли целесообразно. Ниже мы укажем только самые распространенные из них.

В произведениях различных жанров низкого штиля нередко можно встретить случаи «аканья»[11] при передаче речи персонажей, дословном приведении писем и т. п.

Афросинья Сысоевна: Домик ат, отец мой! сам ты умная голова, не шутачка, нада за ним глаза да глаза (Веревкин. Так и должно, стр. 54).

Викентий: Я подскачив возьму ее за руки (Выбор по разуму, стр. 64).

Любим

А тебя лишь дарагую,
Я обнявши поцелую;
Кровь как пламень,
Будто вновь родился я.

(Николев. Розана и Любим, стр. 37).

Па чести етова я не вабражала, вазможно ли што тебя ништо не может удержать ат такой склонности, какая тебе не делает чести, ты мне кажешься пахожим в етам на женщину; из наших сестер ([Письмо щеголихи], стр. 107).

В басне Н. Леонтьева, в речи персонажей:

Мне права нужды нет
Когда хоть весь в бедах великих будет свет.

(Леонтьев. Два мужика, стр. 18).

В ирои-комической поэме:

Нептун с предлинною своею бородой
Трезубцем иль, сказать яснее, острогой...
Мутил от солнышка растаявшую лужу
И преужасные в ней волны воздымал
До тех пор, что свой весь трезубец изломал,
Чему все малые ребята хахатали.

(Майков. Елисей, стр. 16).

---

[11] Под «аканьем» в данном случае понимается произношение *а* на месте *о* в различных слогах, часто утрированное и имеющее целью достижение определенного комического эффекта.

Встречается также пользование свойственными простой речи произносительными вариантами слов (воспа, вострый, страм и т. д.).[12]

Менедем: В тот год преставилася твоя супруга: сына и дочь похитила свирепая воспа (Сумароков. Ядовитый, стр. 145).

Скопидомов: Хотя он и строг, да-да-да тебя и нада держать в ежовых ру-ру-ру-рукавицах, а то ты востренька не по природе (Подражатель, стр. 11).

Лука: Ха, ха, ха, ха! а! вострячок! знать етта туги орехи те (Попов. Бурлин, стр. 180).

Ср. в мемуарах:

Три дни поживши там, государыня, в скорости, отправила великого князя в Петербург затем, что в селе воспа была («Записки» С. Порошина, стр. 614).

В ирои-комической поэме:

Вулкан взглянул на шлем, искусно улыбнулся,
Под рыцарем осел в то время спотыкнулся,
Понеже грянуло по шлему молотком,
Хотя не востреньким, однем тупым носком.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 22).

Рыбаков: А этот зверь меня, конче, как вижу острамит (Прокудин. Добродетель, увенчанная верностию, стр. 126).

Мирон

А! а! ты здеся охальница! Бесстыдная страмница!

(Попов. Анюта, стр. 98).

Фетинья: Не вечной ли ето стыд и страм нашему дому? Лукавой тово задави, кто надоумил на ето мово братца (Игрище о святках, стр. 19).

Иринья: И от клею здесь вонь несносная, а чорт принеси еще страмца за пятью копейками (Переплетчик, стр. 13).

Праводин: Неудачин, Неудачин... Ето тот то долговязой кащей, страмная фигура, с кривыми ногами (Награжденная хитрость, стр. 15).

Ср. в ирои-комической поэме:

У славнаго певца, тем славы не умалит
Когда его какой невежда не похвалит,

---

[12] В «Словаре Академии Российской» при словах *острый, остро* дается примечание: «просто же вострый... востро» (ч. IV, 1793, стр. 656—657); глаголы *завастривать—заостривать, навострить—наострить*, отглагольное существительное *завастривание* и причастие *завостренный* даются без помет (там же, стр. 658, 659, 660); существительное *востряк* дается при слове *остряк* с пометой «простонар.» (там же, стр. 658). Во втором издании «Словаря Академии Российской» слова *востряк* и *воструха* квалифицируются как «простонародные» (ч. 1, стр. 692). При слове *воспа* дана отсылка: «см. оспа, ч. 1, 1806, стр. 685». В дальнейшем сокращения названий словарей даются по Словарю современного русского литературного языка в 17-ти томах.

Весьма любопытно суждение Сумарокова о таких словах: «Нельзя писать отчина; ибо все приняли без изъятия вотчина; а вострой говорят только крестьяня и самые низкие люди да и то не все» (Сумароков, Соч., ч. X, стр. 46).

Преобратится вся хула ему же в смех.
Но и твердить о сих страмцах мне мнится грех.

(Майков. Елисей, стр. 18).

И тако братец мой возлюбленный Илюха
Пришел на брань с ушми, а прочь пошел без уха:
Тащится, как свинья совсем окровавлен,
Изъеден, оборван, а пуще острамлен.

(Там же, стр. 32).

Значительное распространение в произведениях различных жанров низкого штиля получило включение в нейтральные контексты слов с характерными для народной разговорной речи особенностями словообразования (и яркой экспрессивной окраской).

В басне:

Всех пчел своих вручил работникам в смотренье,
Из коих каждый был грабитель и плутец.[13]

(Леонтьев. Пчелы, стр. 10).

Первый встретился ему,
Пню пресветлому сему, в ветхом рубище пьянюга [14]
И такая ж с ним подруга.

(Попов. Пень, стр. 39).

В ирои-комической поэме:

Кругом ево собор писачек [15] был;
Сии, не знаю что, между собой ворчали.

(Майков. Елисей, стр. 17).

[Невежды] Постраждут, как бы в том себя не извиняли,
Коль славного певца с плюгавцем [16] соравняли.

(Там же, стр. 18).

Но если хватит вдруг ржаного молочка,
То скоро плясея [17] изрядная схилится,
И так же, как и та, на землю повалится.

(Чулков. Стихи на семик, стр. 215).

В комедии и комической опере, смелее привлекающих в речевые партии «бытовых» персонажей различные средства народной разговорной речи, такие слова гораздо многочисленней. Здесь они обычно лишены нейтрального окружения, входят в реплики персонажей наряду с другими средствами народной разговорной речи и воспринимаются как один из ее компонентов.

---

[13] Слово *плутец* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. III, стр. 231).
[14] Слово *пьянюга* дано в Слов. Акад. 1847 (т. III, стр. 324).
[15] Слово *писачка* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.
[16] Слово *плюгавец* дано в Слов. Акад. (т. III, стр. 233).
[17] Слово *плясея* дано в Слов. Акад. (ч. IV, 1809, стр. 1150).

Праводин: Еще бы не знать такого всесветного мерзяка[18] (Награжденная хитрость, стр. 15).

Праводин: Ты мерзкая харя, безмозглая головица, дренной шелудяк,[19] сопляк (там же, стр. 15).

Граф: Дело сделано, я тебя ужо потащу к ним, и мы с тобою, господин Обиралов, начнем посыпать серебряками[20] (Перемена в нравах, стр. 85).

Правской: Этова плута волочаги[21] душа моя ненавидит (Переплетчик, стр. 24).

Скопидомов: Наличных круглевиков ты... ты...тысняга[22] друга, третья водится (Подражатель, стр. 11).

Лесник: Ну! только не дура ли, не глупуша[23] эта девка, что от такова орла хоронится (Николев. Розана и Любим, стр. 31).

Фалалей: Так то-то Надежда и бегает от меня, как чорт от ладану... Да провались она! Я на свои деньги найду десять таких попрыгуш[24] (Дюфрени, стр. 40).

Макрида Евстратьевна: Как, ты можешь от меня ково нибудь любить... тебе мною не быть довольну... тебе, обветшалому хрычу, предпочитать мне, да и ково? (взирает на Лукерью) ету подляшку,[25] ето хамово отродье? (Веревкин. Именинники, стр. 209).

Лесник: Он видать с похмелюги[26] (Николев. Розана и Любим, стр. 85).

Афросинья Сысоевна: Да и за что им окаянным и верным быть: наряды не по достатку, коверканье да ломанье; матки да истерики, обмороки да лихия болести[27] (Веревкин. Так и должно, стр. 14).

Самохвал: Ликандр пустомеля и сплетчик[28] и несет такой вздор, что нечево и слушать (Прокудин. Самохвал, стр. 21).

Самохвал: А мне про тебя сказали, будто ты мотарыга,[29] промотался совсем в карты (там же, стр. 20).

Такие слова применялись при описании «низких» предметов, явлений и действий, а также для создания колорита провинциальной малокультурной речи. Употребленные рядом со словами «высокими», особенно по отношению к высоким лицам и предметам, они были одним из средств пародирования.

Комедия и комическая опера 60—70-х годов XVIII столетия усвоила принципы отбора и приемы пользования определенным кругом элементов народной разговорной речи, которые складывались в различных жанрах низкого штиля как средства «снижения» стиля или передачи непринужденной разговорной речи.

---

[18] Слово *мерзяк* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[19] Слова *сопляк* и *шелудяк* даны в Слов. Акад. без помет (ч. IV, 1822, стр. 384 и 1348).

[20] Слово *серебряк* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[21] Слово *волочага* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[22] Слово *тысняга* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[23] Слово *глупуша* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[24] Слово *попрыгуша* дано у Даля (т. I, стр. 799).

[25] Слово *подляшка* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[26] Слово *похмелюга* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[27] Слово *болесть* дано в Слов. Акад. с пометой «простон.» (ч. 1, 1789, стр. 280).

[28] Слово *сплетчик* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[29] Слово *моторыга* дано у Даля (т. II, стр. 351).

Исключительная роль живой речи в создании образа драматургического произведения, особенно применительно к тому этапу, когда преобладает натуралистичность, почти отсутствует действие, образы статичны и еще наивен авторский подтекст, — вот главнейший фактор, обусловивший своеобразие комедийного языка по сравнению с языком других жанров низкого штиля.

Пути сложения языка комедии и комической оперы определялись основными тенденциями развития этих жанров в 60—70-е годы. Усиление связи с русской действительностью того времени, расширение сословного диапазона персонажей и их дифференциация повлекли за собой включение в речевые партии комедий языковых средств, характерных для живой речи различных социально-профессиональных групп. Они применялись как своего рода внешние различители. Поэтому речь провинциальных дворян изобилует просторечием, в ней часто встречается лексика «простонародная» и областная, речь чиновников и подьячих отличают элементы приказно-канцелярского стиля, речь купцов — архаизмы и элементы купеческого жаргона, в речь офицеров и солдат входит военная лексика; в партиях слуг обычна пестрая смесь элементов книжных стилей и просторечия; так как слуги на сцене еще и менторы своих господ, они нередко морализуют, направляют действие и разъясняют суть интриги.

Языку комедий и комических опер свойственны стилистическая разнородность и пестрота; для него характерны различные приемы применения языковых средств народной разговорной речи и (в ряде случаев) различные комбинации таких средств в речевых партиях «бытовых персонажей».

Более ярко и отчетливо это проявилось в речевых характеристиках персонажей, вошедших в комедию только в середине 60-х годов, для которых комедия классицизма не выработала каких-либо канонов, особенно в речевых партиях крестьян.

Первые попытки передачи речи крестьян связаны с так называемым «мужичьим наречием». Оно представляло собой набор вырванных из систем различных народных говоров фонетических, морфологических и синтаксических особенностей (таких, как цоканье и чоканье, стяжение окончаний слов в результате утраты интервокального *j*, применение постпозитивных частиц).

Образчик такого «наречия» и само название его встречаем в «Записках» С. Порошина, в записи 16 декабря 1764 г. (в одном из разговоров С. Порошина с Павлом о том, каким бы желал видеть царя народ):

Желание народа такое присовокупил я нарочно мужичьим наречием: «штобы Павел Петровиц был в свово прадедушку Петра Алексеевица» («Записки» С. Порошина, стр. 184).

Однако Порошин отнюдь не всегда пользуется «мужичьим наречием» при дословной передаче крестьянской речи.

Приказывал Бибиков казаку, чтоб пустил Вернера; но казаку весьма чудно то показалось. Оборотясь к Бибикову, говорил он: «што ты барин, не с ума ли сошел, как его пустить, вить уже он наш. Пусти-тка, так конь такой доброй, тотчас унесет и не съустичь будет» (там же, стр. 291).

См. также речь крестьянина, встретившегося С. Порошину в дороге:

Он сказал мне обыкновенною крестьянскою своею речью: «Зараз, доброй господин»... Видя, что крестьянин мужик веселой, не плут и отвечал порядочно, спросил я у него еще, не слыхал ли он, каких новых вестей? «Как, батюшка, не слыхать! (отвечал мне с веселым лицом) Павел Петрович уже по толкам читает и пишет. Еще бают, что будет разумен, как Петр Алексеевич: уже теперь понимает все» (там же, стр. 629).

В комедии Сумарокова «Опекун» (1765) горожанка — бедная дворянка Ниса так иронически копирует это «наречие»:

Выросла я в Москве, а ныне должна я, донашивая оставшее свое платье, жить по деревенски и слышати только о севе, о жнитве, о умолоте, о курах, о утках, о гусях, о баранах, и заядая свой век, должно еще ожидать такова жениха, который будет говорить: чаво табе сердецуско надать, байста со мной и другие подобные крестьянские речи (Сумароков. Опекун, стр. 15).

Условное «мужичье наречие» отражено только в двух комедиях того времени. В комедии Фонвизина «Корион» (1764) речевая характеристика Крестьянина построена на «мужичьем наречии» с его характерными чертами: отражением цоканья (вотцына, плацыт, круцыны, отцево, прицыны, посцады, цто, цереда); частым употреблением постпозитивных частиц *ста*, *сте*, *сто* (бывают ста, никак ста, оборони ста, та ста, теперь ста; с Москвы сте, не радим сте; быдто сто, готов сто, назад сто, погибли сто, так же сто, ты сто). Но оно не является единственной характерной чертой партии Крестьянина. В репликах этого персонажа довольно широко представлена лексика, относящаяся к крестьянскому быту, благодаря чему создается определенный речевой колорит, отличающий речь Крестьянина от речи других персонажей.

Вот одна из его реплик:

Крестьянин

Платя ста барину оброк в указны сроки
Бывают ста еще другие с нас оброки,
От коих уже мы погибли сте в конец.
Нередко ездит к нам из города гонец,
И в город старосту с собою он таскает,
Которого сто мир, сложившись, выкупает.
Слух есть, что сделан вновь в приказе приговор,
Чтоб цасце был такой во всем уезде сбор.
Немало и того сбирается в народе,
Чем кланяемся мы поцасту воеводе,
К тому же сборщики драгуны ездят к нам
И без посцады бьют кнутами по спинам,
Коль денег ста даем мы им немного.

(Фонвизин. Корион, стр. 136).

«Мужичье наречие» отражено в партии Старухи (вероятно, городской мещанки) в комедии Сумарокова «Опекун» (1765), для которой так же характерны просторечные слова и обороты.

Старуха. И! родимой! Как не бывало. Еще об єтом детищи после сказывала мне молодка, будто она ево грудью кормила и будто он господской сын, и подлинно походил он на господскова сына; как наливное был яблоцко (Сумароков. Опекун, стр. 46).

Старуха: А своево сынка ты бы не отдал; и змея своих черев не поядает! (там же).

Старуха: А своево сынка ты бы не отдал; и змея своих черев не помнить (там же).

Комедиографы 60—70-х годов XVIII в. пытались найти и другие принципы разработки этих партий. Некоторые из них обращались к подлинной народной речи. Такие попытки были глубоко демократичны и прогрессивны.

В 1765 г. В. И. Лукин в «переложенной на наши нравы» комедии «Щепетильник» пытается более достоверно и полно передать фонетические особенности говора крестьян-работников Щепетильника, Мирона и Василия, указав при этом, что оба они из Галича Костромской губернии.

В их речи получили отражение диалектные черты: цоканье (проць, нецего, охоць, виць, вецер, моцнее, церез, цаво, посмотрець, испорцить, цаю, подуцеть, луцыной, тыцет, боярцук, цосной, оцосной, сказаци, из Галица), чоканье (двадчать, ченна, чарь небесный), *и* на месте *ѣ* (всим, вси, ниту, вить). Кроме того, довольно часто встречаются постпозитивные частицы *ста* и *стани* (тотчас стани, новыя стани, ты стани, што же ста), местоимение *себя* дается в форме *сабя*, отмечается произношение *мкнига, мемчизна, мемцы*. Для этих речевых партий обычна «простонародная» и областная лексика.

Мирон: Васюк, смотри-ка. У нас в экня дудки играют; а здесь в них один глаз прищуря, не веть цаво-та смотрят. Да добро бы ты, брацень, из дали, а то нос с носом столкнувшись, устремятся друг на друга. У них мне-ка стыда та совсем кажется ниту. Да посмотрец было и мне. Нет, малец, боюсь праховую испорцить.

Василий: Кинь ее, Мироха! А как испорцишь, так сороми-та за провальную не оберешься. Но и цаю в нее и подуцеть можно, и колиб она ни ченна была, так бы сабе купил и пришедши домой скривя шапку захазил с нею. Меня бы наши деули во все посиденки стали с собою браци, и я бы, брацень, в переднем углу сидя, чуфарился над всеми (Лукин. Щепетильник, стр. 198).

Хотя Лукин и пытался передать диалектные фонетические особенности, в речи Мирона и Василия фиксируются отнюдь не все, и даже не все главные особенности галичского говора, что в принципе едва ли и было возможно. Любопытно, что сам Лукин в письме к Б. Ельчанинову сетовал на недостаточную живость крестьянского разговора в своем переводе: «В нем [переводе] виден человек с охотою начинающий, и ты, прочетчи, думаю сам то скажешь, потому что я ни одного не переменил слова, а все

его выражениями писал, кроме разговора крестьянского, коих наречия не мог я изобразить толь живо, как во сне слышал. Причиною тому, что я, не имея деревень, с крестьянами живал мало и редко с ними разговаривал».[30]

По пути, проложенному Лукиным, пошел только М. И. Веревкин. Речь крестьян в комедии-пословице Веревкина «На нашей улице праздник» (1774) построена на одном из говоров Тверской губернии.

Мещанин: Скажите мне, пожалуйста, это (указывает) вить Тверь, неужто она так у вас изукрасилась?

Крестьянин: Цверь, родзимой, да полно нонци ена, що тван Москва по милости мачери нашей надёже благоверной, дай боже (крестится) ей несметные годы здрастать, цто ето за милосливая, ни отечь до дзетей, как ёна до людзей хрёщеных. У нас то и реци, що её хвалим и за её бога молим (Веревкин. На нашей улице праздник, стр. 17).

Мещанин: Да скажите мне хотя то, куда (указывает на все стороны) едакую пропасть везут всякой всячины?

Крестьянин: Екай парень! Куда, що не к нам во Цверь?

Крестьянка: Да ищо и не навозятся, кормилецъ!

Девка: У нас цеперетка во Цвери-та наехало що бояр! що боярынь! колесок-та золотных и толку нету.

Крестьянка: Цверицане-то наши седни грёбом грёбут денежки-та.

Девка (указывает на пустую свою кошолку): Я седни на гулянку сходзила с двумя коцетами, ан мне и бряк за них с копеецкой восимь, ан к празднику золотная линтоцка (там же, стр. 18).

Отражение в партиях крестьян фонетических черт народных говоров имело место только в этих двух комедиях. Так же, как и пользование трафаретным «мужичьим наречием», оно не устраивало комедиографов по разным причинам. Некоторых из них шокировала «дикость и грубость речения российской черни». Особенно четко это выражено в предисловии Н. П. Николева к «драме с голосами» «Розана и Любим», поставленной в 1778 г.

«Предприняв сочинить сию Драмму, почел я за должность, — предупреждает Николев, — не выводить на театр таких лиц, коим бы необходимо надобно мне дать низкое и подлое речение Российской черни; как, например: наречие фабришных и степных крестьян; ибо мне казалося, что первых буянское, а вторых слишком дикое наречия, не могут иного принести зрителям и читателям вкус имеющим, кроме отвращения. И вот для чего Розана выведена солдатскою дочерью, Любим дворовым, а лесник крестьянином близ Москвы живущим. Тем я дал наречие Московское с крестьянским смешанное; одни не говоря: увы, бесподобно, беспримерно, обожаю и проч. говорят обыкновенно, но просто. Другой не говоря: взъерепеню, взбутетеню, припопоню, холуй или вместо чево цево: вместо человек, целовек и проч.

---

[30] Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова, стр. 186—187.

говорит как крестьянин просто, иногда странно, смешно, но не отвратительно».[31]

Тем не менее в комической опере «Розана и Любим» Николев пользуется привычными для комедии натуралистическими приемами. Таковы случаи отражения произношения *о* на месте *а* (часто утрированное): болагур, взволили, заподня, колякать, олтын, прикотила, в полаты, сотона (большая часть этих слов приходится на долю лесника Семена), произношение *о* на месте *е*: занёсла, пётак, рёхнулся, смёкнул, чёво, дёрут, вёдро (в речи того же персонажа).

Лесник: Ек дуванют-то, индо в ушах дребёжит (Николев. Розана и Любим, стр. 14).

В речи Лесника встречаются просторечные, «простонародные» и областные слова и выражения: буркалы, евося, подтетерить, приколошматить, хобар, дать тулумбас и др.

Таким образом, Николев, хотя и заботился об устранении излишней «подлости» комедийного языка, не жалел красок для показа серости, грубости, неотесанности лесника Семена, прибегая при этом к традиционно-натуралистическим приемам.

Некоторые авторы комедий и комических опер пытаются найти среднюю линию: речь крестьян в таких случаях отражает как традиционные черты «мужичьего наречия», так и некоторые другие фонетические особенности народных говоров. Так поступает, например, М. Матинский в комической опере «Санкт-Петербургский гостиный двор». В партии эпизодического персонажа этой комической оперы — Мужика — отражены характерные для условного «мужичьего наречия» цоканье и чоканье.

Мужик: Помилуй, баценька барин! к цому ты придираёшься? (Матинский, стр. 33).

Мужик: Да какие табе барин свидетели? Кто на уличе за меня вступитча (там же, стр. 35).

В репликах этого персонажа встречаются такие слова: всклёпать, закацался, заплацинь, крицавши, поцемнело, прокрицал, пропадац, церез, цолом, кормилечь, отечь, побарахтатчи.

В этой же партии мы найдем произношение *о* на месте *е* (после мягкого согласного, шипящего или гласного — в различных позициях), дзеканье.

Мужик: Вот ин все табе. Отпусти радзимушка (там же, стр. 36).

В речи Мужика встречаем также слова: дзело, дзелал, подзи, повымодзил.

Наречия *когда, тогда* даются в формах *колды, толды*, местоимение *тебе* в форме *табе* и т. п.

---

[31] Н. П. Николев. Розана и Любим. В кн.: Диалог и драмы. М., 1780 (без пагинации).

Мужик: Вольно табе на меня всклепаць. ...Колды бы я табе не баил, толды бы ты и турбацил меня (там же, стр. 34).

Значительно отходит от трафарета «мужичьего наречия» и М. И. Попов в комической опере «Анюта» и в переводах анонимной комедии «Бурлин, слуга, отец и тесть» и комедии Брюэля и Палапрата «Немой».

В речи Мирона, Филата («Анюта»), Луки и Сысоя (переводные комедии) отсутствуют цоканье, чоканье, но довольно часто отражено произношение *о* на месте *е* (после мягких согласных, шипящих или гласных), стяжение гласных в окончаниях слов, связанное с утратой интервокального *j*, часты постпозитивные частицы.

В этих речевых партиях довольно часто встречается отражение произношения *о* на месте *а* (чаще «утрированное оканье», рассчитанное на определенный сценический эффект), упрощенное произношение групп согласных: *ст* как *с'*, *зн* как *з'* и т. п.

Мирон

Боярская зобота:
Пить, есь, гулять и спать
И вся их в том робота,
Штоб деньги обирать.

(Попов. Анюта, стр. 90).

В речи Мирона встречаются также слова: сотоною, корман, кропивный род, морают, окоянна и др.

Мирон

Вот наша жизь какая,
Проклятая, благая.

(Там же).

Лука: И хоша верь или нет, только сходится ему с нево ежогодно шесь сот четвертей опричь засеву (Попов. Бурлин, стр. 183).

Однако уже в это время намечается и другой подход к речи персонажей крестьян, проявившийся в комической опере А. О. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват». Автор этой оперы почти не пользуется «мужичьим наречием». Он пытается передать строй народной речи с ее живостью и образностью, манеру крестьянского разговора. Именно поэтому лексико-стилистический состав речи персонажей этой оперы довольно разнообразен. Не только просторечная, отчасти областная лексика, но и крестьянская бытовая лексика, а также народно-поэтическая лексика и фразеология представлены в речи персонажей этой комической оперы довольно широко.[32]

---

[32] Правда, изредка встречаются в речи Мельника слова со стяженными окончаниями, например: Где чорту возится, а разве я ее поверну по свому: она будет наша (стр. 43).

Приведем примеры.

Мельник: Детина он, собою, ты видишь, уж на все ухват; борону ли сладить, тын ли огородить, уж ничево из рук не вывалится, а дом ат у нево, кабы ты ведал, как полный закром, чево нету: скота — та што ли, хлеба та ли или другова протчева, необъятная сила, а ни отца ни матери, ни роду ни племени, весь тут, как видишь (Аблесимов. Мельник, стр. 42—43).

Филимон: Девица красная, подобру ль живешь по здорову?

Анюта: Не пуще так, чтобы сказать радостно (там же, стр. 22).

В текст этой комической оперы включены народные песни: «Как вечор у нас со полуночи» (стр. 3), «Ходил молодец на Пресню» (стр. 12), а также три народные свадебные песни (стр. 50, 51), а в текстах песен, написанных автором, широко представлена народно-поэтическая лексика (см. песню Анюты на стр. 20, песню Фетиньи на стр. 27 и др.), в сценах гаданий — формулы заговоров и заклинаний (см. гаданье о конях на стр. 12—13, гаданье о женихе на стр. 34—35).

Таким образом, несмотря на различный подход авторов к языковому материалу и различный выбор элементов народно-разговорной речи, натуралистическое воспроизведение ее особенностей является отличительной чертой комедии и комической оперы 60—70-х годов XVIII в.

Расширение социально-сословного круга персонажей комедии и комической оперы 60—70-х годов XVIII в. обусловило вовлечение в эти жанры лексики, характерной для речи различных социально-профессиональных групп.

Состав лексики произведений этих жанров был весьма разнородным: от «высоких славенских» слов, применяемых как для создания торжественности (речь положительных персонажей), так и с пародийной целью (см., например, речь ханжи Чужехвата в комедии Сумарокова «Опекун», Советника в комедии Фонвизина «Бригадир» и др.), до слов просторечных, «простонародных» и областных.

Лексика народной разговорной речи, являющаяся предметом нашего исследования, была наиболее характерной и определяющей частью словарного состава комедий и комических опер. Перед изучающим этот пласт лексики встает целый ряд трудностей различного порядка. Некоторые из них обусловлены характером исследуемого материала, необычайно пестрого, многоликого, разнородного в семантическом и стилистическом планах.

Целый ряд затруднений связан с неразработанностью вопросов русской исторической лексикологии и стилистики, особенно применительно ко второй половине XVIII в.

Чтобы ярче показать своеобразие языка комедии и комической оперы, мы избрали стилистический аспект исследования. И здесь приходится констатировать, что целый ряд стилистических категорий недостаточно изучен, содержание важнейших терминов стилистики трактуется разными исследователями по-

разному. Это относится прежде всего к термину «просторечие», содержание которого применительно ко второй половине XVIII столетия еще точно не очерчено и не определено.

«Карамзин и его приверженцы, — замечает В. В. Виноградов, — в том числе и Дмитриев, поставили перед собой задачу — разобраться в том сложном и разнородном, не имеющем и во всяком случае тогда не имевшем твердых границ потоке устной народной речи, который в ту пору обозначался именем „просторечия" (разрядка моя, — *Г. К.*). Тут были и общеразговорные слова, обороты и формы, лишенные книжного колорита, и те элементы бытовой речи, которые носили экспрессивный отпечаток демократической непринужденности, а иногда и грубости, даже вульгаризма, а также диалектные или жаргонные выражения. К просторечию подходила, отчасти с ним сливаясь, струя „простонародной" речи». [33]

Ю. С. Сорокин отмечает неопределенность границ просторечия и в практике простого слога XVIII в.: «Просторечие — это то, что соответствует в первую очередь простому литературному слогу. Этот слог в значительной мере предоставлен на волю стихии; его границы и средства точно не определены. В нем находит себе выражение и стремление расширить пределы литературного языка и разнообразить формы его выражения; но вместе с тем продолжают сохраняться пережиточно старые, идущие еще от начала XVIII в. тенденции неразборчивого пользования любыми средствами литературного языка». [34]

Определение границ просторечия для того времени представится возможным, на наш взгляд, тогда, когда будет собрана и систематизирована хотя бы основная, наиболее значительная часть языкового материала, содержащегося в произведениях различных жанров «низкого» или «простого» штиля, а также в мемуарах, письмах, собраниях анекдотов, русском лубке и т. д., учтена фиксация и квалификация собранного материала в лексикографических трудах того времени.

Принимая за основу точку зрения В. В. Виноградова, что просторечие — это «подоснова разговорного типа литературного языка — общая народно-разговорная речь», [35] мы рассматриваем просторечие как внелитературную категорию, используемую в «низких» литературных жанрах с различными целями.

---

[33] В. В. Виноградов. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 168.

[34] Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской». Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I, стр. 113.

[35] Вестн. Моск. унив., сер. общественных наук, № 7, М., 1949, стр. 33.

В изучаемых нами жанрах просторечие является не только одним из средств «снижения» стиля произведения, но также и средством показа народного быта и определяющим компонентом речевых характеристик целого ряда персонажей (крестьян, мещан, деревенских и столичных дворян, солдат и др.).

При стилистической квалификации просторечных слов мы опирались в известной мере на показания лексикографических пособий второй половины XVIII в. и прежде всего — на «Словарь Академии Российской».

В ряде случаев привлекались данные словарей XIX столетия.

Вместе с тем мы постоянно обращались к произведениям других жанров низкого штиля для определения употребительности слова, а иногда и прикрепленности слова к жанрам комедии и комической оперы.

В качестве сопоставительного материала привлекается ироикомическая поэма 60—70-х годов (поэмы Майкова и Чулкова), басня (притчи Сумарокова, басни Леонтьева и Попова, «сказки» Аблесимова), сатира (сатирические стихи Фонвизина, некоторые статьи из журналов Новикова «Трутень», «Живописец», «Кошелек»), некоторые мемуары (например, «Записки» С. Порошина), бытовые повести («Пригожая повариха» Чулкова).

Обширность и многообразие просторечия того времени предполагает различные аспекты его изучения.

Смысловое богатство можно было бы показать, идя по пути описания предметно-тематических групп просторечной лексики, а также группировки слов с разными типами переносно-метафорических значений и употреблений. Такие тематические группы просторечной лексики в комедиях и комических операх довольно разнообразны и обширны. Например, просторечные и «простонародные» глаголы говорения: баять (забаять, пробаять, убаять), болтать (выболтать, наболтать, проболтаться), голчить, гуторить (погуторить, позагуториться), калякать (покалякать), посудачить, раздобарывать.

К ним примыкает также ряд глаголов в переносных значениях: басить, бредить (набредить), брякнуть (взбрякать), выпеть, городить, молоть, мямлить (промямлить), настрекотать, нахвастать, нести (околесицу), размазывать, трещать, трубить, щекотать.

Интересны также близкие к этой группе по смыслу глаголы: врать, дакать, некать, притакивать, кропотать, а также антонимичные глаголы: жукнуть, кукнуть, нишкнуть.

Представляют интерес и относящиеся к этой группе отглагольные существительные: болтанье, болтня, вранье, шумарканье, раздобарство.

Довольно многообразна группа существительных, обозначающих то, что говорят (чаще неосновательное, неверное). В нее входят слова: ахинея, базгалы, балы, балясы, бредни, враки, вракалы, невидница, околесица, пустошь, пыль, чуха.

Не менее интересна группа существительных, обозначающих человека, любящего говорить (врать). Таковы слова: болтун, болтунья, враль, пустозвяк, пустомеля, щекотунья, кропотуха.

Не менее многообразна группа слов, обозначающих лицо по какому-либо, чаще отрицательному признаку. Это слова: ахид, балагур, болобан, бранько, вертопрах, вертопрашка, волобой, волочага, враль, головорез, деревенщина, дуралей, дурачина, жеман, жидомор, засельщина, кудес, малах, мотора, мотыга, моторыга, охреян, подлипала, пототуй, привязень, прощалыга, прыткунька, разиня, ротозей, рохля, рыскушка, скосырь, скупяга, скупентяй, телелюй, трусея, трык, урван, фаля, филя, фертик, фофан, фря, хаз, халда, холуй, шалбер, шаль, шелопай, щекотунья, щелкопер, янька.

Плодотворным было бы исследование синонимических групп просторечной лексики в каком-либо одном произведении, в произведениях какого-либо жанра или в произведениях низкого штиля. Оно могло бы выявить особенности стилистической синонимики народной разговорной речи того времени, установить критерии отбора синонимов для произведений различных жанров низкого штиля и принципы их применения.

В самом деле, в произведениях изучаемых нами жанров можно найти немало интересных и обширных синонимических групп.

Так, для обозначения молодого человека применяются слова: детина, малый, молодец, парень; для обозначения человека неповоротливого и несообразительного — болобан, малах, телелюй; человека простоватого, бестолкового — ромода, фаля, филя, фофан, пест, попест, пототуй.

См. также другие синонимические группы: болтливый человек — болтун, пустозвяк, пустомеля; мот — мотора, мотыга, моторыга, хаз; франт — фертик, гоголек, трык; голова — башка, болван; лицо — рожа, харя, рыло; письмо — писулька, грамотка, цидулка; удар — тумак, тулумбас, туз, перебяка; хороший, красивый — пригожий, баской; плохой — благой, пропастной; побить (кого) — взбутетенить, отвохрить, проколошматить; обмануть, провести — оплести, объехать, поддеть, подловить, подтенетить; выпить (хмельного) — дернуть, клюнуть, хватить; напиться — наклюкаться, нахлюстаться; украсть — подтибрить, стибрить, подтяпать, сбрить, подтетерить и т. п.

Выявление специфических особенностей языка комедии и комической оперы 60—70-х годов (драматургических жанров, в которых речь персонажа является одним из главнейших средств создания образа) предполагает, с одной стороны, описание более общих групп просторечной лексики, характерных для произведений различных жанров низкого штиля, с другой — выделение таких групп просторечия, которые характерны почти исключительно для исследуемых жанров.

В следующих частях работы рассматривается общенародная просторечная лексика, лексика «простонародная» и областная, характерные для комедии и комической оперы 60—70-х годов XVIII в.

Учитывая то обстоятельство, что социально-профессиональный диапазон персонажей комедии в 60—70-х годах XVIII столетия был довольно широк и, следовательно, в языке этих жанров переплетались элементы речи различных социально-профессиональных групп, мы в некоторых случаях выделяем группы лексики, характерные для более узкой социальной среды.

II. ОБЩЕНАРОДНОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ

Общенародная просторечная лексика, представленная в комедиях и комических операх 60—70-х годов XVIII столетия, весьма разнородна по своему составу.

Наибольший интерес для исследования представляют следующие ее группы:

1) просторечная лексика, не обладающая экспрессивной окраской;

2) экспрессивно окрашенная просторечная лексика;

3) лексика, приобретающая экспрессивную окраску и становящаяся просторечной благодаря образности или метафоричности значения (или употребления).

1. В лексическом составе комедий и комических опер выделяется группа просторечных слов, заметно отличающаяся от других ее групп.

Основным признаком этой группы были несомненная принадлежность их разговорной речи и способность влияния ее на контекст для создания колорита непринужденности, простоты и обыденности.

В качестве примеров можно привести существительные: быт, емец, извадка, кружало, крыж, побранка, помин, пустяк, свадьба, свойство́, свойственник, удача и др.; прилагательные: былой, давешний, заветный, нынешний и др.; глаголы: кланяться, коверкать, мастерить и смастерить, смекать и др.; наречия и модальные слова: авось, ведомо, видано, власно, давеча, даром, добро, исполать, льзя, неравно, небось, неужто, покуда и покудова, попусту и попустому, ужо и др.; союзы: ан, да, ин и др. Такие слова были различны по способности к созданию колорита простоты и непринужденности речи. Сохранению их влияния на контекст и закреплению в разговорной речи нередко содействовало наличие нейтрального синонима: извадка—привычка, кружало—кабак, крыж—крест, свойство—родство, былой—прошлый, коверкать—ломать, смекать—соображать, ведомо—известно и т. п. Но некоторые из них сохраняли эту свою способность и при от-

сутствии синонима, в силу одной традиции употребления, тогда как другие и при наличии синонима уже в 60—70-х годах были почти нейтральными, например слово *давеча*, сохранившее эту способность, хотя и не имевшее нейтрального синонима, и *льзя*, пошедшее дальше по пути нейтрализации, хотя и имевшее нейтральный синоним *можно*.[36]

Примеры.

В комедии:

Добросердов: Вот отпускная, которой ты давеча взять не хотел (Лукин. Мот, стр. 83).

В мемуарах:

Я давича забыл упомянуть, что как после обеда зашел у меня с Его Высочеством разговор о разных нациях, то он между протчим изволил сказать, что ему после российской нации нравится лучше всех английская, а после французская («Записки» С. Порошина, стр. 399).

В ирои-комической поэме:

Они мне давича на встречу лишь попались,
Взглянули на меня и тотчас приласкались.

(Майков. Елисей, стр. 53).

В комедии:

Лесник

Да и льзя-ль тому не пить,
Кто родился век рубить?

(Николев. Розана и Любим, стр. 56).

Лука: Етому льзя и поверить (Попов. Бурлин, стр. 234).

В ирои-комической поэме:

Да будет боги вам сие известно ныне.
Выглядывать отсель лзя богу и богине.

(Майков. Елисей, стр. 69).

В басне:

Стена обрушилась и выпало оттоле
Червонцев тысяча иль может боле;
Бедняжку льзя всево теперь позолотить.

(Сумароков. Скупой, стр. 14).

Есть род хулителей еще чудней сево
Об них промолвить не в обиду,

---

[36] Слово *давеча* дано в Слов. Акад. с указанием: «наречие, употребляемое в просторечии» (ч. II, 1790, стр. 456). Слово *льзя* дано в Слов. Акад. с указанием: «речение непеременяемое, употребляемое в просторечии» (ч. III, 1792, стр. 1346).

Учеными почесть их льзя изо всево,
Да только с виду.

(Стыд хулителю, стр. 91).

Слова этой группы встречались довольно часто в произведениях различных жанров низкого штиля. Слово *всячина* находим в комической опере в речи купчихи, а также в ирои-комической поэме в составе выражения *всякая всячина* и в свободном употреблении и в бытовой повести.[37]

Саламанида: Мой Пафнутьич ничево этова на мне не взыскивает, только уж береги у нево да береги деньги и всякую всячину (Матинский, стр. 70).

В ирои-комической поэме:

Такой писатель мне примером должен быти,
Которой всячину не отречется пити.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 2).

Что дешево стихи я продаю,
Так знайте все, что я без мерки их крою,
Еклоги, в коих я всех более тружуся,
Беру по всячине и долго не ряжуся,
Понеже выключа премножество стихов,
Не только разума, не сыщешь годных слов.

(Чулков. Стихи на семик, стр. 56).

В бытовой повести:

Всякое утро стоял он [секретарь] по два часа на молитве, а жена ево в то время в передней упражнялася во взятках и принимала всячиною (Чулков. Пригожая повариха, стр. 23).

Слово *дело* в значении «состояние, положение» и в выражении *то ли дело* довольно часто в комедиях и в статьях и очерках журнала «Живописец».[38]

В комедии:

Лукерья: Принаряди-ка да прихоль что-нибудь, ан толь пить дело; та же горница да не та стала (Веревкин. Именинники, стр. 193).

Служивый: А какая нужда? Горя нет! наше служивое дело, где чем ни поживился, то и наше (Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 60).

В журнальных очерках:

Его [мужика] такое и дело, што работай без отдыху ([Письма к Фалалею], стр. 118).

А это и дело особое: у кого и украсть как не у царя (там же, стр. 242).

---

[37] Слово *всячина* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. I, стр. 666); во 2-м изд. Слов. Акад. слово дано с пометой «простор.» (ч. I, 1802, стр. 774).

[38] Слово *дело* в значениях «нужда», «надобность» и «состояние» дано в Слов. Акад. с пометой «простореч.» (ч. I, 1789, стр. 908).

Так же часто встречаются в произведениях различных жанров низкого штиля слова *кружало* (кабак), *побранка* (небольшая ссора), *свойство, свойственница* (родство, родственница).[39]

В комедии:

Канцелярист: Мы на первом кружале выпьем за здоровье всей вашей фамилии (Лукин. Мот, стр. 77).

Глеб: Но кой чорт! не ужьли жених то с невестою и в побранке. Раненько бы это (Выбор по разуму, стр. 114).

Слабоумова: Как то объявить ему Акулинушка о твоей свадьбе?

Акулина: Разве вы думаете, что не покажется ему свойство господина Промоталова? (Свадьба г. Промоталова, стр. 57).

Неумолков: Ненила не дальняя свойственница, и я ее род так же, как и свой, знаю (Лукин. Пустомеля, стр. 106).

В журнальных очерках:

Вот до чего дожили, что и вина своего не льзя привесть в город. пей де вино государево с кружала, да делай прибыль откупщикам ([Письма к Фалалею], стр. 114).

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублев (Копии с отписок, стр. 239).

Вам же, государь мой, не безызвестно, что мне досталася после покойной свойственницы деревнишка ([Письмо дворянина], стр. 51).

В басне:

С волками много лет в побранке овцы жили.

(Сумароков. Волки и овцы, стр. 93).

В мемуарах:

Его высочество весьма забавлялся, как он [Сумароков] описание делал о г. Емине и о его с ним ссоре, так же о бывших побранках с обер-маршалом Сиверсом («Записки» С. Порошина, стр. 310).

Выбор слов этой группы и применение их зависели от жанровых особенностей произведения, от целей и задач автора. Так в комедии и в комической опере, бытовой повести, в статьях и очерках журналов, в мемуарах они обычны при передаче потока живой речи.

Примеры.

В статьях журнала «Живописец»:

По сесь день господень все таки у нас, родимой, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились: авось-таки[40] милостивой спас подержит над нами свою руку, и даст нам еще хорошую погоду (Продолжение отрывка путешествия в*** И*** Т***. «Живописец», 1772, стр. 105).

---

[39] Слово *кружало* в этом значении дано в Слов. Акад. с пометой «в простор.» (ч. III, 1792, стр. 1010). Слово *побранка* дано в Слов. Акад. с пометой «простореч.» (ч. I, 1789, стр. 322). Слово *свойство* дано в Слов. Акад. с пометой «в простор.» (ч. V, 1794, стр. 369).

[40] Слово *авось* дано в Слов. Акад. с пометой «в простор.» (ч. I, 1789, стр. 5).

В комедии:

Салидар: Намедни[41] у меня подьячий исписал целую десть, а взял только восемь копеек (Сумароков. Приданое обманом, стр. 221).

В бытовой повести:

А намедни не знаю, как занесли к нам оду какова-то Ломоносова, так мы всем приказом разобрать ее не умели (Чулков. Пригожая повариха, стр. 26).

В мемуарах:

Изволил сказать Его Высочество: Как я женюсь, то жену свою очень любить стану, и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резов. Намедни слышал, что таких рог и не видит и не чествует (не чувствует) тот, кто их носит («Записки» С. Порошина, стр. 462).

Такие слова применялись для создания колорита непринужденного рассказа или авторской речи в басне и ирои-комической поэме, бытовой повести и мемуарах.

Взяв ложку в пазуху, и спать опять валится
Авось либо мне сон еще такой приснится.

(Майков. Случай, стр. 22).

Прощай, честной семик, скажите человеки.
И бросьте поплясав березочки вы в реки,
Пускай к своим местам обратно поплывут,
Авось хороший плод и срублены дадут.

(Чулков. Стихи на семик, стр. 216).

Как некогда он спал, ан[42] сделалась проруха;
Ко спящу на нос села муха.

(Сумароков. Друг невежа, стр. 201).

Был барин от двора еще недалечко,
Ан вдруг надвинулось с грозою облачко.

(Майков. Неосновательная боязнь, стр. 22).

Ан след уже простыл, любовник убежал.

(Майков. Елисей, стр. 14).

Наконец, некоторые такие слова применялись авторами для создания пародийного плана речи.

В ирои-комической поэме:

Валдайских девушек он в нимфы превращает,
Из зимнегорских баб Помону выбирает,
Из Яжелбиц дьячка Вертумном он нарек,
И мыслит смастерить[43] источники из рек.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 17).

---

[41] Слово *намедни* дано в Слов. 1834 с пометой «простонар.» (ч. I, стр. 1549).

[42] Слово *ан* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «в просторечии» (т. I, стр. 10).

[43] Слово *смастерить* дано в Слов. Акад. с пометой «в простореч.» (ч. IV, 1793, стр. 55).

Естественно, что применение такой лексики при передаче потока живой разговорной речи более характерно для комедии и комической оперы как жанров драматургических. Для них обычна и большая частота включения таких слов в контексты и большая концентрация их в репликах бытовых персонажей (чем в речи персонажей басен, чем в ирои-комических поэмах, в бытовых повестях). Просторечная лексика, лишенная экспрессивной окраски, обычна в репликах наряду с другими видами лексики разговорной речи (просторечием с яркой экспрессивной окраской, «простонародной» и областной лексикой) и воспринимается как вполне закономерный компонент, не выделяющийся в контексте своей подчеркнутой сниженностью, как это часто бывало в произведениях других жанров низкого штиля.

Олимпия: А ты Палестра, давиче столько околесицы говорила, что мне инда досадно было. (Сумароков. Мать совместница, стр. 61).

Лесник

Твоя сестра,
Ни дать,
Ни взять,
Как ты
Всегды
Была востра
Однако же и ей
Голубушки моей,
Хоть ныньче пост,
Прижали хвост.

(Николев. Розана и Любим, стр. 63).

Мельник: Я смекнул, как быть етому; девка будет наша! Что за работу? (Аблесимов. Мельник, стр. 17).

Отсутствие яркой экспрессивной окраски и очевидной стилистической сниженности, характерные для этой группы, открывали таким словам доступ в речевые партии не только бытовых, но и положительных персонажей комедий и комических опер.

Так, например, слово *быт*[44] встречается в речи и слуги и дворянина.

Кипарис: Разве, сударыня, безумныя-то в вашем быту бывают? (Сумароков. Три брата, стр. 131).

Грублон

Все лепятся вкруг нас; и только день настанет,
То всякой кофе, чай, вино и пиво тянет;
Чего в быту своем не видывал иной.

(Херасков. Ненавистник, стр. 41).

Слово *авось* встречается в других комедиях в речи подьячего и добродетельного купца.

Удальцов: Возверзните печаль вашу на господа, да поищите, осударь, добра человека, авось поможет он своим благосовестием, елико вам в потребу (Веревкин. Точь в точь, стр. 12—13).

---

[44] Слово *быт* в Слов. Акад. дано с пометой «простонар.» (ч. I, 1789, стр. 397).

Добронрав: Однако ж, что делать! надобно укрепить себя терпением; авось он, размотав остатки своего имения, очувствуется (Перемена в нравах, стр. 40).

Вместе с тем авторы комедий и комических опер, строившие речевые партии персонажей в натуралистическом плане, в целом ряде случаев охотнее пользовались различными вариантами таких слов, характерными для речи простого народа и народных говоров. Укажем, например, различные варианты слов *давеча* и *намедни* в комедиях и комических операх того времени.

Мужик: Вот он (указывая на Крючкодея); давица меня турбацил, ажно в глазах поцемнело (Матинский, стр. 112).

Правской: Вот и приходит о чем я давечь вас спрашивал (Переплетчик, стр. 35).

Сострата: Намнясь, как были мы в день Валериева рождения у нево, так он рассказывал там, что он двоишник (Сумароков. Опекун, стр. 9).

Щедров: Не из одной ли он деревни с той девочкой, которая онамедни мне здесь попалася (Николев. Розана и Любим, стр. 17).

Розана: А так-то, что без тебя чуть-чуть я не попалась в руки тому барину, про которава я тебе анамнясь рассказывала (там же, стр. 36).

Филат

Пытако досади ты нашому так брату,
Хоть куму, хоша свату,
Как давечо твоей я чести досаждал,
Так не коли што бы он ерак денег дал,
Да и бока б ещо дубиной обломал.

(Попов. Анюта, стр. 17).

Однако, несмотря на бо́льшую частоту употребления и бо́льшую концентрацию просторечной лексики, не имеющей экспрессивной окраски, в репликах бытовых персонажей комедии и комической оперы, чем в речи персонажей и в авторском тексте других жанров низкого штиля, ее можно рассматривать только как один из компонентов этих партий, отнюдь не определяющий, имеющий значение лишь в совокупности с другими, более значимыми компонентами, создающими реально-бытовой план речи бытовых персонажей.

2. Точки соприкосновения языка комедии и комической оперы с языком других жанров низкого штиля отнюдь не ограничиваются только просторечной лексикой, не имеющей экспрессивной окраски. Во всех жанрах низкого штиля часто встречалось экспрессивно окрашенное просторечие, весьма разнообразное как по видам экспрессии, так и по степени употребительности. Экспрессивно окрашенное просторечие было одной из определяющих частей словарного состава произведений самых различных жанров низкого штиля[45] и, что вполне закономерно, комедии и

[45] См. канд. дисс.: Е. В. Муза. Лексика и фразеология ирои-комической поэмы 60—70 годов XVIII века. М., 1953; А. И. Горшков. Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах 1769—1774 гг. М., 1949 (хранятся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина).

комической оперы. В качестве примеров можно привести слова с экспрессией ласкательности (например, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: дружочек, душенька, голубка, детушки, мальчужечка, молодушка, мужички, домик, перстенек, табакерочка, часики, достаточек, волосик, глазки, словцо, игорка и т. п.), с экспрессией иронии и пренебрежения (бабёнка, вдовушка, девчонка, женишок, женщинка, капитанишка, мужиченка, офицерик, офицерчик, пастушишка, подьячишка, секретаришка, холопишко, судейка, стариченца, грошишка, деньжонки, серчишко, умишко), с экспрессией грубоватой непринужденности (врать, болтать, городить, молоть, проказничать, убраться, уплестись, тащиться, беситься, перебеситься, вскинуться и т. д.).

Нередки и экспрессивно характеризующие слова, где отрицательная оценка сознательно применяется говорящим (головорез, жидомор, молокосос, фертик и т. д.), бранные слова с экспрессией грубости (болван, дурак, кикимора, рожа, харя, чучело и т. п.). Но для изучаемых нами жанров свойственно прежде всего более полное проявление стилистических возможностей и большее разнообразие функций экспрессивно окрашенной лексики широкого ареала. Так, например, слова с экспрессией ласкательности, широко распространенные в произведениях различных жанров низкого штиля, имеют в комедии и комической опере обычную функцию и часто встречаются в диалогах влюбленных, в сценах объяснения в любви бытовых персонажей (диалоги «добродетельных любовников» выдержаны в книжно-возвышенной манере).

Исай: А я за тем сюда и прислан, чтобы осведомиться, дома ли она, и ее батюшка, да как тебя увидел, так и все позабыл. Вот каковы твои глазушки, твои бровеночки (Николев. Попытка не шутка, стр. 140).

Филимон (поет)

Полно, светик мой, стыдиться,
Станем мы при нем дружиться.
Дай мне ручаньку свою,
Дай голубушку мою.

(Аблесимов. Мельник, стр. 24).

Вместе с тем в комедиях и комических операх такая лексика часто является средством, подчеркивающим определяющую черту различных персонажей. Укажем на применение уменьшительных форм от слов — названий реалий в речи лихоимца Кащея.

Кащей: Ты у меня перстенек, табакерочку, да часики подтибрил, а ты деревеньку сбрить хочешь; нечево вам у меня делать (Сумароков. Лихоимец, стр. 106).

Ростовщик и ханжа Чужехват, говоря со служанкой Нисой, на которой он собирается жениться, в качестве ласкательных употребляет слова, производные от слов—названий денежных единиц.

Чужехват: А тебя рублевичек мой, червончик мой, империальчик мой, возьму я за себя и силою (Сумароков. Опекун, стр. 42).

В речи домовитой провинциальной дворянки Афросиньи Сысоевны также встречаются характерные для нее слова с экспрессией ласки.

Афросинья Сысоевна: Домик-ат, отец мой! сам ты умная голова, не шутачка: нада за ним глаза да глаза (к молодому Доблестину), а тебе, свет мой, в науку. Плоха без старова человека, молодым-та людям хоть бы на час да вскачь, а по нашему, так с крепостцой бы белую ту бы денежку сберегать на черной день. Да што бы и рублевички та и хлебиц-ат, год от году прибывали, да прибывали (Веревкин. Так и должно, стр. 54—55).

Иной выбор слов с экспрессией ласки в речи подьячих.

Прицепкин: Советцы мои кому имелася в них нуждица, сходили у меня с рук ей-ей без накладу... А что землицы-то, чемезинки-то на помин от души моей грешныя (Веревкин. На нашей улице праздник, стр. 14).

Крючкодей: Ну-ка, тесть, что ты мне дашь, естьли я этот векселек-ат смахлюю?

Сквалыгин: Что тут рядиться? все пополам (Матинский, стр. 38).

Пьяница купчиха Соломонида, объясняя мужу, почему усохло вино в бочке, также пользуется соответствующими словами с экспрессией ласки.

Соломонида: Экой ты, батька, неверной! Да, может быть, сперва вино-то усыхало по капельке, после того по рюмочке, а там по стаканчику. (Матинский, стр. 32).

Для некоторых групп экспрессивно окрашенной лексики характерно более интенсивное и целенаправленное применение их в комедии и комической опере, чем в других жанрах низкого штиля.

Так, одним из средств создания эмоциональности речи является включение в реплики эмоционально-экспрессивных междометий, частиц, а также различных слов и фразеологических оборотов в роли междометий.

Такие междометия и частицы встречаются и в баснях, в ироикомической поэме и журнальной прозе того времени, обычно в речи различных действующих лиц.

Старик тут удивился,
Вскричал: ахти! пропал, я денежек лишился.

(Майков. Скупой, стр. 22).

Укажем также реплику француза в одном из очерков журнала «Кошелек».

Француз: Exe, xe, xe, дорогой мой немецкий философ, ты забродишь в древность; такое великодушие в сказках только у нас описывается (Продолжение разговора, стр. 278).

А вот образец речи деревенских ребятишек:

Робятишки подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад крича: ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте нас! (Отрывок путешествия, стр. 39).

Но так как диалог персонажей в произведениях различных других жанров низкого штиля не играет такой важной роли, как в комедии и в комической опере, пользование языковыми средствами, характерными для потока живой разговорной речи, в них, естественно, ограничено. Для комедии и комической оперы характерно большее разнообразие эмоционально-экспрессивных слов в речи персонажей.

Проспех: Послушай, послушай Аким! Не проговорись кому-нибудь, что ты меня видел. И жене моей не сказывай... никому.

Аким: Ех сударь! лучше бы сказать. Куды бы она обрадовалась (Николев. Испытанное постоянство, стр. 14).

Ветромысла: Фуй! Как тебе не стыдно! Не думаешь ли ты вскружить мне голову правилами романов? (Победа невинности, стр. 46).

Промоталов: Фу, пропасть, какая глупая ета вдова! (Свадьба г. Промоталова, стр. 77).

Мельник: Тють! .. Тють! .. што ты это чудесишь? эдакой рахманной, вить испужаешься (Аблесимов. Мельник, стр. 10).

Мужик: Вижу; што самой коновной плут, а побарахтатчи не смею. О! хо! хо! хо! (Матинский, стр. 36).

Хавронья: И! моя ласточка уже не ревнуешь ли ты к кому? (Сумароков. Рогоносец, стр. 10).

Прямиков: Вот тебе на, тотчас и на колени! Не люблю я этих вздоров, которыя ты из комедий выучила (Лукин. Пустомеля, стр. 85).

Анкудин: Вот на! да там и помещиков-та нету.

Фетинья: Ан лих есть: мне кажется Фадей Мельник сватает (Аблесимов. Мельник, стр. 55).

Трофим: Провал тебя возьми и с вопросами-то, ты до того меня довел, что вон барин идет (Попов. Немой, стр. 14).

Пантелей (особливо): О чтоб его нелегкое! (к Дарье). Пойдем, сударыня, отселе (Домашние несогласия, стр. 360).

В некоторых комедиях находим целые диалоги, построенные на игре междометиями.

Тимант: Хочу ее увидеть, чтоб выговорить ей всю ея неверность.

Трофим: Ой! ой!

Тимант: Разорвать с нею дружбу.

Трофим: Исполать!

Тимант: И после никогда с нею не свидываться.

Трофим: Exe, хе!

Тимант: Ты не веришь, но увидишь ето (Попов. Немой, стр. 17).

Г. Трускина: Ты опять с мужем моим был? Он тебе, конечно, сказал. ково хочет в зятья выбрать: Стратона или Фалалея, которова и я хочу.

Михайла: Кгу!

Г. Трускина: Ты поворачиваешь шляпу, давая тем знать, что муж со мною не согласен.

Михайла (поднимает голову): Та! та! та!

Г. Трускина: Фалалей, говоришь ты, мужу не нравится; и что он Стратона предпочитает?

Михайла: Э! э! э!

Г. Трускина: Знать он думает, что Стратон будучи моложе, дочере лутче понравится?

Михайла (свистит): Фю, фю, фю!

Г. Трускина: Как ты осмеливаешься утверждать, что не должно предпочесть Фалалея, по ево великому богатству?

Михайла: Ба! ба, ба!

Г. Трускина: Врешь ты, он молодец хоть куды; а не баба.
Михайла: Ха! ха! ха
Г. Трускина: Все что ты ни говоришь; это мой муженек надул тебе в уши.
Михайла: И! и! и!
Г. Трускина: Вот! Это от слова до слова умнова моево муженька разговоры. Но я на прямки ему сказываю, что...
Михайла: Мельница наша в работе...
Г. Трускина: Как он ни работай, да я ему докажу...
Михайла: Ну!
Г. Трускина: Что я хозяйка в доме.
Михайла: Мели кривая! (Дюфрени, стр. 30—32).

Кроме того, для комедии и комической оперы в отличие от произведений других жанров низкого штиля характерно постоянное пользование просторечными экспрессивно окрашенными словами более узкого ареала.

Потап: На женские болтни[46] што смотреть (Домашние несогласия, стр. 217).
Правской: Этова плута волочаги[47] душа моя ненавидит (Переплетчик, стр. 24).
Марфа: Я вас никак не могу к ней впустить. Как скучна ета деревенщина[48] (Свадьба г. Промоталова, стр. 69).
Щелкоперов: Ежели я не ослышался, так молодятинку-то[49] свою они за меня ладят (Веревкин. Именинники, стр. 248).
Управитель: Нутко деревенский подлипало[50] распоясывайся; довольно повоевал на свой пай (Николев. Приказчик, стр. 133).
Фалалей: Посмотри, посмотри! Эк этот привязень[51]-ат нас подслушивает (Дюфрени, стр. 41).
Пульхерия: Можно ли любить этого вертопраха? Он такой же пустозвяк,[52] как и молодой граф (Ельчанинов, стр. 470).
Бурлин: Но что до моего сына принадлежит, то он право детина не пустомеля[53] (Попов. Бурлин, стр. 203).

3. Выразительность речи бытовых персонажей комедий и комических опер создавалась и путем включения в их реплики слов в переносно-метафорических значениях и образных употреблениях, обычно обладающих яркой экспрессивной окраской. В этом отношении интересны, например, имена существительные и сочетания имен существительных с прилагательными и местоимениями в функции обращений. Кроме часто встречающихся в жанрах низкого штиля слов с почти стершейся экспрессией ласкательности (батюшка, братец, внучек, девочка, дедушка, дочка, дядюшка, зя-

---

[46] Слово *болтня* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.
[47] Слово *волочага* дано в Слов. Акад. 1847 (т. I, стр. 155).
[48] Слово *деревенщина* дано в Слов. Акад. (ч. II, 1790, стр. 602).
[49] Слово *молодятинка* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.
[50] Слово *подлипала* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.
[51] Слово *привязень* в Слов. Акад. дано с пометой «в простореч.» (ч. III, 1792, стр. 1217).
[52] Слово *пустозвяк* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.
[53] Слово *пустомеля* дано в Слов. Акад. (ч. V, 1822, стр. 730).

тюшка, племянничек, сватушка, сватьюшка, сестрица, старичок, сынок, тетушка, тещинька и др.), в комедиях и комических операх довольно часто встречаются слова и сочетания слов с яркой экспрессивной окраской ласкательности. Примером может служить диалог провинциальных дворян Викула и Хавроньи в комедии Сумарокова «Рогоносец по воображению».

Викул: Не болтай же мое сокровище, алмазный мой камышек.

Хавронья: Да ето нехорошо, вишневая моя ягодка.

Викул: Жена перестань же.

Хавронья: Поцелуй же меня, сильный могучий богатырь.

Викул: Поцелуемся, подсолнечная моя звездочка (Сумароков. Рогоносец, стр. 18).

То же самое мы видим и в других комедиях и комических операх.

Ротозей: Куколка (обнимает ее, а она повернув голову усмехается) моя! .. великоденское мое красное яичко! так ты и в правду меня одново любишь (Веревкин. Именинники, стр. 247).

Ряд таких обращений представляют собою ставшие традиционными, но не утратившие яркой экспрессии образные употребления народной поэзии (голубка, горлица, лебедь белая, лебедушка, лебедка и т. п.).

Скопидомова (подошед к мужу): Помнишь, лапушка, как меня к тебе на сговоге[54] подвели; а я плакала? (Подражатель, стр. 10).

Скопидомов: Не знаю, какова бы... бы... была ты в девках, а за мною живешь ка... ка... как горлица.

Скопидомова (смутяся): Так, наливное мое яблочко! (там же).

Трусицкой: Дорогое мое дитятко! Што тебе подеялось? што тебе попритчилось? надрываешь ты мое сердечушко; проси у меня, голубка моя белая, проси всево, ни в чем тебе отказу не будет (Веревкин. Точь в точь, стр. 10),

Племянник:

Нет, нет, ты моя лебедка, погоди,
За него не выходи!

(Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 63).

Крючкодей: Любезная моя невеста! красное мое солнышко! ненаглядное сокровище! всепокорнейше прошу из прежде выпитой мною чарки теперь выкушать... Пожалуй, любезная моя невеста! лебедушка моя беленька, прошу выкушать! (Матинский, стр. 52).

Для комедии и комической оперы характерно пользование словами в переносных значениях и образных употреблениях с разнообразными видами экспрессии.

Назовем, к примеру, целый ряд имен существительных в основном значении — названий животных, встречающихся в комедиях в переносно-метафорических значениях (перенос по качеству).

---

[54] Автор этой комедии передает пороки речи — картавость и заикание.

Гоголек[55] — франтик, щеголь; с экспрессией неодобрения.

Скопидомова: Не бывать тебе за твоим гогольком, что во что ни станет (Подражатель, стр. 45).

Змейка — о коварном человеке; с экспрессией неодобрения.

Скопидомова: Вот она, вот она; змейка! погубила ты нашу голову: куды мы тепей годимся (там же, стр. 42).

Лисица — о хитром человеке; с экспрессией фамильярности.

Макрида Евстратьевна: И ты будто (Лукерья воровски смеется) не постигаешь, кого я так означаю, о! хитрая лисица...

Лукерья: Не Антип ли Антипычь, сударыня? (Веревкин. Именинники, стр. 203).

Милена: Душа моя!

Лесник: А га! лисица! теперь душа моя, а давича так и приступу нет. То то не плюй в поганой колодец случится водицы испить (Николев. Розана и Любим, стр. 71).

Щенок — о молодом заносчивом человеке; употребляется с экспрессией грубости.

Бригадир: Что ты щенок, так в том ни кто не сомневается; однако я тебе, Иван, как присяжной человек, клянусь, что ежели ты меня еще применишь к собаке, то скоро сам с рожи на человека походить не будешь (Фонвизин. Бригадир, стр. 61).

Роман: Однако я бы хотел знать, что мое и что не мое.

Г. Осминин: Щенок какий! (Домашние несогласия, стр. 222).

В аналогичных переносно-метафорических значениях в комедиях и комических операх встречаются также имена существительные, обозначающие человека или предмет в основном значении.

Баба — о несмелом, робком человеке; с экспрессией неодобрения.

Г. Трускина: Врешь ты, он молодец хоть куды; а не баба (Дюфрени, стр. 31).

Зубы — о сварливом, бранчливом человеке; в данном контексте с экспрессией одобрения.

Суеверова: Только досаждал он мне, дай боже ему царство небесное! побоями, часто бивал: вить бывало чем ни попало; да полно я и сама была зубы. Как бы на эту траву, да не эдакий мороз, статно ли бы дело (Прокудин. Добродетель, стр. 119).

Ср. прилагательное *зубоватый* — умеющий постоять за себя, зубастый.

---

[55] Ср. определение слова *гоголь* в Слов. Акад. (ч. II, 1790, стр. 163). Этот словарь большей частью не фиксирует аналогичных переносных значений слов. Из всех приведенных нами на стр. 286—291 слов такие значения отмечены лишь в словах *крючок* (ч. III, стр. 44) и *пень* (ч. IV, стр. 1023); под словом *колотовка* («Простонародн. Мутовка, которою взбивают масло, шоколад») приведено сравнение: «кутит, мутит, как колотовка», и цитата из комической оперы Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» без каких-либо пояснений.

Ненила: Когда же молодые наши годы пройдут, тогда и мы станем домостроительству учиться, и в скучных болтаньях время провождать.

Бурлин: Девушка-то мне кажется несколько зубовата (Попов. Бурлин, стр. 211).

Колотовка — о хитрой, умеющей обмануть женщине; с экспрессией неодобрения.

Мельник

И колдовки колотовки
Те же делают уловки.
Много всякого есть сброду:
Наговаривают воду,
Решетом вертят мирянам,
И живут таким обманом.

(Аблесимов. Мельник, стр. 5).

Крючок — о чрезмерно придирчивом, мелочном и изворотливом человеке (обычно чиновнике); с экспрессией неодобрения.

Прощелыга: В добавок тебе скажу, что не заподлинно знаю, а слышал, будто у невесты нашего барина муж жив, какой-то отставной с приписью приказной, да уж, сказывают, из крючков крючок (Обман за обман, стр. 195).

Ожерельице. В сочетании *надевать ожерельице* — накидывать петлю.

Лежебокова: Из под плетей-та, ясный мой сокол, ты бы и сам не токмо что на другой женился, а и за муж изволил бы выйти; кабы и твоему здоровью такое же как мне стали надевать ожерельице (Веревкин. Точь в точь, стр. 27).

Орел — об удалом молодом человеке; с экспрессией одобрения.

Лесник: Ну! тольке не дура ли, не глупуша ли ета девка, што от такого орла хоронится (Николев. Розана и Любим, стр. 31).

Пень — о глупом, нерасторопном человеке; с иронией и презрением.

Благоразумова: Какой он жених? да он пень; он какой-нибудь дурак или лишенный разума (Прокудин. Добродетель, стр. 130).

Пест — о непонятливом, недогадливом человеке; с экспрессией неодобрения.

Ротозей: Едакой я пест... и тово не догадайся, что ей кажется, будто она говорит с Сорванцом (Веревкин. Именинники, стр. 247).

Сахар — о притворно ласковом, но на самом деле негодном, злом человеке; с экспрессией неодобрения.

Лукерья: Едакою горькою пилюлею и я бы подавилась, а не проглотила б, какую вам сахар от ваша мачиха приготовила (Веревкин. Именинники, стр. 213).

Сокол — о храбром удалом молодом человеке; с экспрессией одобрения.

Бурлин: Веришь ли, светик мой, что Бурлин детина честной? Не сокол ли малой? (Попов. Бурлин, стр. 210).

Ходок — о необычайно ловком в чем-либо человеке; с экспрессией неодобрения.

Изидор: Всякий день вижу я, что он сыскивает способы к удалению этого союза. Отговорка его всегда одинаковая. А в чем она состояла? Будто я ужасной ходок в любовных делах (Лукин. Тесть и зять, стр. 319).

Приведем также ряд существительных в переносно-метафорических значениях с переносом по функции.

Баня — о побоях; с экспрессией грубоватой фамильярности.

Афросинья Сысоевна: Я тебе сказываю, что доворчаться тебе будет до доброй бани (Веревкин. Так и должно, стр. 17).

Блохи — о тайных грешках; с иронией.

Сорванец: Едакия за ним блохи! Для чево ж не так? Робенок он молодой, еще не с большим шестьдесят ударило; какому еще быть уму в эте лета; смыслит ли он разбирать, что ему пристойно, или нет (Веревкин. Именинники, стр. 227).

Миловзор: Говорят, что мужики лукавы; а мне сдается, что в вас-то все и блохи. Да полно во всяком хлебе мякина бывает (Николев. Приказчик, стр. 123).

Пойло — о хмельных напитках; с экспрессией фамильярной грубоватости.

Афросинья: Вот тебе бог не пью! право не пью, душа моя!

Перебоев: Уволь-сте ее, Саламанида Мироновна! она челэк шедушной, и пойла не поднимает (Матинский, стр. 56).

Встречаются в произведениях этих жанров и такие слова в образном употреблении, которые основаны на привычной смысловой ассоциации, индивидуальным же является только какой-либо штрих (например, определение к образно употребленному существительному).

Приведем ироническую реплику Марьи в комедии Николева «Испытанное постоянство» о говорливом, но несообразительном Андрее.

Марья (в сторону): Как я досадую на свою барыню!.. Однако ета птичка мне кажется вислокрыла, постараемся уловить ее в свои сети (Николев. Испытанное постоянство, стр. 34).

В речи старого жениха о красивой недотроге-невесте встречается сочетание слов *красивенький чирышек*; с экспрессией одобрения.

Щелкоперов: Ежели я не ослышался, так молодятинку-то свою они за меня ладят, а не за Антипушку... На дело, кажется, ето походит... Не испортили б меня: кабы едакой красивенький чирышек... А! (увидев Лукерью). Девица красная (подходит к ней) (Веревкин. Именинники, стр. 248).

Назовем также сочетание слов *коза в юбке* — о молодой девушке; с шутливой непринужденностью.

Фалалей: Еще тут коза в юпке стоит; только кажется ето не из давешних (Лжец, стр. 75),

Приведем сочетание *огорелый чурбан* — о совершенном дураке; с экспрессией пренебрежения.

Лукерья: Всякой (слушает и потом видит входящего к себе Ротозея) всякой, даже до и этова огорелова чурбана, умереть за нее не раздумает (Веревкин. Именинники, стр. 195).

Оставляя в стороне индивидуальные образные употребления, широко представленные в комедии и комической опере того времени, приведем примеры устойчивых словосочетаний — характеристик, в основании которых лежит образ.

Таковы устойчивые словосочетания: *ветряная мельница* — о болтуне, *змейка скоропейка* — о коварном человеке, *малый не промах* — о ловком, удачливом человеке, *кащей бессмертный* — о тощем и скупом человеке, *баба не промах* — о ловкой, удачливой женщине и др.

Примеры.

Прямиков: Опять заболтала ветряная мельница! Ты очень смеленька стала (Лукин. Пустомеля, стр. 85).

Афросинья Сысоевна: Ветряная мельница! похабница бестыдная! трещетка дьявольская! зажмешь ли ты, проклятая, поганой свой рот.

Маланья: Разве вы, сударыня, мне ево заприте замком, да и запечатайте (Веревкин, Так и должно, стр. 24).

Щелкоперов: Змейка скоропейка, проклятая! .. Переболомутила всех, да и плывет как умная... Эдакая смиренница выступает! .. И водой кажется не замутит (Веревкин. Именинники, стр. 302).

Клара: Он и сам себе без свидетелей не очень верит, когда деньги считает; а то выдал бы он ему заклады! ха, ха, ха!

Пасквин (особливо): Едакой урод! едакая чучила! екой Кащей безсмертный! ха, ха, ха!

Кащей: Чему ты смеешься?

Пасквин: Я смеюся, сударь, от радости, что ваше высокопревосходительство в такой глубокой старости к житейскому толико крепко пригвождены, будто как бы вам никогда не умирать, хотя вы уже как скелет совсем изсохли, и думаю, что вы не простой Кащей, да Кащей безсмертной (Сумароков. Лихоимец, стр. 97).

Андрей: Мой лучанин прошел сквозь огонь и воду, и я тебя уверяю, что без труда этого прыгунчика отбоярит.

Настасья: Его зовут Аристархом, и сказать правду, он и сам малый не промах (Лукин. Награжденное постоянство, стр. 128).

Слабоумова: Вить я баба не промах. Умею выбрать (Свадьба г. Промоталова, стр. 119).

Трофим: Люблю: вот то-то не промах девка! уже не бойсь, не ошибется (Попов. Немой, стр. 136).

Хромой: Чу, заблаговестил соборной колокол!

Безногой: И соннова разбудит.

Однорукой (глядя в окно): Уже идет на крыльцо (Веревкин. Точь в точь, стр. 24).

Особенно широко представлены в комедиях и комических операх глаголы в переносных значениях и образных употреблениях. Они обладают весьма разнообразной яркой экспрессивной окраской, придающей речи различных персонажей живость и выразительность. Такие переносно-метафорические значения нередко

были и фразеологически связанными, так как перенос значения в глаголах часто связан с изменением объекта, нарушением фразеологических связей, присущих основному значению, и образованием новых связей. Таковы глаголы *высосать, вытягивать* в переносных значениях: высосать (деньги или столько-то рублей), вытянуть (деньги), а также глаголы *дернуть, тяпнуть* (вина или чарку вина), *тянуть* (вино, прорву, пойло), *оболванить, свертеть* (дело, указ), *скоблить* (сердце, душу) и т. д.

Афросинья Сысоевна: Попадись только крапивному та семени, так и животу не будешь рада. Ненасытная проклятая глотка! суй им, как в адово дно, а они только тебя завтраками кормят. Узнала я вас за грехи мои злодеев. Легко ли то молвить, высосали[56] они у меня однажды рублей право с тридцать (Веревкин. Так и должно, стр. 22—23).

Салидар: А книг за грехи наши, чтобы ими деньги вытягивать, и так уж довольно (Сумароков. Приданое обманом, стр. 225).

Удальцов: Покормочки две-три на сей день слизнули..., а теперь еще новейшая, да может быть и вящщая быти предвидится (Веревкин. Так и должно, стр. 41).

Назовем также глаголы *лупить, облупить*,[57] обладающие в цитируемых контекстах экспрессией грубости.

Слуга: Он сам хотя ничево не берет, но когда ево товарищи, секретари и стряпчия со всех лупят, для чево же не взять на сапоги нашему брату (Выбор по разуму, стр. 6).

Глупон: Не надо, братец, у меня есть деньги; как же прекрасно ево облупим! Пойдем-ка приготовим к известному делу надобное.

Злотвор: Хорошо; да вот к игре и две дюжины карт; они все уж сделаны так, что мы выиграем (Обман за обман, стр. 221).

Приведем также глагол *очистить* в значении «обобрать»; с экспрессией фамильярной грубоватости.

Злорадов: Она уже многими была проведена, но те до конца разорить ее не умели, а я ее совсем очищу (Лукин. Мот, стр. 59).

В аналогичных переносно-метафорических значениях встречается в комедиях и комических операх целый ряд глаголов, примеры на которые приводятся ниже.

Глагол *отсыпать*[58] — дать денег кому-нибудь; обладает экспрессией иронии.

Племянник: Вот мои, наперед с гривной сорок!

Пасынок: И моих шестьдесят алтын!

Племянник: Так я добавлю! держи шляпу-та (считает).

Служивой: Ну, отсыпали, нечего сказать (Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 81),

---

[56] Слова *высосать, вытянуть, слизнуть* в этих значениях в Слов. Акад не фиксируются.

[57] Слова *лупить, облупить* даны в Слов. Акад. с пометой «в простореч.» (ч. III, 1792, стр. 331). Слово *очистить* дано там же (ч. IV, 1794, стр. 791).

[58] Слова *отсыпать, перевалиться* в этих значениях в Слов. Акад. не фиксируются.

Глагол *перевалиться* — достаться, перепасть; с экспрессией грубоватости.

Трусицкой: Ну, пойдем же суды-та судить... да полно не раздумать ли до завтра, верно ль ты знаешь, что нам што-нибудь перевалится (Веревкин. Точь в точь, стр. 17).

Глагол *кусаться* — быть излишне дорогим; с экспрессией фамильярности.

Мирсан: Коли тебе захотелось рыбы, так бы мог поесть свежей, а не испорченной.

Салидар: Да свежая рыба кусается (Сумароков. Приданое обманом, стр. 222).

Интересны глаголы *истрясти, промахнуть* — безрассудно истратить, промотать; *цедить* — тратить, мотать.[59]

Афросинья Сысоевна [читает письмо]: А на оное истряс я ваших господских денег полтора рубли (Веревкин. Так и должно, стр. 22).

Афросинья Сысоевна: Однако слава богу, что деревеньки у жениха-та не промахнуты (там же, стр. 23).

Афросинья Сысоевна: То и знают, что цедят нажитое предками, мозолью и потом (там же, стр. 14—15).

Глаголы *истрясти, промахнуть* и *цедить* употреблены здесь с экспрессией непринужденной грубоватости.

Приведем глаголы *дернуть, тяпнуть, хватить* в переносном значении «выпить (хмельное)» и глаголы *тянуть, потянуть* в значениях «пить», «начать пить (хмельное)».[60]

Лесник

Нет, кто выдумал хмельное.
Тот куды разумен был!
Хмель сокровищо прямое,
Он товарищ наших сил.
Вить как дернешь за пётак,
Как ни рубишь, ан все так.

(Николев. Розана и Любим, стр. 57).

Мельник: А я ничево, таки тяпнул винца мерочку (Аблесимов. Мельник, стр. 24).

Первый псарь: Ну? добро робята: кто за добычей, а мы на карауле-то хватим по чарки (Николев. Розана и Любим, стр. 26).

Саламанида: Ну, матка, хоть прикушай.

Хавронья: Так уж ты прикушай! что сама же охотница прорву та тянуть (Матинский, стр. 53).

Трусицкой: Крепок!.. лет с тридцать не просыпается!.. а еще не окалел!.. Доведись-ка мне потянуть недельки две три, с ряду, так сутки место и головы не подымешь (Веревкин, Точь в точь, стр. 40).

Всем этим глаголам присуща экспрессия грубоватой фамильярности.

---

[59] Слова *истрясти, промахнуть, цедить* в этих значениях в Слов. Акад. не фиксируются.

[60] Слова *дернуть, хватить, тяпнуть, потянуть* в этих переносных значениях в Слов. Акад. не фиксируются.

Укажем еще глаголы *оплести, объехать* — обмануть; с экспрессией грубоватой фамильярности.[61]

Д о к у к и н: Говорите, что вам вздумается; нас не оплетете (Лукин. Мот, стр. 77).

П р о т а з а н: Ты чай крещен в чернилах та, так тебя не объедут (Веревкин. Так и должно, стр. 43).

Глаголы *подбить* — подговорить сделать что-либо, *поджечь* — подстрекнуть — имеют ту же экспрессивную окраску.[62]

Д о к у к и н: И меня ко всему подбил (указывая на Злорадова) этот же обманщик (Лукин. Мот, стр. 77).

З л о р а д о в: Я знаю, эта жеманная старушка зла как ведьма, а я ее поджечь способ имею (там же, стр. 40).

Приведем глаголы *поддеть, подловить, подтенетить* — воспользовавшись оплошностью, обмануть, подвести; с экспрессией фамильярной грубоватости.[63]

З л о т в о р: Он охотник играть, а не разумеет, не поддеть ли его нам? вить он кому-нибудь да проиграет же (Обман за обман, стр. 221).

С е л и м е н а: Наконец мы его подловили.

Э р а с т: Что, сударыня?

С е л и м е н а: Он всех вас ко мне ревнует и вместо того, чтоб проникнуть нашу хитрость, почитает ваши приветствии ко мне любовью (Лукин. Ревнивый, стр. 251).

Г. Т р у с к и н а: Вот тебе на! конечно я с ним в беседке ее видела? Изрядно меня подловить хотели (Дюфрени, стр. 35).

С л а б о у м о в: Я ли уж его не остерегался; но он как дурака меня подтенетил (Свадьба г. Промоталова, стр. 127).

Назовем еще глаголы *подъесть, подкусить, подсидеть* — подвести кого-либо; с экспрессией фамильярной непринужденности.[64]

П р и к а з ч и к: Проклятые крестьяна подъели меня; и все мои каверзы и все плутни описали (Николев. Приказчик, стр. 132).

Т р о ф и м: А севодни по утру работница меня также подъела, став не так считать часы; а мне знашь обедать захотелось (Попов. Немой, стр. 9).

К л а д и н а (в сторону): Я употреблю все мое проворство и подкушу его.

Д ю б у а (в сторону): Чувствую не знаю что-то такое, которое от разговору с нею удерживает.

К л а д и н а (в сторону): Вымысел мой не дурен; я поговорю с ним (Лукин. Ревнивый, стр. 234).

Б у р л и н: Ежели Скопидом наперед меня не подсидит, так я его и еще раз повожу за нос (Попов. Бурлин, стр. 231).

---

[61] Слова *оплести, объехать* в этом значении в Слов. Акад. не фиксируются.

[62] Слова *подбить, поджечь* в этих значениях даны в Слов. Акад. с пометой «в простореч.» (ч. I, 1789, стр. 202 и ч. II, 1790, стр. 1790).

[63] Слова *подловить, подтенетить* в Слов. Акад. не фиксируются. Слово *поддѣть* в этом значении дано в Слов. Акад. (ч. II, 1790, стр. 863).

[64] Слово *подкусить* в Слов. Акад. не фиксируется. При слове *подъесть* в Слов. Акад. дано сочетание *подъесть кого* с пометой «в простореч.» (ч. VI, 1794, стр. 999). Слово *подсидеть* дано в Слов. Акад. с пометой «в простореч.» (ч. V, 1794, стр. 1036).

Аналогичны глаголы *свертеть, оболванить* (дело) — сделать что-либо очень быстро, наспех; с экспрессией грубости.[65]

Бурлин: Дело мое уже оболванено: пусть же не один Скопидом обманут будет; пускай и наш старик нос получит (Попов. Бурлин, стр. 230).

Маланья: Нада сказывают какой-та выходить указ, так поди же ево да выхаживай.

Угар: Глупенькая! барашка бы в бумажке, так вот те и указ в одночасье свертят (Веревкин. Так и должно, стр. 20).

Укажем также глагол *сбрить* — украсть; с экспрессией фамильярной грубоватости.[66]

Кащей: Ты у меня перстенек, табакерочку да часики подтибрил, а ты деревеньку сбрить хочешь (Сумароков. Лихоимец, стр. 106).

Отражение образности разговорной речи в языке комедии и комической оперы проявляется и в широком привлечении свойственных разговорной речи выражений, имеющих в составе глагол и обладающих яркой образностью или гиперболичностью, например: водить за нос, вскружить голову, вывести на свежую воду, выворотить из горла, заварить кашу, завести сома в вершу, замарать руки, ломать голову, лопнуть, треснуть с досады, навострить лыжи, навязать камень на шею, навязать себе (кого-либо) на шею, животики со смеху надорвать, надуть (кому) в уши, наклеить нос, наступать на горло, объесться белены, остаться с носом, открыть глаза, поворачивать оглобли, плясать по нитке, помирать со смеху, поморить со смеху, попасть в просак, попасть (попасться) в сети, попасть в тенета, прибрать в руки, ушки смеются, с ног срезать, чины с носу срывать, треснуть с досады (с зависти), (не) ударить лицом в грязь, умирать с тоски, чесать язык и др.

Они часто встречаются не только в речи бытовых персонажей, но порою и в партиях «любовников» и других положительных персонажей.

Приведем примеры употребления таких выражений в речи бытовых персонажей.

Лука: Не замай только Бурлин завариваёт кашу, а уж я за ним не останусь (Попов. Бурлин, стр. 200).

Проворов: Да что такое сделалось? Никак он и последнии деньги дочиста с рук спустил (Перемена в нравах, стр. 101).

Богатов: Invanteurs des modes треснуть с досады, что они, целой век сидя за уборным столиком, не могли выдумать такой чески (Перемена в нравах, стр. 48).

Приказчик (один): Как ты ее не ублажай, как ни приголубливай ее, ни в чью бьет ... таки вот ненавидит, да и полно (Николев. Приказчик, стр. 120).

Аксинья Сысоевна: Женихи та ноневе в сапожках ходят, а девками та хоть пруд пруди (Веревкин. Так и должно, стр. 25).

---

[65] Слово *оболванить* в этом значении в Слов. Акад. не фиксируется. Слово *свернуть* в этом значении дано в Слов. Акад. (ч. I, 1789, стр. 655).

[66] Слово *сбрить* в образном употреблении в Слов. Акад. не фиксируется.

Г. Промоталов: Ха, ха, ха, как ето смешно! беспримерно можно умереть со смеху. Я в этом доме целую неделю всякой день комедию играю (Свадьба г. Промоталова, стр. 77).

Таисья: Вечор он говорил на общее лице.

Дидима: Добро, сестрица, увидим.

Таисья: Хорошо ли ето, сестрица, у людей перебивать лавочку? (Лжец, стр. 145).

Улыбина: Да и господин Глупон именьицо-то свое им [родным детям] упрочит; а как у тебя будут детки, так ты с своими играй в бирюльки. (Обман за обман, стр. 198).

Праводин: Я говорю, сударь, что вы от великова разума вашева чуть звезды с неба не хватаете (Награжденная хитрость, стр. 40).

Г. Осминин: Любимую яблоню мою срубить? Нет, не удастся ей. Я ей зубы покажу. Если осмелится, так отведает (Домашние несогласия, стр. 294).

Отметим некоторые подобные выражения и в партиях положительных персонажей.

Благоразумова: Сколько раз я тебя уверяла о твоей безопасности; но ты отчаянием своим моришь меня: печаль разумному человеку не прилична; а ты так, что из себя выступаешь (Прокудин. Добродетель, стр. 113).

Д. Софья: Какой чорт тебе такие вздоры в уши дует? Ты знаешь, что я таких мерзостей слушать не люблю, так больше мне пожалуй не ври (Волков, стр. 142).

Щепетильник: Не врать было много, так и бы пошел не с таким носом (Лукин. Щепетильник, стр. 206).

Слова в переносно-метафорических значениях, а также образно употребленные, образные и основанные на гиперболе выражения придавали диалогам комедий сочность и выразительность, присущую народной разговорной речи.

В этом отношении показателен, например, диалог воеводы Протазана и подьячего Урывая в комедии Веревкина «Так и должно».

Урывай: Не изволили ли запамятовать и вы, осударь, об иноходчике-та? Так бы совокупно и отправили: страшен сон, да милостив бог.

Протазан: Помню, брат, как не помнить; да игренька-та лиха добра: растаться-та мне с нею больно не по нутру! ..

Урывай: Наживное, осударь, дело, веть не деньги платить.

Протазан: Не скоро, брат, где эдакую (зевает) подцепишь. (Урывай надевает очки и покашляв принимается за бумагу). Полно брат барабанить-та, подай-ка сюда, я подмахну. Веть ты подпишешь же, так что тебе, то и мне, по нашей бы по драгунской совести, сечь, рубить, жечь, потрошить, так то наше дело: а грамакту-та мы по-середнему знаем, ты чай и крещен в чернилах та, так тебя не объедут (Веревкин. Так и должно, стр. 42—43).

И здесь языку комедии близок язык таких, например, произведений, как выдержанные в определенной разговорно-бытовой манере «Письма к Фалалею».

Кабы он покойник поменьше с попами возился, так и нам побольше оставил. Дом его был как полная чаша, да и тут процедили. Вить и наш батько Иван: кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза: Прости Господи мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до Бога доходна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарка вина, да дать ему шесть денег,

так он и доволен. Чего ж ему больше: прости Господи, вить не рожна! Да полно, нынче и винцо-то в сапогах ходит ([Письма к Фалалею], стр. 114).

Таким образом, в лексическом составе комедии и комической оперы 60—70-х годов широко представлены обычные для произведений различных жанров низкого штиля группы слов и отдельные слова, относящиеся к общенародному просторечию, как не имеющие экспрессивной окраски, так и экспрессивно окрашенные. Вместе с тем специфика языка комедии и комической оперы состояла в наиболее смелом привлечении разнообразной экспрессивно окрашенной просторечной лексики, слов в переносно-метафорических значениях и образных употреблениях, образных и основанных на гиперболе фразеологических единств, а также в расширении функций отдельных групп экспрессивно окрашенной лексики (например, слов с экспрессией ласкательности), в более полном использовании возможностей эмоционального выражения различных разрядов лексики, характерных для народной разговорной речи (см. применение в комедиях и комических операх междометий, частиц, а также различных слов и выражений в роли междометий).

Поэтому комедия и комическая опера более полно отражала образность и выразительность народной разговорной речи того времени.

III. «ПРОСТОНАРОДНАЯ» И ОБЛАСТНАЯ ЛЕКСИКА

На формировании языка комедии и комической оперы отразилась не только основная тенденция развития русской комедии — постепенное приближение к русской действительности того времени, усиление внимания к жизни и быту русского народа, но и целый ряд других обстоятельств. Известную роль играла и сословная принадлежность авторов, и определенная местная языковая среда, предполагающие обращение к привычным элементам сословно-речевых стилей, к вошедшим в речь автора и его окружения словам и выражениям. Известно, что наряду с дворянами, разговорная речь которых не чуждалась «простонародных» и областных элементов, комедии и комические оперы писали и разночинцы, такие как Аблесимов, Попов, Чулков и др. Поэтому расширение словарного состава комедии и комической оперы происходило и за счет более смелого, по сравнению с другими жанрами, привлечения «простонародной» (т. е. свойственной речи крестьян и городских мещан) лексики и лексики областной.

Термин «простонародные слова» был общепринятым в языковедческих работах XVIII столетия.[67] Широта и разнородность языкового материала, входящего в эту рубрику в словарях

[67] См., например, «Российскую грамматику» и «О пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова, а также «Словарь Академии Российской».

XVIII столетия, уже отмечалась в ряде исследований.[68] Так, наряду со словами, квалифицируемыми в «Словаре Академии Российской» как «простонародные» по признакам формообразования (воструха, востряк, гривняга, дурында, бывальщина, бесовщина, видальщина, быстряк, веснуха и др.), в категорию «простонародных» входили и слова с особенно яркой экспрессией, противостоящие как соответствующим нейтральным (и отчасти книжным), так и просторечным синонимам с менее яркой экспрессией (дрыхнуть, спать; дубасить, колотить; баять, калякать, болтать, говорить; подтибрить, стянуть, украсть). По этому же признаку к «простонародной» лексике относился целый ряд производных экспрессивно окрашенных значений нейтральных в своих основных значениях слов, а также целый ряд фразеологических сочетаний и единств (гадать — думать, мыслить; грести — присваивать что-либо; вбивать, вбить в голову, в толк; ввалить кого в беду и т. п.). По идеологическому признаку в разряд «простонародных» попадали слова, связанные с народным бытом, обрядами, ремеслами (досканец — табакерка, дуда и дудка — народный музыкальный инструмент, зипун — одежда, кулага — кушанье и т. п.). Наконец, в эту рубрику входили и некоторые областные слова (дубец — прут; зобать — есть; колты — затруднения; комшить — бить; копа — вялый человек), так как они встречались в произведениях жанров низкого штиля и были знакомы авторам словарей того времени. Но все же «простонародная» лексика отражена в словарях весьма ограниченно. Поэтому произведения, написанные низким, или простым, штилем, в которых она представлена гораздо полнее и многообразнее, имеют несомненный интерес для исследователя.

Особенно богата «простонародная» лексика в комедии и комической опере, жанрах, наиболее смело пользовавшихся всеми богатствами народной разговорной речи.

Стилистическая интерпретация такой лексики представляет целый ряд трудностей. Перед исследователем встает вопрос о принципах разграничения экспрессивно окрашенных просторечных слов и слов «простонародных» с резкой и яркой экспрессией. Ведь с точки зрения современного языкового сознания часто бывает трудно уловить различную степень экспрессии слов, квалифицируемых лексикографическими пособиями того времени как просторечные и «простонародные» (например, в «Словаре Академии Российской» слово *трескать* имеет помету «простонар.», а слово *жрать* — «простореч.»).[69]

Не менее трудно установить принципы отграничения «простонародной» лексики от областной.

---

[68] См.: Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской». Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I, стр. 129 и сл.

[69] Слов. Акад., ч. VI, 1793, стр. 774 и ч. II, 1790, стр. 468.

Определяющие признаки диалектной лексики — локальная ограниченность и противостояние нормам литературного употребления — часто неясны и трудно различимы для исследователя, что объясняется особенностями развития литературного языка эпохи, а также недостаточной степенью изученности языка того времени. Известно, что норма языка находилась в это время в процессе сложения и становления. Сам этот процесс еще не изучен и не описан с достаточной полнотой и четкостью. Мы не располагаем пока необходимыми данными о словарном составе формировавшегося литературного языка и о соотношении его с словарным составом народной разговорной речи. Отсутствие описаний лексического состава диалектов того времени, а также весьма неполное отражение этого материала лексикографическими пособиями XVIII в. ставит исследователей в трудное положение.

Немногочисленные записи диалектных слов, относящиеся к XVIII столетию, как правило, довольно отрывочны. Небольшие словари областных слов того времени свидетельствуют об отсутствии четкого представления об областной лексике и ясных принципов отбора областных слов из обширной и многогранной народной речи. В качестве примера можно привести «Краткое некоторых речей, в Устюге Великом и протчих окрестных градех от тамошних обитателей употребляемых — Собрание по алфавиту» (1757) и «Слова и речи Вятской провинции особливо у простолюдинов употребляемые» (1772),[70] в которые наряду со словами областными (баско — хорошо, барте — пожалуй, басюся — украшаюсь, бутыга — корова, вачиги — рукавицы, вилавый — лукавый и др. (1757); крятаюсь — по-младенчески кричу, канаю — о ком стараюсь, котряю — коверкаю, кожилюсь — напрягаюсь, ощоул — насмешник и др. (1772)) вошло довольно много слов общенародных, нейтральных и просторечных. Это слова: божница, булькаю, бормочу, ворчу, канючит — просит, ладно — хорошо, нахал, пригорюнился, собачится — бранится, шпынь — шут (1757); баклуши бить, гурьба — толпа, горемыка, горе мычу, журю, зарок положить, исполать, изъян, каверзы, лытаю, моросить, насупливаюсь и др. (1772).

В самом обширном толковом словаре конца XVIII в. — «Словаре Академии Российской» — областная лексика представлена довольно бедно и не единообразно. Очень редко авторы этого словаря дают слова с пометами «областн.», «слово областное», «речение областное». Например:

Боркан... Реч. областное. Морковь.[71]

Кружня... Областн. Связка чего-нибудь, свернутого в круг, напр. льну, пеньки, веревок.[72]

---

[70] См.: П. К. Симони. Два старинных словаря XVIII столетия. «Живая старина», СПб., 1898, вып. I, стр. 443—447. В дальнейшем: Словарь 1757 (Великий Устюг) и Словарь 1772 (Вятка).

[71] Слов. Акад., ч. I, 1789, стр. 105.

[72] Там же, ч. III, стр. 439.

Куклянка... Областн. Верхняя одежда или шуба, сшитая из кож оленьих в длину пониже несколько колен, с широкими рукавами и назади с кулем.[73]

Моркотать... Слово областное, значит то же, что мурныкать или мурлыкать.[74]

В некоторых случаях, преимущественно в словах — местных названиях реалий, указание на место употребления областного слова содержится в определении. Например:

Наволок... 2) В Поморье называется морской берег, пред прочим берегом возвышенный или выдавшийся.[75]

Накваса... Называется на Камчатке тесто, приготовляемое из ржаной муки, которое положа в котел и с водою разведя, варят до того, пока вскипит, и употребляют его вместо квасной гущи, заквашивая им хлебы и квас приготовляя.[76]

Целый ряд областных слов даны с неопределенным указанием: « в некоторых местах», «у простых людей» или вообще без всяких помет:

Кваша... В некоторых местах так называется ржаное заквашенное тесто.[77]

Баран... У простых людей глиняный рукомойник с двумя рыльцами и двумя ушками, за которыу оный вешают.[78]

Пайва... Кузов, сплетенный из лык.[79]

Пестеря... Берестеник; кузов, сплетенный из бересты.[80]

Значительная часть областных слов попала в этом словаре в рубрику «простонародных». Многие областные слова, встречавшиеся в произведениях различных жанров низкого штиля, не фиксируются этим словарем. Пользование же словарями XIX—XX вв. таит в себе опасность модернизации, так как они отмечают современное им локальное прикрепление лексики.[81]

Нельзя не учитывать того, что за время от 60—70-х годов XVIII в. до выхода в свет словарей XIX—XX вв. в словарном составе общенародного языка происходили различные перегруппировки, взаимоотношения его со словарным составом народных

---

[73] Там же, стр. 375.
[74] Там же, стр. 854.
[75] Там же, стр. 999.
[76] Там же, стр. 1086.
[77] Там же, стр. 498.
[78] Там же, ч. I, стр. 98.
[79] Там же, ч. IV, стр. 695.
[80] Там же, стр. 780.
[81] См.: Л. И. Балахонова. История составления Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к нему. В кн.: История русской диалектологии, М., 1961, стр. 102.

Характеризуя «простонародную» и областную лексику комедий и комических опер 60—70 годов XVIII века, мы пользуемся словарями XIX века в тех случаях, когда такие слова не фиксируются словарями XVIII века, для подтверждения значений слов, выявляющихся в соответствующих контекстах. В некоторых случаях приводятся и данные о локальной прикрепленности слова в XIX веке.

говоров тоже изменялись. Некоторые слова вышли из общенародного употребления и стали характерными только для народных говоров.

Так, глагол *орать* — пахать характерен теперь для отдельных говоров. Но он не был диалектизмом в XVIII в. «Словарь Академии Российской», например, за глаголом *орать* дает обширное гнездо однокоренных слов (ораться, рало и орало, ратай и оратай, орание, оратель, оратељный, доорать, переорать, изорать, изоратися, приорать, проорать, разорать), не сопровождая их стилистическими пометами. Иллюстративный материал при этих словах дается преимущественно из Евангелия и других богослужебных книг.

Слова *калужина* — лужа (в «Словаре Академии Российской» с пометой «старин.»), *вьялица* — метель, *горстать* — хватать горстью, *густ* — богач, *забобоны* — пустые речи, *косыня* — кто косые глаза имеет и другие даны в «Словаре Академии Российской» с пометой «просторечное». Они квалифицируются словарями средины XIX столетия как диалектизмы.

Целый ряд слов, ранее диалектных, вошли в словарный состав общенародного языка.

То обстоятельство, что в текстах комедий и комических опер 60—70-х годов XVIII в. рядом со словами, принадлежащими севернорусским говорам, встречаются и слова, относимые (по данным Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к Опыту) к южноруссизмам («вымозжить — Кур. Тамб.», «навонтараты — Тамб.», «обострожиться — Тамб.», «планида — Ворон., Верхотиш.», «побыт, подтетерить, покуля, телелюй, чепоруха — Кур. Обоян.», «попест — Кур.», «пра — Оренб. Тамб.»), говорит, на первый взгляд, о популярности диалектизмов разной локальной прикрепленности в жанрах простого штиля и разговорной речи различных социальных слоев населения. Но оно может быть воспринято и как отражение иного соотношения и взаимодействия словарного состава народных говоров того времени.

Разрешение вопроса о специфике диалектизмов применительно ко второй половине XVIII столетия может быть осуществлено при наличии определенных условий, важнейшими из которых следует считать создание полных и систематических описаний словарного состава формировавшегося литературного языка во всех его разновидностях, а также работ, содержащих достоверные данные о составе народной разговорной речи и народных говоров того времени. Такие исследования предполагают накопление картотеки словарного состава русского языка XVIII столетия во всем его жанровом и локальном разнообразии.

В нашей работе, построенной в основном на материалах только двух жанров всего за два десятилетия XVIII в., мы вынуждены исходить из лежащих на поверхности признаков. Поэтому при описании «простонародной» и областной лексики мы принимали

во внимание употребительность ее в различных жанрах низкого штиля или преимущественно в комедии и комической опере. Учитывалась также и роль такой лексики в речевых характеристиках персонажей.

Исходя из этого, можно разделить «простонародную» и областную лексику, встречающуюся в комедиях и комических операх, на два больших раздела:

1. «Простонародная» лексика, встречающаяся в различных жанрах низкого штиля и являющаяся одним из средств создания тона простого непринужденного повествования или применяемая при передаче обыденной разговорной речи, — в жанрах не драматургических. В комедии и комической опере, являясь одним из компонентов речевой характеристики, она участвует в создании реально-бытового плана речи различных персонажей.

2. «Простонародная» и областная лексика, характерная для комедии и комической оперы и создающая провинциальный колорит речи бытовых персонажей.

Состав «простонародной» лексики, встречающейся в различных жанрах низкого штиля, разнообразен в стилистическом плане. Для значительной части таких слов характерна яркая экспрессивная окраска: балагур, зубоскал — весельчак; бояриться — чваниться; кобениться, коверкаться — ломаться; подтибрить, стибрить, подтяпать — украсть и др. Другие же обладают менее яркой экспрессивной окраской: туз — удар; баять, калякать — говорить, и др.

Слова этой группы обычны в басне, ирои-комической поэме, в бытовых повестях; их можно встретить и в непринужденном авторском рассказе, и в речи действующих лиц. Некоторые слова встречаются не только в речи персонажей комедий и комических опер, но и в авторских ремарках, как привычные для автора и вполне понятные актерам.

Приведем такие ремарки.

Андрей (дав ему туза):[82] Не хвали так мертвых.
Аким: Ой! (Николев. Испытанное постоянство, стр. 9).
Крутон (взяв его за чупрун):[83] Не так стоишь, сюды поворотися (Николев. Самолюбивый стихотворец, стр. 144).
Булат (отходя кропочется):[84] Леший те знает, што ты там по чухонски та бормочешь (Веревкин. Точь в точь, стр. 19).

---

[82] См. в Словаре 1754 (Великий Устюг): «трямза, или туз или трезвон — раз, удар» (стр. 5); выражение *дать туза* дано в Слов. Акад. с пометой «прост. поговорка» (ч. VI, 1794, стр. 320). Во 2-м изд. Слов. Акад. при нем дается помета «простонар. поговорка» (ч. VI, 1822, стр. 805).

[83] Слово *чупрун* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. VI, 1794, стр. 834).

[84] Слово *кропотаться* в Слов. Акад. не фиксируется. Ср. кропотать в том же словаре с пометой «простонар.» (ч. III, 1792, стр. 970).

Для некоторой части «простонародной» лексики связь ее с крестьянской и мещанской средой почти не ощущается. Она входит в речь персонажей разной сословной принадлежности и довольно часто встречается в авторском тексте басен и ирои-комических поэм.

Баять — говорить; в речи дворянки Хавроньи, мещанина Верона, крестьянина Луки.

Викул: Дурища, с ума ты сошла, кто тебе о графе Касандре говорит?
Хавронья: Ты баешь (Сумароков. Рогоносец, стр. 19).

Верон: Да што пить баять, годится вам такой бедной, а при том городовой мещанин в родители (Обман за обман, стр. 210).

Лука: Никак ты о Бурлине баёшь ето барин (Попов. Бурлин, стр. 234).

В очерке журнала «Живописец» — в речи крестьянина.

У нашева боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперьва всегда ево боярской убираем; а с своим то де, изволит баять, вы поскорее уберётесь. (Продолжение отрывка путешествия в*** И*** Т***. «Живописец», 1772, стр. 107).

Вопить[85] — кричать; в речи дворянина Фалалея.

Г. Трускина: Вон! Вон! Вон! Вон! Ужасной дурачина!
Фалалей: Я пойду, не вопи, пожалуй! (Дюфрени, стр. 51).

В ирои-комической поэме:

Увы он не вопил, и аха не касался,
Однак и без тово всем жалок показался.

(Чулков. Стихи на качели, стр. 50).

В басне:

Родились детушки: он вопит: как хочу
Своих я детушек теперь поворочу.

(Сумароков. Чурбаны, стр. 168).

Гаркнуть, загаркать[86] — громко крикнуть, запеть; в речи купца Скопидомова, лесника Семена.

Скопидомов: Им надобеть музыка, а у нас девки гаркнут, так што твоя ва-ва-вал-торна (Подражатель, стр. 19).

Лесник

Бары нашу братью так
Принимают, как собак.
Нет поклонов, нет речей,
Как боярин гаркнет бей.

(Николев. Розана и Любим, стр. 69).

В басне:

С великим малому иметь опасно дружбу:
Загаркали: поход, война, идут на службу.

(Сумароков. Раздел, стр. 148).

---

[85] Слова *баять, вопить* даны в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. I, 1789, стр. 113 и 849).

[86] Слово *гаркать* дано в Словаре 1772 (Вятка): «Гаркаю—кликаю» (стр. 449). В Слов. Акад. это слово дается с пометой «простонар.» (ч. II, 1790, стр. 20).

Замать[87] — трогать; в речи крестьян Филата и Луки.

Филат

Вот на! Грозить!
За ето можно и тузить,
Колды чужих невест
Замать не перестанешь.

(Попов. Анюта, стр. 107).

Не замай — пусть, пускай.

Лука: Не замай только Бурлин завариваёт кашу, а уж я за нём не останусь (Попов. Бурлин, стр. 200).

В басне:

О всем известна мать.
Однако мать
Не хочет мальчика замать.

(Сумароков. По трудах и покой, стр. 146).

Калякать[88] — говорить; в речи слуг, графа, дворянина Фалалея.

Лукерья: Ну, да полно калякать о посторонних дурачествах (Веревкин. Именинники, стр. 257).

Любим: И то правда. Нечево о том и калякать. Прости же голубка моя (Лукин. Вторично вкравшаяся любовь, стр. 417).

Граф: Подите вы, а я останусь покалякать с этим старичком (Перемена в нравах, стр. 57).

В басне:

Судьи калякают: не столько лих большой
И оправляют вора.

(Попов. Два вора, стр. 30).

После действия такова
Претворенный в духа пень
Злился долго на скупова
И калякал дребедень.

(Попов. Пень, стр. 40).

Надежда: Мне итти пора.
Фалалей: А я хочу чтоб ты со мною покалякала (Дюфрени, стр. 24).

Колобродить, поколобродить[89] — (по)проказить; в речи дворянина Корнилия.

Корнилий: А матушка-то поколобродит да уймется (Сумароков. Мать совместница, стр. 69).

---

[87] Слово *замать* дано в Опыте обл. слов.: «замать... трогать. Орл.» (стр. 64).
[88] Слово *калякать* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. III, 1792, стр. 407).
[89] Слово *колобродить* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. III, 1814, стр. 336).

В ирои-комической поэме в образном контексте:

Подай мне ковш воды кастальской, иль такой,
Которой рушится честных людей покой;
Вертится голова; а разум колобродит.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 2).

Кутить — [90] вносить смуту, раздор; в речи солдатской дочери Розаны и приказчика.

Розана: Только хотела бы я знать, для чево меня в мясоед не выдали замуж? это все кутит приходской наш батюшка (Николев. Розана и Любим, стр. 13).

Приказчик: А все ето кутит Миловзор, етот скаредной пастушишка; когда б она ево не любила, ан бы конечно полюбила меня (Николев. Приказчик, стр. 121).

В ирои-комической поэме:

Других ладонью бьет и многих кулаком,
Кутит компанией, мешает веселиться.
И тем принудит дам порядочно озлиться.

(Чулков. Стихи на качели, стр. 40).

Набрякать [91] — наговорить (или написать) что-либо несерьезное, ложное; в речи дворянина Охреяна.

Охреян: Не шутку ли со мною сыграть хотят? Не набрякано ли чего в рядной-то (Попов. Бурлин, стр. 250).

В басне:

Не всяк
Дурак;
Однако многие не видят ясно врак.
Обманщик вякай,
Безумец такай,
Что хочешь, то набрякай.

(Сумароков. Гора в родах, стр. 322).

Нахлюстаться [92] — напиться; в речи солдатской дочери Милены, купца Сквалыгина.

Милена: И! пьяница, пьяница; видишь ли как ты нахлюстался, что и человека с лешим не узнал (Николев. Розана и Любим, стр. 60).

Сквалыгин: Сделай же так, как я приказываю... Да пожалуйста не нахлюстайся по-вчерашнему. Как пройдет свадьба, так хоть воронкой себе наливай в горло (Матинский, стр. 80).

В басне:

Нахлюставшись писцы о взятках стали врать,
И что де подлежит за труд и кожу драть,
Не только брать.

(Сумароков. Подьяческая дочь, стр. 73).

---

[90] Слово *кутить* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. III, 1814, стр. 500).

[91] Слово *набрякать* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. II, стр. 732).

[92] Слово *нахлюстаться* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. VI, 1794, стр. 561).

Огреть[93] — ударить; в речи слуги.

Ротозей: Эдак огрела меня Лукерья, так то меня и дернул чорт дрягнуть в брюшко-то ваше ногою, виноват (Веревкин. Именинники, стр. 300).

В ирои-комической поэме:

Я множество побой различных тамо зрел:
Иной противника дубиною огрел...

(Майков. Елисей, стр. 31).

Подтибрить, стибрить[94] — украсть; в речи дворянина Кащея, лесника Семена.

Кащей: Ты у меня перстенек, табакерочку да часики подтибрил (Сумароков. Лихоимец, стр. 106).

Лесник: У неё парень добрый подтибрин; детина статное ли дело (Николев. Розана и Любим, стр. 23).

Лесник: Третьей-то чепорухой всю душу подтибрил (там же, стр. 25).

В басне:

Червонцы скаред мой повыбрил
И дружне золото подтибрил.

(Сумароков. Два скупые, стр. 80).

Кащей: Ежели бы я ето знал, так бы она у тебя тысячу стибрила (Сумароков. Лихоимец, стр. 108).

В басне:

Барана стибрил он, потом быка: она
Не трогает ево; стяни хотя слона.

(Сумароков. По трудах и покой, стр. 146).

Подтяпать[95] — украсть; в речи слуги Пасквина.

Пасквин: Всево меня обокрали, а напоследок украли с меня и крест. Конечно, ето кто-нибудь по обещанию подтяпал (Сумароков. Опекун, стр. 3).

В ирои-комической поэме:

Из мудрой сей главы взяла она [фортуна] кусок
И врютила ево не в череп, но в висок,
Глаза подтяпала у злейшия Медузы,
Котору прокляли от века славны Музы.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 26).

Тузить[96] — колотить; в речи слуги Фадея, крестьянина Филата.

---

[93] Слово *огреть* дано в Слов. Акад. с пометой «в простонар. употреблении» (ч. IV, 1822, стр. 206).

[94] Слова *подтибрить, стибрить* даны в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. III, стр. 589 и т. IV, стр. 472).

[95] Слово *подтяпать* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. IV, стр. 1551).

[96] Слово *тузить* дано в Слов. Акад. (ч. IV, 1793, стр. 320).

Фадей: Ведь вы видите, что он на меня нападает, однако его не тузите (Лукин. Награжденное постоянство, стр. 164).

Филат

За ето можно и тузить
Колды чужих невест замать не перестанёшь.

(Попов. Анюта, стр. 107).

В баснях и ирои-комической поэме:

Чувствуя ж еще досаду,
Что тузили пастухи,
Идет на поле ко стаду
Так, как ходят петухи:
Головою не кивает,
Пастухов не поздравляет,
И, подпершись под бока,
Просит хлеба, молока.

(Попов. Пень, стр. 36).

Второй степенной бог Волос, или Велес,
Из храма своево чуть ноги лишь унес,
Как начали тузить в бока и в лоб и в зубы.

(Чулков. Стихи на семик, стр. 54).

Щечить [97] — тащить, брать (часто украдкою); в речи крестьянской дочери Завиды.

Завида: А то смотри пожалуй, какой нехристиянской вор: не довольно, что обирает наших мирян, да и с батюшки-та моево щечит копустой да горохом (Николев. Приказчик, стр. 114).

В сатирических стихах:

Жить весело и здесь, лишь ближними играй.
Играй, хоть от игры и плакать ближний будет.
Щечи его казну, — твоя казна прибудет.

(Фонвизин. Послание к слугам, стр. 167).

Шурмовать (*пошурмовать*) [98] — распоряжаться; в речи слуги Бурлина.

Бурлин: Полно я здесь и еще пошурмую: подожди, пожалуй, добринькой старичек, подожди (Попов. Бурлин, стр. 231).

В ирои-комической поэме:

Однако Елисей потупился молчит,
А командирина шурмует и кричит.

(Майков. Елисей, стр. 42).

Щунять (*пощунять*) [99] — бранить, выговаривать; в речи дворянина Ореста.

---

[97] Слово *щечить* дано в Слов. Акад. (ч. IV, 1793, стр. 958).
[98] Слово *шурмовать* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.
[99] Слово *шунять* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. IV, стр. 470).

Орест: Теперь моя очередь вас пощунять. Можно ли с этими морщинами быть так неосторожну? (Лукин. Задумчивый, стр. 392).

В ирои-комической поэме:

Он тако стал его отечески щунять:
«Коль мой кулак не мог вдохнуть в тебя боязни,
Грядущие вперед ты жди, мошенник, казни».

(Майков. Елисей, стр. 9).

Интересно употребление встречающейся в произведениях различных жанров низкого штиля частицы *лихо, лих*.[100] В комедии и в комической опере находим ее в речи служанки Ненилы, мещанина Глупона, дворянки Софьи, солдатской дочери Розаны, крестьян Анкудина и Фетиньи.

Ненила: Как бы, конечно, не надлежало етого делать, да нас лихо чорт к ним тянет (Попов. Бурлин, стр. 159).

Глупон: Да лихо он живет порядочно и сего доказать не можно (Обман за обман, стр. 206).

Софья: Да лих Неумолков с батюшкою не так еще знаком и немного при нем говорит (Лукин. Пустомеля, стр. 87).

Розана: Лих я этому не верю; коли бы ты меня так любил, ан не расставался б со мною (Николев. Розана и Любим, стр. 37).

Анкудин: Ан лих нет, дворянин-ат вишь хороший дочь-ту нашу не возьмет (Аблесимов. Мельник, стр. 46).

В басне:

Но вышло так
Больной лекарство выпивал,
Конечно колдуном он лекаря считал.
Но пусть колдун; да лих больной наш стал больняе.

(Леонтьев. Больной и лекарь, стр. 36).

Широко распространены в произведениях различных жанров низкого штиля были «простонародные» слова, основные значения которых были связаны с крестьянской и мещанской средой, но более широкие производные ярко экспрессивные значения которых уже потеряли к 60-м годам сословную приуроченность. Более показательны в этом отношении слова — обозначения лиц по полу, возрасту, семейному положению, такие, как *баба, девка, малый, мужик, парень* и др. Прикрепленность этих слов к определенной среде подчеркивается в лексикографических пособиях того времени.

Характерны, например, некоторые определения их в «Словаре Академии Российской».

---

[100] В Словаре Даля значение частицы *лихо, лих* определяется так: «Иногда лихо и лих означает действие назло, наперекор. Не пойду лих; тебе хочется да лих не пущу» (т. II, стр. 257). В большей части примеров (трех первых из комедий и в примере из басни) частица *лихо, лих* означает «как на зло». Значение частицы *лих* в примерах из произведений Аблесимова и Николева трудно определить. Легче определяется ее функция: употребляется при противопоставлении одной мысли другой.

«Баба... В общенародном употреблении значит вообще женщину низкого состояния. Баба крестьянская».[101]

«Малый... Во образе сущ. м. разумеется слуга, хлопец. Пришли ко мне малого».[102]

«Мужик... Крестьянин, житель сельской».[103]

В других случаях при них даны пометы: «простонародное», «в просторечии».

«Детина... Простонародн. Молодой человек мужского пола».[104]

«Парень... Простонародн. Юноша».[105]

«Девка... Употребляемое в просторечии и значащее: 1) То же, что девица... 2) Иногда означает то же, что служанка».[106]

Между тем языковая практика противостояла указаниям словаря. В произведениях различных жанров низкого штиля такие слова применялись в более широких, отвлеченных от сословной среды значениях, с экспрессией грубости или легкой грубоватости.

Укажем, например, применение слова *девка* добродетельной дворянкой Флоризой по отношению к себе (в сцене объяснения в любви графа Кассандра).

Флориза: Неужели в Москве вы себе невесты не сыскали, не забываете ли вы тово, что я девка самая бедная.

Граф: Я сударыня не тово свойства, чтобы мне в богатство влюбиться (Сумароков. Рогоносец, стр. 33).

В той же комедии дворянка Хавронья называет себя *бабой*.

Хавронья: Какой это уряд! Разбил бабу ни дай, ни вынеси за што (там же, стр. 35).

Столичный щеголь дворянин Промоталов так говорит о своей невесте — провинциальной дворянке.

Г. Промоталов: Оне увидят бабенку в смущении, которая не умеет ни войти, ни поклониться (Свадьба г. Промоталова, стр. 95).

Приведем обращение торговца Проторгуева к пьяным купеческим женам.

Проторгуев: Бабы! бабы! что вы тovована-тка вздурились?
Перебоев: И следовательно, кой прах вам сделался?
Саламанида: Ничево, батька, ну что такое, что от скуки поплясали (Матинский, стр. 71).

Характерна также реплика служанки Ненилы из комедии Попова «Бурлин, слуга, отец и тесть».

Ненила: А ведь и в девках-то ныне жить, право, не прибыльно: нынешные добрые люди тотчас в бабы пожалуют (Попов. Бурлин, стр. 170).

---

[101] Слов. Акад., ч. I, 1789, стр. 66.
[102] Там же, ч. IV, 1793, стр. 324.
[103] Там же, стр. 22—23.
[104] Там же, ч. II, 1790, стр. 674.
[105] Там же, ч. IV, 1793, стр. 715.
[106] Там же, ч. II, 1790, стр. 854.

Аналогично употребление слов *баба*, *девка* в баснях Майкова и Леонтьева и в ирои-комических поэмах Майкова и Чулкова.

И словом, баба ета
Была царица над чертьми.

(Майков. Наказание ворожее, стр. 11).

С младенчества сынок всегда лишь веселился.
Нельзя ж сказать, чтоб он ни в чем не просветился:
Играл он на гудке, изрядно пел, плясал,
Где девок хоровод, пред всеми там блистал.

(Леонтьев. Два мужика, стр. 18).

Ко жалости сердца и наши преклонили;
Крепились мы, но ах! и мы как бабы взвыли.

(Майков. Елисей, стр. 35).

Однако осмотрясь прощения прошу
И извинение девицам приношу,
Я баб почел за них, не зная в этом моды,
Что рано девушки не ходят в хороводы.

(Чулков. Стихи на семик, стр. 59).

Встречаются они и в мемуарах:

Притом говорил Государь Цесаревич, что он крайне тому удивляется, что фрейлина Панина тут же приглашается; (Великой князь) изволил к тому примолвить: какое можно удовольствие найтить с такой простенькой девкой в разговорах («Записки» С. Порошина, стр. 535).

Подумайте, будучи девке в пятнадцать лет так обрадованной, я не иное что думала, как вся сфера небесная для меня переменилась («Записки» Долгорукой, стр. 15).

Слово *детина* в значении «молодой человек мужского пола» дается в «Словаре Академии Российской» с пометой «простонародное».

В комедиях и комических операх встречается в речи различных персонажей.

В речи крестьянина по отношению к дворянину.

М и р о н

Што сделала, злодейка!
Што сделала, чу я!
Проклятая змея!
Што ты смытарилась с детиной лиходейка
С проклятым барчугом.

(Попов. Анюта, стр. 114).

Находим его в речи дворянина Кащея по отношению к добродетельному дворянину Доранту.

К а щ е й: Кларушка, подумай только, есть ли в нем ум: а с виду детина как детина (Сумароков. Лихоимец, стр. 109).

В речи слуги о своем барине.

Василий: Чудеса на свете делаются! Барин ли мой был не детина, да и тот с пахвей сшибся (Народное игрище, стр. 85).

В речи дворянина воеводы Трусицкого по отношению к приказному Удальцову.

Трусицкой: Для чево ж нет? я бы обеими руками за тебя ее выдал. Ты детина грамотной... хлеб нажить умеешь (Веревкин. Точь в точь, стр. 14).

В речи крестьян, слуг по отношению к крестьянам, слугам.

Анкудин

Не дурак наш брат детина
И работник он прямой.

(Аблесимов. Мельник, стр. 38).

Филимон: Старик-ат вишь и хочет дочку выдать за детину хлебопашца (там же, стр. 17).
Андрей: Что это за детина?
Настасья: Это слуга Аристархов (Лукин. Награжденное постоянство, стр. 124).
Бурлин: Веришь ли, светик мой, что Бурлин детина честной? Не сокол ли малой? (Попов. Бурлин, стр. 210).

В ирои-комической поэме:

Меж прочими вошел в кабак детина взрачный
Картежник, пьяница, буян, боец кулачный.

(Майков. Елисей, стр. 6).

Мне кажется Ермий не промах сам детина,
И ведает опять, что строгая судьбина
За шалости ево проучит наконец.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 8).

В басне:

Детина с стариком
Был свой или знаком,
Заподлинно я вас не уверяю.

(Майков. Скупой, стр. 2).

По виду шел детина:
По разуму скотина;
Увидел солнечны часы.

(Сумароков. Дурак и часы, стр. 205).

Укажем слово *парень*, данное в «Словаре Академии Российской», с пометой «простонародное». Оно встречается в речи крестьян по отношению к крестьянам.

Мирон: Смотри-ка, парень, что у них в руках-то (Лукин. Щепетильник, стр. 198).
Лука: А он, парень, и впрямь осерчал, как я молвил, что ты много должен (Попов. Бурлин, стр. 219).
Сисой: То-то парень, и беда-то, што лих оно очунь мудрено (Попов. Немой, стр. 8).

Лесник: У нее доброй парень подтибрин (Николев. Розана и Любим, стр. 23).

В речи слуг, деревенских дворян, приказных.

По отношению к педанту Гортензиусу.

Любим: Это, парень, не дурно. Так дай же мне щепоточку своего лекарства от моей печали (Лукин. Вторично вкравшаяся любовь, стр. 428).

По отношению к слугам.

Афросинья Сысоевна: Пойти было велеть парню написать грамотку в Москву к моему стряпчему (Веревкин. Так и должно, стр. 17).

Урывай: Заутрешняго число имеет от меня быть послан парень куда надлежит (там же, стр. 42).

В басне:

Мужик осла навьютил,
И на него себя и с бородою взрютил,
А парень-таки там.

(Сумароков. Старик со своим сыном и осел, стр. 67—68).

В мемуарах:

По окончании оных читал я государю присовокупленные у Мерпергера в конце книги его, названной «Московской купец» простонародныя разговоры латинскими литерами. Его высочество очень изволил тут смеяться. Написано там: «тефка стели скатерть, парен потай пиво; симою как летом луше путешествуешь» и тому подобные («Записки» С. Порошина, стр. 184).

Слово *мужик* в значении «мужчина» не отмечено в «Словаре Академии Российской» и в Словаре церковнославянского и русского языка II отделения Академии наук (1847).

В комедии встречается в речи различных персонажей.

В речи дворян по отношению к дворянам.

Бригадир: О чем бишь... да, о секунд майоре. Он был мужик предорогой... (Фонвизин. Бригадир, стр. 113).

Прямиков: Не подосадуйте на меня, мужика старова, что я с минуту место отдохну в кабинете твоем, Антип Макарыч (Веревкин. Именинники, стр. 257).

Викул: Отвечать тогда, что ты меня мужика старова такова взыскал высокорейграфскою милостию (Сумароков. Рогоносец, стр. 15).

В ирои-комической поэме:

За то служивой сей и более озлился,
Что он не видывал такова мужика,
Которово б его не сшибла с ног рука.

(Майков. Елисей, стр. 10).

Потом из грозных туч ударил сильный гром,
Сильнее как мужик в пень тяпнет топором.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 29).

Слово *батька* отсутствует в «Словаре Академии Российской». В нем дается только слово *батя*, сопровождаемое следующим определением:

«Простонародное сокращение из батюшки, означающее отца».[107]

В комедиях и комических операх слово *батька* встречается в речи различных персонажей.

В речи крестьян по отношению к крестьянам.

Ф и л а т

И батько твой
Со мной
Так борзо не хлопочёт;
А выдать за меня тебя он верно хочёт.

(Попов. Анюта, стр. 98).

Л у к а: Не торопиткося, парень: веть и я не пасынок у батька-то (Попов, Бурлин, стр. 192).

В речи дворян по отношению к дворянам.

С к о п и д о м о в: Худый пример етот батька детям (Попов. Бурлин, стр. 204).

Но несравненно чаще слово *батька* встречается в роли обращения к лицу мужского пола. Оно обычно в речи слуг.

У г а р: Ну, так поболтаем же между тем что-нибудь.

М а л а н ь я: Да я лихо, батька, не охотница из пустова-та в порожнее переливать (Веревкин. Так и должно, стр. 19).

Н и с а: Фу, батька, какой спесивой!

Е г е р: Фу, матка, какая любопытная! (Сумароков. Рогоносец, стр. 4).

В речи провинциальных и городских дворян по отношению к дворянам.

Х а в р о н ь я [мужу]: В уме ли ты, батька? (Сумароков. Рогоносец, стр. 40).

С л а б о у м о в а [Промоталову]: Он, конечно, мой батька, приехал денег просить (Свадьба г. Промоталова, стр. 17).

А ф р о с и н ь я С ы с о е в н а: Ну, ступай же мой друг, домой и скажи барину своему (протяжно): радуюсь, дискать, свет мой, что ты благополучно к нам возвратился; повидайся ди, батька мой, со мной через час места (Веревкин. Так и должно, стр. 15).

Л е ж е б о к о в а [мужу]: Ах, батька мой, Пантелей Дементьевич, да чем я, свет мой, виновата? (Веревкин. Точь в точь, стр. 27).

В речи купчих, городских мещанок.

С а л а м а н и д а [мужу]: Батька! да севодни и мягких хлебов достать можно (Матинский, стр. 79).

С к о п и д о м о в а [жениху]: Как же, батька: вить мы стагинки дегжимся (Подражатель, стр. 17).

С в а х а [жениху подьячему Крючкодею]: И! батька жених! Куда ты неочёслив! (Матинский, стр. 52).

К р е п ы ш к и н а: Покажи мне кофейную тафту, батька мой, и чепчики (Матинский, стр. 16).

---

[107] Слов. Акад., ч. I, 1789, стр. 110; во 2-м изд. Слов. Акад. слово *батька* дано с пометой «в простор.» в значении: «приветственно называют сим именем всякого мужчину» (ч. I, 1806, стр. 114).

В ирои-комической поэме:

Или и боги как смертные шалят?
Знать слишком, батька мой, нектарца ты искушал.

(Майков. Елисей, стр. 11).

Укажем еще употребление в комедии слова *матка*[108] — мать (в обращении).

В речи купчихи.

Афросинья: Да, матка моя, он, помилуй бог, крут (Матинский, стр. 69).

В басне:

Жила была вдова; а у вдовы был сын,
И только был один:
Ребенок лет десятка,
Любила сына матка.

(Сумароков. По трудах и покой, стр. 146).

Слово *малый*[109] встречается в произведениях различных жанров низкого стиля в значениях «слуга» и «молодой человек».

Глупон: Малой! малой! Васька! Чорт! Дьявол! Архибестия!
Прощелыга: Что, сударь, изволите, ваше благородие? (Обман за обман, стр. 201).
Бурлин: Ето такой малой, на которого я и великих делах полагаюсь.
Скопидом: Не спорю (Попов. Бурлин, стр. 208).

В басне:

Влез малой на обруб колодезя и стонет
Серебряная кружка тонет.

(Сумароков. Скупой и кружка, стр. 226).

Довольно кажется грабитель куролесил,
Но малой коршуна на ветви не повесил.

(Сумароков. Коршун, стр. 330).

В очерках журнала «Трутень»:

Пожалуй будь со мной откровенен; я малой право доброй, и со мной ужиться в согласии очень легко ([Письмо издателя модного сочинения], стр. 119).

Приведенные нами «простонародные» слова — прежде всего слова довольно широкого ареала. Они характерны для произведений различных жанров низкого штиля и более широко представлены в комедии и комической опере. Так же, как и экспрессивно окрашенное просторечие, слова этой группы участвовали в создании реально-бытового плана реплик персонажей. Социально-сословная квалификация «простонародное» в применении к этой группе слов часто была уже неточной, так как слова этой группы характерны не только для речи «простого народа», но и для куп-

---

[108] Слово *матка* — мать дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «в простореч.» (т. II, стр. 291).

[109] Слово *малый* дано в Слов. Акад. (ч. IV, 1793, стр. 22—23).

цов, дворян — деревенских и столичных. Первоначальная прикрепленность некоторых слов (в исходных значениях) к «простонародной среде» (баба, девка, мужик и др.) уже не играла решающей роли и забывалась под влиянием широкой употребительности в производных (распространительных) значениях. В стилистическом плане такие слова смыкались с общенародным просторечием как по функциям в речевых контекстах, так и (довольно часто) по характеру и степени экспрессии. (Ср., например, экспрессивную окраску слов *балагур, весельчак* — «простонар.» и *балясник* — «простореч.»).[110] Частое включение «простонародных» слов широкого ареала в реплики различных персонажей комедий и комических опер говорит о популярности их в разговорной речи различных сословий и характеризует такие слова как одну из важных составных частей народной разговорной речи 60—70-х годов XVIII столетия во всех ее многообразных ответвлениях.

Как язык одного из жанров низкого штиля язык комедии значительно отличался от языка басни, ирои-комической поэмы и т. п. Отличия эти состояли в широком вовлечении таких элементов речи простого народа, которыми обычно не пользовались другие жанры, и определялись в конечном счете спецификой развития комедии и комической оперы того времени.

Это неизбежно диктовалось как расширением сословного состава персонажей комедии и комической оперы и дифференциацией их, так и натуралистическим методом отображения жизни.

В лексической ткани комедий и комических опер обнаруживаются различные группы малоупотребительной в других жанрах или встречающейся только в комедии и комической опере «простонародной» и областной лексики.

Это прежде всего «простонародная» лексика, тесно связанная с крестьянской и мещанской средой и бытом, большей частью слова этнографического плана, вошедшие в «Словарь Академии Российской» лишь частично, с соответствующими комментариями о среде, в которой они бытовали, такие, как *гулючки* и *посиденки*.

«Гулючки... Простонародная игра, в которой один из составляющих оную должен зажмуривши глаза стоять в показанном месте и говорить слова: гулю, гулю и проч.: между тем прочие прячутся, которых он после того ищет; и кого прежде найдут, тому заступать его место».[111]

«Посиденки... в крестьянском быту и относительно к женскому полу значит: препровождение времени в чужом доме за работою».[112]

Ниже приводятся примеры на целый ряд таких слов, названий лиц, предметов крестьянского и мещанского обихода, связанных

---

[110] Слов. Акад., ч. I, 1789, стр. 87, 659 и 93.
[111] См. Слов. Акад., ч. II, 1790, стр. 426.
[112] Там же, ч. V, 1794, стр. 1037.

с обычаями, обрядами и т. п., обычных в речи крестьян, слуг, вышедших из крестьян, мещан, мелких торговцев.

Батрак[113] — бедный крестьянин, работающий по найму.

Филат

А мне так бедняку
Горюхе батраку
Уж не осталося чёво топерь и баять.

(Попов. Анюта, стр. 120).

Большой в дому, набольший[114] — хозяин, старший.

Анкудин

Да ведь я большой в дому.

Фетинья

Да не быть по твоему.

(Аблесимов. Мельник, стр. 47).

Хозяйка (с смехом): Что так? Разве ты мой набольший? Или я жена твоя? И разве забыл ты, что я твоя хозяйка? (Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 69).

Буркальце[115] — детская игрушка.

Проторгуев: Никак на те креста нет? Веть-веть-веть товары-то ты дал с обожданием, Ну, так-так что ж ты меня как на правеж поставил. Видно-видно, что душа-то в тебе как-как-как буркальцо вертится (Матинский, стр. 7).

Вареги — шерстяные рукавицы; *лапотки* — крестьянская обувь, плетеная из лык или веревок; *онучи* — холщевые длинные лоскуты для обертывания ног.[116]

Угар: О честныя варнги, муфтам ли вы чета? О! блаженные онучи, такой ли в вас слой, как в чулках! А лапотки голубчики, особливо на дорогах-та, как вас сменить с босурманскою обувью! (Веревкин. Так и должно, стр. 7).

Гнедко — гнедая лошадь; *савраско* — саврасая лошадь.[117]

Мельник: Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?
Филимон: Не пуще дальное дело.
Мельник: Да волею иль неволею!
Филимон: Коней ищу: савраско да гнедко вдвоем куда-то запропастились (Аблесимов. Мельник, стр. 6).

---

[113] Слово *батрак* дано в Слов. Акад. с пометой «народное» (ч. I, 1789, стр, 110).

[114] Слово *большой* в этом значении в Слов. Акад. не фиксируется. Слово *набольший* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. I, 1789, стр. 270).

[115] Слово *буркальце* дано в Слов. Акад. (ч. I, 1789, стр. 388).

[116] Слово *вареги* дано в Словаре 1772 (Вятка): «Вареги — нижние рукавицы» (стр. 449). Слова *лапоть, онуча* даются в Слов. Акад. с соответствующими объяснениями (ч. III, 1792, стр, 1139; ч. IV, 1793, стр. 634).

[117] Слово *гнедко* дано в Слов. Акад. с пометой «простонародное» (ч. I, 1806, стр. 1148). Слова *савраска, сивка* в Слов. Акад. не фиксируются.

Сивушка — сивая лошадь.

Анкудин (подходя к воротам их отворяет и потом к лошади): Ну-тка, сивушка, ужли отдохнула? ... ну! ну! пошла (Аблесимов. Мельник, стр. 40).

Гулючки [118] — народная игра, прятки.

Лесник: Вот какая дурища, с осину выросла, а все еще в гулючки играет (Николев. Розана и Любим, стр. 31).

Загулка; [119] *в загулке* — о девушке, встречающейся с молодым человеком, которого считают ее женихом.

Лесник: Как ету воструху не знать? да вить она уж тововано в загулке у нас (Николев. Розана и Любим, стр. 23).

Копыл [120] — столбик на полозе саней, на котором укрепляется вязье. (Упасть) вверх копыльем — так, что сани перевернулись полозьями кверху.

Однорукой: Ни што ему, сердешному, не мешало, как между Саранским-та и Синбирским, ночью-та, говорят, он ехавши, да какою же де ночью, хсть в глаз уколи, попал милой вверх копыльем в глубокой овраг (Веревкин. Точь в точь, стр. 23).

Лутошка [121] — палка с ободранной корой.

Работник: У тебя вон тесак в руках, а у меня и лутошки нет (Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 72).

Одрань [122] — о старой, негодной скотине.

Андрей: Я хочу вас спросить, сколько вы с тех пор, как оставили сельцо своего батюшки, который при отъезде дал вам двадцать монетов, пегую свою одрань, на которой сам выслужил десять походов... сколько получили от него присылок деньгами и векселями (Лукин. Награжденное постоянство, стр. 123).

Охватка [123] — охапка, беремя.

Лесник: А дров-то еще охватку надо... дай-ка вот эту дуру то дорубим (Николев. Розана и Любим, стр. 57).

Посиденки [124] — сборища крестьянской молодежи осенними и зимними вечерами.

Филимон: Да тебя давно уж и в посиденках не видно.
Анюта: Матушка меня не пущает (Аблесимов. Мельник, стр. 22).

Подзатыльник — украшение к женскому народному головному убору; *поднизь* — бисерная сетка в женском народном головном уборе.[125]

Анюта: Да я и так лишь теперь из-за дела: тебе шила подзатыльник, а себе низала поднизь (Аблесимов. Мельник, стр. 26).

---

[118] Слово *гулючки* дано в Слов. Акад. (ч. II, 1790, стр. 426).
[119] Слово *загулка* дано у Даля (т. I, стр. 576).
[120] Слово *копыл* дано в Слов. Акад. (ч. III, 1792, стр. 809).
[121] Слово *лутошка* дано в Слов. Акад. (ч. III, 1792, стр. 1334).
[122] Слово *одрань* дано в Слов. Акад. с пометой «слово низкое» (ч. IV, 1822, стр. 227).
[123] Слово *охватка* дано у Даля (т. II, 1794, стр. 2004).
[124] Слово *посиденки* дано в Слов. Акад. (ч. V, 1794, стр. 1037).
[125] Слово *подзатыльник* дано в Слов. Акад. (ч. VI, 1794, стр. 342); слово *поднизь* дано у Даля (т. III, стр. 483).

Подоконье[126] — место под окном; *бродить по подоконью* — побираться.

Крысин: Не забудьте и рассыльщика-та, которой за дядюшкой вашим бродя по подоконью; вот уже другой год лаптей право алтын на двадцать избил (Веревкин. Так и должно, стр. 50).

Сорока[127] — головной убор замужней крестьянки; *ожидать сороки* — ожидать замужества.

Филат

Уж и ты забормотала!
Кабы ты девичьё знала:
Пряла,
Ткала,
Да молчала,
Да сороки б ожидала;
А не хахолей смекала.
(Попов. Анюта, стр. 108).

Встречаются традиционные в крестьянской и мещанской среде слова в роли обращений: *кормилица, родимушка, служивушка, старинушка.*[128]

Фетинья: Добро пожаловать... а моего старика видел?

Мельник: Нет, кормилица (Аблесимов. Мельник, стр. 28).

Мужик: Вот все табе. Отпусти, родзимушка (Матинский, стр. 112).

Работник (улыбаясь): О служивушка, да ты послушай (Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 72).

Филимон: Челом бью, старинушка (Аблесимов. Мельник, стр. 5).

Аналогичные слова встретились нам только в очерке журнала «Живописец» при передаче речи крестьянина.

Ну, а ты рассуди, кормилец, веть мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-от наш и пропадет (Отрывок путешествия, стр. 107—108).

У нашева барина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперьва ево боярской убираем (там же, стр. 107).

Отметим характерные для этой среды слова *старик* — муж, *старуха* — жена; *любушка* — любимая, невеста; *суженая, ряженая* — невеста; *суженый, ряженый* — жених.[129]

Фетинья

Навязался мне, навязался мне
Некошной старик,
Все с ним шум да крик.
(Аблесимов. Мельник, стр. 25).

---

[126] Слово *подоконье* дано в Слов. Акад. 1847 (т. III, стр. 268).

[127] Слово *сорока* в этом значении дано в Слов. Акад. (ч. V, 1794, стр. 658).

[128] Слово *кормилица* в этом значении дано в Слов. Акад. с пометой «в простореч.» (ч. III, 1792, стр. 287).

[129] Слова *старик, старуха* в этих значениях в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируются. Слово *любушка* дано в Слов. Акад. 1847: «*Любушка*... Приветственное название любимой женщины» (т. II, стр. 276); в Доп. к Опыту обл.

Анкудин: Старуха провальная со мной не ладит: я хочу так, а она поперек ломит! (Аблесимов. Мельник, стр. 43).

Кроме того, слово *старуха* находим в очерке журнала «Трутень».

С Филаткой, государь, как поволишь? денег не плотит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькия робятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит (Копии с отписок, стр. 204).

Филимон

Сват мне любушку достанет,
Ни чуть не обманет.

(Аблесимов. Мельник, стр. 31).

Племянник: Любушка! да полно думать! плюнь на все, и на Фалалея тоже (Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 79).

Мельник: Девка-то у вас на возрасте, пора бы ее веселым пирком да за свадебку.

Фетинья: Суженова-та нет (Аблесимов. Мельник, стр. 29).

Мельник: Наведи его [зеркало] на месяц, загадай: суженой-ряженой, за кем мне быть за мужем? (там же, стр. 34).

Хозяйка (поет)

Что мне делать? я придумать не могу...
Как я суженому первому солгу?

(Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 67).

Мельник: Есть у тебя суженая, есть у вас ряженая, благослови-тка ее за соседа моего (Аблесимов. Мельник, стр. 42).

Приведем также некоторые выражения, тесно связанные с бытом крестьян и мещан.

Сшибиться с пахвей [130] — сбиться с дороги, с пути.

Василий: Чудеса в свете делаются! Барин ли мой был не детина да и тот с пахвей сшибся (Народное игрище, стр. 85).

Взворотить на невеяной хлеб — припомнить старые оплошности, ошибки, проказы; взвести напраслину.

Андрей: Да скажи пожалуй, что ты так мудрена? Что у вас учинилось?

Марфа: Добро, уже забудешь эдак головорезить, как взворотят на невеянной хлеб.

Андрей: Что ты говоришь за пыль? (Прокудин. Добродетель, стр. 106).

слов.: «*Любушка*... Любовник или любовница» (стр. 107). Слово *суженый* дано в Слов. Акад. с пометой «в простонародном употреблении» (ч. V, 1793, стр. 282). Слово *родимушка* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *родимый* в Опыте обл. слов.: «...2) Общее название постороннего человека, любезный. Кур. Рыл. Судж., Симб.» (стр. 191); в Доп. к Опыту обл. слов.: «*Родимушка*... приветственное название любимой женщины. Кур. Обоян.» (стр. 231). Слово *служивушка* в словарях XVIII в. не фиксируется. Слово *старинушка* дано в Слов. Акад. 1847 (т. IV, стр. 220).

130 Ср. в Словаре 1757 (Великий Устюг): «похвия — ремень в хребте коня» (стр. 446). В Слов. Акад. дано слово *похви* в том же значении (ч. IV, 1793, стр. 737).

Не ремень к сапогу — о том, что не подходит к кому, чему-либо.

Сорванец: Есть и гораздо покраше, у нас в доме девушка (вздохнув) то уж не ремень к сапогу, сударь (Веревкин. Именинники, стр. 226—227).

В других жанрах низкого штиля слова такого плана изредка применялись как один из элементов пародического столкновения «низкого» и «высокого», как одно из средств описания нарочито «низкого» героя или обстановки.

Приведем пример из ирои-комической поэмы.

И словом был краса тогда ямской он всей,
Художеством ямщик, прозваньем Елисей;
Был смур [131] на нем кафтан и шапка на бекрене,
Волжаный кнут болтался на колене.

(Майков. Елисей, стр. 6).

В комедиях и комических операх они являются одним из важнейших средств речевых характеристик персонажей крестьян и мещан, отличительной чертой крестьянской и мещанской речи от речи провинциальных дворян.

Для комедии и комической оперы 60—70-х годов характерен ряд простонародных и областных слов, менее употребительных и довольно редко или совсем не встречающихся в произведениях других жанров низкого штиля.

Бо́льшая часть таких слов не вошла в «Словарь Академии Российской». Они фиксируются обычно теми словарями середины XIX столетия, которые ориентируются на живую разговорную речь и народные говоры. Таковы «Опыт областного словаря великорусского наречия» (1852), Дополнение к Опыту областного словаря великорусского наречия» (1858), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863—1866).

Такие слова изредка встречаются в басне.

Приведем соответствующие примеры.

Мужик осла навьютил
И на нево себя и с бородою взрютил.[132]

(Сумароков. Старик со своим сыном и осел, стр. 67).

Каким-то побытом [133]
Как будто хоботом
Детина коршуна с осины сдул.

(Сумароков. Коршун, стр. 330).

---

[131] Слово *смурый* дано в Слов. Акад. (ч. V, 1794, стр. 612). Слово *волжаный* от волженка, волжанка — местное название растения таволга в Заволжье — дается у Даля (т. I, стр. 568).

[132] Слова *навьютить* и *взрютить* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируются.

[133] Слово *побыт* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Побыт. Способ, образ, манер. Кур. Обоян.» (стр. 164).

Жена ево за то ни мало не тазала [134]
Да только наказала;
Взяла пример с нево —
Влюбилася в урода.

(Аблесимов. Женатый волокита, стр. 136).

В ирои-комической поэме они служили одним из средств нарочитого «снижения» стиля или одним из штрихов отрицательной характеристики.

Чрез то помстилося [135] буяном обоим,
Что будто подрались они с собою сами.

(Майков. Елисей, стр. 50).

Болванчики в печи и в устьях обитали
И сажу, как муку, несчастные, зобали.[136]

(Чулков. Стихи на качели, стр. 57).

Они являлись также средством создания комического контраста в тех случаях, когда применялись по отношению к лицам «высоким», богам, героям или соседствовали с «высокими» словами.

И есть ли бы тогда не уняли Пегаса,
То дал бы он ослу такого тулумбаса,[137]
Что врютился бы он и по уши в песок.

(Чулков. Плачевное падение стихотворцев, стр. 22).

Как храбрый Ахиллес вступает некто в драку,
Приамовичу он такую перебяку [138]
От щедрости своей военныя послал,
Что без порядку тот нещастной зазевал.

(Чулков. Стихи на качели, стр. 49).

Бьет уразиной,[139] восстал меж ними крик,
А Степка действует над ними, как мясник.

(Майков. Елисей, стр. 29).

Однако количество таких слов в ирои-комической поэме и басне 60—70-х годов незначительно.

В бытовой повести они встречаются иногда в авторском тексте, в довольно нейтральных контекстах.

Под зеркалом стоял столик, на котором лежали письма и полная раковина чернил, в которую он [Балабан] врютился носом (Чулков. Пересмешник, стр. 35).

---

[134] Слово *тазать* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. VI, 1794, стр. 8).

[135] Слово *помститься* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[136] Слово *зобать* дано в Слов. Акад. с пометой «в простонар. употреблении» (ч. II, 1790, стр. 903).

[137] Слово *тулумбас* в этом значении дано у Даля (т. IV, стр. 442). Слово *врютиться* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[138] Слово *перебяка* дано в Доп. к Опыту обл. слов. (стр. 155).

[139] Слово *уразина* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простон.» (т. IV, стр. 749).

На осьмнадцатом году моего возраста как будто бы я вознамерился подтвердить носящуюся о мне славу; а естьли кто хочет узнать каким поботом, тот пуская подалее прочесть изволит (там же, стр. 4).

В комедии и комической опере такие слова были гораздо многочисленней. Они являлись важнейшим средством создания местного, провинциального колорита речи и широко вливались в речевые партии крестьян, мещан, слуг, провинциальных дворян, подьячих и т. п.

Ниже приводятся примеры «простонародных» и диалектных слов, характерных для комедий и комических опер 60—70-х годов.

Назовем ряд имен существительных.

Ахид [140] — скупец.

Сквалыгин (отходя): Севодни-таки попало мне в лапу. (Уходит).
Перебоев: Эдакой ахид.
Смекалов: Эдакой жидомор (Матинский, стр. 14).

Базгалы [141] — пустые речи.

Разживин: Воля-сте твоя, Пафнутьевич. Всеконечно тововона-тка и бога-та ты уж забыл.
Сквалыгин: Ври што помнишь, а я на эти безгалы не смотрю (там же, стр. 7).

Барыша [142] — вероятно, богатый человек.

Фетинья: А я еще больше хочу, чтоб муж у тебя был детинушка завидной, а также барыша и дворянскова бы отродья (Аблесимов. Мельник, стр. 51).

Болобан [143] — несообразительный, невежественный человек.

Сисой: Я боло нарошно для попытки стал молчать; да лихо всякой час проступался.
Трофим: Екой болобан! (Попов. Немой, стр. 9).
Разсмешин: Слушай! Мушкет на круль!
Дразнилин (вертя тростью): Хоть убей не умею!
Разсмешин: Эдаких болобанов мы учим. (Вырывает у него палку и бьет его) (Подражатель, стр. 31).

Вот развернутая характеристика такого человека в бытовой повести Чулкова.

Читатель должен быть здесь предуведомлен, что за неделю времени перед этим привезли к Полковнику племянника, котораго называли Балабаном. Он обитал в местах просвещенных, где люди с великим прилежанием копят деньги и не знают, сколько в рубле копеек. Соседи его были волки, медведи и зайцы; лучшие его товарищество борзыя и гончия собаки, с которыми он вместе в одной Академии учился лаять, пил и ел и спал так же с ними вместе. И так человек от толикаго сообщения должен быть весьма разумен. (Чулков. Пересмешник, стр. 33).

---

[140] Слово *ахид* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Ахид... человек жадный до денег; скупец, скряга. Моск. Богород., Нижегор. Семен.» (стр. 3).

[141] Слово *базгалы* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. базгальничать в Доп. к Опыту обл. слов.: «Базгальничать... 1) Повесничать, Пенз. Пенз. 2) Пустословить. Пенз.» (стр. 5).

[142] Слово *барыша* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[143] Слово *болобан* дано в Словаре 1772 (Вятка): «Болобан — невежа, грубый» (стр. 448).

Болван [144] — голова; в устойчивом сочетании *забрать в болван* — забрать в голову.

Трусицкой: То-то меня в крюк-ат и ведет, што резонту-та нет-таки ни на синь порох; забрала себе в болван, што она недостойна глядеть на людей, побывав в руках у воров. Кабы ето было по ее воли? ... Ушла бы што ли она к ним сама, так бы уж и брюхо не болело (Веревкин. Точь в точь, стр. 13).

Буркалы [145] — глаза.

Лесник: Да выколи пожалуй свои бурколы-то, чтоб они меня не соблазняли (Николев. Розана и Любим, стр. 7).

Ватарапы.[146] В выражении: *ватарапы кулемесить*, обозначающем, вероятно, «делать что-либо несообразное».

Лукерья: О! развращенныя желания безпутных женщин; такия-то ватарапы кулемесит ваше сердце: когда оно одинажды ловко взбесится, даст оплеуху стыду и должности... то уж и сам сатана с ним не совладает (Веревкин. Именинники, стр. 214).

Гомза [147] — некоторое количество денег.

Сквалыгин

В том хвала мне, в том и честь,
Как гомза в кармане есть.
Всякой шапочку снимает,
Государь мой величает.

(Матинский, стр. 106).

Гомоюшина.[148] В выражении: *гомоюшина зашевелилась* — человек стал беспокоиться, волноваться.

Удальцов: О чем праволите, толико сетовати ваше высокородие, не опять ли грех ради наших, гомаюшина зашевелилась? (Веревкин. Точь в точь, стр. 12).

Ерихонец [149] — несговорчивый, упрямый человек.

---

[144] Слово *болван* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[145] Слово *буркалы* дано впервые в словаре М. Н. Макарова «Опыт русского простонародного словотолковника» «Буркалы... Глаза. Ряз. и в других губерниях» (Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1846, № 5—6, стр. 20). В дальнейшем: Макаров. Словотолковник. Ср. в Доп. к Опыту обл. слов.: «Буркалки... Глаза. Смол., Тамб., Тверск. Новатор.» (стр. 17).

[146] Слово *ватарапы* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[147] Слово *гомза* дано у Макарова в Словотолковнике: «Гомза... Мешок для денег. Тул.» (стр. 3). Ср. в Словаре 1772 (Вятка): «Гомзуля — часть хлеба, мяса, совокупление круглых вещей, как например, вместе растущих орехов» (стр. 449). В Слов. Акад.: «Гомзуля...Простонар. говоря о деньгах: нарочитое количество оных скопленное» (ч. II, 1790, стр. 198).

[148] Слово *гомоюшина* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *гомоюн* в Слов. Акад.: «Гомоюн. Простонар. Беспрерывно в движении находящийся» (ч. II, 1790, стр. 200).

[149] Слово *ерихонец* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *ерихониться* в Доп. к Опыту обл. слов.: «Ерихониться... Быть несговорчивым, упрямиться. Тамб. Борисоглеб» (стр. 47).

Молодой Доблестин: Сказывай мне на отрез, отпустишь ли ты дядю моего со мною, или выбирай одно из двух: вот тебе проклятому ерихонцу, (бросает ему с деньгами кошелек) или уже и живи здесь в Канцелярии, а то где ты мне ни попадешься, окарнаю тебя как мошенника (Веревкин. Так и должно, стр. 47).

Злохоманка [150] — враг, недруг (в бранном употреблении).

Скопидомова: Ах! съела ты нас! погубила ты нас пгоклятая злокоманка (Подражатель, стр. 43).

Колывань [151] — пир, праздник.

Щедров: Дать было ему денег (вынимает).
Лесник (в сторону): От троицы-то не свернется.
Щедров: Вот тебе на лапти.
Лесник: Отец мой! да тут на целую неделю колывань (Николев. Розана и Любим, стр. 24).

Кудес [152] — чудак.

Устин: Однажды, вышедши из гостей, вместо своей сел он в чужую карету, которая поближе других к крыльцу стояла. Дернул извозчика за снурок, а тот не приметил, как он туда влез, принял его своим хозяином, и довез его прямо к своему дому. Кудес мой вышел из кареты и, не останавливаясь, побрел из покоя в покой до самой спальни (Лукин. Задумчивый, стр. 367).

Ляд [153] — черт.

Мирон: Как бишь они зовутся... Ляд ведает (Лукин. Щепетильник, стр. 197).

Малах [154] — о несообразительном человеке.

Излет: Скажи брат, не видел ли ты дочери?
Лесник: Дочери? Хватился малах, как уж смерть в головах. Негде уж те искать своей дочери (Николев. Розана и Любим, стр. 64).

Мотора [155] — мот.

Глеб: Когда мы с тобою служили в Нижегородском драгунском полку, в то время был он у нашева дивизионнова командира писарьком и самым незавидным детинишкой: прямым моторою (Выбор по разуму, стр. 12).

Невидница [156] — что-либо невиданное; небылица.

Угар: Нет, права, скажи, голубушка, что ты за невидницу на себя взводишь? (Веревкин. Так и должно, стр. 20).

---

[150] Слово *злохоманка* дано у Даля с пометой Олон. (т. I, стр. 684).

[151] Слово *колывань* дано у Даля с пометой Калуж. (т. II, стр. 79).

[152] Слово *кудес* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *кудесить* в Опыте обл. слов.: «Кудесить... 1) Повесничать. Твер. Осташк. 2) Шалить, бездельничать. Вятск.» (стр. 94).

[153] Слово *ляд* дано в Опыте обл. слов. с пометой Арханг., Кем., Волог., Сарат. (стр. 108).

[154] Слово *малах* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[155] Слова *мотора* и *моторыга* даны у Даля с пометой «Нижегородское» (т. II, стр. 918).

[156] Слово *невидница* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Невидница... Невиданное, невидницу говорить, т. е. говорить о том, чего не видел. Нижегор. Семен.» (стр. 126).

Планида [157] — судьба.

Розана: Для чево ж они так делают?
Любим: Для чево? для того, что господа.
Розана: Да ето право глупо.
Любим: Ну! да уж их такая планида (Николев. Розана и Любим, стр. 42—43).

Поботуха [158] — удар, тычок, оплеуха.

Афросинья: Да, матка моя, он, помилуй бог, крут. Вить без тово не обойдется, чтоб уж дома-то он поботух мне не надавал за то, для чево я приняла (Матинский, стр. 69).

Это слово встречается в бытовой повести.

Рассовал я ему побольше сотни тумаков под пазухи и во все те места, где улеглись мои оплеушины, пинки и поботухи (Чулков. Пересмешник, стр. 76).

Попест [159] — лентяй.

Скопидомова: Пгишол, давича, мой батька, к тебе из гатуши подьячей, а она тут же стоит, как попест, и не уйдет (Подражатель, стр. 8).

Филат

А мне так бедняку,
Горюхе, батраку,
Уж не осталося чово топерь и баять,
Как только горёвать да охать, как попесту.

(Попов. Анюта, стр. 181).

Притка [160] — болезнь.

Правской: Поэтому никак ты лунатик. Вот тебе на! А я слыхал, это худая притка, правда ли так? (Переплетчик, стр. 33).

Ромода [161] — простоватый человек.

Прямиков: Ну, ну, ну! Переври с изнова! Да это все равно.
Сквалыгин: Ошибся-сте. Как бишь? Дай бог память. Эдакая ромада! (Матинский, стр. 25).

Сарынь [162] — множество (о детях).

Мирон (вынув груп купидонов, изображающих художества и науки, смеется): Смотри-тка! что за проказ? Какая их сарынь рабенок (Лукин. Щепетильник, стр. 198).

---

[157] Слово *планида* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Ворон. Верхотиш.» (стр. 182).

[158] Слово *поботуха* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[159] Слово *попест* дано в Опыте обл. слов.: «Попест... Лентяй. Кур.» (стр. 170).

[160] Слово *притка* дано в Опыте обл. слов.: «Притка:.. Ломота. Казан. Тетюш.» (стр. 215). Ср. в Доп. к Опыту обл. слов.: «Притка... Непредвиденный несчастный случай, притча. Вят., Костр. Кинеш., Нижегор. Семен., Пенз. Наров., Сарат., Симб., Твер. Вышневолоц., Кур.» (стр. 178).

[161] Слово *ромода* дано у Даля (т. III, стр. 1714).

[162] Слово *сарынь* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Сарынь... Дети мал мала меньше. Вологод. Устюж., Моск. Дмитр., Том.» (стр. 198).

Скосырь [163] — нахальный человек.

Бригадир: Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки! Едакой скосырь выехал! (Фонвизин. Бригадир, стр. 61).

Талан [164] — доля.

Анюта

Во своей я младости
Вить не вижу радости,
Вот мой
Талан какой.

(Аблесимов. Мельник, стр. 20).

Телелюй [165] — нерасторопный человек.

Варвара (передразнивая его): Отгадай! Не скажу! Екой телелюй! Екой драгун! Да будет ли от тебя толк? Скажешь ли ты что-нибудь? (Попов. Отгадай не скажу, стр. 19).

Тобола [166] — вероятно, что-либо неважное, пустяки.

Лесник

Вить как льется в животок
Словно липовый медок,
Что при песнях твой гудок.
Примешь все за тоболу,
Как взыграет глу, глу, глу.

(Николев. Розана и Любим, стр. 19).

Трык [167] — модник.

Филат

А! а! вострухa! Для этова то знать смазливова трыка
И замуж ты не хошь итти за батрака.

(Попов. Анюта, стр. 107).

Ухват [168] — ловкий человек·

Мельник: Детина он собою, ты видишь, уже на все ухват; борону ли сладить, тын ли огородить, уж ничево из рук не вывалится (Аблесимов. Мельник, стр. 42).

---

[163] Слово *скосырь* дано в Опыте обл. слов.: «Скосырь... Человек надменный, без достоинств. Владим. Владим.» (стр. 205).

[164] Слово *талан* дано у Даля (т. IV, стр. 388).

[165] Слово *телелюй* дано в Доп. к Опыту обл. слов. с пометой «Кур. Обоян.» (стр. 266).

[166] Слово *тобола* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *тоболец* в Слов. Акад.: «Тоболец... Сл. Сумка, котомка» (ч. I, стр. 147); ср. *тоболька* у Даля: «Тоболька... Сума, сумка, котомка, калита» (т. I, стр. 407).

[167] Слово *трык* дано в Доп. к Опыту обл. слов. с пометой «Волог., Яросл.» (стр. 233).

[168] Слово *ухват* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Ухват... 2) Удалец, угар, хват. Костр., Ряз.» (стр. 242).

Фаля [169] — недалекий человек, простак.

Настасья: Это слуга Аристархов.
Андрей: Так он-то соперник ат мой! Ха! ха! ха! ха! Какой же он фаля! (Лукин. Награжденное постоянство, стр. 129).
Трофим: Фаля! Да молчать разве мудрость?
Сисой: И ведомо, мудрость: у меня ума не стаёт на ето (Попов. Немой, стр. 9).
Сорвилов: Я перестал был фалею и хочу больше молчать о том, что сердце мое щекочет (Подражатель, стр. 25).

Филя [170] — простоватый человек, дурачок.

Варвара: Чтож тогда делать?
Настасья: Оставить этова филю и искать поумнее (Выбор по разуму, стр. 23).

Фофан [171] — несмышленный человек, простак.

Сорванец: Я смеюсь тому, как ты фофана-то Ротозея так искусно из ума вывела (Веревкин. Именинники, стр. 267).

Халда [172] — наглая, бесстыдная женщина.

Сорванец: Фу, пропасть! И меня она проклятая, сколько я ни тяжел на стыд, нахальством своим и самыми похабными обиняками из-за стула его прогнала. Однако скоро его бог освободит от этой халды (Веревкин. Именинники, стр. 243).

Чемезинка [173] — некоторое количество денег.

Прицепкин: А что землицы-то, чемезинки-то на помин-ат души моей грешныя (Веревкин. На нашей улице праздник, стр. 14).

Чепоруха [174] — большая чарка.

Трисицкой: А мы между тем пойдем-ка к плаксе-то, Аксентьич! клюнем там по чепорухе (Веревкин. Точь в точь, стр. 30).

Шатун [175] — нечистый дух, черт.

Фетинья: Ну, да какова шетуна я там увижу?
Мельник: Не шетуна, а суженова твоей дочери (Аблесимов. Мельник, стр. 38).

---

[169] Слово *фаля* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. IV, стр. 386).

[170] Слово *филя* дано в Опыте обл. слов. (стр. 244).

[171] Слово *фофан* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. IV, стр. 393).

[172] Слово *халда* дано в Опыте обл. слов. с пометами: «Вят., Костр. Кинеш., Новг. Тихв., Яросл. Молож.» (стр. 245).

[173] Слово *чемезинка* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *чемеза, чемезина* в Слов. Акад.: «Чемезина... Гомзуля, собрание денег» (ч. VI, 1822, стр. 1256). Ср. *чемазинник* в Опыте обл. слов.: «Чемезинник... Скупец. Псков., Твер. Осташ.» (стр. 298).

[174] Слово *чепоруха* дано в Словаре 1757 (Великий Устюг) (стр. 447) и в Доп. к Опыту обл. слов. с пометой «Кур. Обоян.» (стр. 288).

[175] Слово *шатун* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Новгор. Тихв.» (стр. 263).

Шумарканье [176] — шумная беседа, разговор.

Сорванец: Ух! на силу-то на великую приходит к концу это несносное шумарканье; подали десер, и нас выслали (Веревкин. Именинники, стр. 243).

Янька [177] — здесь в значении «самый сильный», «самый лучший».

Андрей: Наши приятели думали, что они то и яньки; однако нашли людей, с кем должны были иметь дело, и мы им нос утерли (Лукин. Награжденное постоянство, стр. 123).

Можно указать и целый ряд прилагательных.

Баской [178] — красивый.

Филат

Хоть пригожа ты собою,
Хоть баска и щепётка,
Только быть тебе за мною,
Как топерь ты ни прытка.

(Попов. Анюта, стр. 100).

Благой [179] — плохой.

Мирон

Вот наша жись какая
Проклятая! благая!

(Там же, стр. 90).

Блажной [180] — сумасшедший.

Угар: Так ли, полно, вы его помнили? а он, не прогневайтесь, что так скажу... будто некакий блажной, тоскуя по вас, стал (Веревкин. Так и должно, стр. 13).

Злохоманный [181] — проклятый.

Мирон

И ерак ту меня ты слушашь злохоманна.

(Попов. Анюта, стр. 113).

Знакомитый [182] — приветливый, ласковый.

Василий: Как его не знать, он очень знакомит (Лукин. Щепетильник, стр. 197).

---

[176] Слово *шумарканье* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *шумаркать* у Даля с пометой «Юж./Вост.» (т. IV, стр. 649).

[177] Слово *янька* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[178] Слово *баской* дано в Словаре 1757 (Великий Устюг) (стр. 448).

[179] Слово *благой* дано в Доп. к Опыту обл. слов. с пометой: «Псков. Псков., Симб.» (стр. 10).

[180] Слово *блажной* дано в Словаре 1772 (Вятка) (стр. 449) и в Слов. Акад. с пометой «простон.» (ч. I, 1789, стр. 216).

[181] Слово *злохоманный* дано у Даля (т. I, стр. 684).

[182] Слово *знакомитый* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Яросл.» (стр. 71).

Истиконный [183] — очень похожий, вылитый.

Афросинья Сысоевна: Ах ты сумасбродная! уж ты смеешь разевать примне рот? и мне перечить? Смотри пожалуй, едакая укащица выехала! истиконная матушка своя, где ни взялась (Веревкин. Так и должно, стр. 57—58).

Некошной [184] — несчастливый.

Анкудин: Што барям-то рай жить, хоть бы раз пожил так, как они; да полно што некошная живет и их доля, бывает и им хлопот полон рот (Аблесимов. Мельник, стр. 41).

Окопаный [185] — покойный.

Степанида: И этот дядя — окопаный отец Клеопатрин (Лукин. Мот, стр. 24).

Ономняшний [185] — прежний, давишний.

Трофим: Опять за ономняшние враки принялся (Попов. Немой, стр. 10).

Провальный [187] — проклятый.

Василий: Кинь ее, Мироха! А как испортишь, так сороми-та за провальную не оберешься (Лукин. Щепетильник, стр. 197).

Приморчивый [188] — излишне разборчивый в пище.

Любим: Так завтрик-то у нас и боярской. Полно бары-то приморчивы; им бы это не показалось (Николев. Розана и Любим, стр. 41).

Притоманный [189] — настоящий.

Хавронья: А жених мой, так уж притоманная правда, што в приказ теперь только, как угорелая собака, побежал с вашими векселями (Матинский, стр. 98).

Пропастной [190] — плохой, дурной.

Завида

Отойди,
Пойди с глаз!
Тьфу какой пропасной!

(Николев. Приказчик, стр. 119).

---

[183] Слово *истиконный* дано у Даля с пометой «Арх.» (т. II, стр. 141).

[184] Слово *некошной* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *некощный* в Слов. Акад.: «Некощный... 1) В отношении к старикам или слабого сложения и здоровья людям. Дряхлый, чахлый. Некощный старик. 2) В рассуждении вещей: негодный, добрых качеств не имеющий. Некощный товар» (ч. III, 1793, стр. 868).

[185] Слово *окопаный* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. в Опыте обл. слов.: «Окоп... Погост, кладбище» (стр. 140).

[186] Слово *ономняшний* дано у Даля (т. II, стр. 1744).

[187] Слово *провальный* дано в Доп. к Опыту обл. слов. с пометой «Перм.» (стр. 27).

[188] Слово *приморчивый* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. V, 1822, стр. 362).

[189] Слово *притоманный* дано в Доп. к Опыту обл. слов. (стр. 178).

[190] Слово *пропастной* дано в Доп. к Опыту обл. слов. (стр. 218).

Рахманный[191] — непослушный.

Мельник: Тють! .. тють! што ты это чюдесишь? эдакой рахманной, вить испужаешься... (взяв ево за руку) поди за мною... стой, ухватись вот за это дерево (Аблесимов. Мельник, стр. 10).

Свережий[192] — здоровый, видный, бравый.

Племянник

И пускай хоть и в конец я разорюсь
За тебя и свому брату
Не спущу и по булату:
Ведь собой он не свереж,
То готов с ним хоть на нож.

(Аблесимов. Счастье по жеребью, стр. 65).

Таланный[193] — счастливый.

Хор

Кто таланным не родится,
Того доля — ввек тужить.

(Там же, стр. 87).

Угожий[194] — тихий, сговорчивый.

Василий: Ето правда, Андрей Тимофеевич, что меня одно вино губит: покуда ни одной чарки не выпил, так ево хоть бы и век не было, а как выпил одну, так уж и пропал: сколько ни подноси, так не откажусь; да еще и сам попрошу, коли редко подносить будут. Хорошо еще, что я во хмелю угож (Народное игрище, стр. 91).

Особенно интересны широко представленные в комедиях и комических операх глаголы (малоупотребительные «простонародные» и областные).

Басить[195] — много говорить.

Мирон

Смотри-тко, што топерь соседи-та басят:
Ведь, окоянна, все, слышь, как в трубу гласят.

(Попов. Анюта, стр. 173).

---

[191] Слово *рахманный* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *рахманный* в Опыте обл. слов.: «Рахманный... 1) О лошади: смирный. 2) О человеке: задумчивый. Псков.» (стр. 231).

[192] Слово *свережий* дано в Словаре 1772 (Вятка): «Свережий — здоровый» (стр. 450) и в Опыте обл. слов.: «Свережий... 2) Здоровый, видный, бравый. Владим. Владим., Вят.» (стр. 199).

[193] Слово *таланный* дано у Даля (т. IV, стр. 388).

[194] Слово *угожий* дано у Даля (т. IV, стр. 467).

[195] Слово *басить* дано в Опыте обл. слов.: «Басить... Говорить красно, рассказывать занимательно, Арханг., Владим. Горох. Шуйск., Костр. Кинеш.» (стр. 7).

Взбутетенить[196] — разбудить побоями.

Праводин: Наш же брат напротив тово, встает, когда только потребуют, хотя бы в час взбутетенили, так будь готов (Награжденная хитрость, стр. 43—44).

Взмилить[197] — понравиться, полюбиться.

Крестьянин

Да так же сто и здесь, от нас неподалеку
Тому уж года три боярыня живет:
Все плацыт да грустит, не взмилил ей и свет.

(Фонвизин. Корион, стр. 130).

Вылещать[198] — выпрашивать.

Филат

Ум в приветы опущаёт,
Вечну дружбу возвещаёт,
Вечну службу обещаёт,
Как кошолку вылещаёт.

(Попов. Анюта, стр. 95).

Вымозжить[199] — вынудить отдать.

Сквалыгин (подступил): Ну, что ж, согласны ли? Или я теперь же...

Разживин (отдает Сквалыгину): Извольте тововано-тка принимать. Владей на здоровье!

Проторгуев: Перед тобою-ста, коли вымозжил (Матинский, стр. 9).

Высуслить[200] — выпить.

Саламанида: Да, полно, сказать матку-правду: винцо-то я высуслила (Матинский, стр. 70).

Галанить[201] — сидеть, корпеть.

Андрей: Бывши в разлуке с женою семь лет, грустить, вздыхать, скакать за тем сломя голову в свою деревню, чтоб с ней видеться, приехать и ей не казаться? Но для чево ж? Чтоб испытать ее верность прежде нежели она узнает, что слух о его смерти был пустой, а что мы с ним вместо смерти семь лет галанили в полону (Николев. Испытанное постоянство, стр. 4).

---

[196] Слово *взбутетенить* дано в Опыте обл. слов. с пометами: «Волог., Пенз. Наровч. Нижнелом., Псков., Великолуц.» (стр. 25).

[197] Слово *взмилить* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *взмилиться* у Даля: «Взмилиться... Полюбиться, сильно понравиться» (т. I, стр. 486).

[198] Слово *вылещать* дано в Слов. Акад. (ч. I, 1806, стр. 879).

[199] Слово *вымозжить* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Вымозжить... Усиленною, неотступною просьбою выпросить. Кур., Тамб.» (стр. 32).

[200] Слово *высуслить* дано у Даля (т. I, стр. 318).

[201] Слово *галанить* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

Галиться [202] — смеяться, издеваться.

Мирон: Что же ста, боярин, галишься надо мною, вить на нас дивить нецево: еще только с неделей двадчать, как мы из Галица прибрели (Лукин. Щепетильник, стр. 197).

Голчить [203] — говорить.

Мирон: А у нас эдаких мудреных слов ниту, и мы голчим по старинному поверью (там же, стр. 197).

Гостевать [204] — быть в гостях, гостить.

Щедров: Да о ком ты говоришь?
Лесник: О твоей кобыле, боярин!
Щедров: Ха, ха, ха, ха!
Лесник: Она у нашего мельника гостюет (Николев. Розана и Любим, стр. 21).

Гуторить [205] — говорить; *позагуториться* — заговориться.

Мирон: Спасибо, брат Васюк, что ты отомкнул прилавок-от, а я с боярином-та позагуторился (Лукин. Щепетильник, стр. 197).
Щепетильник: Не спрашивал ли кто меня?
Василий: Тот цостной боярин, которой не покупает ницаво из мудростей хранчуских, а все с вашей милостью гуторит (там же, стр. 198—199).

Дуванить [206] — с силой дудеть.

Лесник: Ек дуванют в рога-то, инда в ушах дребёжит (Николев. Розана и Любим, стр. 14).

Жукнуть [207] — пикнуть.

Афросинья: Ба, ба, ба, ба! да ето что за малой?.. Так тут вас целая беседа, да и ни жукнут, как я вошла (Веревкин. Так и должно, стр. 15).

Зобать [208] — с жадностью есть.

Мирон

Охти, охти, хрестьяне!
Зачем вы не дворяне?
Вы сахар бы зобали

---

[202] Слово *галиться* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Галиться ...Смеяться, издеваться. Арханг. Арханг. Холмог., Новг. Белоз. Олон. Лодейнопол., Перм. Соликам. Черд.» (стр. 35).

[203] Слово *голчить* дано в Словаре 1757 (Великий Устюг): «Голчить... Говорить (стр, 444). См. также в Опыте обл. слов. с пометами: «Волог. Волог., Новг. Кирил. Белоз. Крестец., Костр. Буйск. Нерех. Чухл., Яросл.» (стр. 39).

[204] Слово *гостевать* дано у Даля с пометой «Пермское» (т. I, стр. 386).

[205] Слово *гуторить* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (т. II, 1809, стр. 1309).

[206] Слово *дуванить* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[207] Слово *жукнуть* дано в Слов. Акад. 1847, т. I, стр. 414.

[208] Слово *зобать* дано в Слов. Акад. с пометой «в простонародном употреблении» (ч. II, 1790, стр. 903).

Так словно бы как лёд,
И пили бы вы мёд,
Да деньги огрёбали.

(Попов. Анюта, стр. 80).

Исполоховаться[209] — испугаться.

Угар: Он испужавшись закричал (передражнивает барина). Малой! Малой! Отведи от меня эту бабу; знать она безумная. А она его исполоховавшись, полетела стремглав (Веревкин. Так и должно, стр. 13).

Кочерить (нос)[210] — излишне гордиться, чваниться.

Сорванец: Разве вы, полугосударыня моя, не знаете, что как только скоро мы, мизирные потомки праотца нашего Хама, сядем не в свои сани, то уже и начнем кочерить нос (Веревкин. Именинники, стр. 229—230).

Кукнуть[211] — пикнуть.

Евнух: Я тебя поставлю вон, вон у етех ворот, за железную дверь..., прижму тебя.., да смотри! чур ни кукнуть! (Николев. Феникс, стр. 186).

Кулемесить[212] — делать что-либо несообразное.

Лукерья: О! развращенныя желания беспутных женщин; такие-то ватарапы кулемесит всегда ваше сердце (Веревкин. Именинники, стр. 214).

Лабзиться[213] — ластиться, льнуть.

Лука: Смотри-тко на! ан и Ненила плутовству-то поучона. Ну, вот не будь моя голова топерь на плечах, буде она не лабзитца к Бурлину (Попов. Бурлин, стр. 242).

Матить[214] — заботить, беспокоить.

Трусицкой: Одно только меня матит... Клима-то ты взбесил, друг мой! (Веревкин. Точь в точь, стр. 47).

Настрехтать[215] — нахлестать, наколотить.

Анкудин

Мне на спорищицу женищу
Купить добрую плетищу,
Настрехтать ее спинищу.

(Аблесимов. Мельник, стр. 49).

---

[209] Слово *исполоховаться* дано у Даля (т. II, стр. 130).

[210] Слово *кочерить* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. *кочериться* у Даля: «Кочериться... Кочевряжиться. Валдайское» (т. II, стр. 463).

[211] Слово *кукнуть* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. III, 1814, стр. 474).

[212] Слово *кулемесить* дано у Даля (т. II, стр. 553).

[213] Слово *лабзиться* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. III, 1814, стр. 506).

[214] Слово *матить* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[215] Слово *настрехтать* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

Нахлучить[216] — нахлобучить.

Трусицкой: Дай-ка я сам ее [шляпу] нахлучу (Веревкин. Точь в точь, стр. 17).

Натяться[217] — навязаться.

Сорванец: Кому он был обед, а барину-то моему, можно сказать, что вышел он соком; натялась на его голову бесстыдная соседка (Веревкин. Именинники, стр. 243).

Остояться[218] — остановиться.

Угар... (хочет ее обнять).
Маланья: Остойся пожалуй, и ведай, что в нашем городе не любят, тех, у кого руки долги (Веревкин. Так и должно, стр. 10).

Отвохривать[219] — избивать, колотить.

Госп. Неудачин: То-то я думаю, бьют тебя ловко за шалости твои, до которых ты чрезвычайный охотник.
Праводин: У нас и за шалости и не за шалости все равно атвохривают (Награжденная хитрость, стр. 43).

Очунуться[220] — опамятоваться, очнуться.

Хвалимов

Постыдися,
Расступися,
Полно полтины на рубль получать.

Свкалыгин

Очунися.
Перекрестися:
Видно пришел ты балясы точить.

(Матинский, стр. 83).

Перецыганивать[221] — передразнивать.

Болтунов: Пойдем же поскорее и станем всех деревенских девок уверять в любви, и писать к ним письма, там уж некому нас перецыганивать. (Волков, стр. 185).

Поволить[222] — хотеть, позволить.

---

[216] Слово *нахлучить* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. в Слов. Акад. *нахлобучивать* с пометой «простонар.» (ч. III, 1814, стр. 1251),

[217] Слово *натяться* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Твер. Каш.» (стр. 125).

[218] Слово *остояться* дано у Даля (т. II, стр. 103).

[219] Слово *отвохривать* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. в Доп. к Опыту обл. слов.: «Вохрить... Бить, причинять побои. Нижегор.» (стр. 26).

[220] Слово *очунуться* дано в Слов. Акад. с пометой «простонар.» (ч. IV, 1822, стр. 752).

[221] Слово *перецыганивать* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. в Опыте обл. слов.: «*Цыганить*... I Глумить, насмехаться. Вят.» (стр. 258).

[222] Слово *поволить* дано в Доп. к Опыту обл. слов. с пометой «Новг. Тихв., Яросл.» (стр. 161).

Щедров: Спой же мне опять твою песенку: мне хочется ее у тебя перенять.

Лесник: Сколько поволишь, государь! (Николев. Розана и Любим, стр. 19—20).

Подтетерить[223] — украсть.

Лесник: Виноват ли я, что ты бестолков? ... Вот те наотрез, Розану подтетерили, да и полно.

Излет: Как!..

Лесник: Ощо как? Так, как водится: взволили на плеча, да и след простыл (Николев. Розана и Любим, стр. 60).

Покучиться[224] — попросить о чем-либо.

Афросинья Сысоевна: Теперь я пошлю за Урываем Титычем Алтынниковым, нашим приписным, он человек деловой, да ему покучусь, так он нам и сделочку-та, и рядную-та к завтрему изготовит (Веревкин. Так и должно, стр. 63).

Посунуться[225] — сунуться, влезть.

Лесник: Бог весть, боярин! Девка-то воровата дюжо, вить что твоя лисица.

Щедров: Не уж ли уж так, что и приступу нет?

Лесник: То-то и оно-то, что не скоро в капкан-то посунится (Николев. Розана и Любим, стр. 24).

Пошалберить[226] — побалагурить, побаклушничать.

Лизетта: Куды ты, батька, торопок ныне стал, пошалберь еще с нами (Награжденная хитрость, стр. 17).

Приколошматить[227] — побить.

Лесник: Вить там так приколошматят, что до могилы не забудешь (Николев. Розана и Любим, стр. 68).

Прикомшить[228] — прибить.

Фока: Разе мне открыть оконницу, да ево кликнуть из прихожей та; а вон выйтить не смею, меня прикомшат (Веревкин. Так и должно, стр. 31).

Приобострожиться[229] — освоиться.

Анкудин: Я с тобою, лебедь моя, справлюсь, да-ка мне только приобострожиться, а то нет, ты востра очень, и что ты думаешь дворянского-та отродья, так тебе и чорт не брат (Аблесимов. Мельник, стр. 48).

---

[223] Слово *подтетерить* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Кур. Обоян.» (стр. 19), а также у Даля с пометой «Ярославское» (т. III, стр. 210).

[224] Слово *покучиться* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Новг. Череп.» (стр. 195).

[225] Слово *посунуться* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[226] Слово *пошалберить* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. III, стр. 415).

[227] Слово *приколошматить* в этом значении см. в Картотеке Словарного сектора Института русского языка АН СССР с пометой «Кубан. Терск.».

[228] Слово *прикомшить* в Словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. у Даля: «Комшить... Бить, колотить, катать, валять, терзать, колошматить» (т. II, стр. 149).

[229] Слово *приобострожиться* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется. Ср. в Опыте обл. слов.: «Обострожиться... Привыкнуть, освоиться, обжиться. Кур. Обоян.» (стр. 151).

Притаранить[230] — принести, притащить.

Мирон: Давай, парень: Вздымем-ка ее на лавку-то. Берись же моцнее: Вить она, братень, грузна, и я из саней ее церез моготу сюда притаранил (Лукин. Щепетильник, стр. 197).

Пузыриться[231] — возмущаться, сердиться.

Милена

Чтобы пьяница такой
Мог ругаться надо мной?
Нет, нет, нет, не уступлю;
Я пьянюшек не люблю.
Сколько я ни прожила,
Еще в дурах не была.

Лесник

Не пузырься ж так
И! я не дурак.

(Николев. Розана и Любим, стр. 62).

Скиляжничать[232] — скупиться.

Советница: Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать (Фонвизин. Бригадир, стр. 13).

Смямкать[233] — собрать (в кучу).

Мирон: Ах, братень, никак это ангели божии! Прости меня царь небесный! я проклятой, глядя на хранителей-та наших, ухмылнулся. Экие мемцы-та безбожники, как они их в кучу столько смямкали! (Лукин. Щепетильник, стр. 198).

Смытариться[234] — слюбиться, сойтись.

Мирон

Проклятая змея!
Што ты смытарилась с детиной, лиходейка,
С проклятым барчугом.

(Попов. Анюта, стр. 174).

Собить[235] — прочить.

Прощелыга: А ты злодей побываешь сам туда, куда барина собишь (Обман за обман, стр. 226).

Трусицкой: Скажи-ка однако пожалуй, ково бы ты ей в женишки-то собил? (Веревкин. Точь в точь, стр. 14).

---

[230] Слово *притаранить* дано у Даля с пометой «восточное» (т. III, стр. 457).

[231] Слово *пузыриться* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Твер. Осташ.» (стр. 221).

[232] Слово *скиляжничать* дано в Опыте обл. слов. с пометами «Сарат., Псков., Твер. Осташ.» (стр. 243).

[233] Слово *смямкать* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[234] Слово *смытариться* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[235] Слово *собить* дано у Даля (т. IV, стр. 255).

Схопать[236] — схватить.

Булат: А я схопаю стол-ат в беремя, да и притараню, так и все тебе тут (Веревкин. Точь в точь, стр. 19).

Трелюдиться[237] — твориться.

Лукерья: Ну, да полно калякать о посторонних дурачествах: оглянусь-ка лучше на то, что у нас трелюдится дома (Веревкин. Именинники, стр. 206).

Турбачить[238] — ругать.

Мужик: Ваше высокородьё! Колды бы я табе не баил, толды бы ты и турбацил меня, а то, суди милостиво, я ажно охрип табе крицавши (Матинский, стр. 34).

Укинуться[239] — походить на кого-либо.

Афросинья Сысоевна: Смотри, пожалуй, курицу яйца учат! Я ли, кажется, ее в вожжах не держу, а она таки все нос подымает. В матушку ты знать укинулась (Веревкин. Так и должно, стр. 16).

Утямить[240] — заладить.

Афросинья Сысоевна: А уж о белилах так и не заводи, одно утямила книги да музыка, да и все тебе тут (там же, стр. 52).

Утямиться[241] — упереться, заупрямиться.

Тимант: Для чего ж ты мне давича етого не сказал?

Трофим: Я было и хотел, да вы лихо как на что утямитесь, так уже и способа нет с вами сладить (Попов. Немой, стр. 126).

Чуфариться[242] — гордиться, важничать.

Василий: И коли б она не ченная была, так бы я сабе купил, и пришедши домой скривя шапку захазил с нею. Меня бы наши деули во все посиденки стали браци и я бы, братень, в переднем углу сидя, чуфарился (Лукин. Щепетильник, стр. 197).

Приведем примеры на наречия, модальные слова, союзы, частицы, междометия.

Ажно[243] — так что.

Мужик: Вот он (указывая на Крючкодея) давица меня турбацил, ажно в глазах поцемнело (Матинский, стр. 112).

---

236 Слово *схопать* дано у Даля с пометой «южное» (ч. I, стр. 370).

237 Слово *трелюдиться* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

238 Слово *турбачить* в этом значении в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

239 Слово *укинуться* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Владим.» (стр. 277).

240 Слово *утямить* дано у Даля (т. I, стр. 523).

241 Слово *утямиться* дано у Даля (т. I, стр. 523).

242 Слово *чуфариться* дано в Опыте обл. слов. с пометами «Владим. Владим., Новг. Тихв., Оренб., Сарат., Симб., Смол. Росл., Тамб., Тверск. Ржев.» (стр. 260).

243 Слово *ажно* дано в Слов. Акад. 1847 с пометой «простонар.» (т. I, стр. 4).

Лесник

Кто голубушку целует,
Кто гуляет, кто пирует,
Кто в сыть тешится вином;
А я все за топором!
Ажно стерлись кулачки
Обо пни, да об сучки.

(Николев. Розана и Любим, стр. 14).

Бесперечь[244] — беспрестанно.

Правской: Вы безперечь повираючи о чувствованиях выводите меня из терпения (Переплетчик, стр. 22).

Исполагоря, сполагоря[245] — с небольшими заботами, легко, вольно, можно.

Праводин: Ваша приказная артель, не успевши еще позавтракать, уже и опять за жранье приниматься изволите, треская ровно почти до четырех и до пяти часов, и какое же кушанье: (в сторону) исполагоря киснуть за столом так долго (Награжденная хитрость, стр. 45).

Лесник: За едакую хлеб соль и охрипнуть-то сполагоря (Николев. Розана и Любим, стр. 20).

Навонтараты[246] — не как следовало бы; в данном контексте близко к значению «не такой, как нужно».

Меланья: Ну виновата ли я, что старухе-то моей мерещится, что не таков уж ныне свет, каков был в молодые ея годы? что люди не таковы; правды не стало и все будто идет навыворот? а по-моему так ты сама, сударыня, навонтараты (Веревкин. Так и должно, стр. 9).

Нешутем[247] — не в шутку, серьезно.

Анюта (особо): Он видно хочет на мне жениться.

Филимон (особо ж): Женился бы нешутем, кабы было можно (Аблесимов. Мельник, стр. 22).

Петь, пить[248] — частица усилительная.

Лука: Што петь баить, Бурлинушка! Ему чай такой слуга наде, кой бы и плутовству поучён был (Попов. Бурлин, стр. 179).

Смекалов: Статешно ли пить-сте дело ты затеял, якобы в одночасье можно со всем своим скарбишком перетащиться (Матинский, стр. 6).

Покуль, покуля[249] — пока.

Викул: Разве он тебе знаком?

Хавронья: Да, я ево высокой милости, покуль душа в теле, не забуду (Сумароков. Рогоносец, стр. 8).

Фока: Люди-та, прах их знает, все разбрелись коё-куда, а мне-ка наказали: ты, скать, Фока, не моги выходить, покуля боярыня с боярышней не приедет (Веревкин. Так и должно, стр. 30).

---

[244] Слово *бесперечь* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Тамб.» (стр. 9).

[245] Слово *сполагоря* дано у Даля (т. IV, стр. 196).

[246] Слово *навонтараты* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Тамб.» (стр. 120).

[247] Слово *нешутем* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[248] Слово *петь, пить* в словарях XVIII—XIX вв. не фиксируется.

[249] Слово *покуля* см. в Опыте обл. слов. с пометой «Кур. Обоян.» (стр. 195).

Пра[250] — право.

Лука: Колды похочот лишь только барин, так уж пра не мене тебе налгу (Попов. Бурлин, 200).

Притоманно[251] — непременно.

Разживин: Господи боже мой! што это за фигли такие? Это притоманно што-нибудь напущенное. Да я тововано-тка лавкой буду прост, ежели вы где лучше моих товаров сыщсте (Матинский, стр. 17).

Сем-ка[252] — ну-ка.

Бурлин: Постой, сем-ка и я ее [рядную] подпишу: ето лучше будет (Попов. Бурлин, стр. 226).

Леон: Сем-ка я счастья своего отведаю (Лжец, стр. 60).

Лесник: Сем-ка запоем, а вослибо он меня испужается (Николев. Розана и Любим, стр. 69).

Тововано[253] — частица усилительная.

Щедров: Так ты понял, о ком я спрашиваю?

Лесник: Как тововано не понять? (там же, стр. 20—21).

Глупон: О деньгах спору нет, трать хоть десять тысячь или больше; да лихо тововано, на кого бить челом. Того здесь нет (Обман за обман, стр. 207).

Прощалыга: Да тово вона, ваше благородие, Верон приехал, прикажете ево впустить сюда? (там же, стр. 209).

Аким: Так печальна, так грустна, что неведь как сударь! и сказать то нельзя как тововано... она-то... боярыня-то... разве и господи, что такое (Николев. Испытанное постоянство, стр. 11).

Торопом[254] — торопливо, скоро.

Праводин: Ахти! Ахти! неужели таки так приспичело не торопом, сударыня, дайте сроку, вить не уйдет ето еще (Награжденная хитрость, стр. 14).

Хоша[255] — хотя.

Лука: А хоша бы и десеть у нёво их [жен] было, так будёт ёму чем их содёржать (Попов. Бурлин, стр. 215).

Чуфисть[256] — бух (в ноги).

Трусицкой: О чем ты кланяешься, Аксентьич?

Удальцов: Язык мой прильпе гортани моей.

---

250 Слово *пра* см. в Опыте обл. слов. с пометой «Оренб., Тамб.» (стр. 175).

251 Слово *притоманно* дано в Опыте обл. слов. (стр. 178).

252 Слово *сем, сем-ко* дано в Опыте обл. слов. с пометами «Владим. Суд., Нижегород. Семен. Пенз. Городищ.» (стр. 201).

253 Слово *тововано* дано у Даля (т. IV, стр. 408).

254 Слово *торопом* дано в Опыте обл. слов. с пометой «Псков. Опоч.» (стр. 231).

255 Слово *хоша* дано в Опыте обл. слов. с пометами «Костр. Кинеш., Нижегор., Твер. Каш., Яросл.» (стр. 250).

256 Слово *чуфисть* дано в Доп. к Опыту обл. слов.: «Чуфисть... Междом., служащее для обозначения земного поклона. Чуфисть на корысть. Погов. Бью челом в подарок. Новг. Тихв. Чуфисть ему в ноги. Тамб.» (стр. 260).

Трусицкой (во удивлении): Не знаю на што подумать! веть ты жениха хотел сказать моей дочери; так чевож ради вдруг так ты опешил, да еще чуфисть да чуфисть? (Веревкин. Точь в точь, стр. 14).

Эвося, вося[257] — вот.

Марья: Не знаешь ли господин форт-форт, куда девался слуга господина Проспеха Андрей?

Андрей (в сторону): Эвося, спохватилася (Николев. Испытанное постоянство, стр. 60).

Правской: Вося какое образование духа, такия-то нежности сердец и правила брачного сожития (Переплетчик, стр. 30).

Фалалей: Эво се бедняжка! Так тебе не быть за мною... Жаль, брат, мне тебя (Дюфрени, стр. 40).

Таким образом, если пользование «простонародной» лексикой широкого ареала было характерно для произведений различных жанров низкого штиля, то применение менее употребительной «простонародной» и областной лексики следует считать отличительной особенностью языка комедии и комической оперы. Специфичны и функции такой лексики в комедии и комической опере. Являясь одним из основных компонентов речевых характеристик крестьян, мещан, ремесленников, солдат, слуг и отчасти провинциальных дворян, она была и средством создания местного, провинциального колорита их речи.

На этой части словарного состава комедий и комических опер ярче сказалось следование за народной разговорной речью, копирование ее, как обязательный прием натуралистического метода построения речевых характеристик.

В дальнейшем развитии русской комедии постепенно создавались принципы отбора этой части словарного состава народной разговорной речи. Однако начало этого процесса относится уже к 80-м годам XVIII столетия.

Шестидесятые и семидесятые годы были знаменательными для развития русской комедии и комической оперы. Перед только что вышедшей на сцену оригинальной русской комедией сразу же встала задача активного воздействия на жизнь. По мере сил комедия и комическая опера пытались решать эту задачу. Уже к середине 60-х годов в развитии комедии проявилась отчетливая тенденция к отражению реальной русской жизни того времени в разнообразных ее проявлениях, значительно расширился, а потом и дифференцировался круг ее персонажей, стала заметной ориентация на широкого зрителя. Но поиски более оправданных способов отражения реальной жизни все еще оставались на уровне натурализма и не привели к значительным сдвигам в области художественного метода. Это обусловило и характерные особенности языка русской комедии и комической оперы этого времени.

---

[257] Слово *евося* дано у Даля (т. I, стр. 513). Ср. в Опыте обл. слов.: «Эва... нар. указ. Вот. Псков., Великолуц. Эво... Волог., Новгор. Тихв., Псков., Тамб.» (стр. 271).

Для языка комедии и комической оперы характерен необычайно широкий диапазон: от элементов «высоких», церковнославянских (речь положительных персонажей) до элементов диалектных (речь крестьян).

Вместе с тем ему свойственна пестрота, многоликость и неупорядоченность в части, отражающей народную разговорную речь, обусловленную как натуралистическим методом изображения, так и тенденциями целого ряда авторов комедий и комических опер (Попова, Чулкова, Аблесимова, Веревкина и др.). Поэтому типологическая и внутренняя обусловленность речи персонажей драматического произведения, раскрытие образа через смысловое содержание речи, присущие реалистическому методу, еще не доступны натуралистической комедии. Для нее характерно внимание к внешне броским деталям речи: к элементам «простонародным», областным, а также к специальной лексике, как к средствам социально-характерологического различения персонажей.

Комедия и комическая опера 60—70-х годов во многом следуют за разговорной речью различных слоев населения, накапливают разнообразные ее элементы, но еще слабо отбирают и творчески применяют их. Так, в произведениях этих жанров отражены средствами орфографии различные особенности произношения общенародной разговорной речи, черты диалектного произношения, фонетические особенности искусственного, надуманного барами «мужичьего наречия». В речевых характеристиках крестьян, мещан, ремесленников они часто сосуществуют. В речи бытовых персонажей комедии, основной частью которой было общенародное просторечие, нередко встречаются слова «простонародные» и областные. При этом частота применения областной лексики неизмеримо выше, чем в других жанрах низкого штиля. Общенародное бытовое просторечие проникает в авторские ремарки и диалоги положительных персонажей, выдержанные обычно в книжной манере.

Языку комедии и комической оперы этих лет свойственна широкая синонимичность как стилистически разноплановых слов, так и в пределах одного стилистического пласта (см., например, группы синонимов: мот, мотора, моторыга, хаз; базгалы, балясы, басни, бредни, враки, вракалы, околесная, пыль, чуха; болобан, малах, телелюй; башка, болван и др.).

Для произведений этих жанров характерен не только более широкий диапазон элементов народной разговорной речи (например, отражение диалектных фонетических особенностей крестьянской речи, довольно широкое привлечение крестьянской и мещанской бытовой лексики и диалектизмов), но и специфические приемы применения тех или иных ее элементов (пользование лексикой с экспрессией ласкательности для более яркой характеристики основной черты персонажа, применение эмоционально-экспрессивных междометий для живости диалога и т. п.).

Это позволяет говорить о специфичности языка комедии и комической оперы и рассматривать его как особую жанровую разновидность низкого штиля, наиболее близкую к живой народной разговорной речи того времени.

Язык комедии и комической оперы 60—70-х годов представляет собой начальный этап развития, необходимую ступень для дальнейшей его разработки и совершенствования, обусловленных становлением реализма в русской оригинальной комедии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В СТАТЬЕ

1. Аблесимов. Женатый хвастун — Сочинения Кострова и Аблесимова, СПб., 1849, стр. 135—138.
2. Аблесимов. Мельник — А. О. Аблесимов. Мельник, колдун, обманщик и сват. Комическая опера. СПб., 1792.
3. Аблесимов. Счастье по жеребью — Сочинения Кострова и Аблесимова. СПб., 1849, стр. 55—88.
4. Веревкин. Именинники — Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXI, СПб., 1788, стр. 187—306.
5. Веревкин. Так и должно — М. И. Веревкин. Так и должно. М., 1773.
6. Веревкин. Точь в точь — М. И. Веревкин. Точь в точь. СПб., 1785.
7. Веревкин. На нашей улице праздник — М. И. Веревкин. На нашей улице праздник. Тверь, 1776.
8. Волков — Д. В. Волков. Воспитание. Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXI, СПб., 1788, стр. 57—186.
9. Выбор по разуму — Анонимная комедия «Выбор по разуму», перев. с франц. [С. Титова]. СПб., 1778.
10. Домашние несогласия — Гольдони. Домашние несогласия. Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XII, СПб., 1786, стр. 205—390.
11. Дюфрени — Дюфрени. Спорщица. СПб., 1779.
12. Ельчанинов — Б. Е. Ельчанинов. Наказанная вертопрашка. В кн.: Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 461—481.
13. «Записки» Долгорукой — Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1913.
14. Игрище о святках — Анонимная комедия «Игрище о святках». СПб., 1774.
15. Копии с отписок — «Трутень», 1769, стр. 203—208 и 233—240.
16. Лжец — Лжец, вольный перевод из Гольдониева театра Яновича. Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XII, СПб., 1786, стр. 51—205.
17. Леонтьев. Больной и лекарь — Басни Николая Леонтьева. СПб., 1766, стр. 36.
18. Леонтьев. Два мужика — Басни Николая Леонтьева. СПб., 1766, стр. 18.
19. Леонтьев. Пчелы — Басни Николая Леонтьева. СПб., 1766, стр. 10.
20. Лукин. Вторично вкравшаяся любовь — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 412—458.
21. Лукин. Задумчивый — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 354—411.

22. Лукин. Мот — В. И. Лукин. Мот, любовию исправленный. В кн.: Сочинения и переводы В. Лукина, ч. I. СПб., 1765, стр. 1—150.
23. Лукин. Награжденное постоянство — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 121—182.
24. Лукин. Пустомеля — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 84—109.
25. Лукин. Ревнивый — В. И. Лукин. Ревнивый, из заблуждения выведенный. В кн.: Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 224—279.
26. Лукин. Тесть и зять — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 318—353.
27. Лукин. Щепетильник — Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. СПб., 1868, стр. 192—224.
28. Майков. Елисей — В. И. Майков. Елисей или раздраженный Вакх. СПб., 1771.
29. Майков. Наказание ворожее — В. И. Майков. Басни нравоучительные, ч. II. М., 1766, стр. 11—12.
30. Майков. Неосновательная боязнь — В. И. Майков. Басни нравоучительные, ч. II. М., 1766, стр. 22.
31. Майков. Скупой — В. И. Майков. Басни нравоучительные, ч. I. М., 1766, стр. 21—22.
32. Майков. Случай — В. И. Майков. Басни нравоучительные, ч. II. М., 1766, стр. 21—22.
33. Награжденная хитрость — Награжденная хитрость или удачное плутовство, перев. с нем. Н. П. СПб., 1778.
34. Народное игрище — Анонимная комедия «Народное игрище». «Кошелек», еженедельное издание на 1774 год. СПб., 1774, стр. 83—136.
35. Николев. Испытанное постоянство — Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXIII, СПб., 1788, стр. 3—68.
36. Николев. Попытка не шутка — Н. П. Николев. Попытка не шутка, а удачный опыт. Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXXV, СПб., 1790, стр. 105—183.
37. Николев. Приказчик — Н. П. Николев. Приказчик или драматическая пустельга. Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XVII, СПб., 1788, стр. 113—136.
38. Николев. Розана и Любим — Диалог и драмы, ч. IV. М., 1780, стр. 9—88.
39. Николев. Самолюбивый стихотворец — Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XV, СПб., 1787, стр. 5—148.
40. Николев. Феникс — Российский Феатр или собрание всех Российских сочинений, ч. XXII, СПб., 1788, стр. 137—218.
41. Обман за обман — Анонимная комедия «Обман за обман или неудачный развод». Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXXVIII, СПб., 1791, стр. 177—240.
42. Отрывок путешествия — Отрывок путешествия в *** И *** Т ***. «Живописец», 1772, стр. 33—40.
43. Перемена в нравах — Анонимная комедия «Перемена в нравах». Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXXVIII, СПб., 1791, стр. 177—240.
44. Переплетчик — Анонимная комедия «Переплетчик или Яким Правской». СПб., 1776.
45. [Письмо дворянина] — «Трутень», 1770, стр. 117—119.
46. [Письмо издателя модного сочинения] — «Трутень», 1770, стр. 117—119.
47. [Письмо Щеголихи] — «Трутень», 1770, стр. 107—109.
48. [Письма к Фалалею] — «Живописец», 1772, стр. 113—120, 179—184, 186—192.
49. Победа невинности — Анонимная комедия «Победа невинности или любовь хитрее осторожности». Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXV, СПб., 1788, стр. 5—82.

50. Подражатель — Анонимная комедия «Подражатель». Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXVII, СПб., стр. 5—52.
51. Попов. Анюта — Досуги или полное собрание сочинений М. Попова, ч. I, СПб., 1772, стр. 87—124.
52. Попов. Бурлин — М. И. Попов. Бурлин, слуга, отец и тесть. Досуги или полное собрание сочинений и переводов М. Попова, ч. II, СПб., 1772, стр. 165—266.
53. Попов. Два вора — Досуги или полное собрание сочинений и переводов М. Попова, ч. I, СПб., 1772, стр. 29—30.
54. Попов. Немой — Досуги или полное собрание сочинений и переводов М. Попова, ч. II, СПб., 1772, стр. 5—164.
55. Попов. Отгадай не скажу — Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXI, СПб., 1788, стр. 5—56.
56. Попов. Пень — Досуги или собрание сочинений и переводов М. Попова, ч. I, СПб., 1772, стр. 31—43.
57. «Записки» С. Порошина — Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоговейного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881.
58. Продолжение разговора — Продолжение разговора между немцем и французом. «Кошелек» 1774, стр. 33—48.
59. Прокудин. Добродетель — М. Прокудин. Добродетель, увенчанная верностию. Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXV, СПб., 1788, стр. 83—144.
60. Прокудин. Самохвал — М. Прокудин. Самохвал. М., 1773.
61. Свадьба г. Промоталова — [Л. Татищев]. Свадьба г. Промоталова. Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXVII, СПб., 1788, стр. 53—148.
62. Стыд хулителю — «Трутень», 1769, стр. 89—94.
63. Сумароков. Волки и овцы — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 95.
64. Сумароков. Гора в родах — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 322.
65. Сумароков. Два скупые — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 79.
66. Сумароков. Друг невежа — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 201.
67. Сумароков. Дурак и часы — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 205.
68. Сумароков. Коршун — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 330.
69. Сумароков. Лихоимец — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. V, М., 1787, стр. 49—112.
70. Сумароков. Мать совместница — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VI, М., 1787, стр. 53—97.
71. Сумароков. Опекун — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. V, М., 1787, стр. 1—48.
72. Сумароков. Подьяческая дочь — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 72.
73. Сумароков. По трудах и покой — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 146.
74. Сумароков. Приданое обманом — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. V, М., 1787, стр. 215—248.
75. Сумароков. Раздел — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 148.
76. Сумароков. Рогоносец — А. П. Сумароков. Рогоносец по воображению Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VI, М., 1787, стр. 3—52.

77. Сумароков. Скупой — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 14.
78. Сумароков. Скупой и кружка — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 226.
79. Сумароков. Старик со своим сыном и осел — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 66.
80. Сумароков. Три брата — А. П. Сумароков. Три брата совместники. Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. V, М., 1787, стр. 113—140.
81. Сумароков. Чурбаны — Полное собрание сочинений в стихах и прозе... А. П. Сумарокова, ч. VII, М., 1787, стр. 167.
82. Сумароков. Ядовитый — Полное собрание сочинений в стихах и прозе ... А. П. Сумарокова, ч. V, М., 1787, стр. 113—140.
83. Фонвизин. Бригадир — Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. XXXIII, СПб., 1790, стр. 5—132.
84. Фонвизин. Корион — Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. СПб., 1866, стр. 128—160.
85. Фонвизин. Послание к слугам — Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. СПб., 1866, стр. 164—167.
86. Херасков. Ненавистник — Российский Феатр или собрание всех Российских феатральных сочинений, ч. I, СПб., 1786, стр. 37—120.
87. Чулков. Плачевное падение стихотворцев — М. Д. Чулков. Плачевное падение стихотворцев. СПб., 1775.
88. Чулков. Пересмешник — М. Д. Чулков. Пересмешник или славенские сказки, ч. I. М., 1766.
89. Чулков. Пригожая повариха — М. Д. Чулков. Пригожая повариха или похождения развратной женщины. М., 1770.
90. Чулков. Стихи на качели — М. Д. Чулков. Стихи на качели. СПб., 1775.
91. Чулков. Стихи на семик — М. Д. Чулков. Стихи на семик. СПб., 1775.

Е. Г. КОВАЛЕВСКАЯ

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. М. КАРАМЗИНА

Проникновение в любой язык иностранных слов — явление вполне закономерное, так как в периоды наиболее интенсивных культурно-экономических общений между странами происходит знакомство с новыми предметами, обмен новыми понятиями и идеями, усвоение иноязычных слов. Это не ущемляет национальную самобытность народа, а лишь обогащает словарный состав одного языка за счет словарного состава других языков.

Часть заимствованных слов со временем выходит из употребления (такова судьба слов *абшид* и *вояж*, пришедших в русский литературный язык в XVIII в.), часть прочно входит в язык, обрастая производными, давая начало новым отечественным словам, т. е. перестает восприниматься как иноязычная лексика.[1] Часть слов остается в языке, но не входит во всеобщее употребление, являясь достоянием книжных стилей речи (такова судьба слов *инсинуация, инспирировать, констатировать, экзальтация, экспрессия* в современном русском языке).

Наиболее интересный период в истории русского литературного языка — конец XVII—первая четверть XIX в., — период формирования национального русского литературного языка за счет перемещения старых и появления новых отечественных элементов, а также за счет усвоения иноязычных слов, форм и словообразовательных моделей.

Многие западноевропейские (обычно интернациональные) слова вошли в русский язык в Петровскую эпоху — время интенсивных словарных заимствований, но удельный вес французских слов был невелик. О тесной культурно-экономической связи России и Франции можно говорить, имея в виду лишь вторую

[1] Например, в «Российском целлариусе или этимологическом российском лексиконе» 1771 г. зафиксирован целый ряд производных слов от существительного *мастер*: мастерица, мастерю, мастерство, мастерский, мастерская, по-мастерски, мастеровой, подмастерье (стр. 296).

половину XVIII в. — период царствования Елизаветы (особенно после Семилетней войны, в которой Россия с Францией воевали против Пруссии) и Екатерины II.

В придворных кругах екатерининского времени начинается чрезмерное увлечение всем французским: модами, манерами, вкусами, что вошло в историю под названием «галломания». Именно в этот период в русский язык было введено «множество слов французских, не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему, что называется французским, по словам историка Болтина».[2]

В это же время русская интеллигенция выступает в печати с призывом ценить отечественную культуру, беречь чистоту русского языка. Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Новиков, Крылов и Карамзин, каждый по-своему, со своих теоретико-лингвистических и классовых позиций, принимали участие в борьбе с галломанией. Об этом много писали историки, литературоведы и лингвисты, не отмечая, однако, активную роль Карамзина в этой борьбе. Более того, часто исследователи развивали противоположную мысль: о некритическом отношении Карамзина к иноязычным заимствованиям.

Г. Э. Караулов писал о нерусских словах и оборотах, которыми засорял русский литературный язык Карамзин, о справедливой критике А. С. Шишкова, упрекавшего карамзинистов в подражании французам.[3] Е. Ф. Будде обвинял Карамзина в денационализации языка, так как он «вдохнул европейскую мысль в существовавшие формы языка».[4] С. К. Булич также видел в реформе Карамзина европеизацию русского литературного языка.[5] Подобные высказывания характерны и для работ некоторых советских литературоведов.[6]

Современники Карамзина никогда не связывали явление галломании с его именем. Неизвестный автор в одном из самых передовых журналов своего времени, в «Журнале Российской словесности», писал: «С некоторого времени я накопил немалое ко-

---

[2] П. Н. Берков. Изучение русской литературы во Франции. «Литературное наследство», № 33, стр. 724.

[3] Г. Э. Караулов. Очерки истории русской литературы. СПб., 1865.

[4] Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного языка. СПб., 1908.

[5] С. К. Булич. Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904.

[6] В. А. Десницкий. Радищевцы в общественности и литературе начала XIX в. Поэты-радищевцы. Л., 1935; В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М.—Л., 1952; В. Базанов. Очерки декабристской литературы. М., 1953; канд. дисс. Ю. М. Лотмана и Л. В. Шоцкой (хранятся в Государственной Ордена Ленина Библиотеке СССР им. В. И. Ленина). Рассмотрение критической литературы не входит в задачи автора статьи, но необходимо отметить, что наиболее интересный материал об использовании Карамзиным иноязычной лексики находим в работах В. В. Виноградова, а также в книге Г. Хютль-Ворт (G. Hüttl Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert. Wien, 1956).

личество русских книг и не знаю, к русским или французским книгам их причислить. Они написаны каким-то французско-русским языком, которого ни русские, ни французы не понимают. Возьму Ломоносова, Карамзина и понимаю. Этих — нет».[7]

В «Вестнике Европы» читаем: «Карамзин более обращал внимание на французских прозаиков и поступил рассудительно... Он избегал только выражений, не свойственных языку русскому, и во всем следовал образцам своим».[8] Из более поздних высказываний интересно вспомнить слова Белинского: «Статья (Сумарокова, — *Е. К.*) „О истреблении чужих слов из русского языка" может быть отнесена к любопытнейшим фактам истории русской литературы: она доказывает, что вторжение в наш язык французских слов и оборотов отнюдь не было следствием реформы Карамзина, ибо еще до него было в самом сильном разливе».[9]

Карамзин не только не принадлежал к группе низкопоклонствующих перед Западом дворян, но с самого начала своей литературной деятельности ревниво относился к успехам русской литературы, науки и искусства. В его журналах можно встретить целый ряд статей, направленных против галломании. Так, в статье «Странность», напечатанной в «Вестнике Европы» за 1802 г., рассказывается о некоем французе, долгое время жившем в России, который, возвратясь на родину, открыл пансион для русских молодых дворян, чтобы обучать их наукам, искусствам, «особливо же российскому языку». По этому вопросу Карамзин пишет: «Самый французский язык можно в Петербурге или в Москве узнать так же хорошо, как в Париже... Природный язык для нас важнее французского... Питомцы его, через шесть или семь лет возвратясь в Россию, стали бы терзать слух наш варварскими своими фразами..., а сограждане назвали бы их глупцами, невеждами, дурно воспитанными людьми, ибо, кто не знает своего природного языка, тот, конечно, дурно воспитан, хотя бы знал наизусть и все книги браминов; они сказали бы сим полугаллам: „Зачем вы к нам приехали? Зачем не остались во Франции? Мы не признаем вас земляками своими: вы недостойны называться русскими, которые гордятся языком Святослава, Владимира, Пожарского, Петра Великого"... И добродушные родители... увидели бы в них французских обезьян или попугаев, которые наименовали бы им всех парижских актеров, а не умели бы с чувством произнести священного имени России, отца, матери, сограждан».[10]

---

[7] «Журнал Российской словесности», 1805, № 3, стр. 143.

[8] «Вестник Европы», 1824, ч. 5, стр. 52.

[9] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1955, стр. 315.

[10] Н. М. Карамзин. Странность. «Вестник Европы», 1805, ч. 3, стр. 55—57.

Даже в период странствования Карамзина по Европе, в период печатания на страницах «Московского журнала» «Писем русского путешественника», Карамзина нельзя назвать космополитом.

«Горячая любовь к родине, мысль о которой никогда его не покидает, вот что освещает, как живой луч, все его путевые впечатления», — справедливо писал Буслаев.[11] Действительно, в «Письмах русского путешественника» много рассуждений о красоте, богатстве, выразительности русского языка. Например: «В нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров, право, не хуже других».[12]

Изучая английский язык в Лондоне, анализируя его особенности, Карамзин восторженно заявляет: «Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без всякого чужого примеса, течет, как гордая, величественная река — шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса».[13] В статье 1802 г. «О любви к отечеству и народной гордости»: «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца, чувствительности. Он богатее гармониею, нежели французский: способнее для излияния души в тонах: представляет более аналогических слов... Один иностранный министр сказал при мне, что наш язык должен быть весьма темен, ибо русские, говоря им, по его замечанию, не разумеют друг друга и тотчас должны прибегать к французскому. Не мы ли сами подаем повод к таким нелепым заключениям. Язык важен для патриота».[14]

В «Истории государства Российского» читаем: «Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который... может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен».[15]

Все высказывания Карамзина, как видно из вышеизложенного, находятся в общем русле высказываний прогрессивных деятелей культуры его времени. Карамзин принял самое активное

---

[11] Ф. И. Буслаев. Речь о «Письмах русского путешественника». Известия Московского университета, 1866, № 1, стр. 195.

[12] Н. М. Карамзин, Соч., т. V, М., 1814, стр. 198.

[13] Там же, стр. 301.

[14] Н. М. Карамзин. О любви к отечеству и народной гордости. «Вестник Европы», 1802, ч. 1, стр. 68.

[15] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1818, стр. 91.

участие в борьбе с галломанией. Отнесение Карамзина к группе дворян-галломанов неправомерно, тем более что такое отнесение обычно подтверждается лишь одной фразой из «Писем русского путешественника», где Карамзин называет себя «гражданином вселенной». В отрыве от контекста это словосочетание действительно можно считать синонимом к слову «космополит». Именно в таком значении и употребляет его С. Н. Глинка, издатель «Русского вестника», позднее западники и славянофилы; использует его и Ф. М. Достоевский. Но у Карамзина речь идет о мироздании, слово выступает в религиозном контексте, который ничего не дает исследователям для обвинения Карамзина в антипатриотизме. «Здесь (на горе! — *Е. К.*) смертный чувствует свое высокое определение, забывает земное свое отечество и делается гражданином вселенной... Забывает он время, и мыслию своею в вечность углубляется; здесь в благоговейном ужасе трепещет сердце его, когда он помышляет о той всемогущей руке, которая вознесла к небесам сии громады».[16]

Выступление Карамзина против галломании резко отличалось от высказываний пуристов конца XVIII—начала XIX в., так как Карамзин и его последователи понимали и ценили то лучшее, что создано было на Западе, стремились на страницах своих журналов познакомить русских читателей с достижениями западной культуры (ср. переводы Карамзиным Галлера, Геснера, Лессинга, Шекспира). Взгляды Карамзина и его последователей на возможность использования лексики иноязычного происхождения в литературных произведениях совпадают с мнениями современных ему языковедов и более поздних лингвистов. В статьях карамзинистов отчетливо проводятся два положения: 1) «Нельзя восставать против всякого иностранного слова. Некоторые чужестранные слова совершенно необходимы» и 2) «Только не дóлжно пестрить языка без крайней осторожности».[17]

П. И. Макаров писал: «Нужно спорить не о том, надо ли брать у иностранцев, а о том, как и что брать, так как есть в нашем языке законы, по которым одни иностранные слова удерживаются в нем, делаются обиходными, изменяясь на русский лад, другие же не принимаются или остаются книжными и неприятными для русского уха».[18] В журнале карамзиниста Дашкова «Цветник» читаем: «Равномерно и правило: не вносить в язык ничего чужого должно же иметь исключение».[19] В «Вестнике Европы»: «Изучение иностранных каких бы то ни было языков не только не вредит отечественному характеру, но содействует просвящению. Слова, по нужде принятые из оных языков в наш, служат

---

[16] Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 153.
[17] П. И. Макаров, Сочинения и переводы, т. III, М., 1805, стр. 25.
[18] Геннади. П. И. Макаров. «Современник», 1867, № 6, стр. 80.
[19] «Цветник», 1809, ч. 1, стр. 270.

к обогащению последнего. Конечно, нельзя заменять хорошее и выразительное слово национальное французским».[20]

Протест Карамзина против немотивированного использования иноязычных слов не означал, однако, его отказа от употребления слов иностранного происхождения. Если в ранних переводных произведениях и в стилизованных исторических произведениях Карамзина иноязычная лексика встречается редко, то в повестях девяностых—восьмисотых годов их значительно больше.

Ранние переводные произведения Карамзина обычно не привлекали к себе внимания исследователей, а между тем проблема перевода в конце XVIII в. была одной из самых актуальных проблем. Многие переводчики не владели в совершенстве языком, с которого переводили, а некоторые не знали и русского языка. Князья Гагарины, Долгоруковы, Шаликовы, подвизаясь в журналах типа «Журнала для милых» М. Макарова, наводняли периодические издания плохими переводами слабых произведений третьестепенных писателей Запада. Карамзин и его последователи (В. С. Подшивалов, П. Макаров) также уделяли много внимания переводческой деятельности, но их переводы отличались от многих переводов XVIII в. и по содержанию, и по форме.

Подшивалов писал: «Что касается до переводов с чужестранных языков на российский, то сие упражнение почитается первейшим и полезнейшим для молодых стилистов».[21]

По мнению Подшивалова, переводческая деятельность для молодых писателей так же важна, как для начинающих учиться живописи обрисовка предлагаемых им образов. «Когда он имеет перед собой хорошее сочинение и хочет перевести его на свой природный язык, то гораздо более имеет внимания ко всем словам, выражениям и мыслям, нежели читатель».[22]

Карамзинисты рекомендовали переводить на русский язык только тех западных писателей, которые у себя на родине «всеми за лучших почитаются».[23]

Литературная практика Карамзина в этой области соответствовала теоретическим требованиям карамзинистов. Для своего времени переводы идиллии Геснера «Деревянная нога», философской поэмы Галлера «О происхождении зла», драмы Лессинга «Эмилия Галотти» и трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» безусловно хороши. Перевод драмы Лессинга и трагедии Шекспира не проигрывает и при сравнении его с некоторыми современными переводами этих произведений.

Ср., например, перевод трагедии Шекспира Карамзиным в 1787 г. и И. Б. Мандельштамом в 1950 г.:

---

[20] «Вестник Европы», 1816, ч. 87, стр. 280.
[21] Сокращенный курс российского слога. Изд. Скворцова, 1796, стр. 36.
[22] Там же, стр. 37.
[23] Там же, стр. 3.

Перевод Карамзина, 1787 г.

Каска

Ты удержал меня, разве хочешь мне что-нибудь сказать?

Брут

Да, Каска, расскажи нам, что ныне случилось, и от чего Цезарь так мрачен.

Каска

Вы сами были с ним?

Брут

В таком случае я не спрашивал бы Каску о приключившемся.

Каска

Ему подносили корону, он ее отвергнул от себя, а народ поднял радостный крик.

Брут

Расскажи нам все обстоятельно, Каска.

Каска

Хоть фурий заставь мучить меня, я не могу ничего рассказать вам обстоятельно; дело все состояло в шутке, я не примечал. Я видел, что Марк Антоний подносил ему корону — однако была это не подлинная корона, но одна из малых корон — и, как сказано, он ее в первый раз оттолкнул, но при всем том, казалось, так он смотрел, что она ему нравилась. Потом поднес он ему еще раз, и он еще раз оттолкнул ее, но, как мне показалось, ему было жаль отнимать от нее руку. Потом поднес он ему в третий раз, и он в третий раз оттолкнул ее, при всяком же разе, как он не принимал ее, толпа кричала, плескала руками, бросала вверх шапки и от радости, что Цезарь оттолкнул корону, так наполнила воздух вонючим дыханием, что Цезарь почти задохнулся; ибо он упал в обморок. Я со своей стороны не мог смеяться, потому что боялся разинуть рот и втягивать в себя дурной воздух.[25]

Перевод Мандельштама, 1950 г.

Каска

За плащ меня ты дернул, что скажешь?

Брут

Ну, Каска, расскажи, что было там, чем Цезарь раздражен.

Каска

Да разве не был ты при нем?

Брут

Тогда бы мне рассказ твой не был нужен.

Каска

Ну, ему там подносили царский венец, и когда подносили, он от него отмахнулся, и тогда народ завопил от восторга.

Брут

Да расскажи нам, как все это было.

Каска

Пусть меня повесят, если я могу рассказать, как это было. Это было сущее шутовство, прямо смотреть не хотелось. Я видел, что Марк Антоний ему подносит венец, даже не венец, собственно говоря, а скорее головную повязку,[24] и, как я вам сказал, он ее в первый раз отстранил, и при всем том он бы ее, как мне кажется, охотно взял. Потом ее Антоний опять ему поднес, и он ее отстранил. Но мне кажется, ему трудно было отвести от нее пальцы. И в третий раз он ее отстранил, и при каждом отказе народ ликовал и бил в свои загрубелые ладони и швырял вверх свои потные колпаки, испуская такое облако смрадного дыхания, что Цезарь чуть было не задохся. Ему стало дурно, он свалился, а что до меня, то я не посмел рассмеяться, боясь вдохнуть в раскрытый рот отравленный воздух.[26]

---

[24] Ср. эту фразу в переводе М. Зенкевича: Я видел, как Марк Антоний поднес ему корону; собственно, это была даже и не корона, а скорей коронка (Шекспир, Полн. собр. соч., т. V, М., 1959, стр. 232).

[25] Шекспир. Юлий Цезарь. 1787, стр. 22—24.

[26] Шекспир, Избр. соч., М., 1950, стр. 320—321

В лексическом плане тексты почти не отличаются друг от друга, архаизмов в тексте Карамзина почти нет. Заметна лишь стилистическая тенденция Карамзина опускать просторечные слова и выражения, встречающиеся в тексте Шекспира, или заменять их нейтральными синонимами. Конечно, Карамзин — глава сентиментального направления в русской литературе — не мог употребить такие слова и выражения, как *орать, вопить, потный, вонь, пусть меня повесят* и т. п.

Сравнение текста драмы Лессинга «Эмилия Галотти» в переводе Карамзина 1788 г. (это был первый перевод пьесы в России) с переводом М. М. Бамдаса 1939 г. также показательно, так как в переводе Карамзина мысли и чувства героев переданы более точно, т. е. перевод Карамзина ближе к тексту оригинала.

У Лессинга	У Карамзина	У Бамдаса
Orsina	Орсина	Орсина
O, des weisten Mannes, der man sagen lassen kann, was man will! — Gleichgültigkeit an die Stelle der Liebe? Das heisst, Nichts an die Stelle von Etwas. Denn lernen sie nachplauderndes Hofmänschen, lernen sie, von einem Weibe, dass Gleichgültigkeit ein leeres Wort, ein blosser Schall ist, dem nichts, gar nichts entspricht, Gleichgültig ist die Seele nur gegen das, woran sie nicht denkt; nur gegen ein Ding, das für sie kein Ding ist. Und nur gleichgültig für ein Ding, das kein Ding ist, — das ist so viel, als gar nicht gleichgültig.[27]	О, мудрый человек, которого можно заставить сказать все, что угодно. Равнодушие. Равнодушие вместо любви... Ничто вместо чего-нибудь. Научись, придворный потакальщик, научись от женщины, что равнодушие есть пустое слово, пустой звук, который ничего не значит. Мы к тому только можем быть равнодушны, о чем не думаем; к такой вещи, которая для нас не существует. А быть равнодушну к такой вещи, которая не существует или совсем не быть равнодушным ... Все равно.[28]	О, мудрец, которого можно заставить сказать все, что угодно. Равнодушие. Равнодушие вместо любви... Это значит ничто на месте чего-нибудь... Узнайте-ка, придворный болтунишка, повторяющий чужие слова, узнайте от женщины, что равнодушие — пустое слово, пустой звук, который ничего, совсем ничего не значит. Можно быть равнодушным только к тому предмету, который для тебя не предмет. Но быть равнодушным только к предметам, которые не являются предметами, это значит вовсе не быть равнодушным.[29]

Карамзину удается точно передать сложные тексты Лессинга и Шекспира, используя средства русского языка, почти не прибегая к иноязычной лексике, что свидетельствует о богатстве системы русского литературного языка уже в конце XVIII в.

Как было сказано, в исторических стилизованных произведениях Карамзина («Наталья — боярская дочь», «Марфа Посадница», «История государства Российского») иноязычная лексика имеет небольшой удельный вес. В сентиментальных произведениях

[27] G. Lessing. Emilia Galotti. Riga, 1885, стр. 43.
[28] Лессинг. Эмилия Галотти. М., 1783, стр. 98.
[29] Лессинг. Эмилия Галотти. Л., 1939, стр. 85.

(«Бедная Лиза», «Юлия», «Остров Борнгольм», «Моя исповедь», «Рыцарь нашего времени» и др.) слов иноязычных больше, но и здесь встречаются в основном так называемые русские заимствованные слова, т. е. иностранные слова, которые вошли в литературный язык и не имеют русских синонимов (аллея, архитектура, галерея, терраса и др.). Варваризмов, являющихся достоянием лишь книжных стилей речи, представлявших собой синонимы к стилистически нейтральным общеупотребительным русским словам, в этих произведениях немного (рекомендовать—представить, физиономия—лицо, фантом—призрак и др.).

Наибольшее количество слов иностранного происхождения — в «Письмах русского путешественника», что объясняется тематической многоплановостью произведения. Показателен в этом отношении один из экземпляров «Писем русского путешественника», принадлежащий Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. На оборотной стороне титульного листа этого экземпляра выписан ряд иноязычных слов, встречающихся в тексте. Очевидно, перечисленные слова не являлись обиходными в конце XVIII—начале XIX века, хотя некоторые из них были известны на Руси значительно раньше (эшафот, декорация, декламация, балет, оркестр, спектакль, актер, кокетство, труппа, авансцена, концерт, барельеф, терраса, балюстрада, павильон, эксперимент, мина, интересный, портал, артист, медальон, тон, сфера, плафон, алькоф, буффонство). Этими словами не ограничивается круг употребления Карамзиным иноязычной лексики. Однако наличие иноязычных слов в текстах Карамзина не дает права исследователям говорить о его злоупотреблении иноязычными словами.

Во-первых, большинство из этих слов относится к необходимым заимствованиям и сохранилось в языке до наших дней.

Во-вторых, большинство из этих слов — слова, вошедшие в словарный состав русского языка в Петровскую эпоху или во второй половине XVIII в. и широко употреблявшиеся писателями и поэтами XVIII в.

В-третьих, работая над текстом своих произведений, Карамзин заменял слова иностранного происхождения русскими; особенно показательны в этом отношении пять редакций «Писем русского путешественника».[30] Текст второй редакции подвергся самым значительным изменениям. Целый ряд слов иноязычного происхождения, характерный для первой редакции, отсутствует

---

[30] Первая ред. — «Московский журнал», 1791—1792 (в тексте помимо страниц указываются части журнала) и «Аглая», 1794—1795; вторая ред. — Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, М., 1797 (в тексте помимо страниц указываются тома издания); третья ред. — Н. М. Карамзин, Соч., 1803; четвертая ред. — Н. М. Карамзин, Соч., 1814 (в дальнейшем при ссылке на это издание год не указывается); пятая ред. — Н. М. Карамзин, Соч., 1820.

во второй. Это дает возможность отвергнуть мнение Белинского, Грота, Благого, Булаховского и других исследователей о влиянии критических статей Шишкова на правку Карамзиным своих произведений.

«Рассуждение о старом и новом слоге» Шишкова вышло в свет в 1803 г., а вторая редакция «Писем русского путешественника» относится к 1797 г. Следовательно, Карамзин правил текст «Писем», не учитывая пожеланий Шишкова, правка производилась до полемики шишковистов и карамзинистов.

В «Московском журнале»	В изд. 1797 г.
Хозяин расспрашивал меня о моем вояже (ч. 1, стр. 33).	Хозяин расспрашивал меня о моем путешествии (ч. I, стр. 17).
На польской границе визитация была не строгая (ч. 1, стр. 52).	На польской границе осмотр был не строгий (ч. I, стр. 47).
Но прервем диалог (ч. 1, стр. 163).	Но прервем разговор (ч. I, стр. 73).
Партия за партией встречается на улицах (ч. 1, стр. 179).	Толпа за толпой встречается на улицах (ч. I, стр. 98).
Я начал декламировать против войны изо всей силы (ч. 1, стр. 181).	Я вооружился против войны всем своим красноречием (ч. I, стр. 102).
Ширмейстер решил процесс в его пользу (ч. 1, стр. 308).	Ширмейстер решил спор в его пользу (ч. I, стр. 122).[31]
Весьма интересная психологическая книга (ч. 2, стр. 42).	Весьма занимательная психологическая книга (ч. I, стр. 235).
Натурально, что за поклон на меня взглянули... ласково (ч. 2, стр. 152).	Как водится, за поклон на меня взглянули (ч. I, стр. 260).[32]
Он каждому рекомендовал меня (ч. 3, стр. 47).	Он каждому представлял меня (ч. II, стр. 56).
Еще то скажу вам, промолвил я, что перевод по большей части литтерален и ясен (ч. 3, стр. 48).	Перевод по большей части верен и ясен (ч. II, стр. 56).
Я не знаю, как мне говорить с вами. Может быть, вы мастер мой в поэзии (ч. 3, стр. 168).	Может быть, вы учитель мой в поэзии (ч. II, стр. 104).
Надеюсь, что вы не сочтете наглостью того, что было плодом энтузиазма, произведенного во мне вашими прекрасными сочинениями (ч. 3, стр. 176).	Надеюсь, что вы не сочтете наглостью того, что было плодом ревности (ч. II, стр. 111).[33]
Теперь я начинаю вами интересоваться (ч. 3, стр. 174).	Теперь вы вселили в меня желание узнать вас покороче (т. II, стр. 113).
Немцы прилежали только к сухой учености или эрудиции (ч. 3, стр. 178).	Немцы прилежали только к сухой учености (ч. II, стр. 121).

---

[31] В последующих редакциях: Ширмейстер решил дело в его пользу (Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 70).

[32] В последующих редакциях: Надобно думать, что взор мой стоил комплимента: на меня взглянули (Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 14).

[33] В последующих редакциях снова введено в текст слово иностранного происхождения: что было действием энтузиазма (Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 232).

Ибо человек сам по себе есть фрагмент (ч. 8, стр. 79).	Ибо человек сам по себе есть фрагмент или отрывок (ч. IV, стр. 88).

Из приведенных примеров видно, что правка текста производилась различными способами. В одних случаях Карамзин опускал иноязычное слово, если оно не имело русского синонима (эрудиция), в других давал русское соответствие (фрагмент или отрывок), но обычно слово иноязычное заменялось русским или переводилось описательно и приблизительно (интересоваться — желать узнать покороче, натурально — как водится, надобно думать).

В некоторых случаях Карамзин предугадал историю отдельных слов: *вояж, визитация, литтеральный* вышли из употребления. Но иногда он заменял русскими те иноязычные слова, которые сохранили право гражданства и в наше время (диалог, процесс).[34] Это характерно и для других писателей конца XVIII—начала XIX в. Так, в журнале Крылова «Зритель» под сомнение ставится употребление слов *сцена, фигура*, но признаются необходимыми нововведениями *тротуар* и *талант*.

Вряд ли можно обвинять Карамзина или Крылова в недостатке языкового чутья. В XVIII в. в словарный состав вошло значительное количество иноязычных слов, а «время решило — которым словам остаться в употреблении и укорениться в языке и которым исчезнуть».[35]

Исправление текста «Писем русского путешественника» не означало, что Карамзин полностью отказался от употребления иноязычных слов. В произведениях Карамзина их очень много. Но большинство из них, как уже было сказано выше, это слова, вошедшие в русский литературный язык до Карамзина и широко употреблявшиеся различными писателями XVIII в.

СЛОВА, ВОШЕДШИЕ В РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В XVIII в. ДО КАРАМЗИНА

1. Наиболее обширный круг иноязычной лексики, встречающейся в произведениях Карамзина, — это слова, вошедшие в русский литературный язык в Петровскую эпоху (а некоторые и в допетровскую), в период наиболее интенсивных словарных заимствований, о чем свидетельствуют художественные произведения и деловые памятники первой половины XVIII в.: «Полное собрание законов»,[36] «Книга морской устав»,[37] произведения Кан-

---

[34] Показательно, что Карамзин иногда вновь возвращается к иноязычному слову (энтузиазм—ревность—энтузиазм).

[35] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 192.

[36] Полное собрание законов. Т. V. Конец XVII—начало XVIII века. СПб., 1830.

[37] Книга морской устав. СПб., 1720.

темира, Ломоносова, «Морские ведомости» и журнал «Российский феатр» до середины XVIII в.

Речь идет о словах: абшид, адресовать, аллея, антидот, аппеляция, аппетит, арестант, архитектура, ассигнация, аффект, багаж, бал, банкир, берейтор, биллиард, биржа, бот, борт, вексель, визит, визитация, волонтер, вояж, галерея, галстук, гармония, глобус, госпиталь, деликатный, директор, зонтик, инкогнито, интерес, интрига, ипохондрия, кавалер, камзол, канал, комиссар, коммерция, компания, концерт, консилиум, конференция, лекция, литтеральный, магистрат, манжеты, мануфактура, матрос, металл, метафизика, мизантроп, момент, натура, нация, обелиск, оранжерея, особа, партикулярный, партия, план, полицмейстер, портрет, почтальон, провинция, публиковать, публичный, пункт, пьедестал, революция, регулярный, рекомендовать, сервиз, театр, тон, трактат, триумф, фабрика, фейерверк, флер, флюгер, фурман, шоколад, эмблема и др.

Размеры статьи не позволяют дать полный анализ употребления указанных слов в литературе XVIII в. Приведем лишь несколько примеров.

Абшид — слово немецкого происхождения (Abschied), пришло в русский язык, очевидно, через посредство польского языка (abszyt), административный термин, означавший отставку, указ об отставке, отпуск, указ об отпуске, письменное свидетельство об увольнении. Это слово зафиксировано Словарем Нордстета 1780—1782 гг.,[38] Словарем Яновского 1803—1806 гг.[39] В «Словаре Академии Российской» [40] его нет. Встречается в деловых документах начала XVIII в.

В «Полном собрании законов»: Если он более служить не похочет... (комиссар обязан) честной абшид дать.[41]

В «Книге морской устав»: Если сыщется, что он учинил для своей прибыли или торгу, то он понижен чином, без абшита отпущен или оштрафован будет.[42]

У Ломоносова: [Профессора] требовали от академической службы абшидов, которые Шумахеровым ходатайством неукоснительно и выправлены.[43]

У Карамзина в «Письмах русского путешественника» это слово встречается в сочетании *взять абшид*, т. е. уволиться.

---

[38] Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом (в тексте: Словарь Нордстета 1780 г.). Ч. I, СПб., 1780. Ч. II, 1782.

[39] Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту (в тексте: Словарь Яновского 1803 г.). Ч. I. СПб., 1803. Ч. II. 1804. Ч. III. 1806.

[40] Словарь Академии Российской. СПб., 1789—1794.

[41] Полное собрание законов, т. V, № 3006.

[42] Книга морской устав, стр. 100.

[43] М. В. Ломоносов, Соч., т. I, СПб., 1891, стр. 151.

За ужином у нас был превеликий спор между офицерами о том, что делать в нынешних обстоятельствах честному человеку... Положить руку на эфес, говорили одни... Взять абшид, говорили другие.[44]

Слово *абшид* продолжает употребляться и в первой половине XIX в.

У Батюшкова: Все получил, и абшид из военной коллегии.[45]

У Пушкина: [Петр I] роздал абшиды генералам.[46]

Аллея — слово французского происхождения (allée), пришедшее в русский язык, очевидно, через посредство польского языка (aleja). Зафиксировано всеми словарями XVIII в. (в том числе и «Словарем Академии Российской»). Широко употребляется оно и писателями XVIII в. (Кантемиром, Сумароковым, Фонвизиным, Богдановичем, Державиным, Радищевым и др.) в произведениях различных жанров и различных контекстов, что позволяет сделать вывод: это слово уже в XVIII в. не воспринималось как варваризм.

У Кантемира: Я гуляю в изрядных и долгих аллеях в сени древес.[47]

У Богдановича: Прекрасный вид аллей, и рощей, и лесов.[48]

Карамзин также очень часто употребляет это слово.

В некотором расстоянии от Берлина начинается прекрасная аллея из каштановых деревьев.[49]

Аппетит — слово латинского происхождения (appetitus), пришедшее в руский язык, очевидно, через посредство польского (apetyt). Ср. также французское appétit, немецкое Appetit. Это слово зафиксировано Словарем Нордстета 1780 г. и Словарем Яновского 1803 г. В «Словаре Академии Российской» его нет, хотя в произведениях писателей XVIII в. это слово встречается довольно часто.

В «Архиве князя Куракина»: До еды аппетиту нимало не имел.[50]

У Крылова: Петиту нет совсем; ну что за прибыль есть, коль я без вкусу ем? [51]

У Болотова: Как мне уже немного полегчало, то приди ко мне превеликий аппетит к водке.[52]

У Карамзина: Возвращаясь, обедали мы с добрым аппетитом.[53]

Аффект — слово латинского происхождения (affectus), вошло в русский язык, очевидно, через посредство польского языка

---

[44] Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 31.

[45] К. Н. Батюшков, Соч., т. III, СПб., 1885, стр. 37.

[46] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. V, М.—Л., 1936, стр. 324.

[47] А. Д. Кантемир, Соч., письма и избр. переводы, т. II, СПб., 1868, стр. 359.

[48] И. Ф. Богданович, Соч., СПб., 1848, стр. 102.

[49] Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 88.

[50] Архив князя Ф. А. Куракина, т. I, СПб., 1803, стр. 254.

[51] И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1904, стр. 405.

[52] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, т. I, СПб., 1871, стр. 341.

[53] Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 21.

(afekt) в Петровскую эпоху, но в произведениях писателей XVIII в. встречается редко. Не зафиксировано слово и словарями XVIII—первой половины XIX века. Впервые зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Однако и оно не было введено в русский литературный язык Карамзиным.

У Шафирова: Король шведский... последовал своим аффектам (страстям), дабы возбудить турков против своих неприятелей.[54]

У Ломоносова: Очень также способны и падающие, или из хореев и дахтилев составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий, быть видятся.[55]

У Карамзина: Всякое слово говорит он с аффектом.[56]

Биллиард — слово французского происхождения (billiard), отмечено всеми словарями XVIII в. Широко употребляется писателями XVIII в.

У Ломоносова: Вместо бильярду употребить (время) на физические и химические опыты.[57]

В журнале «Трутень» 1769 г.: Тут начали играть на бильярде.[58]

В «Российском феатре»: Появились скрипачи, танцовщики... билиарды, зернь, кость.[59]

У Радищева: Бокума он нашел играющим на билиарде.[60]

У Карамзина: Второй сын герцога Орлеанского играл в биллиард с каким-то почтенным стариком.[61]

Вексель — слово немецкого происхождения (Wechsel), отмечено всеми словарями XVIII в. В «Лексиконе вокабулам новым» дано следующее определение этому слову: «Обмена денег через письмо». Слово употребляется писателями XVIII в.

В «Прикладах, како пишутся комплименты»: Ваше ко мне посланное писание, купо с приложенным векселем я получил.[62]

У Кантемира: Вексель на две тысячи рублей.[63]

В журнале «Трутень»: Правда, имел он на судью вексель, но помогает ли крестьянину вексель на судью.[64]

У Карамзина: Эмилия вышла за князя, который немедленно выкупил мои векселя.[65]

Вояж — слово французского происхождения (voyage), пришедшее в русский язык в Петровскую эпоху.

---

[54] Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 51.

[55] М. В. Ломоносов, Соч., т. III, стр. 8.

[56] Н. М. Карамзин, Соч., т. IV, стр. 186.

[57] М. В. Ломоносов, Соч., т. IV, стр. 372.

[58] «Трутень», 1769, т. II, стр. 271.

[59] Российский феатр, ч. XXXVIII, стр. 184.

[60] А. И. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1909, стр. 109.

[61] Н. М. Карамзин, Соч., т. IV, стр. 225.

[62] Приклады, како пишутся комплименты разные. М., 1712, стр. 263.

[63] А. Д. Кантемир, Соч., письма и избр. переводы, т. II, стр. 124.

[64] «Трутень», 1765, т. II, стр. 116.

[65] Н. М. Карамзин, Соч., т. VII, стр. 261.

В «Книге морской устав»: Ежели в дальних вояжах случится упадок людям.[66]

Впервые отмечено Словарем Яновского 1803 г. В «Словаре Академии Российской» его нет. В Словаре Яновского, в «Словаре живого великорусского языка» Даля и в «Словаре русского языка» 1895 г. Я. К. Грота зафиксированы однокоренные слова: вояжировать, вояжер.

Как было указано, Карамзин заменил слово *вояж* во второй редакции «Писем русского путешественника», но и употребление этого слова в первой редакции нельзя считать индивидуальным, так как все эти слова (вояж, вояжер, вояжировать) употреблялись писателями XVIII в.

В «Московских ведомостях» 1757 г.: Приехавшие сюда на сих днях как вояжиры, имели честь быть ее императорскому величеству представлены.[67]

В «Русском феатре»: Ты нас за столом усладил разговорами о твоих вояжах.[68]

У Фонвизина: Вояжирует в Митаву.[69]

У Болотова: И пустились мы в сей вояж дальний.[70]

Галерея — это слово пришло из итальянского языка как термин архитектуры.

В «Лексиконе вокабулам новым»: Покрытые переходы или гульбища.

В «Словаре Академии Российской»: Длинная комната или крыльцо крытое, по длине строения делаемое.

В литературе XVIII в. это слово употребляется широко.

В бумагах Петра Первого: Галлереи зело изрядны, тако ж и прочая резьба.[71]

У Кантемира: Версальская галлерея.[72]

У Болотова: Зеркальные стены в галлерее.[73]

У Карамзина встречаем различные сочетания: Картинная галлерея, Дрезденская галлерея, а также переносное употребление: Картинная галлерея Отечественной истории,[74] Галлерея славных россиянок.[75]

Гармония — слово греческого происхождения (ἁρμονία), вошедшее в западноевропейские языки через посредство латинского (harmonia). Ср. немецкое Harmonia, французское harmonie.

---

[66] Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, стр. 76.

[67] «Московские ведомости», 1757, № 84.

[68] Российский феатр, т. XXXV, стр. 254.

[69] Д. И. Фонвизин, Соч., письма и избр. переводы, т. I, 1866, стр. 112.

[70] Жизнь и приключения Андрея Болотова..., т. II, стр. 579.

[71] Письма и бумаги Петра I, т. III. СПб., 1889, стр. 384.

[72] А. Д. Кантемир, Соч., письма и избр. переводы, т. II, стр. 217.

[73] Жизнь и приключения Андрея Болотова..., т. I, стр. 66.

[74] Н. М. Карамзин, Соч., т. VI, стр. 337.

[75] Там же, т. IX, стр. 160.

В Словаре Яновского 1803 г. зафиксировано два значения этого слова. 1) В музыке: согласие, согласование многих голосов, соединенных вместе, производящих приятное впечатление в ухе. 2) Точный порядок, совершенное согласие, отношение симметрическое частей целого. В этих значениях слово широко употребляется писателями XVIII в.

У Ф. Прокоповича: Силы помянутых добродетелей... в сей великой душе во всесладкую гармонию согласуются.[76]

У Крылова: Ах, если б нежный соловей украсил его завтрак своею гармониею.[77] Или: Тела вращаются... в согласье стройном, дивном, в гармонии чудесной.[78]

Карамзин широко употребляет это слово в различных значениях в произведениях различных периодов и различных жанров.

В письме к Дмитриеву: Высокая гармония да будет всегда душою песней твоих.[79] В «Письмах русского путешественника»: Читал я им русские стихи разных мер и они чувствовали их определенную гармонию.[80] В «Историческом похвальном слове Екатерине Второй»: Два ума, два характера: ...составляют в последствии своем удивительную гармонию.[81]

Ипохондрия — слово греческого происхождения (ὑποχόνδρια), употреблялось в XVIII в. в двух фонетических вариантах: ипохондрия и гипохондрия. Обе формы слова встречаются и у писателей XVIII в.

В «Походном журнале» 1719 г.: Оные воды исцеляют различные жестокие болезни, а именно цынготную, ипоходриум, желчь.[82]
У Сумарокова:
Корнилий: Не угорела ты?
Миндора: Нет. Гипохондрия.[83]
Или: От ипохондрии я вечно не избавлен.[84]

Обе формы слова встречаются и в произведениях Карамзина.

В «Письмах русского путешественника»: Путешествуй гипохондрик. Чтобы исцелиться от своей гипохондрии.[85] И в письме к Вяземскому: Батюшков возвратился меланхоликом, ипохондриком.[86]

Мизантроп — слово греческого происхождения (μισάνθρωπος), вошедшее в русский язык через посредство польского языка (mizantrop), отмечено Словарем Яновского 1803 г. В «Словаре Академии Российской» и Словаре Нордстета его нет, однако слово встречается в литературе XVIII в.

---

[76] Феофана Прокоповича слова и речи, т. II. СПб., 1760, стр. 107.
[77] И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 463.
[78] Там же, т. II, стр. 13.
[79] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 102.
[80] Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 126.
[81] Там же, т. VIII, стр. 11.
[82] Походный журнал 1695... 1726 г., т. III. 1853, стр. 72.
[83] А. П. Сумароков, Полн. собр. соч., т. VI, М., 1781, стр. 78.
[84] Там же, т. VII, стр. 210.
[85] Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 22.
[86] Письма Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому. Старина и новизна, т. I, 1897, стр. 163.

У Феофана Прокоповича: Мизантропы, си есть человеконенавидцы.[87]

У Сумарокова: «Змею согреться впустил во свой еж дом. Одна в дому змея, так это не содом и может мизантроп в такой беседе зреться.[88]

У Крылова: Хвалю поступки и образ мыслей тех людей, которым дают название мизантропов».[89]

У Карамзина: И после того говорят, что Руссо был мизантроп.[90] Или: Известно, что Афинский Тимон был великий мизантроп.[91]

2. Часть иноязычных слов, встречающихся в произведениях Карамзина, — это слова, вошедшие в русский литературный язык во второй половине XVIII в.

Речь идет о словах: актер, балюстрада, каскад, корсет, лабиринт, ложа, мантилья, монумент, оркестр, партер, религия, символ, симпатия, симфония, сюртук, талисман, физиономия, флигель, эшафот и нек. др.

Об этом свидетельствуют показания словарей и произведения писателей второй половины XVIII в. докарамзинской поры. Показания словарей особенно важны. Наличие в них того или иного слова показывает его общеупотребительность, так как индивидуальное словоупотребление авторов словари не отмечали. Данные «Словаря Академии Российской» особенно важны, так как пуристически настроенные составители включили в словник минимальное количество из числа уже бытовавших на Руси иноязычных слов.

Так, в «Словаре Академии Российской» встречаем: анекдот, каскад, лира, мифология, пирамида, строфа, фрак, фаланга, фронтон.

Большинство иноязычных слов, употребляемых Карамзиным, впервые зафиксировано Словарем Нордстета 1780 г.: аббат, аббатство, автор, адвокат, адрес, алькоф, актер, актриса, антипатия, ария, балюстрада, билет, гений, гравировать, девиз, диван, домино, иллюминация, канапе, кандидат, капитал, кардинал, карниз, каталог, кокетка, колонна, комета, концерт, корсет, лабиринт, ложа, мантилья, маска, монумент, оркестр, партер, пластырь, религия, символ, симфония, софа, сюртук, талисман, фигура, физиономия, философия, флегматик, церемониймейстер, шарлатан, экономия, эпоха, эстамп, эпитафия.

Эти слова встречаются также в произведениях Богдановича, Сумарокова, Фонвизина, Княжнина, молодого Крылова, Клушина, в ранних произведениях Державина и Радищева.

Актер — слово французского происхождения (acteur). В Словаре Нордстета приводятся синонимы (ein Schauspieler, comediant, un acteur, comedien). В «Словаре Академии Российской» дана ссылка: «Зри лицедей».

У Фонвизина: Актеры двора ее императорского величества.[92]

---

87 Феофана Прокоповича слова и речи, т. I, СПб., 1760, стр. 242.
88 А. П. Сумароков, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 26.
89 И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 29.
90 Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 21.
91 Там же, т. VII, стр. 44.
92 Д. И. Фонвизин, Соч., письма и избр. переводы, т. I, стр. 116.

У Карамзина: Лишь только опустили занавес, со всех сторон высыпали на сцену актеры и актрисы.[93]

Канапе (французское canapé). В «Словаре Академии Российской» дано определение: «Род длинных кресел, на которых несколько человек рядом усесться могут».

У Сумарокова: Ученый человек, свое здоровье нежа на канапе и лежа, читал.[94]

У Карамзина: Хожу один или, сидя на дерновом канапе, читаю книгу.[95]

В литературе XVIII в. это слово можно встретить и в просторечной форме: *канапея, канапей.*

В «Московских ведомостях»: Продается дом... с разными канапеями, креслами, стульями.[96]

В «Российском феатре»: Канапей покрыт камкою.[97]

Каскад — слово итальянского происхождения (cascata), пришедшее в русский язык из французского (cascade).

У Богдановича: Каскады и пруды... прекрасные сады.[98]

У Карамзина: Лужок с каскадом нравится мне.[99]

Кокетка (французское coquette).

У Сумарокова: Кокетку видел я в подьяческой беседе.[100]

У Карамзина: Она есть не что иное, как страшная, безрассудная кокетка.[101]

Оркестр — слово греческого происхождения (ὀρχήστρα), вошедшее в русский язык из французского (orchestre). В «Словаре Академии Российской» его нет. Отмечено словарями Нордстета и Яновского.

У Богдановича: Играл и правил там оркестром Аполлон.[102]

У Карамзина: В оркестре было 900 музыкантов.[103]

Сюртук (французское surtout). В литературе XVIII в. встречается в форме *сертук.*

У Княжнина: Широкий мой сертук я серенький оставил.[104]

У Карамзина: Я почти не выхожу из своего синего, табаком засыпанного сертука.[105]

---

[93] Н. М. Карамзин, Соч., т. IV, стр. 64.
[94] А. П. Сумароков, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 247.
[95] Н. М. Карамзин, Соч., т. IV, стр. 264.
[96] «Московские ведомости», т. 74, № 32.
[97] Российский феатр, т. XII, стр. 235.
[98] И. Ф. Богданович, Соч., стр. 102.
[99] Н. М. Карамзин, Соч., т. I, стр. 126.
[100] А. П. Сумароков, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 124.
[101] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 113.
[102] И. Ф. Богданович. Чудаки, д. 1, явл. 1.
[103] Н. М. Карамзин, Соч., т. V, стр. 184.
[104] Российский феатр, т. I, стр. 16.
[105] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 320.

Экономия — слово греческого происхождения, пришедшее в русский язык из французского (économie). В «Словаре Академии Российской» определяется как *домоводство*.

В журнале «Трутень»: Больная должна чаще быть дома и смотреть за своею экономиею.[106]

У Карамзина: Нынешний год неблагоприятен для нас и в экономии: едва ли что получим из деревень от худого урожая и пожара.[107]

Это слово употреблялось и в значении «бережливость».

У Ломоносова: Всегдашние недостатки в деньгах происходили от худой экономии Шумахеровой.[108]

У Радищева: Купцы, проезжая налегке, платили за почтовые подводы, хотя с великою экономиею.[109]

У Карамзина: Впрочем, я из экономии не напечатал в августе ни одной из твоих пьес.[110]

3. Однако ряд слов иноязычного происхождения, встречающихся на страницах произведений Карамзина, не зафиксирован словарями XVIII в. Это не означает, что слова подобного рода введены в употребление Карамзиным. Словари XVIII—XIX вв. не совсем полно отражают картину распространения в России ряда иностранных слов. Многие слова, не отмеченные словарями XVIII в., употреблялись в литературе и до Карамзина.

Об этом свидетельствуют произведения писателей XVIII в. Речь идет о следующих словах: арабеска, барельеф, бассейн, букет, бюро, гипотеза, готический, декламация, дессерт, жилет, квакер, клуб, краген, мавзолей, манускрипт, мина, моральный, пансионер, пилястры, парадокс, туалет, феномен, энтузиазм.

Впервые большинство этих слов зафиксировано в Словаре Яновского 1803 г. Но произведения писателей XVIII в. свидетельствуют о более раннем употреблении.

Бюро (французское bureau). Употребляется Крыловым, Державиным.

У Крылова: Барыня приказала благодарить графа за тафту и бюро.[111]

У Карамзина: С милой поспешностью выхватил он из бюро свои бумаги.[112]

Букет (французское bouquet).

У Богдановича: Она ясминный дух с отменою любила и те цветы себе в букет употребила.[113]

У Карамзина: Мы весь тот день с сельскими девушками делали букеты.[114]

---

[106] «Трутень», 1769, стр. 73.
[107] Письма Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому, стр. 147.
[108] М. В. Ломоносов, Соч., т. IV, стр. 54.
[109] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 73.
[110] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 98.
[111] И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 204.
[112] Н. М. Карамзин, Соч., т. IV, стр. 79.
[113] И. Ф. Богданович, Соч., т. I, стр. 116.
[114] Н. М. Карамзин, Соч., т. VII, стр. 40.

Гипотеза — слово греческого происхождения (ὑπόθεσις), в форме *ипотеза* встречается в произведениях Ломоносова:

Журналисты не должны торопиться порицать ипотезы. Они позволительны и в предметах философских.[115]

У Радищева встречаются две формы:

Бытие эфира есть только предположенное, а не досказанное, изобретенное для объяснения ипотезы; [116] Сию гипотезу можно наравне поставить со всеми другими вымышлениями.[117]

У Карамзина встречается только в форме *гипотеза:*

По гипотезе ученых берлинцев, он был орудие тайных иезуитов.[118]

Клуб — слово английского происхождения (club), в литературном языке XVIII в. встречается в двух формах: *клуб* и *клоб.*

У Сумарокова: Где всякий день почти и клоб и маскерады.[119]

У Державина: Не слишком любишь маскарады, а в клоб не ступишь и ногой.[120]

У Карамзина: Пусть он воюет и торжествует в двух английских клобах;[121] Есть здесь особливые ученые общества или клубы.[122]

Мина (французское mine). В Словаре Яновского 1803 г. определяется как «взгляд, улыбка, взор, вид, происходящий от наружного сложения лица».

У Сумарокова: Под некою осиной, котора такова и такова-то миной.[123]

У Державина: Тогда посмотрим из их мин и движений, в котором ты кому понравишься.[124]

У Карамзина: Высокий, сухощавый человек... с острыми глазами, с ученою миной.[125]

Моральный — слово латинского происхождения (moralis), пришедшее в русский язык из французского (morale). В «Словаре Академии Российской» и даже в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. этого слова нет, но в литературе оно встречается часто.

У Кантемира: Моральные беззакония не извиняют нас незнанием.[126]

У Крылова: Моральная пища очень худо варится в физическом желудке.[127]

---

[115] М. В. Ломоносов, Соч., т. II, стр. 305.
[116] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 204.
[117] Там же, стр. 272.
[118] Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 213.
[119] А. П. Сумароков, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 254.
[120] Г. Р. Державин, Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1864, стр. 134.
[121] Письма Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому, стр. 152.
[122] Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 194.
[123] А. П. Сумароков, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 87.
[124] Г. Р. Державин, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 116.
[125] Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 186.
[126] А. Д. Кантемир, Соч., письма и избр. переводы, т. II, стр. 375.
[127] И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. II, стр. 116.

У Радищева: Доброта не только товара, но и моральных вещей основывается на мнении.[128]

У Карамзина: С живейшею способностью чувствовать красоты физического и морального мира.[129]

Феномен — слово греческого происхождения (φαινόμενα), вошедшее в русский язык из французского (phénoméne). Отмечено лишь Словарем Яновского 1803 г. («явление, знамение, чрезвычайное происшествие, приводящее в удивление своею новостью или редкостью»).

У Радищева: К другому роду относящиеся существа чувствам нашим не подлежат, но некоторые феномены в мире были поводом, что оные почли не действием вещественности, но существ другого рода.[130]

У Болотова: Врач сей... составляет около сего времени феномен необыкновенный.[131]

У Карамзина: Чувство бытия, личность, душа — все сие существует только потому, что вне нас существует по феноменам или явлениям, которые до нас не касаются;[132] Горесть глубокая, истинная горесть есть чрезвычайный феномен.[133]

СЛОВА ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ВПЕРВЫЕ УПОТРЕБЛЕННЫЕ КАРАМЗИНЫМ

Для ряда слов нам не удалось найти доказательств употребления их в русской литературе до Карамзина (не исключается, впрочем, что некоторые из них могут встретиться и в более ранних текстах).

1. Обычно это слова полутерминологического и терминологического характера, получившие распространение в первой половине XIX в. Речь идет о таких словах: авансцена, адепт, антикварий, аркада, артист, будуар, буффонство, водевиль, дилижанс, дуэт, кабриолет, карикатура, кокарда, контролер, кризис, милиция, отель, полиглот, профан, терраса, тост, тротуар, фаза, фантом, эгоист.

Большинство этих слов впервые зафиксировано Словарем Яновского 1803 г. Слово *буффонство* впервые зафиксировано «Словарем русского языка» 1895 г. Я. К. Грота. Слово *отель* — «Словарем живого великорусского языка» Даля, *полиглот* — «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Приведем несколько примеров.

Авансцена (французское avant-scéne).

Новый театр des Variétes огромнее всех здешних театров, великолепная зала, прекрасные ложи, блестящая аван-сцена.[134]

Антикварий — слово латинского происхождения (antiquarius).

---

[128] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 63.
[129] «Аглая», 1794, ч. 1, стр. 14.
[130] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 191.
[131] Жизнь и приключения Андрея Болотова..., стр. 431.
[132] Н. М. Карамзин, Соч., т. VII, стр. 253.
[133] Там же, стр. 260.
[134] «Московский журнал», ч. 5, стр. 25.

В публичной библиотеке показывают многие редкие рукописи и древние медали, которым цену знают только антикварии.[135]

В современном языке укрепилась форма *антиквар* из французского языка.

Аркада (французское arcade).

Толстая стена с аркадами, в несколько аршин величиной.[136]

Артист (французское artiste).

Но чем же в бедной земле будет награжден писатель или художник. Похвалою, одобрением, удовольствием своих сограждан, вот то, что истинному артисту всего дороже.[137]

Будуар (французское boudoir).

К зале примыкают два кабинета: баня и будуар.[138]

Буффонство — слово французского происхождения (от bouffon), зафиксировано впервые «Словарем русского языка» Я. К. Грота (1895). Однокоренные с ним слова зафиксированы «Словарем живого великорусского языка» Даля (буфон, буфонить, буфонский).

У Карамзина: Комедии их держатся запутанными интригами и карикатурами, в них мало истинного остроумия, много буффонства.[139]

У Вяземского: Веселость их не сбивается на пошлость и буфонство.[140]

Карикатура — слово итальянского происхождения (caricatura, ср. французское caricature).

Как француз на всякий случай напишет песенку, так англичанин на все выдумает карикатуру.[141]

Полиглот — слово греческого происхождения (от πολύ — много и γλῷσσα — язык), вошедшее в русский язык из французского (polyglotte). Впервые отмечено «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. И. Ушакова.

У Карамзина: Быть просвященным есть быть здравомыслящим, не ученым, не полиглотом, не педантом.[142]

У Вяземского: Каково же было изумление слушателей, когда узнали они, что этот полиглот... не переступал русской границы.[143]

Профан — слово латинского происхождения (profanus), вошедшее в русский язык из французского (profane).

Хотя в любимых его науках я совершенный профан — однако ж мы нашли материю для разговора.[144]

---

135 Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 37.
136 «Московский журнал», ч. 4, стр. 51.
137 «Аглая», ч. 1, стр. 62.
138 Н. М. Карамзин, Соч., т. V, стр. 95.
139 Там же, стр. 258.
140 П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. IX, СПб., 1878, стр. 252.
141 Н. М. Карамзин, Соч., т. V, стр. 195.
142 «Аглая», ч. 1, стр. 72.
143 П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 101.
144 Н. М. Карамзин, Соч., т. III, стр. 164.

Симметрия — слово греческого происхождения (συμμετρία), пришедшее в русский язык из французского (symétrie).

Сад Трианона есть совершенство садов английских, нигде нет холодной симметрии.[145]

Фантом — слово греческого происхождения, пришедшее в русский язык из французского (fantôme). Толкуется Словарем Яновского 1803 г. как «призрак, мечта, пустое воображение».

„Все главные идеи трактата его поднялись бы в воздух и рассеялись в дым, как пустые фантомы.[146]

Эгоист — слово латинского происхождения, вошедшее в русский язык из французского (égoiste).

Заметьте, что холодные люди вообще бывают великие эгоисты.[147]

Большинство остальных слов этой группы употребляются Карамзиным в «Письмах русского путешественника» для описания быта различных западноевропейских стран, для создания так называемого couleur local, что характерно для историков и писателей до наших дней. Так, описывая быт и нравы Англии, Карамзин употребляет слова: клерк, леди (лади), мисс, лорд-мэр (мер), лорд-канцлер, пакетбот (пакет-бот), пенс, портер, пудинг, пунш, пэр (пер). При описании жизни Германии: бургомистр, биргермейстер, талер, филистер, цеихгауз (цейгауз). При описании жизни Швейцарии: глетчер, розенлавинглетчер, франк и др.

Большинство этих слов сохраняются и в современном русском языке, в пассивном словарном запасе писателя и читателя, и употребляются при характеристике быта и культурно-экономической жизни различных народов.

Слов иноязычного происхождения, не характерных для широкого употребления в XVIII—XIX в., в произведениях Карамзина очень мало, но они есть: ажиотер, баваруаза, гренье, куртизировать, мизоген, мизософ, ревертер, савояр, субскрибент.

Ажиотер (французское agioteur) — человек, торгующий денежными бумагами. Это слово зафиксировано Словарем Яновского 1803 г. В произведениях писателей XVIII в. не встречается. Карамзин употребляет его при описании улицы Кенкампуа, где происходили продажа и обмен денежных бумаг:

Тут горбатые торговали своими горбами, т. е. позволяли ажиотерам писать на них.[148] Ср. у Герцена в «Письмах из Франции и Италии»: Настоящим положением Франции все недовольны, кроме записной буржуазии и ажиотеров.[149]

Баваруаз (французское bavaroise) — напиток, приготовленный из молока и фруктового сока, как свидетельствует «Grand Diction-

[145] Там же, т. V, стр. 93.
[146] Там же, т. VII, стр. 29.
[147] Там же, т. V, стр. 393.
[148] Там же, т. IV, стр. 282.
[149] А. И. Герцен, Полн. собр соч. и писем, т. V, Пгр., 1919, стр. 160.

naire universel». Карамзин употребляет это слово при описании парижского кафе.

Человек... который сидит... за чашкою бавaруаза, говорит не умолкая.[150]

Гренье (grenier). Карамзин сам объясняет в тексте: «т. е. чердак».

Он... ложится на соломенный тюфяк в каком-нибудь гренье и засыпает покойнее многих крезов.[151]

Савояр (французское savojard) — трубочист. Карамзин употребляет это слово при описании парижской улицы.

В 5-м часу показываются на улицах работники, савояры, поденщики.[152]

Ср. у Герцена: Перед ним стоял савояр..., мальчик лет двенадцати.[153]

Слова *мизогин* и *куртизировать* также не являются словами литературного языка XVIII в., можно говорить о бытовании этих слов в узкой социальной среде. Это модные слова, характерные для речи дворян, характерные для так называемого дворянского жаргона.

Куртизировать (французское courtiser) — волочиться, ухаживать за дамами. В Словаре Яновского 1803 г. отмечено с указанием на ограниченную сферу употребления: «Слово в дружеских обращениях употребляемое».

У Карамзина: Молодые щеголи из студентов... играют в карты, танцуют, куртизируют.[154]

Ср. у Герцена: Играю в карты — очень неудачно, куртизирую кое-кому гораздо удачнее.[155]

Мизогин — слово греческого происхождения (от μισέω — ненавижу и γυνή — женщина), заимствованное из французского (misogyne).

В русском языке укрепилась калька *женоненавистник*.

Карамзин в стихотворном «Послании к женщинам» к фразе *Несчастный мизогин в Сибири век живет* делает примечание: «т. е. ненавистник женского пола».[156]

Из индивидуальных словоупотреблений Карамзина можно отметить только одно слово *субскрибент* — подписчик (ср. немецкое subscribent, латинское subscribendarius, французское souscripteur). Карамзин часто употребляет это слово.

В «Московском журнале»: Почтенные субскрибенты могут получить его не прежде, как месяца через два.[157]

В «Вестнике Европы»: Число субскрибентов ежегодно умножалось.[158]

---

150 Н. М. Карамзин, Соч., т. V, стр. 18.
151 Там же, стр. 19.
152 Там же, т. IV, стр. 151.
153 А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. XIV, 1920, стр. 349.
154 Н. М. Карамзин, Соч., т. II, стр. 223.
155 А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. I, 1919, стр. 196.
156 «Аглая», ч. 1, стр. 198.
157 «Московский журнал», ч. 1, стр. 6.
158 «Вестник Европы», 1802, ч. 3, стр. 58.

Но индивидуальное словоупотребление не было характерно для Карамзина при выборе лексики иностранного происхождения.

Слова иностранного происхождения, встречающиеся в произведениях Карамзина, это по преимуществу слова, уже достаточно обычные для русского литературного языка XVIII—начала XIX в., или слова, вошедшие в литературный язык в послекарамзинскую эпоху, что лишний раз свидетельствует о тонком языковом чутье Карамзина.

Как видно из материала, число слов иноязычного происхождения, введенных в литературный язык Карамзиным, сравнительно невелико. Возможно, что и эти слова употребляли в своих произведениях некоторые писатели XVIII в., но Карамзин дал им право гражданства, так как его произведения привлекали к себе внимание широкого круга читателей. Это лишь одна сторона вопроса. Показательно также, что почти все слова, введенные Карамзиным в литературный язык, и большинство слов, которые употреблял Карамзин в своих произведениях, сохранились в современном литературном языке. Это объясняется выбором определенных групп иноязычной лексики. Как уже говорилось, Карамзин в основном употребляет интернациональную лексику полутерминологического и терминологического характера, связанную с понятиями культуры, литературы, искусства.

Так, в произведениях Карамзина много слов, относящихся к театральной жизни: акт, актер, актриса, амфитеатр, арена, ария, балет, водевиль, декламация, декорация, дуэт, жест, концерт, ноты, оркестр, пантомима, партер, роль, симфония, театр, труппа и др.

Термины архитектуры: аркада, архитектура, балюстрада, барельеф, галерея, готический, карниз, каскад, павильон, пилястры, плафон, портал, терраса, фасад, флигель, эскиз, эстамп и др.

Слова, характеризующие явления общественно-политической и административной жизни России и Западной Европы XVIII в.: адвокат, ассигнация, банкир, биржа, вексель, визитация, директор, капитал, комиссар, коммерция, конференция, милиция, полицмейстер, провинция, процент, фабрика и др.

Слова, характеризующие быт дворянских кругов России XVIII в.: бал, биллиард, визит, вояж, домино, клуб, фейерверк, берейтор, камердинер, бассейн, грот, оранжерея, бюро, диван, канапе, клавесин, ковер, сервиз, софа, букет, букли, медальон, галстук, жилет, корсет, манжеты, сертук, фрак, шаль, шлафрок и др.

Научные термины: гипотеза, глобус, иероглифы, консилиум, кризис, манускрипт, метафизика, трактат, эксперимент, эстетика и др.

Итак, почти все слова иноязычного происхождения, встречающиеся в произведениях Карамзина, являются уже достаточно известными в русском литературном языке XVIII в. или введены в литературный язык Карамзиным, но сохранились в нем до настоящего времени.

Е. Э. БИРЖАКОВА

ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ» 1789—1794 гг.

Теория фразеологии имеет еще очень короткую, примерно пятидесятилетнюю историю. Практическое же обращение к фразеологическим материалам языка началось гораздо раньше — с составления первых словарей.[1] Значительный вклад в решение проблем, связанных с фразеологией, был внесен русской лексикографией начиная со «Словаря Академии Российской» 1789—1794 гг.[2]

Оперируя богатым лексическим материалом, составители Словаря должны были решить для себя ряд вопросов фразеологии, тогда еще не привлекавших специального внимания филологов. Они должны были прежде всего выяснить, какие сочетания требуют самостоятельного толкования, а какие укладываются в значение слова, произвести отбор самих сочетаний, которые следовало описать в Словаре, выработать принципы истолкования, найти способы размещения. Не было еще и общепринятых терминов для обозначения устойчивых лексических единиц. В предисловии к Словарю сообщалось, что его задачей является «изъяснение слов, речений, речей и разного образа вещаний в языке славенороссийском употребительных». «Слово» и «речение» в лингвистике XVIII в. были понятиями близкими, зачастую взаимозаменяемыми. Так истолкованы они и в самом Словаре:

Слово. Всякое речение состоящее из известного числа складов и служащее знаком изобразительным какой-либо вещи (V, 533).
Речение. Слово (V, 120).

Правда, М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» делает различие между терминами «слово» и «речение», рассматривая пос-

---

[1] См. примеры в статье: Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. Уч. зап. Ленинградского гос. унив., сер. филологич. наук, вып. 24, 1956, стр. 204—205.

[2] Словарь Академии Российской, чч. I—VI, СПб., 1789—1794 (в дальнейшем: Словарь; римская цифра — часть, арабская — страница).

леднее как обозначение «знаменательных» частей слова.[3] И сами авторы Словаря под речениями понимали не только слова, но и сочетания слов. Так, выделенные при слове *бог* сочетания *бог даст, бог подаст, моли бога, бог земной, бог с тобой, что бог послал, что бог даровал* или *дал* сопровождаются указанием «речение». Пометой «речение» характеризуются иногда терминологические сочетания:

Битое мясо. Речен. поварен. (I, 177); **Бой барабанной.** Реч. военн.; **Бой подошевный,** 1) Реч. воен. 2) Реч. сапожников (I, 180); **Итти на отбой,** речен. военн. (I, 198); **Бросать лен,** речен. пахотн. (I, 344); **Выиграть ветр.** Речен. морское (III, 192).

О различении значений в «слове» и «речении» свидетельствует также и сообщение президента Российской Академии кн. Е. Р. Дашковой о том, что «государыне, покровительнице Российской Академии, благоугодно, чтобы в сочиненном академией словаре избегать всевозможным образом слов чужеземных, а наипаче речений».[4] В «Уставе Императорской Российской Академии» имеется очень важное указание на различие терминов «слово» и «речение»: «Богатство языка явствует из обилия слов и речений (фразесов), когда всякая вещь, всякая мысль и всякое деяние собственными словами или речениями изображается».[5]

«Речь» имеет в Словаре следующее толкование: «Слово или собрание многих слов, выражающих какой-либо смысл». Следующие за толкованием примеры свидетельствуют, что имеются в виду не фразеологические сочетания: «Остроумная, колкая, пустая, вздорная речь. Я понял из ваших речей противное. Не о том речь» (V, 121).

В словарных статьях термин «речь» не нашел применения, поэтому затруднительно говорить о том, какой именно смысл вкладывался в него в предисловии.

«Вещание» в Словаре не получило терминологического толкования, но, очевидно, под «разного рода вещаниями» авторы понимали сочетания слов. Это подтверждается текстом Словаря — при многих выделенных сочетаниях дается пометка «вещание» или (чаще) «образ вещания», например:

Бог весть, бог знает. Вещание ответственное, означающее недоумение или сумнение (1, 248); **Своды сводить.** Образ вещания простонародного, значащий: заводить смуты, переносить смутные речи (I, 566). См. также: збиваю оскомину (I, 1880); перебиваю лавочку у кого (I, 199): на босу ногу (I, 299); булавка в голове (I, 379); валится из рук (I, 465) и многие другие.

Кроме того, в тексте Словаря, правда, довольно редко, используется термин «выражение», например при сочетаниях: распустить

---

[3] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 403, 418.

[4] Цит. по: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 8. СПб., 1878, стр. 129.

[5] Цит. по: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, стр. 425.

глотку, налить глотку, заткнуть глотку (II, 87); на горло наступя, распустить горло, промочить горло, сыт по горло, всего по горло, в горло нейдет (II, 250—251); бить табалу (VI, 3).

Следовательно, лексикография конца XVIII в. не установила единого термина для обозначения фразеологических единиц, и составители Словаря употребляли синонимично «вещание» (или «образ вещания»), «речение», «выражение». Последнее и закрепилось в дальнейшей академической лексикографической практике — в «Словаре церковнославянского и русского языка»[6] указывается на обязательность «присовокупить все особенные выражения».

Представленные в Словаре толкуемые сочетания слов в соответствии с их характером и манерой описания могут быть разделены на три большие группы: 1) пословицы, поговорки, присловицы; 2) терминологические сочетания; 3) фразеологические выражения, идиоматика.

Внимание к пословичному материалу свидетельствует о том весе, какой имела народная речь в составе литературного языка. Пословицы и поговорки щедро рассыпались в художественных произведениях простого слога, особенно в комедии и комической опере, жанрах, наиболее близких по языку к речи народных масс. Уже в первой своей комедии «Ссора у мужа с женою» (1750) Сумароков включает в речь персонажей такие поговорки и пословицы: иногда и свинья рыло подымает; смиренье — молодцу ожерелье; суженой конем не объедешь. И в более поздних комедиях Сумароков пользуется пословицами и поговорками, например: гром-ат гремит не всегда из небесной тучи, да иногда из навозной кучи; с сильным не борись, а с богатым не тяжись («Рогоносец по воображению»); что взято, то и свято; каков поп, таков и приход; каков в колыбельку, таков и в могилку; кто без греха и кто бабе не внук; какая честь, коли нечего есть; брань на вороту не виснет; не красна изба углами, красна пирогами; век жить, век учиться; хвали сон, когда сбудется («Опекун»). Богато представлены поговорки и пословицы в комической опере М. Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор»: брань на вороту не виснет; стыд не дым, глаза не выест; не спросясь броду, да сунулись в воду; в сорочке родилась; дело не медведь, в лес не уйдет; не солоно хлебавши; черта крести, а черт в воду лезет; дуракам закон не писан; беси в воду и пузырья вверх; так зальем, что и ворота запрем; соловья баснями не кормят; свои собаки грызутся, а чужая не приставай; зачали за здравие, а свели за упокой; как поживешь, так и прослывешь.

Пословицы находили себе место не только в художественной литературе. Академик Лепехин, описывая свое путешествие по России, считает возможным прибегать к пословицам: или добыть или домой не быть; те же щи перевариваю; кто празднику рад, тот до

[6] Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук, тт. I—IV. СПб., 1847 (в дальнейшем: Слов. Акад. 1847).

свету пьян; по наш век будет, а после нас хоть трава не расти; тише едешь, дальше будешь.[7]

Включение пословиц в литературную речь имело и теоретическое обоснование в трудах Ломоносова. Ломоносов указывает, что «выбирание из книг хороших речений, пословий и пословиц» необходимо тому, кто «хочет говорить красно».[8] Описывая троп аллегорию, Ломоносов приводит в качестве примеров чистой и смешанной аллегории пословицы: и всяк спляшет, да не так, как скоморох; молебен пет, а польги нет; либо полон двор, либо корень вон.[9] Известно, что Ломоносов собирал пословицы и готовил их к опубликованию. К сожалению, собранные Ломоносовым материалы не сохранились.

Известную роль сыграло, очевидно, и то обстоятельство, что один из авторов Словаря, поэт И. Ф. Богданович, примерно в то же время занимался собиранием пословиц, выпустив в 1785 г. сборник «Русские пословицы». Его участие в Словаре было оговорено в Предисловии к второму тому: «Ипполит Федорович Богданович сообщил слова, собранные им в буквенном порядке, начинающиеся с Ф, и сделанное им собрание народных слов и поговорок». Возможно, что участие Богдановича в первых томах Словаря (с четвертого тома он не числится в списке авторов) сказалось в количественном преобладании пословиц, поговорок в первых трех томах (в первом — 62, во втором — 58, в третьем — 27) по сравнению с последующими (в четвертом — 8, в пятом — 10, в шестом — 13). Однако сборник пословиц Богдановича лишь в незначительной части перекликается с пословичным материалом Словаря. Прямые совпадения единичны, например *бог дал, бог и взял*. Многие пословицы подвергнуты Богдановичем обработке: *быть так, коли пометил дьяк, про одни дрожжи не говорят трожди* даны у Богдановича (как и подавляющее число пословиц его сборника) в виде стихотворных строчек с правильным размером: *быть-скать делу так, как пометил дьяк, про старые-скать дрожжи не говорят потрожды;* вместо пословицы *не ставь сени булдырем* появилась назидательная сентенция:

Не зови ты боярских сеней болдырем,
А поклон болдырю, да челом да добром,
Так и с милостью барской воротишься в дом.

Можно считать, что материалы, легшие в основу «Русских пословиц» Богдановича, не были использованы Словарем.

Бросается в глаза огромное количество совпадающих пословиц и поговорок в Словаре и в приложении к «Письмовнику» Н. Курга-

---

[7] Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина, т. I, СПб., 1795.

[8] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 237.

[9] Там же, стр. 251. — В Словаре помещен вариант этой пословицы: или корень вон, или полон двор (III, 816).

нова.[10] Первое издание этой чрезвычайно популярной в свое время книги вышло в 1769 г., то есть за двадцать лет до выхода в свет первого тома «Словаря Академии Российской». До 1789 г. «Письмовник» был переиздан, с рядом добавлений и исправлений, 5 раз. Последнее издание его вышло в 1837 г. В первом «Присовокуплении» Курганов поместил «собор разных пословиц и поговорок», расположив их в алфавитном порядке. Это был огромный для того времени печатный сборник пословиц, около 1000 единиц. Широкая популярность книги и богатство собранного в ней пословичного материала дают основание предполагать, что она была в поле зрения составителей Словаря. Подавляющее большинство пословиц Словаря (более чем три четверти) наличествует и у Курганова. Многие совпадают текстуально полностью, например: беда глупости сосед; на грех мастера нет; невидаль корову купил, будет ли на лето трава; дураку и в алтаре не спускают; волку зима за обычай; сколько волка не корми, а он к лесу глядит; два чиренка тот же утенок; береги денежку на черный день; тише едешь — дале будешь; чужую кровлю кроет, а своя каплет; отольются волку коровьи слезы; не рада баба повою, рада покою; в мутной воде хорошо рыбу ловить; даровому коню в зубы не смотрят; без притчи века не изживешь; сытый голодного не разумеет; быть так, коли пометил дьяк; каков в колыбельку, таков и в могилку и др. Некоторые пословицы представляют собой варианты. Например, в Словаре — не купи дому, купи соседа, у Курганова — не купи двора, купи соседа; в Словаре — конь о четырех ступнях, да и тот спотыкается, у Курганова — конь о четырех ногах, и тот спотыкается; в Словаре — одна паршивая овца все стадо перепаршивит, у Курганова — одна паршивая овца все стадо портит; в Словаре — ворон ворону глаза не выклюнет, у Курганова — ворон ворону глаза не выклюнит, а хоть выклюнит да не вытащит; в Словаре — не копай над другом ямы: сам в нее скорее попадешь, у Курганова — не рой под другом ямы: сам ввалишься; в Словаре — славны бубны за горами, у Курганова — звонки бубны за горами, а к нам придут как лукошки; в Словаре — ни шатко, ни валко, у Курганова — живи ни шатко, ни валко, ни насторону. Число подобных примеров можно было бы увеличить. В архиве Академии наук хранились и рукописные сборники пословиц, среди них такие, как сборник 339 пословиц В. Н. Татищева и «Сборник пословиц и присловиц российских, которые в повестях и во употреблении народных речах бывалые» А. И. Богданова, включающий 4996 номеров.[11] Автор этого сборника принимал непосредственное участие в подготовке материалов для «Словаря Академии Российской» — собирал технические термины и дру-

---

[10] Н. Курганов. Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие. СПб., 1769.

[11] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961.

гие слова как из книг, так и из устной практики. Очень многие пословицы сборника Богданова перекликаются с пословицами, включенными в Словарь, они же имеются и в сборнике Курганова, например: богу молись, а сам не плошись; беда — глупости сосед; на грех мастера нет; невидаль корову купил — будет ли на лето трава; волку зима за обычай; глаз видит, да зуб неймет; куй железо, пока горячо; береги денежку на черный день и др. Это фонд наиболее употребительных пословиц, представленных во многих сборниках и часто используемых в художественных, мемуарных и других произведениях. В ряде случаев в сборнике Богданова и в Словаре есть пословицы, отсутствующие в собрании Курганова, например: грех да беда на кого не живет; гора с горою не сойдется, а человек с человеком столкнется; браги частые, а руки одинакие; рыбак рыбака далеко в плесе видит и др. Но в то же время значительное число пословиц представляет собою варианты; в сборнике Богданова — болезнь входит пудом, а выходит золотниками, в Словаре — болезнь входит пудами, а выходит золотниками; у Богданова — глазами чужого пива не выпьешь, в Словаре — глазами пива не выпьешь; у Богданова — на молоке ожжешься — и на воду дуешь, в Словаре — обожжешься на молоке, станешь и на воду дуть; у Богданова — не спрося броду, не суйся в воду, в Словаре — не измеря броду сунуться в воду; у Богданова — попался черт в вершу, в Словаре — попал как сом в вершу; у Богданова — либо полон двор, либо корень вон, в Словаре — или корень вон, или полон двор; у Богданова — рубашка к телу ближе кавтана, в Словаре — своя рубашка ближе к телу; у Богданова — смиренье человеку ожерелье, в Словаре — смиренье молодцу ожерелье. Это свидетельствует о том, что если сборник Богданова и мог быть использован авторами Словаря в своей наиболее стабильной, активной и употребительной части, то многие пословицы имели и другие источники (очевидно, собственные записи составителей Словаря).

При этом авторы Словаря оказались в затруднительном положении не из-за недостатка материала, а из-за его обилия.

Очень сложно было отобрать пословицы для Словаря. В «Предисловии» сказано: «Никакой поистинне язык не может равняться обилием пословиц, присловиц и поговорок с языком российским; но как многие из них низки, а некоторые и не благопристойны, то Академия приняла больше такие, которые кратки, заключают в себе острый смысл, или ясное нравоучение» (стр. XIV). Решение не допускать в Словарь «низких» и «неблагопристойных» пословиц и поговорок было нетрудно выполнить. Гораздо сложнее оказалось выбрать из того, что достойно включения. И здесь оглядка на краткость и наличие острого смысла была недостаточна. Положение составителей осложнялось и тем, что пословицы и поговорки сопровождались толкованиями. Поэтому было введено еще одно ограничение, не отмеченное в «Предисловии»: «Пословицы те токмо должны иметь в Словаре место, коих знаменова-

нию можно дать ясную и довольную причину, те же, коим довольной причины привести не можно, предоставить особливому пословиц собранию».[12] Но, несмотря на принятые ограничения, отбор пословиц, поговорок и присловиц был в известной мере произволен, да и не мог быть иным — почти необозрим материал, слишком ограничены возможности его использования в Словаре.

Сопровождая толкованиями пословицы и поговорки,[13] авторы Словаря тем самым утверждали, что нет принципиальной разницы между ними и другими, также требующими толкования «образами вещания». Эта точка зрения не была поддержана последующей академической лексикографической практикой, если не считать «Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного», являющегося вторым изданием данного Словаря. В Слов. Акад. 1847 г., как правило, используются пословицы и поговорки в качестве ярких, кратких примеров, подтверждающих то или иное значение слова, иногда с указанием «пословица», иногда вообще без библиографической справки:

Аукнуться. *Каково аукнется, таково и откликнется.* Посл.

Атаман. 1) Начальник или предводитель казаков. *Не всем казакам в атаманах быть.* 2) Начальник ватаги или шайки разбойников. *Артель атаманом крепка.*

Слов. Акад. 1789—1794 гг., приводя пословицу или поговорку, сопровождает их указаниями: «пословица», «поговорка», «присловица».

Пословица: *Согнуть кого в бараней рог.* Притеснить кого до крайности (I, 98).

Поговорка: *Масть к масти подбирается.* Говорится в смысле насмеятельном о людях одинаких качеств и своим союз составляющих (I, 152).

Присловица: Как в торгу нельзя предузнать, от чего барыш или наклад будет по расположению обстоятельств, то в таком разуме говорят: *Барыш с накладом на одних санях ездят* (I, 107).

Недостаточная отчетливость в определении границ между разными группами народных изречений, устойчивых фраз обнаруживается в Словаре. Если пословицы сравнительно легко выделялись, то поговорки и присловицы не имели достаточно ясных отличительных черт. Поговорка имеет следующее определение: «Так называется известный образ вещания, заключающего в себе острый и нравоучительный смысл, напр. Дай бог память! как бы сказать не солгать» (II, 153). Симптоматично, что примеры, приведенные

---

[12] Архив Академии Российской. Цит. по: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, стр. 45.

[13] Случаи, когда пословицы даются в числе иллюстраций без выделения и толкования, единичны. Например, к слову *навстки* в числе примеров дано: Кошку бьют, а невестке навстки дают (I, 1036).

для подтверждения толкования, скорее затемняют, чем раскрывают его содержание, так как в них трудно найти «острый и нравоучительный смысл». Характеристика «присловицы» весьма расплывчата: «Поговорка в кратких словах заключающаяся, напр. ни дать ни взять» (V, 543). Как будто отличие от поговорки в краткости? Но приведенные в качестве иллюстраций поговорки *дай бог память* и *как бы сказать не солгать* также не отличаются многословностью. Не обладает приведенный пример (*ни дать ни взять*) и «острым нравоучительным смыслом». Неоднородны и приводимые в Словаре примеры. Так, некоторые охарактеризованные как «присловицы» изречения аналогичны пословицам: на смирного бог нанесет, а резвой сам набежит (I, 421); другие близки к поговоркам: за битого двух небитых дают (I, 177); говори, да назад оглядывайся (II, 142); где гнев, тут и милость (II, 134); некоторые присловицы могут считаться выражениями: выть волком (I, 869); как варом поварило (I, 484). *Блудлив как кошка, а труслив как заяц* в первом томе Словаря дается как пословица, а в третьем как поговорка, *береги денежку на черный день* в первом томе — пословица, а во втором — поговорка. Слов. Акад. 1847 г. избегает термина «присловица», а в тех довольно редких случаях, когда использует присловицы из Слов. Акад. 1789—1794 гг., дает им другое обозначение. Так, *дальние проводы, лишние слезы* сопровождаются пометкой «посл.» (пословица), *выть волком* — «пог.» (поговорка).

Другой пласт — терминологические сочетания — был предметом большой заботы составителей Словаря. Обилие терминологических сочетаний связано с общими установками Словаря отражать «слова и речения наук и художеств», вошедшие в общее употребление, за исключением тех, которые «единственно ученым и художникам известны» (стр. IX). Для решения этой задачи Академия располагала такими крупными специалистами, как академики С. Я. Румовский («определял слова до астрономии и математики касающиеся»), И. И. Лепехин («все слова изъявляющие естественные произведения в отечестве нашем, так же орудия и снасти в рыбных и звериных промыслах употребляемые»), С. К. Котельников («слова означающие деньги, меру и вес»), А. П. Протасов («речения в телоразъятельной науке и книгопечатнях употребляемые»), Н. Я. Озерецковский («слова, означающие болезни»), Н. П. Соколов («слова в химии и лекарнях употребительные»); И. С. Захаров «сообщил Академии некоторые слова плотниками и каменщиками употребляемые», Д. П. Татищев обрабатывал «военные речения».

Авторы Словаря по-разному оформляли терминологические сочетания. Нерасчленяемые единицы (термины-идиомы) выделены тем же шрифтом, что и корневые слова, включены в алфавит, представлены в приложенных к каждому тому «Показаниях словам по чину азбучному». Можно предполагать, что они рассматривались

как особые составные слова.[14] Таковы 1) сочетания, в которых основной компонент сочетания самостоятельно в языке не существует: борифова трава (I, 285), бурмитские зерна (I, 387); 2) сочетания, в которых основной компонент может считаться омонимом к свободно употребляемому слову: бумага хлопчатая (I, 382), бурная птица (I, 398); 3) сочетания, омонимичные по отношению к свободному сочетанию: агнец непорочный — название кустарника (I, 7), аронова борода — трава (I, 48), боярская спесь — трава (I, 308), бесово молоко — трава (I, 452).

Другие сочетания терминологического характера, представляющие собою членимые сочетания, в которых каждый компонент может употребляться свободно, с присущим ему значением, подаются обычно под одним из членов сочетания как элемент словарной статьи. Например, в словарной статье на слово *артиллерия* после определения и примеров дается ряд терминологических сочетаний с пояснениями:

Артиллерия осадная. Ломовые огнестрельные орудия, употребляемые при осаде крепостей, к разбиванию стен и метанию бомб в город. **Артиллерия полевая.** Такого же рода огнестрельные орудия, употребляемые в поле. **Артиллерия полковая.** Небольшие пушки, какие при всяком пехотном полку находятся (I, 49).

При слове *подвода* приведены с толкованиями сочетания: подвода почтовая, подвода ямская, подвода долгая, подвода обывательская (I, 549).

Лексикографические средства, использованные авторами Словаря для дифференциации различных пластов терминологической лексики, были использованы и в Слов. Акад. 1847 г.

Бросается в глаза недостаточная ясность в понимании задач собственно толкового словаря и словарей энциклопедических, терминологических и т. п. Это проявляется: 1) в самой манере толкования терминов, с очень подробной характеристикой, скрупулезным описанием всех примет, использования и т. п.; 2) в выделениях сочетаний по принципу их терминологической важности, а не семантических особенностей. Примером может служить выделение и толкование сочетаний при слове *град, город*:

Град или город столичный. Город торговый, купеческий. Город приписной, или уездной. Город провинциальный, или областной. Город губернский (II, 297).

Составители Слов. Акад. 1847 г. видели неуместность энциклопедически подробных определений и описывали термины и терминологические сочетания иначе — отказались от энциклопедизма в оп-

---

[14] Выделение этих единиц в алфавит, возможно, имело те же основания, что и оформление отдельными словарными статьями терминов вообще (см.: Л. Л. Кутина. Омонимы в толковых словарях русского языка. Лексикографический сборник, вып. 2, М., 1957, стр. 56—57). Этот прием мог быть заимствован из практики «Словаря французской Академии» (см.: Dictionnaire de l'Académie française, Paris, 1694).

ределениях, а целые разряды терминологической лексики вообще лишили филологических толкований. Что же касается выделения сочетаний, аналогичных приведенным выше при слове *град*, то Слов. Акад. 1847 г. обычно использовал их в качестве иллюстраций.

Наибольший интерес представляют, конечно, те устойчивые сочетания, которые относятся к собственно фразеологии в традиционном ее понимании. Это наиболее мощный пласт в Словаре — более 2700 единиц. Недостаточная отчетливость представлений о характере различных сочетаний, отсутствие теоретических исследований о границах сочетаний, о необходимой степени спаянности компонентов, о вариантности и т. п. должны были привести и действительно приводили авторов Словаря к непоследовательности, разнобою, случайностям как в отборе фразеологии, так и в самом оформлении ее. Сказывалось также и несовершенство лексикографической техники. Так, зачастую оформляется как сочетание самостоятельное значение слова. Причем иллюстрация обычно подтверждает не выделенное сочетание, а свободное употребление слова:

Выбиваю силою. В просторечии: употребив силу и принуждение выгоняю кого вон. *Насилу его из дому выбили. Староста всех крестьян выбил на работу* (I, 184).

Разбиваю колья. Втыкаю колья для означения места под строение и проч. *Разбить вновь улицы* (I, 207).

Свернуть в сторону. От прямого пути устраниться, ехать в сторону. *Не доезжая до города, с большой дороги свернули мы в лес* (I, 655—656).

Беру девицу. Поемлю, женюся. *Он взял невесту из хорошего дому* (I, 134).

В Слов. Акад. 1847 г. все приведенные примеры рассматриваются в системе значений слова.

Имеют место и противоположные случаи, когда составители разлагают фразеологическое сочетание и толкуют один из его компонентов, имея в виду значение всего сочетания в целом:

Балы. 1) Пустословие, веселый вздор. *Точить балы* (I, 91).

Отбой. 2) В просторечии иногда берется вместо безотвязной просьбы. *Нет отбою от сего посетителя. От нищих отбою нет* (I, 198).

Охулка. Опорочение, осуждение. *На свою руку охулки не положит* (VI, 606).

Во всех подобных случаях в Слов. Акад. 1847 г. выделяются и толкуются сочетания.

Авторы Словаря не только стремились представить различные сочетания, свойственные русскому языку, но и пытались в какой-то степени классифицировать их. Составители последовательно выделяли сочетания наречного характера, сопровождая некоторые из них грамматической пометой. Как правило, грамматическая характеристика «во образе наречия» дается при двух разрядах наречных сочетаний:

1. При сочетаниях существительного с предлогом.

На выбор. Во образе наречия употребляемое слово, значущее право или дозволение избрать что по желанию. *Отбирать, покупать, сторговать на выбор* (I, 137).

На бегу. Предложной сей падеж употребляется во образе наречия, и значит бегучи. *На всем бегу наклонясь подхватил камень* (I, 415—416).

Аналогично оформлены такие сочетания: с набегу (I, 421), до отвалу (I, 475), под видом (I, 679), с воли (I, 823), с позволением (I, 844), в натруску (VI, 303) и многие другие.

2. При сочетаниях разных падежных форм одного и того же существительного: точь в точь (VI, 215—216), бок о бок (I, 267), все на все (I, 665), с часу на час (VI, 674).

В других сочетаниях наречного характера грамматическая характеристика случайна, чаще отсутствует.

Описывая выражения, составители, правда непоследовательно, обращали внимание на их метафорический характер, показывали их отличие от возможных свободных сочетаний. Это по преимуществу тот большой пласт фразеологических единиц, который получил позже название «фразеологических единств». Так, приводимые ниже сочетания даны со значком *, условно обозначающим переносные значения: рыть яму кому (V, 170), заруби себе нос (V, 183), развязать кому руки (I, 1124), навязаться кому на шею (I, 1115), булавка в голове (I, 379), збиваю рога кому (I, 188), вбиваю в голову (I, 183), повесить голову (I, 1060), повесить нос (I, 1060), развесить уши (I, 1062), гладить по голове или по головке (II, 56), гнуть горб (II, 119), гнуть кого в дугу, в крюк (II, 119), гнуть на свою сторону (II, 120), стоять горою (II, 231), попасться в когти (III, 684), срезать с ног (V, 258), расхлебать кашу (VI, 550), протереть глаза деньгам (VI, 287) и др.

Однако при многих выражениях, аналогичных приведенным выше, значок * отсутствует: обиваю кому перья (I, 195), заехать в чужой карман (VI, 980), надорвать животики (V, 96), вогнать в гроб (II, 207) и др.

Особенно отчетливо проявляется непоследовательность авторов Словаря при сравнении близких по значению выражений: навязать кому что на шею (I, 1115) и *навязаться кому на шею (I, 1115); растрясти деньги (VI, 314) и *сыпать деньгами; топтать переднюю (VI, 188) и *топтать площадь (VI, 188). *Косо на кого глядеть* в словарной статье под словом *гляжу* дано без «звездочки», а то же самое выражение, повторенное под словом *косо* — с нею.

Фразеологизмы, представляющие собой сравнительные сочетания, определяются зачастую посредством описательной формулы «уподобительно говорится о том-то»:

Войлок войлоком. Уподобительно говорится о волосах, когда они склокатятся, сваляются (I, 486).

Ходить гоголем. Уподобительно говорится о человеке таком, который ходит гордо, спесиво, поднявши голову (II, 163).

Он как столб не гнется. Уподобительно говорится о таком, кто весьма груб, неуклончив (II, 120).

Возможно, при описании фразеологических единиц русского языка авторы учитывали приемы «Словаря Французской Академии». В последнем при толкуемых сочетаниях подчеркивается их адвербиальный характер; например, в словарной статье на слово main 'рука' выделенные сочетания de main en main 'из рук в руки', sous main 'под рукой', à pleine mains 'пригоршнями, щедро' дается помета — façon de parler adverbiale 'наречный оборот'. Оговариваются там и метафорические, образные сочетания; например, в той же статье на слово main: Il est sous main, veut dire figurément, Il est dans sa dépendance 'Он под рукой у него, говорится иносказательно, Он у него в зависимости'. В статье на слово langue 'язык': On appelle figurément. Coup de langue, Une médisance ou un mauvais rapport que l'on fait 'говорится иносказательно. Удар языка, Клевета или порочащие слухи'.

Охват фразеологического материала в Словаре достаточно широк. Так, например, под словом *рука* дано 49 сочетаний: рука божия, рука господня, рука крепкая; правая, левая рука (полк или войско, правое или левое крыло составляющее); правая рука (хороший помощник); рука руку моет; рука на руку (один на один); легкая рука; с легкой руки; тяжелая рука или тяжел на руку; дать руку (обещать); прикинуть на руку; перед рукой (в карточной игре говорится о том, кто имеет право прежде подходить, крыть); нагреть руки; руки не доходят; руки не подымаются; руки опустить; руки опустились; за руки держит (препятствует, мешает); поднять на себя руки; как руку подать (очень близко); сбыть с рук; из рук в руки; из первых рук; не давай рукам воли; прибрать кого к рукам; первой руки мука, товар и проч.; иметь деньги, вещи какие на своих руках; дерзок на руку; натвердить, набить руку; под рукою (тайно, сокровенно); запрячь лошадь под руку; отдать кому что на руки; сдать с рук; из рук валится; в руках кого держать; сидеть поджавши руки; по рукам ударить; не чист на руку; у него долги руки; смотреть, глядеть из рук (зависеть от кого в разсуждении разпоряжения деньгами или другими вещами); эта вещь перешла в другие, в третьи руки; ему это и на руку; делать что на скорую руку; он ему с руки (образ речения, изъявляющего чье с кем знакомство); не по руке (V, 202—206).

Под словом *глаз* приведено 47 выражений, 3 пословицы, 1 присловица, под словом *бог* — 25 выражений, под словом *голова* — 12 выражений, 3 сочетания и 1 пословица, слово *путь* сопровождено одиннадцатью фразеологическими единицами, при словах *ум, ухо* их 10, при слове свет — 8. Эти подсчеты, равно как и тот материал, который нет возможности отразить в данной статье, неоспоримо свидетельствуют о известной полноте привлеченных в Словаре фразеологических единиц. Поэтому замечание С. И. Ожегова о том, что «ранние академические словари сравнительно в редких случаях

приводят фразеологические единицы»,[15] не находит себе подтверждения.

Откуда же черпали составители Словаря фразеологические материалы? Источниками служили те же книги, из которых выбирались и отдельные слова, т. е. из «всех известных книг церковных, и лучших светских сочинений, летописей разных, законодательств как древних, так и новейших, записок путешественников» (стр. VIII).

Церковные источники дали обильный фразеологический материал: богатеть в бога — в священ. писании преуспевать в добродетели (II, 245); боюсь бога — в славенском языке значит: живу по заповедям божиим, живу благочестиво (I, 305); вержение камене — расстояние или пространство, которое можно человеку перебросить камнем (I, 602); отвергаюсь самого себя — отлагаю страсти, умерщвляю плоть (I, 607); отвержение самого себя — отложение страстей, умерщвление плоти (I, 607); извитие словес (I, 733); облещися во Христа — в смысле * означает: принять християнскую веру, последовать учению христову (I, 778); облещися в срамоту, в студ — в смысле* значит: постыдить, посрамить себя (I, 778); заградити уста (II, 306); грызти устне (II, 389); погрязнуть во глубине греховной (II, 412); предати дух — скончаться, умереть (II, 511); отверзти двери слова (II, 530); отверзти двери веры (II, 530); воздвигнути главу, рог — возгордиться, воскичиться, возмечтать (II, 541); приняти всуе душу свою — кривить душею (II, 986) и многие другие.

Это была не только мертвая «церковность», но и живое словоупотребление книжников, а также принадлежность произведений высокого штиля. Зачастую при подобных выражениях дается иллюстрация из произведений Ломоносова, автора, наиболее авторитетного для составителей Словаря:

И сверх главы *да облекутся*
Мои противны *в студ и срам*
(I, 778).

При выражении *грызти устне* дается, кроме церковной, цитата из Ломоносова, где используется вариант *грызть язык:*

Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой *язык*, ярясь, *грызет*
(II, 389).

Широко использовалась церковно-книжная струя и в произведениях низкого штиля, главным образом в поэмах-травести и в комедиях, как средство сатирического описания действительности, как элемент «речевого костюма» отдельных персонажей. Приведем в ка-

---

[15] С. И. Ожегов. Структура фразеологии. Лексикографический сборник, вып. 2, стр. 34.

честве примера некоторые цитаты из библии и выражения, связанные с церковной стихией, в речи Советника, одного из героев комедии Фонвизина «Бригадир»: все в руце создателя, у него и все власы главы нашея изочтены суть; раб греха; кому бог открыл грамоту, так тем и сияет благодать его; все грешны человецы; имей ее первую по бозе; люди на земле возвеселятся и ангелы на небесах возрадуются; книга животная; (грешить) оком и помышлением; око мое меня соблазняет, и мне исткнути его необходимо должно для душевного спасения; грех, ему же вси смертнии поработилися; дух хотя и бодр, да плоть немощна; не осуждай, не осужден будеши; она смиренна, яко агнец, трудолюбива, яко пчела, прекрасна, яко райская птица и верна, яко горлица; да не похвалится всяка плоть перед богом; загради уста свои и др.

Внимание к книгам «лучших писателей светских», и прежде всего авторитет Ломоносова, обязывали авторов Словаря включать сочетания и обороты книжного характера, утвердившиеся в художественной литературе. Это чрезвычайно ценный материал для историка языка и литературы. Обычно подобные выражения сопровождаются указаниями «в витийственном слоге», «у стихотворцев» и подкрепляются цитатами:

Душевный взор. В витийственном слоге берется вместо: ум, мысль, воображение.

Я к свету твоего лица
Вперяю взор душевный. М. Л[омоносов] (II, 826).

Зрю духом, умом, умными очами. Реч. в стихотвор. употр. Значащее: предусматриваю, проницаю.

Я духом зрю грядуще оно время. Ер. Костр. (III, 131).

Гремящий перун. У стихотворцев берется вместо: удар громовой, громовая стрела.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут. М. Л[омоносов] (II, 364).

Дневное светило. Так называется солнце.

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло. М. Л[омоносов] (II, 580).

См. также выделенные в Словаре сочетания: царь веселых дней, круг света, небесные круги, преклонный век, объять оком, вздохнуть из глубины или из глубины сердца, подать отраду и др.

Но основная масса фразеологизмов принадлежит живой, разговорной речи. Из приведенных в Словаре идиом около 20% сопровождаются пометами «просторечное» или «простонародное».

Мы не ставим задачей раскрыть позиции Словаря в отношении стилистической характеристики фразеологии и проследить практические рекомендации, сошлемся на работу Ю. С. Сорокина

«Разговорная и народная речь в „Словаре Академии Российской" (1789—1794 гг.)».[16] По наблюдениям Сорокина, основную массу фразеологического просторечия составляют выражения, которые «выделяются своей непринужденностью, резкой экспрессивностью, выпуклой образностью, силою иронической или отрицательной характеристики».[17]

Включение живой русской фразеологии было еще одним доказательством проявления заботы составителей о разностороннем отражении богатства и своеобразия национального языка, нетерпимости к французомании некоторой части дворянского общества. В этой борьбе приняли участие почти все передовые писатели того времени. Сумароков писал: «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка».[18] В многочисленных комедиях и в сатирических журналах высмеивалось неумение пользоваться родным языком и преклонение перед французским: достаточно вспомнить журналы «Живописец» и «Кошелек» Новикова, «Почту духов» Крылова, комедии Сумарокова «Пустая ссора», «Ссора у мужа с женою», «Мать совместница дочери», комедию Лукина «Щепетильник», Княжнина «Чудаки», Фонвизина «Бригадир», Николева «Самолюбивый стихотворец», Крылова «Проказники» и др. Показательно признание, сделанное С. Порошиным: «Иные столь малосильны в своем языке, что все с чужестранного от слова до слова переводят и в речах и в письме, например: „Vous avez trop de penëtration pour ne pas l'entrevoir", вы очень много имеете проницания, чтоб этова не видеть; „on prénend, qu'il n'est parti que ces jours-ci", требуют, что он не поехал, как только на сих днях и тому подобное».[19] В этой связи фразеологическая часть Словаря приобретала для своего времени еще бóльшую актуальность.

Конечно, Словарь не мог охватить всей фразеологии русского языка. Если мы сравним фразеологический состав хотя бы одного произведения XVIII в. с фразеологией, приведенной в Словаре, то обнаружим многочисленные пропуски. Так, например, из фразеологических единиц, имеющихся в комедии Фонвизина «Недоросль», произведении, по самому жанру своему богатому оборотами разговорной речи, в Словаре отражены следующие: наречные сочетания — по рукам, по пятам, не в пронос, по одиначке, от роду, за упокой, за неволю, как на смех, с головы на голову; восклицания, экспрессивные обороты — вот те на, бог с тобой, избави боже; выражения — с ног сбить, лезть в глаза, тертый калач, скалить

[16] Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. Изд. АН СССР, М., 1949.

[17] Там же, стр. 114.

[18] Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова, ч. IX, М., 1787, стр. 244.

[19] Семена Порошина «Записки»... СПб., 1881, стр. 13.

зубы, рукам воли не давай, войти в ум, себе на уме и др. В общей сложности около 30% фразеологии «Недоросля» имеется в Словаре. В то же время отсутствуют весьма живые и употребительные фразеологические единицы, такие как: пристать с ножом к горлу, белены объелся, унести ноги, дать зорю, во все горло, бабушку путать, до смерти и др. Несомненно, что сравнение с другими текстами выявило бы еще многочисленные фразеологические единицы, оставшиеся за бортом Словаря. Но от словаря, впервые взявшего на себя труд описания словарного состава русского языка, и нельзя было бы ожидать большего.

Полагаем, что при отборе и помещении фразеологии в Словарь авторам не удалось избежать случайности, и отсутствие многих живых и употребительных фразеологических единиц трудно объяснить иначе. В то же время можно предположить, что некоторые группы выражений отклонялись сознательно, в связи с общими установками Словаря. Так, слабо отражена в Словаре фразеология, имеющая отчетливо грубоватую, иногда «непристойную», по мнению составителей, окраску. Отсутствуют, например, употребительные, часто используемые и в художественной литературе того времени выражения: ни бельмеса не знать, гнать в три шеи, треснуть от смеха, надседать живот и др. Приведем примеры:

Ни бельмеса. Зарегистрировано лишь в Слов. Акад. 1847.

г. Надмен

Не знавши ничего, не знавши ни бельмеса,
Катона ставят там, где должно Ахиллеса.[20]

Даша: Да он ни бельмеса и не знает.[21]

Гнать в три шеи.

Дарья: Сделаю не только то, что ты не поднесешь ему книги, но будет отсель прогнан в три шеи.

Рифмохват: Меня в три шеи?[22]

Треснуть от смеха.

Таратора: Я также чуть не тресну от смеха, ха, ха, ха.[23]

Радамант, Эак и Минос жались как можно более, желая сохранить судейскую важность и чтоб не треснуть от смеха.[24]

---

[20] Николев. Самолюбивый стихотворец. Российский феатр, ч. VI, СПб., стр. 33.

[21] Крылов. Уроки дочкам. СПб., 1807, стр. 48.

[22] Крылов. Сочинитель в прихожей. Российский феатр, ч. XLI, СПб., 1794, стр. 188.

[23] Крылов. Проказники. Российский феатр, ч. XL, СПб., 1793, стр. 210.

[24] Крылов. Почта духов. СПб., 1789, стр. 6.

Надседать живот.

Эней то видя восхищался,
Как можно больше лгать старался,
Весь надседая свой живот.[25]

Возможно, из тех же соображений не попали в Словарь выражения *пристать с ножом к горлу, белены объелся* из «Недоросля».

Были сдержанны авторы Словаря и в привлечении экспрессивных выражений, в состав которых входят слова, обозначающие злое существо христианской мифологии или эвфемистическое наименование его (черт, дьявол, сатана, нелегкая и т. п.). В словарных статьях к таким словам не приводится фразеологических материалов. Слово *нелегкая* вообще отсутствует в Словаре. Очевидно, здесь сыграл решающую роль религиозно-этический критерий. А между тем такие выражения широко представлены в литературе.

Черт возьми, черт побери.

Вспышкин: Нет, черт меня возьми, если это шутка, так она самая глупая![26]

Азбукин: Нет, видно в этом доме говорят только одни хозяева. Чорт его побери.[27]

Черт тебя знает.

Андрей: Да черт тебя знает, может быть и та была твоя любовница.[28]

Черт (дьявол) принес кого-либо.

Маша: Ах, какое несчастие! Сам дьявол принес его на эту пору.[29]

Черт несет.

Сквалыгин: Эдакая беда! опять их черт несет![30]

Чем черт не шутит.

Простодум

Чем черт не шутит.
Я только прискакал, а уж и в сенаторы.[31]

Черт (дьявол, сатана) бы взял кого.

Вспышкин: Да за что же такой гнев? Разве вы не решились с княжною Снафидиной?

Фатюев: Сатана бы ее взяла и с вами.[32]

И дьявол бы тебя, проклятого, взял! — закричали они, все сие услышав, — и с твоею дичью![33]

---

[25] И. Осипов. Вергилиева Энеида, вывороченная на изнанку.

[26] Крылов, Полн. собр. соч., т. I, Пгр., 1918, стр. 473.

[27] Крылов. Проказники, стр. 169.

[28] Крылов. Сочинитель в прихожей, стр. 216.

[29] Крылов. Модная лавка. СПб., 1807, стр. 110.

[30] М. Матинский. Санкт-Петербургский гостиный двор. Русская комедия и комическая опера XVIII века, М.—Л., 1950, стр. 300.

[31] Княжнин. Хвастун. Российский феатр, ч. X, СПб., 1787, стр. 209.

[32] Крылов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 473.

[33] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для потомков, т. I, СПб., 1781, стр. 78.

Проныр

Чтобы черти всех вас взяли!
Мне все кости наломали! [34]

Нелегкая принесла (занесла) кого-либо.

Маланья: А скажи лучше, что ты за нахал и зачем тебя нелегкая сюда занесла? [35]

Нелегкая (черт, дьявол) догадай.

Но вдруг нелегкая догадай одного и резвейшего из моих товарищей посмотреть из-подо лба, что учитель наш делает.[36]

В связи с очень ограниченным включением иноязычной лексики авторы были скупы также и в привлечении фразеологии, иноязычный источник которой был для них отчетлив, например: платить тою же монетою, быть не в своей тарелке, делать кур и др. О том, что эти выражения были употребительны, свидетельствуют произведения XVIII в. Идиома *быть не в своей тарелке*, представляющая искажение французского выражения il n'est pas dans son assiette 'он не в духе', использовалась преимущественно в речи персонажей, употребляющих галлицизмы.

Жеманиха: Ах! как я не в своей тарелке! [37]
Вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я не в своей сижу тарелке! [38]

Платить тою же монетою (или *одинакою монетою*) — перевод франц. il l'a payé en même monnoie.

[Мужья] внутренне утешались только тем, что один другому заплатил одинакою монетою.[39]

Делать кур (ухаживать) — частичный перевод французского выражения faire la cour.

Ветромах

Что я могу сказать не делая ей кур,
И тем не сделаю ни малого я крима:
Она divinité! [40]

Таратора: Только скажи, — всех с двора собью, и первого мужа.
Плутана: Нет, ничего, а этого Тянислова, который, кажется, вам кур делает.[41]

---

[34] Крылов. Бешеная семья. Российский феатр, ч. XXXIX, СПб., 1793, стр. 18.
[35] Веревкин. Так и должно. Российский феатр, ч. XIX, СПб., 1788, стр. 165.
[36] Записки Болотова, т. I, стр. 189.
[37] Хвостов. Русский парижанец. Российский феатр, ч. XV, СПб., 1787, стр. 170.
[38] «Живописец», ч. I, СПб., 1767, стр. 80.
[39] Крылов. Почта духов, стр. 153.
[40] Княжнин, Соч., т. I, СПб., 1847, стр. 618.
[41] Крылов. Проказники, стр. 193.

Это выражение закрепилось позднее в форме *делать, строить куры*.[42]

Отсутствие фразеологических калек — брать участие (франц. prendre part), брать на свою совесть (франц. prendre à sa consience), подать подозрение (франц. donner quelque soupçons), иметь счастие быть (avoir bonheure d'etre), делать порядок (faire d'ordre) [43] и многих других — может быть объяснено, кроме пуристических установок Словаря, и самим характером этих сочеганий — их идиоматичность недостаточно отчетлива.

Стояли перед составителями Словаря и задачи размещения фразеологии. Основная масса фразеологизмов приводится в конце словарной статьи после значений; изредка фразеологические сочетания выделяются (как и значения) под цифрой: выражение *бьюсь об заклад с кем* показано как 10-е значение слова *биться* (I, 175); наречные сочетания даются обычно как самостоятельные словарные статьи. Очевидно, перед авторами возникла проблема — под какое слово помещать фразеологическую единицу, но она не получила достаточно определенного отражения в практике Словаря. Наблюдается известный произвол. Например, *срезать голову* (пристыдить) дано под словом *голова* (II, 176), а аналогичное по структуре и по значению *снять голову* — под словом *снять* (II, 1006). Имеет место помещение одной и той же фразеологической единицы под разными входящими в ее состав словами: *согнуть в дугу*, например, дано под словами *дуга* (II, 785) и *согнуть* (II, 129), *гореть духом* (с некоторыми отличиями в толковании) под словами *дух* (II, 806) и *гореть* (II, 261). Системой ссылок при фразеологии составители не пользовались.

Произведенный обзор фразеологической части словарных статей «Словаря Академии Российской» подтверждает справедливость высокой оценки результатов работы русских академиков, данной современниками. У Карамзина были все основания утверждать: «Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностию, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный

---

[42] Девушкам красоткам
Он ли строил куры? (Пушкин. К Жуковскому); Балахнов чрезвычайно любил дамское общество и, при случае, не прочь был даже строить куры (Григорович. Проселочные дороги, ч. I, гл. 15); Но это еще не все: ты посмейся, он даже вздумал мне делать куры (Писемский. Фанфарон).

[43] Примеры взяты из статьи Р. К. Превратухиной «Лексика и фразеология комедии В. Лукина „Задумчивый"» (Уч. зап. Шахтинского педагогического института, т. II, вып. 5, 1958, стр. 159—215).

Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев».[44]

Авторы Словаря собрали и описали богатейший фразеологический материал. Это собрание не было и не могло быть исчерпывающим. На протяжении последующих полутора столетий толковые словари русского языка, специальные фразеологические словари накапливали фразеологические богатства русского языка, но даже и наиболее полный по охвату лексики «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР не может похвалиться исчерпанностью фразеологии. Задача полного, всестороннего и научного описания фразеологического состава русского литературного языка еще не решена — и может быть решена лишь созданием специального словаря, посвященного исключительно фразеологии.

«Словарь Академии Российской» хоть и неполно, но в целом правильно отразил характер и основной состав фразеологии литературного языка своего времени. Авторы Словаря пытались осмыслить и разграничить разные явления (ср. выделение наречных сочетаний и сочетаний метафорического характера, особые способы описаний идиоматической терминологии). «Словарь Академии Российской» положил начало практической работе в области фразеологии, тому накоплению материалов, без которых невозможны серьезные теоретические обобщения и которые впоследствии лексикография представила в распоряжение исследователей.

---

[44] Н. М. Карамзин, Соч., т. IX, СПб., 1820, стр. 306.

З. М. ПЕТРОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗДАНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ XVIII ВЕКА

(ЛИНГВО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

При издании литературных памятников XVIII в. неизбежно возникает ряд сложных вопросов, связанных с принципами воспроизведения текстов. С одной стороны, совсем не обязательно точное воспроизведение всех графических, орфографических и пунктуационных особенностей изданий XVIII в., что, по-видимому, необходимо при издании письменных памятников более ранних эпох. С другой стороны, в современном издании важно сохранить все своеобразие литературного языка XVIII в., а также индивидуальные особенности языка и стиля каждого автора, каждого памятника.

В XVIII в. не было устойчивых норм литературного языка, поэтому в литературных памятниках этого времени встречаются разные орфографические, морфологические и словообразовательные варианты слов не только у разных авторов, но даже в пределах одного произведения.[1] В современном издании необходимо сохранение всех этих вариантов для изучения истории литературного языка, его стилей, а также индивидуальных стилей писателей XVIII в.

История научных изданий литературных памятников XVIII в. начинается с изданий Я. К. Грота и П. А. Ефремова. Для своего времени издания сочинений Державина под редакцией Грота,[2] сочинений Фонвизина,[3] Майкова,[4] Кантемира,[5] Лукина и

---

[1] Например, в произведениях Державина им. пад. мн. от существительного *крыло* встречается в таких формах: крылья, крылия, крылы, крыла, крыле.

[2] Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, тт. I—IX, СПб., 1864—1883; Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, тт. I—VII, 2-е акад. изд., СПб., 1868—1878.

[3] Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866.

[4] Сочинения и переводы В. И. Майкова, тт. I, II. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867.

[5] Сочинения, письма и избранные переводы А. Д. Кантемира, тт. I, II. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867—1868 (в дальнейшем: Сочинения Кантемира).

Ельчанинова[6] под редакцией Ефремова были образцовыми. Впервые в России издания писателей снабжаются комментариями, библиографическими указателями, ссылками на источники текстов и т. д. Во многих отношениях издания под редакцией Грота и Ефремова сохраняют свою ценность до настоящего времени. Но в них встречаются ошибочные чтения, опечатки. Не все источники текстов, использованные издателями, можно в настоящее время признать достаточно авторитетными. С точки зрения требований современной текстологии эти издания устарели.

В советское время изданию литературного наследия XVIII в. много внимания уделяет «Библиотека поэта», основанная Горьким в 1933 г.

Первым выпуском «Библиотеки поэта» было издание стихотворений Державина.[7] К числу первых выпусков «Библиотеки поэта» относится также издание произведений Тредиаковского.[8] За истекшие тридцать лет в «Библиотеке поэта» неоднократно издавались произведения поэтов XVIII в. Кантемира, Сумарокова, Ломоносова, Хераскова, Богдановича, Карамзина, Дмитриева, Княжнина, Радищева, поэтов-радищевцев (И. Пнина, В. Попугаева, И. Борна, А. Востокова) и др. Большая часть этих изданий отличается высоким научным уровнем. Издатели уточняют тексты, публикуют новые произведения по рукописям.

Изданием литературного наследства XVIII в. занимается не только «Библиотека поэта». В качестве примеров образцовых изданий научного и литературного наследия XVIII в. можно назвать академические издания Ломоносова и Радищева.[9] В 1960 г. в ознаменование 200-летия со дня рождения Капниста вышло в свет собрание его сочинений в двух томах.[10] В новом издании сочинений Капниста впервые опубликовано более 100 различных его произведений и около 250 писем. Отметим, что при жизни Капниста его произведения часто искажались цензурой. Так, цензор М. Туманский вычеркнул из комедии «Ябеда», изданной в 1798 г.,[11] более 300 стихов. Вычерки цензора приводятся в издании 1960 г., где текст комедии восстановлен в его первоначальном виде.

---

[6] Сочинения В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1868.

[7] Г. Р. Державин. Стихотворения. Под ред. Г. А. Гуковского. Л., 1933 («Библиотека поэта», Большая серия).

[8] В. К. Тредиаковский. Стихотворения. Под ред. А. С. Орлова, при участии А. И. Малеина, П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. М.—Л., 1935 («Библиотека поэта», Большая серия).

[9] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., тт. I—X, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950—1959; А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., тт. I—III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938—1952.

[10] В. В. Капнист, Собр. соч., тт. I—II. Редакция, вступительная статья и примечания Д. С. Бабкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

[11] В. В. Капнист. Ябеда. СПб., 1798.

Таким образом, накопился большой опыт издания текстов XVIII в. И все же в большинстве случаев эти издания не отличаются необходимой текстологической точностью, что объясняется отсутствием единых принципов воспроизведения текстов XVIII в. Так, например, нечетко и неопределенно сформулированы принципы воспроизведения текстов в изданиях сочинений Княжнина, Капниста, Кантемира, Ломоносова, вышедших в свет в последнее десятилетие: «Орфография и пунктуация текстов в настоящем издании приближены к современным нормам»; [12] «В настоящем издании орфография принята современная; сохраняются только те особенности капнистовских написаний, которые могут свидетельствовать о своеобразии его произношения или употребления грамматических форм»; [13] «Стремясь в принципе приблизить текст настоящего издания к нормам современной орфографии, составитель вместе с тем счел необходимым сохранить наиболее существенные черты правописания Кантемира»; [14] «При переводе текстов на современное правописание сохранены наиболее характерные особенности правописания самого Ломоносова (верьх, сопостатов, Елисавет и др.)». [15] Разнобой и неопределенность орфографических принципов дают издателям повод для произвольного обращения с текстами. В стремлении к унификации орфографии и пунктуации нередко уничтожается живое своеобразие языка эпохи, нарушается замысел писателя.

Поэтическое наследие Кантемира наиболее полно по сравнению со всеми предыдущими изданиями представлено в издании 1956 г., подготовленном З. И. Гершковичем. Издателем проведена большая работа по сверке и уточнению текстов, и это издание в общем точнее ефремовского. Точнее, например, в этом издании, чем в издании Ефремова, текст Сатиры 9. Ефремов напечатал ее по публикации Н. Тихонравова, Тихонравов же во многих местах неправильно прочел рукопись. [16] В распоряжении Гершковича был не известный Ефремову вариант Сатиры 9, по которому ее текст был уточнен и исправлен. [17] Но неопределенность орфографиче-

---

[12] Я. Б. Княжнин. Избранные произведения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. И. Кулаковой. Л., 1961 («Библиотека поэта», Большая серия), стр. 723.

[13] В. В. Капнист, Собр. соч., т. I, стр. 9.

[14] А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Подготовка текста и примечания З. И. Гершковича. Л., 1956 («Библиотека поэта», Большая серия), изд. 2, стр. 437.

[15] М. В. Ломоносов. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Морозова. Л., 1954 («Библиотека поэта», Малая серия), изд. 3, стр. 307.

[16] Рукопись, по которой Н. Тихонравов опубликовал Сатиру 9 в «Библиографических записках» за 1858 г. (т. I, № 2, стр. 69—74), в настоящее время хранится в Рукописном отделе ГПБ под шифром Q.XIV.2.

[17] Этот новый вариант Сатиры 9 был опубликован С. Брайловским в 1892 г. (см.: С. Брайловский. Девятая сатира Кантемира по вновь

ских или, вернее, лингвистических принципов воспроизведения текста и в этом издании привела к ничем не обоснованным исправлениям.

В текстах XVIII в. нередко наблюдаются колебания в употреблении разговорных русских и книжных славянских вариантов слов. В современном литературном языке слова *невежа* и *невежда* (первое — в русской огласовке, второе — в старославянской) резко обособились друг от друга по значению: невежей называют грубого, невоспитанного человека, невеждой — необразованного, малосведущего человека. В XVIII в. варианты слов *невежа* и *невежда* по значению не различались. В «Словаре Академии Российской» они даны как варианты одного и того же слова, употребляющиеся в одинаковых значениях. Слова *невежа* и *невежда* по этому словарю имеют лишь разные стилистические оттенки: «**Невежда**, *ды*. Сл. Просто же *невежа*, *жи*. 1. Простак, неученый, непросвещенный. 2. Грубиян, неучтивец, неуч, не умеющий поступать благопристойно».[18] Кантемир употребляет оба варианта этого слова в значении «необразованный, малосведущий человек». В тексте Сатиры 1 употреблено слово *невежда*, которое поддерживается рифмующимся с ним словом *надежда*:

Правда в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно:
Но та беда, многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.[19]

Вариант *невежа* в том же значении несколько раз употреблен в примечаниях к Сатире 1: «Ст. 25.[20] Приходит в безбожие. Обыкновенное невеж мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога»;[21] «Ст. 26. Критон с чотками в руках ворчит. Вымышленным именем Критона... означается тут притворного богочтения человек, невежа и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти»;[22] «Ст. 137. Брюхо бородою. Широкую бороду и по брюху распущену невежи священническому чину за особливую украсу приписуют».[23] В издании 1956 г. во всех этих

найденному списку. ЖМНП, 1892, ч. 282, июль, стр. 66—80), а издание сочинений Кантемира под редакцией Ефремова вышло в свет в 1867 г.

[18] Словарь Академии Российской, т. I. СПб., 1789, стр. 974.

[19] Сочинения Кантемира, т. I, стр. 9. — См. *невежда* и в изд.: А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 57.

[20] Т. е. примечание к строке 25.

[21] Сочинения Кантемира, т. I, стр. 26.

[22] Там же.

[23] Там же, стр. 30.

случаях вариант *невежа* заменен вариантом *невежда*.[24] Об источнике текстов редактор издания 1956 г. Гершкович пишет: «В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку».[25] Но в Академическом списке во всех трех процитированных выше примечаниях отчетливо читается *невеж, невежа, невежи*. Индивидуальные особенности языка Кантемира, а также особенности языка XVIII в. отражены в написании слов *повсядневный* (и *повсядневно*), *нижной*, *всякой* в примечаниях к Сатире 1. Так эти слова выглядят в Академическом списке сатиры и в издании под редакцией Ефремова: «Ст. 178. Часовник — книга, содержащая повсядневные молитвы греческой церкви»; [26] «Ст. 136. Цепь от злата. Архиереи повсядневно сверх рясы, а в священнослужении сверх сакоса повешену имеют на шее цепочку золотую или серебряную. . .»; [27] «Ст. 72. . . . При соединении двух планет живет то, что нижной пятном кажется в вышнем планете»;[28] «Ст. 74. . . . Два мнения имеют астрономы о системе света. Первое и старое есть, в котором земля вместо средоточия всего система имеется и неподвижна стоит, а около ея планеты Солнце, Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Луна и Венус вертятся, всякой в известное время».[29] В издании 1956 г. рассматриваемые слова имеют современную орфографию: повседневный [30] (повседневно),[31] нижний,[32] всякий.[33]

Определяя орфографические принципы воспроизведения текста, редактор издания сочинений Кантемира 1956 г. отмечает, что он стремится сохранить «наиболее существенные черты правописания Кантемира».[34] Существенные или не существенные черты правописания отражены в написании слов *невежа* (в значении «невежда»), *повсядневный*, *нижной*, *всякой*? Дело здесь не только в орфографии. В написании этих слов отражены интересные для XVIII в. особенности употребления книжных и разговорных форм слов, особенности словообразования.

Исправления, вызванные неопределенностью орфографических принципов воспроизведения текстов XVIII в., сделаны и в сборнике стихотворений Ломоносова, вышедшем в Малой серии «Библиотеки поэта» в 1954 г. под редакцией А. А. Морозова.

---

[24] См.: А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 63 и 66.

[25] Там же, стр. 442. — Академическим списком Гершкович называет рукописный сборник произведений Кантемира, хранящийся в архиве ИРЛИ (Пушкинском доме) АН СССР под шифром Р. II, оп. I, № 132.

[26] Сочинения Кантемира, т. I, стр. 31.

[27] Там же, стр. 30.

[28] Там же, стр. 27.

[29] Там же.

[30] А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 67.

[31] Там же, стр. 66.

[32] Там же, стр. 64.

[33] Там же.

[34] Там же, стр. 437.

В основе текстов этого издания лежат печатные источники — прижизненные или посмертные (для произведений, не напечатанных при жизни Ломоносова).[35] В примечаниях составитель сборника Морозов пишет, что он сохраняет «наиболее характерные формы, отражающие в поэтическом языке Ломоносова наличие двух стихий — русского народного и книжного языка (*лицо* и *лице*, *мечом* и *мечем*, *ея* и *ее* и т. д.).[36] Однако этот принцип в сборнике не проводится последовательно. Вот пример такой непоследовательности. В «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1748 года» Ломоносов употребил форму множественного числа существительного раб — *раби*:

Священы да хранят уставы
И правду на суде судьи,
И время твоея державы
Да ублажат раби твои.[37]

В издании 1954 г. архаическая форма *раби* заменена новой — *рабы*. Морфологический архаизм *раби* характерен для высокого стиля оды, и замена этой формы новой искажает не только орфографию памятника, но затрагивает и его стилистическую основу. Ниже в этой же строфе архаическое окончание множественного числа от существительного сосед — *соседы* сохранено:

Соседы да блюдут союзы;
И вам, возлюбленные музы,
За горьки слезы и за страх,
За грозно время и плачевно
Да будет радость повседневно,
При Невских обновясь струях.[38]

Своеобразие ломоносовского языка и стиля сглаживают и многие другие исправления, сделанные в издании 1954 г.: вместо *здвигнул* (И с суши здвигнул океан)[39] напечатано *сдвинул* (стр. 180), вместо *лествицы* (Приемлет лествицы охотная дружина)[40] — *лестницы* (стр. 236), вместо *напаяет* (Как Нил народы напаяет)[41] — *напояет* (стр. 113), вместо *раждает* (Что рок неправедной раждает в победах слепотой своей)[42] — *рождает* (стр. 169), вместо *милосердый* (О промысл милосердый!)[43] — *милосердный* (стр. 248) и т. д. Попытки заменить архаические окончания прилагательных современными приводят иногда к иска-

[35] См. стр. 305—306 этого издания.
[36] М. В. Ломоносов. Стихотворения, стр. 307—308.
[37] Цит. по кн.: Собрание разных сочинений в стихах и прозе М. Ломоносова, кн. I, М., 1757, стр. 84.
[38] М. В. Ломоносов. Стихотворения, стр. 118.
[39] М. В. Ломоносов, Собр. соч., т. I, 1757, стр. 28.
[40] М. В. Ломоносов. Петр Великий. 1760, стр. 34.
[41] М. В. Ломоносов, Собр. соч., т. I, 1757, стр. 79.
[42] М. В. Ломоносов. На счастие. Ода Ж. Б. Руссо. СПб., 1789, стр. 3.
[43] М. В. Ломоносов. Тамира и Селим. СПб., 1750, стр. 70.

жению смысла. В «Поздравительном письме Г. Г. Орлову» 1764 г., напечатанном в издании 1954 г. по отдельному прижизненному изданию,[44] прилагательное женского рода ед. ч. род. пад. *премудрыя* заменено формой *премудрая*:

В изд. 1764 г.	В изд. 1954 г.
Крутится веселясь в струях своих Двина.	Крутится, веселясь, в струях своих Двина,
Отрадой более как влагою полна.	Отрадой более, как влагою, полна.
Не страшны там отвне грозящи исполины:	Не страшны там отвне грозящи исполины.
Крепит премудрыя рука Екатерины.	Крепит премудрая рука Екатерины.
(Стр. 4).	(Стр. 194).

Как видим, прилагательное *премудрыя* согласовано с родительным падежом имени собственного, а не с существительным *рука*, Ломоносов называет премудрой Екатерину, а не ее руку.

В некоторых случаях стремление модернизировать орфографию вызвало замену одних слов другими. Такие поправки сделаны в развернутом сравнении наступления русских войск на шведов с величественной картиной грозы в поэме «Петр Великий»:

В изд. 1760 г.	В изд. 1954 г.
Как туча грозная вися над головой,	Как туча грозная вися над головой,
Надута пламенем, сокрывшимся водой,	Надута пламенем, сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,	Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
Отъемлет почернев путь дневному светилу,	Отъемлет, почернев, путь дневному светилу,
Внезапно разрадясь стисняет громом слух,	Внезапно разрядясь, стесняет громом слух,
И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух...	И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух...
(Стр. 34).	(Стр. 236).

Деепричастные формы *разрадясь* и *разрядясь* образуются от разных глаголов. Первое деепричастие образовано Ломоносовым от глагола *разрадиться*, который в XVIII в. употреблялся в значении «разорваться, взорваться».[45] Нет оснований и для замены глагола *стиснять* глаголом *стеснять*, близким, но не тождественным по значению первому.

Отсутствие единых принципов воспроизведения текстов литературных памятников XVIII в. особенно заметно проявляется при сравнении нескольких изданий одних и тех же произведений.

[44] М. В. Ломоносов. Поздравительное письмо Г. Г. Орлову, 1764.

[45] В «Словаре Академии Российской» 1794 г. это значение приводится: «Разродилась, не разродилась бомба — бомбу разорвало не разорвало» (т. V, стр. 50). Чередование а/о для корня этого слова обычно, но в XVIII в. оно часто нарушается. См., например, в «Собеседнике любителей российского слова», ч. I, 1783 г., стр. 15: *возрадить*.

Чтобы убедиться в этом, можно в качестве примера взять основные посмертные издания произведений Державина.

Определение канонических текстов многих произведений Державина представляет большие трудности, так как значительная часть его творческого наследия осталась в рукописях. Полного научного издания произведений Державина нет до сих пор, несмотря на то, что в общем он издавался не так уж мало: можно насчитать около тридцати изданий его сочинений.

Прижизненных изданий сочинений Державина немного. Первое значительное издание вышло в свет в 1798 г.,[46] когда Державину было уже 55 лет и он пользовался славой всеми признанного великого поэта. В 1804 г. вышел сборник анакреонтических стихотворений,[47] а в 1808—1816 гг. — пятитомное собрание сочинений.[48] И это все, если не считать публикаций отдельных стихотворений в журналах и других периодических изданиях, а также брошюр и небольшого сборника ранних од и переводов.[49] В прижизненных изданиях Державина были напечатаны далеко не все стихотворения, небольшая часть драматических произведений, из прозы не было напечатано почти ни строчки.

Среди посмертных изданий также нет ни одного полного.

Еще в начале 30-х годов Г. А. Гуковский писал, что Державин «заслуживает серьезного, в полном смысле научного полного издания его сочинений и тщательного изучения его литературного наследия».[50] Но и спустя тридцать лет положение не изменилось: из творческого наследия Державина до сих пор не опубликовано много стихотворных, драматических и прозаических произведений.

Необходимость нового академического издания Державина диктуется не только неполнотой всех существующих изданий, но и неудовлетворительностью посмертных изданий в текстологическом отношении. Посмертные издания Державина, вышедшие до 1864 г., не заслуживают серьезного внимания. Как правило, они представляют собой перепечатку издания сочинений Державина 1808—1816 гг. Издания А. Смирдина,[51] И. Глазунова,[52] Д. Штукина[53] неудовлетворительны в текстологическом отношении, не имеют необходимого научного аппарата.

---

[46] Сочинения Г. Р. Державина, ч. I. М., 1798.

[47] Анакреонтические песни Г. Р. Державина. СПб., 1804.

[48] Сочинения Державина, тт. I—IV. СПб., 1808; т. V, СПб., 1816. — В тексте это издание указывается сокращенно: Изд. 1808 г. Первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

[49] Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 г. (на титульном листе нет имени автора, места и года издания).

[50] Г. А. Гуковский. Литературное наследство Г. Р. Державина. «Литературное наследство», кн. 9—10, М., 1933, стр. 369.

[51] Сочинения Державина, чч. 1—4, СПб., изд. А. Смирдина, 1831; изд. 2, 1833—1834; Сочинения Державина, тт. 1—2. СПб., изд. А. Смирдина, 1847 (сер. «Собрание сочинений русских авторов»); изд. 2, 1851.

[52] Сочинения Державина, чч. 1—4, СПб., изд. И. Глазунова и К⁰, 1843.

[53] Сочинения Державина, СПб., изд. Д. Штукина, 1845.

Значительным событием в литературной жизни XIX в. был выход в свет первого тома академического издания сочинений Державина под редакцией Я. К. Грота в 1864 г. Девятитомное собрание сочинений Державина под редакцией Грота выходило на протяжении 19 лет — до 1883 г. Издание Грота было первым в России академическим изданием писателя, изданием с научным аппаратом, обширными и интереснейшими примечаниями, вариантами текстов, указателями самого разнообразного характера. В этом несомненная заслуга Грота. Гротовское издание — это богатейшее собрание всевозможных сведений о Державине. Заслуга Грота состоит также в том, что он впервые опубликовал большое количество произведений Державина: более 230 стихотворений, ряд драматических и прозаических произведений, письма и т. д. Грот разыскал разбросанные по периодическим изданиям стихотворения Державина, которые поэт не включил в издания 1798 и 1808—1816 гг. Подготавливая издание, Грот собрал огромный архив. В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранятся в настоящее время 40 объемистых томов рукописей Державина. Значительная часть архива Державина хранится также в Институте русской литературы в Ленинграде.

После издания Грота не появилось ни одного полного собрания сочинений Державина. В настоящее время ни один исследователь его творчества не может обойтись без гротовского издания.

Но академическое издание имеет серьезные недостатки, неизбежные потому, что у Грота не было предшественников в такого рода работе. О недочетах этого издания много писали литературоведы. Л. Ильинский обвинял Грота в том, что при подготовке текстов он мало пользовался рукописями Державина.[54] На ряде примеров Ильинский показывает, что Грот в примечаниях к стихотворениям обычно не приводит все рукописные варианты, ограничиваясь лишь вариантами печатными. Ильинский указывает также на ряд случаев неправильной датировки стихотворений Державина в издании Грота.

Резкой критике гротовское издание Державина подверг Гуковский.[55] Большими недостатками его Гуковский считает неполноту, произвол в выборе вариантов, неточную датировку некоторых стихотворений, сам принцип расположения произведений. Гуковский справедливо упрекает Грота в неточности сведений из истории XVIII в., в ее официальном, правительственном освещении.

Обстоятельная и во многом справедливая критика Гуковского поколебала авторитет гротовского издания, хотя до настоящего времени исследователи поэзии Державина продолжают им пользо-

---

[54] Л. Ильинский. Из рукописных текстов Г. Р. Державина. Изв. ОРЯС, т. XXII, кн. I, 1917, стр. 275—339.

[55] Г. А. Гуковский. Литературное наследство Г. Р. Державина.

ваться.[56] Между тем гротовское издание неудовлетворительно не только по причинам, указанным Ильинским и Гуковским, но также еще и потому, что Грот позволял себе недопустимый произвол в обращении с текстами Державина. На неточность текстов гротовского издания в лингвистическом отношении обратил внимание Е. Ф. Будде.[57] Орфографическую и пунктуационную неточность текстов гротовского издания Державина отметил и Гуковский,[58] хотя не привел ни одного примера такого рода неточностей.

Справедливые замечания Будде и Гуковского о неудовлетворительности гротовского издания Державина в лингво-текстологическом отношении можно обосновать и дополнить.

Произвольно изменяя тексты Державина, Грот руководствовался порочным принципом воспроизведения текстов литературных памятников прошлых эпох. «Известно, — писал Грот, — что он (Державин, — *З. П.*) в теории языка не имел твердых знаний, и потому не может быть державинской орфографии, как есть орфография ломоносовская и отчасти сумароковская. В отношении к правописанию и пунктуации нам оставалось, следовательно, держаться принятых в настоящее время общих начал, допуская некоторое отступление от этого правила только там, где того требовали особенные соображения».[59]

Если даже иметь в виду только орфографию и пунктуацию, не касаясь морфологии, словообразования и других сторон языка, утверждение Грота несправедливо. Державин ничего не придумывал сам. Орфография и пунктуация державинских текстов — это орфография и пунктуация его эпохи, и если в прижизненных изданиях сочинений Державина наблюдаются неустойчивые написания отдельных форм и слов, колебания в расстановке знаков препинания, то это свидетельствует об отсутствии твердо установленных орфографических и пунктуационных норм в XVIII в. Колебания в написании отдельных слов следует учитывать при воспроизведении текстов XVIII в., тем более там, где они отражают характерные особенности литературного языка этого времени.

Что касается Державина, то он свои произведения отделывал с большой тщательностью, продумывая мельчайшие детали, в том числе орфографию и расстановку знаков препинания. Об этом сви-

---

[56] См., например, канд. дисс. Л. А. Войновой «Лексика поэзии Г. Р. Державина» (1954, хранится в ЛГПИ им. А. И. Герцена), книгу А. В. Западова «Мастерство Державина» (Л., 1958). — Но и ошибок в гротовском издании обнаруживается все больше. См., например: М. Альтшуллер. Несколько уточнений к текстам стихотворений Г. Р. Державина. «Русская литература», 1961, № 4, стр. 186—190.

[57] Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX век). Энциклопедия славянской филологии, вып. 12, СПб., 1908, примеч. к стр. 100.

[58] Г. А. Гуковский. Литературное наследство Г. Р. Державина, стр. 379.

[59] Сочинения Г. Р. Державина, т. I, СПб., 1864, стр. XXXVII

детельствует не только последнее прижизненное издание 1808—1816 гг., выполненное под непосредственным наблюдением автора, но и его рукописи.[60]

Грот же исправил не только орфографию и пунктуацию державинских текстов по нормам XIX в. Понимая орфографию слишком широко, Грот делает исправления, затрагивающие лексическую и стилистическую стороны языка Державина. В издании Грота так много поправок самого разнообразного характера и в некоторых случаях они так существенны, что это издание можно в известном смысле считать новой «редакцией» произведений Державина.

Сохранение языковых форм в рифмующих словах необходимо, так как всякие изменения в них затрагивают звуковую сторону стиха. В издании Грота встречаются исправления и в рифмующих словах. Это приводит к фонетическому диссонансу и, следовательно, к разрушению структуры стиха.

У поэтов XVIII—XIX вв. часто встречаются случаи употребления в рифме искусственной, церковнославянской формы местоимения женского рода род. пад. ед. ч. *ея*.[61] Это дает основание предполагать, что в XVIII—XIX вв. орфографическое написание местоимения *ея* проникало и в произношение.[62] Как и другие поэты XVIII в., Державин употреблял в рифме местоимение *ея*. Например, рифма *ея — моя* употреблена Державиным в «Описании Потемкинского праздника»:

> Я чем могу воздать ея ко мне щедроте?
> Величие мое творенье рук ея;
> Все щастие мое души ея в щедроте,
> И слава торжества ея, а не моя.
>
> (Изд. 1808 г., т. IV, стр. 54).

Но там, где рифмующее слово требовало обычного, живого произношения местоимения *ее* (с конечным звуком *е*), Державин

---

[60] В Институте русской литературы (Пушкинском доме) хранится 6 томов рукописей произведений Державина под шифром Ф.96, оп. I, № 5—10. Вот что пишет большой знаток рукописных фондов Державина Д. С. Бабкин о значении этих рукописей для исследователей процесса творчества Державина и для установления канонического текста его произведений: «В течение многих лет, с 1790-х по 1814 г., Державин давал переписывать в эти тетради свои сочинения: стихи, пьесы, речи и пр. Затем каждое произведение, переписанное писцом, он подвергал переработке... В результате этого получалась совсем новая редакция текста, которую писец вторично переписывал на следующих листах тетради, а Державин еще и еще раз вносил в нее поправки». (Д. С. Бабкин. Архив Г. Р. Державина в ИРЛИ АН СССР. Бюллетени рукоп. отд. ИРЛИ, вып. III, М.—Л., 1952, стр. 75—76).

[61] Многочисленные примеры употребления формы местоимения *ея* в рифме см. в статье: Н. Н. Дурново. Заметки по истории русского литературного языка. Изв. ОРЯС АН, т. XXIII, кн. 2, 1921, стр. 95—108.

[62] Об употреблении на письме и в произношении родительного падежа местоимения *ея* см.: Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, стр. 27—28.

и писал его в этой форме. Ср., например, в 4-й строфе оды «Изображение Фелицы»:

Как пальма клонит благовонну
Вершину и лице свое:
Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее.

(Изд. 1808 г., т. I, стр. 98).

Грот заменил здесь форму местоимения *ее* формой *ея*, согласно нормам правописания второй половины XIX в., канонизированным им самим же:

Как пальма клонит благовонну
Вершину и лицо свое,
Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ея.

(Изд. Грота, т. I, стр. 273).

Эта поправка в издании Грота ввела в заблуждение исследователя языка русской поэзии XVIII и XIX вв. Н. Н. Дурново.[63] Большое значение Дурново придает рифме как материалу для суждения о произношении. Он подробно останавливается на употреблении форм местоимения *ея* — *ее* у русских поэтов XVIII—XIX вв. и отмечает колебания в употреблении этих форм у Княжнина, Карамзина, Богдановича и других поэтов в зависимости от того, какой формы требовало рифмующее слово. По материалам, приведенным Дурново, нельзя судить о том, какие формы местоимения употреблял Державин, так как Дурново пользовался изданием Грота и его поправки приписывает Державину. Цитированные выше стихи из оды «Изображение Фелицы» Дурново и приводит как пример употребления Державиным формы *ея* независимо от слова, с которым рифмуется местоимение. Этот пример показывает, как осторожно должны пользоваться исследователи языка и стиха Державина изданием Грота.

Некоторые поправки в издании Грота затрагивают словообразовательную систему языка державинской эпохи. Такой характер носит поправка в стихотворении «К первому соседу»:

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
В шатрах Персидских, златошвенных,	В шатрах персидских, златошвейных,
Из глин Китайских драгоценных,	Из глин китайских драгоценных,
Из Венских чистых хрусталей,	Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,	Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь	И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?	Сокровища казны твоей?
(т. I, стр. 199).	(т. I, стр. 103).

Не касаясь здесь исправлений прописных букв, формы мн. ч. существительного *сокровищи*, пунктуации, остановимся на «ис-

[63] Н. Н. Дурново. Заметки по истории русского литературного языка, стр. 98.

правлении» прилагательного *златошвенный*. Эта поправка не только нарушила рифму. Формы *златошвейный* нет ни в одном прижизненном издании и ни в одной рукописи Державина. В XVIII в. эта форма, по-видимому, вообще не употреблялась. Прилагательное же *златошвенный* было распространено достаточно широко. Оно образовано от существительного *злато* и причастия *швенный* по аналогии с такими сложными прилагательными, как *златотканный*, *златокованный* и т. п. Ср. у Тредиаковского:

А вся разность между тобой и ними да будет
Красок единственно в цвете, но ты еще да имеешь
Легку опушку вкруг по воскрилиям швенную златом.[64]

Тредиаковский употребляет и прилагательное *златошвенный*:

Зря Тилемах подплащник себе из тонкия шерсти,
Коя своей белизной превышала снежную белость,
Да багряничный плащ по краям пол вкруг златошвенный,
С радостью так, как юноше есть природно младому,
Сам созерцал на то велелепие льстивное оку.[65]

Усеченная форма того же прилагательного употреблена в анонимном стихотворении XVIII в.:

На троне роскоши сидит он возвышен,
В деревню целую богато облечен,
И бархат златошвен имеет под ногами,
Раскрашен, испещрен крестьянскими слезами.[66]

Показания словарей свидетельствуют о том, что в XIX в. форма *златошвенный* вытесняется новой формой *златошвейный*. Впервые это слово без всяких иллюстраций зафиксировано в Словаре Соколова (1834) в форме *златошвенный*. Словарь 1847 г. тоже дает только форму *златошвенный* с единственной приведенной нами выше цитатой из стихотворения Державина «К первому соседу». Академический словарь русского языка 1903 г. приводит обе формы.[67] Форма *златошвейный* проиллюстрирована цитатами из Жуковского, Гоголя, Ершова и других авторов XIX в., форма *златошвенный* — цитатами из стихотворения Державина «К первому соседу» и из сочинений духовного писателя И. А. Борисова (Иннокентия).[68] Составители Академического словаря 1903 г. были введены в заблуждение поправкой Грота

---

[64] Тредиаковский. Тилемахида, ч. I. СПб., 1766, стр. 211.

[65] Там же, стр. 6; см. там же, ч. II, стр. 23, где еще раз употреблено прилагательное *златошвенный*.

[66] «Утра», 1782, май, стр. 1.

[67] Академический словарь русского языка, т. II, вып. 7. СПб., 1903, стр. 2657.

[68] «Пришел потоп и смыл с лица земли златошвенные кущи, медь и цевницу, вместе с кующими и поющими» (Сочинения Иннокентия, т. VII, СПб.—М., 1874, стр. 105).

в стихотворении «К первому соседу». Цитата из этого стихотворения приведена дважды, для иллюстрации обеих форм, форма *златошвенный* дана с примечанием: «до изд. 1808 г.». Примечание взято у Грота. Оно ошибочно, так как и в издании 1808 г. напечатано *златошвенный*. Вариант Грота, таким образом, выдается в словаре за державинский.

Поправки в издании Грота искажают иногда не только отдельные слова и формы, но охватывают целые грамматические категории и классы слов. По изданию Грота нельзя получить представление, например, об употреблении Державиным форм прилагательных. В XVIII в. наблюдаются колебания в употреблении прилагательных мягкой и твердой разновидности, образованных при помощи суффикса *-н-* от одного и того же корня: искренний и искренный, дальний и дальный, давний и давный, поздний и поздный,[69] дольний и дольный,[70] внешний и внешный[71] и т. п. Подобные колебания характерны и для Пушкина, в его произведениях встречаются аналогичные формы: дальний и дальный, поздний и поздный, давний и давный, недавний и недавный и т. п.[72] Гротовское же издание сочинений Державина не дает правильного представления об употреблении прилагательных на

---

[69] См.: Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, стр. 62.

[70] Тредиаковский безразлично употребляет обе формы — *дольний* и *дольный*:

Сердца его и от уст аромат сладковонный исходит;
Лира ж и глас привели б в восхищение горних и дольних.

(В. К. Тредиаковский. Тилемахида, т. II, СПб., 1766, стр. 120).

Кой есть вред, да един неповинный токмо погибнет,
Должно когда спасти таких, представляют которы
Горних богов посреде человеков дольных и смертных?

(Там же, стр. 133).

[71] См. у Хераскова:

Рожденна ты весной подобно,
Скончать в России время злобно,
Восставить мир и тишину;
От внешних сохранить злодеев,
Прогнать ревущих вкруг Бореев,
И вечну возвратить весну.

(Ода на день рождения ее императорского величества, 1763 года. Творения, ч. VII, стр. 84).

Москва, разимая погибелию внешной,
От скорбей внутренних явилась безутешной.

(Россиада, песнь I. Творения, ч. I, М., 1796, стр. 5).

[72] См. Словарь языка Пушкина.

-ний и *-ный*, так как Грот в некоторых случаях сделал в них исправления.

Например, в последней строфе оды «Вельможа» прилагательное *поздный* исправлено:

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
Простри твой поздный блеск в народе, Как отдает свой долг природе Румяна вечера заря. (т. I, стр. 217).	Простри твой поздний блеск в народе, Как отдает свой долг природе Румяна вечера заря! (т. I, стр. 635).

Такой же характер носит поправка в 39-й строфе оды «Водопад», где усеченная форма прилагательного *горны* заменена формой *горни*:

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
Но кто там идет по холмам, Глядясь, как месяц, в воды чорны? Чья тень спешит по облакам В воздушные жилища горны? (т. I, стр. 238).	Но кто там идет по холмам, Глядясь, как месяц, в воды черны? Чья тень спешит по облакам В воздушные жилища горни? (т. I, стр. 473).

Исходя из норм литературного языка XIX в., здесь скорее можно было бы ожидать *жилища горни* (т. е. «небесные жилища»). Но формы *горни* нет ни в одном прижизненном издании и ни в одной рукописи оды «Водопад», хотя в других случаях в таком же значении Державин ее употребляет.[73] В оде «Водопад» он употребил форму с твердой основой потому, что это прилагательное рифмуется с прилагательным *чорны*. На основании употребленной Державиным формы мы можем сделать вывод о том, что в XVIII в. мягкая и твердая разновидности этого прилагательного не разграничивались по смыслу так строго, как стали разграничиваться в более позднюю эпоху, и одна форма могла свободно заменяться другой. Своеобразие державинского языка и стиха этой поправкой нарушено.

По изданию Грота нельзя получить правильного представления и об употреблении Державиным вариантных окончаний прилагательных мужского рода им. пад. ед. ч. Между тем сохранение окончаний в прилагательных на *-ой*, *-ей* или *-ый*, *-ий*, как их употреблял Державин, дает представление о соотношении разговорных и книжных элементов в его стихах, дает материал для наблюдений над произношением этих окончаний в XVIII в. Ломоносов писал: «Славянский язык от великороссийского ничем столько не разнится, как окончаниями речений. Например, по-славенски единственные прилагательные мужеские именительные

---

[73] См.: Сочинения Державина, т. I, 1808, стр. 102, 150; т. II, стр. 41.

падежи кончатся на *-ый* и *-ий* — *богатый, старший, синий*, а повеликороссийски кончатся на *-ой* и *-ей* — *богатой, старшой, синей*».[74]

Случаи исправления окончаний прилагательных в издании Грота многочисленны. Остановимся на нескольких примерах.

В стихотворении «Соловей» в прилагательном *голосистой* окончание *-ой* исправлено в издании Грота на *-ый*, хотя это прилагательное рифмуется с прилагательным женского рода род. пад. ед. ч. *кремнистой:*

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
И свесясь со скалы кремнистой, Густокудрява мрачна ель Напев твой яркой, голосистой И рассыпную звонку трель, Как очарованна, внимает... (т. I, стр. 304).	И, свесясь со скалы кремнистой, Густокудрява мрачна ель Напев твой яркий, голосистый И рассыпную, звонку трель, Как очарованна, внимает... (т. I, стр. 694).

В издании Грота окончание исправлено не только у прилагательного *голосистой*, но и у прилагательного *яркой.*

В 65-й строфе оды «Водопад» окончание прилагательного исправлено также в рифме:

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
Под древом, при заре вечерней, Задумчиво любовь сидит, От цитры ветерок весенней Ее повсюду голос мчит... (т. I, стр. 245).	Под древом, при заре вечерней, Задумчиво Любовь сидит, От цитры ветерок весенний Ее повсюду голос мчит... (т. I, стр. 465).

Окончания прилагательных *-ый*, *-ий* Державин часто использует в стилистических целях.

В оде «Вельможа» в приподнято-патетическом стиле написаны строфы, в которых осуждаются праздность, роскошь вельможи:

А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
(Изд. 1808 г., т. I, стр. 212).

В стихах высокого стиля Державин использовал «славенское» окончание *-ый* в прилагательном *вторый.*[75]

В редакции Грота «А ты, второй Сарданапал!» (Изд. Грота, I, 629) эти строки звучат сниженно.

По изданию Грота нельзя получить правильного представления об употреблении Державиным и еще одной грамматической категории — окончаний существительных среднего рода им. пад.

[74] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, 1952, стр. 83.

[75] Порядковое числительное *вторый* в данном случае употреблено в значении прилагательного.

мн. ч. В XVIII в. были широко распространены окончания среднего рода мн. ч. *-ы*, *-и* в безударном положении: леты, вины, полотенцы, окны, солнцы, войски и т. п.[76]

В произведениях Державина окончания *-ы*, *-и* у существительных среднего рода мн. ч. употребляются широко: солнцы, крылы, бревны, кольцы, зеркалы, гнезды, царствы, дурачествы, злодействы, качествы, совершенствы, чувствы, войски, счастьи, движеньи, хищеньи, наслажденьи и т. п. Строгой последовательности в употреблении окончаний существительных среднего рода мн. ч. у Державина нет (солнцы и солнца, чувствы и чувства, царствы и царства и т. п.), как не было такой последовательности и в языке его эпохи.

По изданию Грота невозможно установить, когда Державин употреблял одни или другие окончания в рассматриваемой категории существительных, так как в одних случаях Грот исправляет их согласно нормам своего времени, в других оставляет такие окончания, какие были у Державина. Приведем несколько примеров.

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
Представь, чтоб все царевна средствы В пособие себе брала, Предупреждать народа бедствы И сохранять его от зла... (т. I, стр. 106).	Представь, чтоб все царевна средства В пособие себе брала Предупреждать народа бедства И сохранять его от зла... (т. I, стр. 283).
Ветр медлен течь его стезями, Обозревает царствы вдруг; Шумит, и как звезда блистает, И искры в след свой рассыпает. (т. I, стр. 239).	Ветр медлен течь его стезями: Обозревает царства вдруг; Шумит и, как звезда, блистает, И искры в след свой рассыпает. (т. I, стр. 473).

В 15-й строфе оды «Изображение Фелицы» в слове *царствы* Грот исправил окончание, а слово *солнцы* оставил без изменения.

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
Чтоб солнцы в путь свой покатились, И тысящи вкруг их планет; Из праха грады возносились, Восстали царствы, — и был свет. (т. I, стр. 102).	Чтоб солнцы в путь свой покатились И тысящи вкруг них[77] планет; Из праха грады возносились, Восстали царства — и был свет. (т. I, стр. 279).

[76] Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, стр. 89.

[77] Хотя Грот в своей статье «Язык Державина» (Сочинения Г. Р. Державина, т. IX, стр. 346) и отмечает употребление Державиным личных местоимений 3-го л. в косвенных падежах с некоторыми предлогами без вставного *н* (меж ими, близ его), но в текстах Державина не всегда сохраняет эту особенность его языка.

Е. Ф. Будде, приводя примеры форм среднего рода мн. ч. им. пад. с окончаниями *-ы*, *-и* из самых различных источников XVIII в. (много примеров из произведений Дмитриева, Карамзина, Сумарокова и др.), из Державина привел всего один такой пример (*войски* из оды «Изображение Фелицы»),[78] так как пользовался изданием Грота и не мог получить правильного представления об употреблении этого разряда слов у Державина.

Издатели старых текстов неизбежно сталкиваются с большими затруднениями в области слитных и раздельных написаний слов. Как правило, слитные и раздельные написания наречий, предлогов, наречных и предложных словосочетаний не только отражают орфографические нормы той или иной эпохи, но и показывают, закончился или нет процесс изменения лексического и грамматического значения данного словосочетания и переход его в разряд наречий или предлогов. Поэтому и в изданиях литературных памятников XVIII в. следовало бы сохранить слитные и раздельные написания наречий и предлогов, а не изменять их по орфографическим нормам той эпохи, в которую издается памятник, так как эти нормы от эпохи к эпохе меняются.

В издании же Грота все наречия, предлоги, наречные и предложные сочетания написаны по орфографическим нормам второй половины XIX в.

Державин часто употребляет наречное сочетание *на место*, и во всех случаях в издании 1808 г. оно встречается в раздельном написании. В издании же Грота оно напечатано слитно:

В изд. 1808 г.	В изд. Грота
На место радуг испещренных Висит по небу мгла вокруг: А на коврах полей зеленых Лежит рассыпан белый пух. (т. I, стр. 137).	Наместо радуг испещренных Висит по небу мгла вокруг, А на коврах полей зеленых Лежит рассыпан белый пух. (т. I, стр. 225).

В XVIII в. наречное словосочетание *на место* широко употреблялось и было стилистически нейтральным. В современном русском литературном языке наречие *наместо* перешло в разряд слов просторечных и областных. Поэтому слитное написание меняет стилистическую окраску этого слова.

Другим примером многочисленных случаев неудачной замены раздельных написаний слитными в гротовском издании может служить словосочетание *в след*, которое употреблялось в XVIII в. в значении предлога и наречия. Во всех случаях в прижизненных изданиях Державина *в след* в функции предлога и наречия написано раздельно. Грот заменяет раздельные написания слитными, не учитывая специфики употребления этого предложного или на-

---

[78] Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, стр. 89—90.

речного сочетания в XVIII в. В произведениях Державина имеется немало примеров управления предлога *в след* не только творительным падежом, как в современном русском языке, но и родительным. Например:

Ограды в след его идут...
(Изд. 1808 г., т. I, стр. 234).

Дерзайте ваших в след отцов!
(Там же, стр. 139).

В их урнах фениксы взродятся
И в след их славы воскрылятся.
(Там же, стр. 277).

Управление предложного сочетания *в след* родительным падежом уже для XIX в. было устарелым. Поэтому нельзя обосновать слитное написание этого предлога в литературных памятниках XVIII в. нормами правописания XIX в., когда этот предлог управляет родительным падежом. Словарь современного русского литературного языка АН СССР, цитируя Державина для иллюстрации архаического употребления предлога *в след* с род. пад., дает его в раздельном написании: В след выспренних певцов дерзает Воспеть тебе [Шувалову] надгробный гимн.[79]

Процесс утраты лексического значения и грамматизации словосочетания *в след* в XVIII в. еще не был закончен. Об этом свидетельствует не только последовательно и строго выдержанное раздельное написание его в значении предлога и наречия, но и возможность грамматически оформленного определения при нем. Пример такого употребления встретился в оде «Водопад»:

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.
(Изд. 1808 г., т. I, стр. 239).

Приведенные примеры показывают, что при переводе памятников XVIII в. на орфографию более поздней эпохи вопрос о сохранении и изменении слитных и раздельных написаний решается не просто.

Исправлений, подобных рассмотренным выше, в гротовском издании сочинений множество. Все они показывают, что Грот не только модернизировал орфографию (о чисто орфографических

[79] Словарь современного русского литературного языка АН СССР, т. 2, М.—Л., 1951, стр. 847.

исправлениях, не затрагивающих других сторон языка, мы вообще не говорим), но всю языковую систему державинской эпохи.

Долгое время после Грота Державин не издавался совсем.[80] В 1933 г. вышел однотомник избранных стихотворений Державина под редакцией Г. А. Гуковского. Как уже указывалось выше, это был первый выпуск основанной Горьким «Библиотеки поэта».[81]

Издание стихотворений Державина, подготовленное Гуковским, имеет целый ряд несомненных достоинств. Несмотря на то, что это издание представляет собой однотомник избранных стихотворений (в него вошла только одна треть всех стихотворений Державина), издатель счел необходимым опубликовать по рукописям 60 новых стихотворений, никогда ранее не печатавшихся. Среди них стихотворение «На смерть Катерины Яковлевны», многочисленные поэтические «мелочи» (надписи на случай, мадригалы, надгробия, эпиграммы), собранные Державиным в одну тетрадь под заглавием «VII том».[82] Эта тетрадь, переписанная набело рукой писца, была вполне подготовлена Державиным к печати. В издание Грота вошла только часть стихотворений «VII тома», остальные стихотворения из этой тетради были впервые напечатаны в издании 1933 г.

Перед составителем сборника Гуковским стояла сложная задача выбора произведений для однотомника. Эта задача решена удачно. В издание вошли все основные произведения Державина. Впервые опубликованные стихотворения в целом интересны по содержанию и по языку и во многом по-новому освещают облик Державина как поэта.

Но издание 1933 г. также далеко не безупречно. Существенные недостатки этого издания отметил сразу же по выходе его в свет Д. Благой.[83]

В основе текста издания 1933 г. лежит последнее прижизненное издание Державина. Издание Гуковского не относится к типу академических, поэтому в нем не воспроизводится истории текстов, не дается сводки вариантов. В основу издания положен текст, который составитель принял за канонический; следовательно, отступления от этого канонического текста не должны иметь места в издании. Но оно не всегда отличается текстологической точ-

---

[80] Несколько изданий конца XIX—начала XX в. (издание Вольфа 1886 г., Мертца 1895 г., Венгерова 1894 г. в IV вып. «Русской поэзии» и некоторые другие) ничего нового не дают ни в текстологическом отношении, ни в отношении новых публикаций.

[81] Первый выпуск серии «Библиотеки поэта» вызвал много откликов. См.: Д. Благой. Первая книжка «Библиотеки поэта». «Художественная литература», 1933, № 9, стр. 46—50; Л. Тимофеев. О «Библиотеке поэта». «Литературный критик», 1933, № 7, стр. 188—194; Ф. Гордеев. Державин. «Резец», 1933, № 11—12, стр. 30.

[82] Архив Г. Р. Державина в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, том III.

[83] Д. Благой. Первая книжка «Библиотеки поэта».

ностью. Правда, в издании 1933 г. мало «поправок», подобных тем, которые делал Грот. Но они есть.

В оде «Водопад» вместо старой формы наречия *поздо*[84] в издании 1933 г. напечатано *поздно:*

В изд. 1808 г.	В изд. 1933 г.
Казалося ему, что он Непобедимы водит войски; . . . . Что только по траве росистой Ночные знать его шаги; Что утром пыль, под твердью чистой, Уж поздо зрят его враги... (т. I, стр. 234).	Казалося ему, что он Непобедимы водит войски; . . . . Что только по траве росистой Ночные знать его шаги; Что утром пыль, под твердью чистой, Уж поздно зрят его враги... (стр. 166).

Гуковский в принципе стремился сохранить орфографию издания 1808 г. (сохранены такие написания, как *верьх, сверькает, олтарь, кохти, стекляный* и т. п.). Но этот принцип выдержан не до конца. В XVIII в. был широко распространен союз *естьли*, из которого впоследствии образовался союз *если*. В форме *естьли* этот союз употреблял и Державин. В издании 1933 г. старая форма этого союза заменена современной.

Мнение Гуковского о том, что текст последнего прижизненного издания сочинений Державина 1808—1816 гг. является безоговорочно каноническим, требует поправки и уточнения. После того как в 1808 г. вышли в свет 4 тома произведений Державина, он продолжал работать над их текстами. Свои поправки Державин вносил в лично ему принадлежавший экземпляр издания 1808 г., позднее подаренный им его племяннице Е. Н. Львовой («экземпляр Е. Н. Львовой»). В настоящее время этот экземпляр хранится в Институте русской литературы в Ленинграде. Грот в своем издании учел поправки, внесенные Державиным собственноручно в экземпляр Львовой. Гуковскому также был известен этот экземпляр. Но по непонятной причине Гуковский учел не все исправления Державина в экземпляре Львовой.

В 9-й строфе оды «Водопад» в экземпляре Львовой старая форма двойственного числа от существительного женского рода *лепта — две лепте* исправлена на *два лепта*. Это учтено Гуковским. В издании 1933 г. две строчки в 9-й строфе оды «Вельможа» изменены в соответствии с правкой Державина в экземпляре Львовой:

В изд. 1808 г.	В экз. Львовой и в изд. 1933 г.
Всех царственных подпора зданий; Вся мысль его, цель слов, деяний... (т. I, стр. 212).	Подпора царственного зданья; Вся мысль его, слова, деянья... (стр. 157).

[84] Об употреблении прилагательного *поздый* и наречия *поздо* в XVIII— начале XIX века см.: Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, стр. 86.

В других случаях исправления Державина в экземпляре Львовой оказались не внесенными в издание 1933 г.

В издании 1808 г. первое четверостишие последней строфы оды «Водопад» было напечатано так:

И без примеса чуждых вод
Поит златые в нивах бреги.
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги...

(Изд. 1808 г., т. I, стр. 247).

Но во всех рукописях, а также в издании 1798 г. на месте *поит* стояло деепричастие *поя*. По-видимому, в издании 1808 г. была допущена опечатка, так как Державин в экземпляре Львовой снова исправил *поит* на *поя*. У Грота напечатано так, как исправил Державин в экземпляре Львовой — *поя* (Изд. Грота, I, 487).[85] В издании 1933 г. появляется вариант, которого нет ни в одной рукописи и ни в одном прижизненном издании Державина — *поишь*:[86]

И без примеса чуждых вод
Поишь златые в нивах бреги.
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги...

(Изд. 1933 г., стр. 177).

Никаких объяснений по поводу этого нового варианта в издании 1933 г. не дано.

В оде «На смерть графини Румянцевой» в строках

В семействе тихом, безмятежном,
Фессальский насаждая сад,
Живи и распложай науки

Державин в экземпляре Львовой зачеркнул *тихом* и сверху написал *мирном*. Гуковский не принял во внимание эту поправку и напечатал так, как было в издании 1808 г. до исправления Державина, не обосновав выбор этого варианта.

Сверка рукописей впервые опубликованных Гуковским стихотворений с текстами издания 1933 г. показывает, что в этом издании рукописи воспроизведены не всегда точно.

В архиве Державина имеется всего один список впервые опубликованного Гуковским стихотворения «На смерть Катерины

---

[85] В примечании к строчке Поя златые в нивах бреги (т. I, стр. 487) Грот допустил ошибку, утверждая, что в издании 1808 г. употреблено 2 л. ед. ч. *поишь*, тогда как в действительности там напечатано *поит*.

[86] В издании стихотворений Державина 1957 г. также не учтена эта поправка Державина в экземпляре Е. Н. Львовой (Г. Р. Державин. Стихотворения. Подготовка текста и общая редакция Д. Д. Благого, примечания В. А. Западова. Л., 1957, «Библиотека поэта», Большая серия, изд. 2, стр. 190).

Яковлевны».[87] В 3-ю строфу этого стихотворения в издании 1933 г.[88] внесены исправления:

Архив Державина, т. 23	Изд. 1933 г., стр. 375
Роют псы землю, вкруг завывают, Воет и ветер, воет и дом; Мою милую не пробужают; Сердце мое сокрушает гром!	Роют псы землю, вкруг завывают, Воет ветер, воет и дом; Мою милую не пробуждают; Сердце мое сокрушает гром!

Пропуск буквы *д* в глаголе *пробужают* не является опиской Державина. В современном русском языке наряду с литературным вариантом *пробуждать* в народных говорах употребляется и тот вариант слова, который мы встречаем в стихотворении Державина, — *пробужать*.[89] Факт употребления Державиным слова *пробужать* может свидетельствовать о том, что в XVIII в. оно употреблялось не только в диалектах, но и в литературном языке.[90]

Пропуск в издании 1933 г. союза *и* во второй строчке цитированной строфы меняет ритм стиха.

Во впервые опубликованном Гуковским стихотворении «Ковaньке» в издании 1933 г. заменена старая форма прилагательного *поздный* современной формой *поздний*:

Архив Державина, т. VII	Изд. 1933 г., стр. 370
Кованька! ты рожден Поэт: Пиши, заслуживай хвалы. — Внушит тебя так поздный свет, Как громы, ветры и валы.	Кованька! ты рожден Поэт: Пиши, заслуживай хвалы. — Внушит тебя так поздний свет, Как громы, ветры и валы.

Следует подчеркнуть, что неточностей в текстах издания 1933 г., подобных рассмотренным выше, немного, значительно меньше, чем в издании Грота. Редактор издания 1933 г. стремился во всех деталях сохранить орфографию и пунктуацию Державина (иногда даже без особой необходимости). Но указанные выше неточности и отступления от державинских текстов серьезнее чисто орфографических и свидетельствуют о том, что это издание в лингвотекстологическом отношении все-таки не безукоризненно.

Второе издание стихотворений Державина Большой серии «Библиотеки поэта» вышло в свет в 1957 г. под редакцией

---

[87] Архив Державина в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. 23.

[88] Стихотворение «На смерть Катерины Яковлевны» и в изд. 1957 г. напечатано с ошибками, и только в издании 1958 г. (Г. Р. Державин. Стихотворения. М., 1958, стр. 140) нет отступлений от рукописи.

[89] См. работу Н. М. Васнецова «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» (Вятка, 1907), где приводится это слово: пробужать, пробужаться — пробуждать, будить, пробуждаться. См. также запись Прозоровой: пробужать — будить (Медянский район, Кировская область, 1952—1954) — в Картотеке Словаря русских народных говоров в Институте языкознания АН СССР.

[90] В «Словаре Академии Российской» 1794 г. нет этого глагола, хотя есть возвратный глагол *пробужаться*.

Д. Д. Благого и с примечаниями В. А. Западова. Следует признать, что во многих отношениях это издание стихотворений Державина значительно хуже первого издания «Библиотеки поэта».

Много спорных замечаний вызывает научный аппарат издания, принцип расположения стихотворений. Ограниченные возможности однотомника использованы неэкономно. В примечаниях (стр. 363—452) опубликовано множество черновых вариантов стихотворений Державина, пародии, стихотворения других авторов[91] в ущерб более существенным материалам.

В объяснении некоторых непонятных и устарелых слов автор комментариев Западов некритически использовал примечания своих предшественников Грота и Гуковского.

В оде «На взятие Измаила» Державин употребил слово *рында* в необычном значении:

Средь них, как гор отломок льдян,
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:
Как полный месяц щит его,
Как сосна, рында обожженна,
Глава до облак вознесенна, —
Орел над шлемом у него.

(Изд. 1808 г., т. I, 90).

Державин объясняет слово *рында* так: «Рында, дубина или палица, орудие древних княжеских придворных, которые и сами назывались рындами».[92] Грот отклонил державинское толкование слова *рында*: «Слово рында никогда не могло означать дубины».[93] Вслед за Гротом Западов повторяет: «Палица рындой не называлась».[94] Этимология слова *рында* неясна. Следует лишь принять во внимание, что это слово имеет не только общеизвестное значение («царский телохранитель»), но и другие значения в русских народных говорах.[95] Поэтому отвергнуть толкование Державина можно только после специального исследования всех значений слова *рында*.

---

[91] Так, в примечании к стихотворению «Пчелка» (стр. 423) напечатана пародия на это стихотворение, написанная Державиным от руки на полях принадлежавшего его жене Д. А. Державиной экземпляра «Анакреонтических песен» (изд. 1804 г.). Западов напечатал эту пародию почему-то со ссылкой на публикацию Лидина (см.: В. Лидин. Наедине с книгами. «Новый мир», 1957, № 6, стр. 273), не упомянув о том, что пародия на «Пчелку» впервые опубликована Гротом (изд. Грота, I, 780—781) с точной ссылкой на тот же самый источник, по которому ее позднее опубликовал Лидин.

[92] «Объяснения» Державина. Сочинения Державина под редакцией Грота, т. III, стр. 610.

[93] Сочинения Державина под редакцией Грота, т. I, стр. 355.

[94] Державин. Стихотворения, стр. 395.

[95] См. различные толкования слова *рында*: «рында (пенз.) — нескладный человек большого роста» (Опыт областного великорусского словаря 1852 г.); «рында (пенз., сар.) — нескладный верзила, долга́й; сухопарая баба; исхуда-

В объяснении пропуска имени Суворова в стихотворении «Восторжествовал — и усмехнулся» Западовым повторена ошибка Гуковского.[96]

Неудовлетворительно издание стихотворений Державина 1957 г. и в текстологическом отношении.

Составители положили в основу своего издания Сочинения Державина 1808 г. Но, несмотря на то что это последнее прижизненное издание поэта, тексты его нельзя считать каноническими. Как уже указывалось выше, следует учитывать поправки в экземпляре Львовой. В издании 1957 г. не учтены эти поправки. Правда, в конце книги, на стр. 452, приводится список исправлений, совпадающих с исправлениями в экземпляре Львовой, хотя источник их не указан. В этом списке всего 4 поправки. В экземпляре же Львовой их значительно больше. Так, неисправленной оказалась форма *две лепте* в оде «Водопад» (стр. 185), не сделаны исправления в оде «На смерть графини Румянцевой» (стр. 120).

Целый ряд других неточностей в текстах издания 1957 г. объясняется также неправильным представлением составителей этого издания об окончательной редакции текстов произведений Державина.

В Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) Западов обнаружил экземпляр издания Державина 1798 г. с поправками, внесенными в этот экземпляр поэтом от руки. Большую часть этих поправок Державин не учел в издании 1808 г. Западов утверждает, что это произошло случайно, потому что во время подготовки издания 1808 г. у Державина не было под рукой этого экземпляра издания 1798 г. с поправками, о которых поэт «забыл».[97]

Трудно представить себе, чтобы Державин забыл о своих поправках. Его рукописи, испещренные правкой, свидетельствуют о большой работе поэта над каждым своим произведением. Ни в одной рукописи, относящейся к периоду после 1798 г., нет поправок, которые сделаны в обнаруженном Западовым экземпляре

лая кляча, одер» (Словарь В. И. Даля); «рында — не имеющее значения. Встречается в песне-прибаутке:

Рында, рында-рындочка!
Где ты зародилася?
На печи в отопочке».

(Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907); «рында — прозвище» (М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910) и т. д.

[96] На ошибку Гуковского указал Благой в статье «Первая книжка „Библиотеки поэта"».

[97] В. А. Западов. Неизвестный Державин. Изв. ОЛЯ АН СССР, т. XVII, вып. I, 1958, стр. 45—54. — См. также примечания в изд. 1957 г. (стр. 384, 386, 393 и др.).

издания 1798 г., хранящемся в ЦГАЛИ. Но точно такие же поправки, какие имеются в экземпляре ЦГАЛИ, сделаны и в нескольких других экземплярах издания 1798 г.: в экземпляре, принадлежавшем А. В. Суворову (ныне хранится в ГПБ в Ленинграде), и в экземпляре, принадлежавшем А. С. Строганову (хранится в БАН в Ленинграде). Кроме того, к каждому экземпляру издания 1798 г. приложен список исправлений, напечатанный типографским способом и переплетенный вместе со всей книгой. Большая часть поправок, сделанных в тексте рукой Державина, совпадает с теми, которые входят в список исправлений. Все это убедительно доказывает, что Державин не мог «забыть» поправки, которые он сделал в издании 1798 г. Он не внес их в издание 1808 г. по другой причине.

Известно, что Державин был крайне недоволен изданием 1798 г., и поэтому, естественно, не мог положить его в основу нового издания.[98] В основе издания 1808 г. лежит рукопись, хранящаяся в настоящее время в ИРЛИ — 4 тома большого формата, написанные рукой писца.[99] По содержанию и расположению произведений эта рукопись совпадает с изданием 1808 г.[100] Рукопись написана была в первые годы XIX в.,[101] т. е. до издания 1808 г., но после издания 1798 г. Следовательно, Державин мог бы внести в эту рукопись все поправки, имеющиеся в издании 1798 г., но не сделал этого, исправив лишь явные опечатки издания 1798 г.

Поправки смыслового и стилистического характера, которые анализирует Западов в своей статье, отсутствуют в издании 1808 г. потому, что они, по всей вероятности, принадлежат не Державину. Известно, что друзья Державина, поэты Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Дмитриев, очень часто исправляли его стихи. Известно также, как неохотно Державин соглашался с поправками, которые ему рекомендовали его более образованные (но менее талантливые) друзья, и далеко не всегда вносил их в свои стихи. Грот считает, что поправки в издании 1798 г. предложены Державину Капнистом. Как указывает Грот, Капнист на особом листе набросал поправки к изданию 1798 г. «Некоторые поправки», приложенные как список опечаток к изданию 1798 г.,

---

[98] В «Предуведомлении к читателю» в первом томе изд. 1808 г. Державин пишет: «Читатели благоволят ныне увидеть первую часть в том самом порядке, в каком оная (кроме картин) в 1795 году блаженной памяти покойной государыне императрице, с посвящением высочайшему имени ее, мною лично поднесена была, но оставалась по кончину в ее кабинете не изданною; а не так, как оная в 1798 году в Университетской типографии в Москве напечатана, быв прислана туда от покойного И. И. Шувалова, по собрании им оной из разных тетрадей». (Сочинения Державина, т. I, 1808, стр. IV—V). См. также Сочинения Державина под ред. Грота, т. I, стр. XVIII—XIX.

[99] Архив Державина в ИРЛИ, ф. 96, оп. I, №№ 1—4.

[100] Первый том рукописи был переписан без всяких изменений с рукописи 1795 г., подаренной Державиным Екатерине II.

[101] Сочинения Державина под ред. Я. Грота, т. I, стр. XV.

«замечательным образом совпадают с указаниями В. В. Капниста».[102] Державин мог отвергнуть поправки Капниста по разным причинам. Возможно, одной из причин была ссора друзей, продолжавшаяся много лет (приблизительно с 1806 до 1812 г.),[103] в течение которых они не встречались и не переписывались. Возможно, для этого были и другие причины. Так ли необходимы отвергнутые Державиным поправки, как утверждает Западов? Разберем некоторые из них.

В примечании к строчке «И выжлиц лай и гул гремит»[104] из стихотворения «Осень во время осады Очакова» Западов пишет: «В Изд. 1798 г. была явная опечатка: „И выжлят лай и гул гремит". Державин исправил опечатку в принадлежащем ему экземпляре книги ... однако по недосмотру она сохранилась как в Изд. 1808 г., так и в позднейших (в том числе у Грота и Гуковского)».[105]

Во всех рукописях стихотворения «Осень во время осады Очакова» написано *выжлят*. В издании 1798 г. рукой Державина в экземплярах ЦГАЛИ, БАН и ГПБ *выжлят* исправлено на *выжлиц*. Это исправление внесено и в список поправок в конце книги. Но в следующем издании Державин отказался от этой поправки и сделал это, конечно, не «по недосмотру». Державин отверг поправку, предложенную ему Капнистом, потому что она была неудачна. Западов объясняет слова *выжлицы* и *выжлята* так: «Выжлицы — гончие собаки, выжлята — их щенки. Разумеется, охотиться можно только со взрослыми собаками, тем более — не может „греметь" „лай и гул" щенков».[106] Западов не совсем точно объясняет значение слов *выжлицы* и *выжлята*. В современном охотничьем языке для обозначения самца гончей собаки употребляется слово *выжлец*, суку называют *выжловка*. Охотники не употребляют теперь ни слово *выжлица*, ни слово *выжлята*. В старом охотничьем языке слово *выжлица* тоже не употреблялось (или употреблялось очень редко). Самку гончей всегда называли выжловка. Слово же выжлята обозначало не щенков гончей, а стаю взрослых гончих. В специальном охотничьем словаре И. П. Мятлева так объяснены эти слова: «У гончих собак самец называется выжлецом, самка выжловкой, и вместо гончих собак говорят: выжлята».[107] Замечательные описания псовой охоты

---

[102] Сочинения Державина под ред. Я. Грота, т. I, стр. XIX (здесь же Грот прилагает снимок с первого листа с поправками Капниста).

[103] В. В. Капнист. Избранные сочинения. Под ред. Б. И. Коплана. Л., 1941, стр. XI. — См. также письмо Капниста к Державину от 18 июня 1812 г. (В. В. Капнист. Собрание сочинений, под ред. Д. С. Бабкина, т. II, М.—Л., 1960, стр. 477).

[104] По изд. 1957 г. (стр. 121).

[105] Изд. 1957 г., стр. 383—384.

[106] Там же, стр. 384.

[107] И. П. Мятлев. Слова и выражения, употребляемые при псовой охоте. СПб., 1914, стр. 4. — В Посвящении автор пишет, что он в своем сло-

можно найти в книге Е. Э. Дриянского «Записки мелкотравчатого». О стае гончих (взрослых гончих!), которую вывели на охоту, Дриянский пишет: «А вот скрипнули ворота, выехал выжлятник Пашка черкесом, за ним появился Сергей в таком (так, — *З. П.*) же папахе и следом Феопен, окруженный своими выжлятами, вывел в поводу солового...».[108] Описывая охоту, Державин имел в виду стаю гончих, и его стих «И выжлят лай и гул гремит» очень точно и выразительно передает разноголосый лай стаи гончих. Поэтому никакие поправки здесь не нужны.

В стихотворении «На освящение Каменноостровского инвалидного дома» в строчках

И процветет, как ветвь Эдема
В минувший год, она плодом [109]

слово *минувший* в издании 1798 г. было исправлено на *грядущий*, но в издании 1808 г. Державин сознательно отказался от этой поправки, предложенной Капнистом. Вот как объясняет отказ Державина от этой поправки Грот: «Здесь смысл такой: „Да процветет она плодом, как процвела в минувший год, подобно ветви Эдема". Капнист предлагал грядущий вместо минувший, но Державин не захотел отказаться от прежней редакции, так как в ней, при некоторой неясности, был и намек на прошлое».[110]

По разным причинам Державин отказался и от ряда других поправок в издании 1798 г.

Будущим редакторам нового академического издания Державина не следует вносить эти поправки в основной текст. Их следует дать в вариантах с соответствующими объяснениями.

Странно, что редакторы следующего издания Державина [111] напечатали тексты тоже с учетом поправок в издании 1798 г.

Только по этой причине тексты данного издания нельзя считать точными, хотя в целом издание 1958 г. значительно лучше предыдущего. Удачнее в нем выбор произведений, их расположение (по жанрово-хронологическому принципу), безукоризнен научный аппарат. Тем не менее неточности текстологического характера в издании 1958 г. встречаются. Редакторов издания можно упрекнуть в излишней, в ряде случаев ненужной модернизации правописания. Это касается, например, наречных и пред-

---

варе собрал «все названия и выражения, употребляемые исстари русскими псовыми охотниками».

[108] Е. Э. Дриянский. Записки мелкотравчатого. СПб., 1859, стр. 89.

[109] Цит. по изд. 1808 г., т. I, стр. 8.

[110] Сочинения Державина под ред. Я. Грота, т. IX, стр. 354.

[111] Г. Р. Державин. Стихотворения. Составление, вступительная статья и комментарии А. Я. Кучерова. Подготовка текста А. Я. Кучерова и Климиной. ГИХЛ, М., 1958.

ложных словосочетаний, которые даются по нормам современной орфографии: Дерзайте ваших вслед отцов! (стр. 49); Наместо радуг испещренных висит по небу мгла вокруг (стр. 48).

Есть и другого характера неточности в текстах издания 1958 г.

В оде «На взятие Измаила» в строфе 19 есть такие строки:

Он спит! — и несекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны опустошают грады,
Раздоры пожирают злак...

(Изд. 1808 г., т. I, стр. 86).

В значении «насекомые» в XVIII в. употреблялось это слово с другой приставкой — *несекомые* или сочетание *несекомые гады*. Происхождение слова *несекомое* объясняет Е. Ф. Будде: это буквальный перевод латинского слова insectum. Вот что пишет он об употреблении в XVIII в. слова *несекомое* вместо *насекомое*: «Прежде, кажется, говорили и писали несекомое вместо насекомое, так, по крайней мере, это слово везде напечатано в статье „О некоторых насекомых, кои полезны к крашению“ («Ежемесячные сочинения», апрель, 1775 г., стр. 369—381). Там же: „Все, что жизнь имеет, от малейшего неприметнейшего несекомого даже до человека“ («СПб. вестник», 1779, 2-ое полуг., IV, 3)».[112]

В Словаре Нордстета 1780 г. (I, 423) зафиксирована форма *несекомые* (allerleh Gewurm, kleine Thierchen Ungeziefer, Insekten, des Insectes). Ср. у В. Н. Татищева: «Несекомые гады и иные в янтаре находящиеся вещи в нем не родилися, но они показуют, что янтарная материя прежде была мягка, в которое время какая ни будь несекомая гадинка или что иное во оной запуталась».[113]

Но в XVIII в. употреблялись оба варианта этого слова — насекомое и несекомое. Словарь Вейсманна 1731 г. дает сочетание *насекомая гадина*. Будде отмечает в «Иппокрене» форму *насекомое*.[114]

Колебания в употреблении вариантов *насекомое* и *несекомое* нашли свое отражение и у Державина: во всех рукописях, а также в первом издании оды «На взятие Измаила»[115] в издании 1808 г. написано *несекомы гады*, в издании же 1798 г. — *насекомы гады*.[116]

---

[112] Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, стр. 118—119.

[113] В. Н. Татищев. О мамонтовых костях. Примеч. к «Ведомостям», № 101, 1732, стр. 407.

[114] «Иппокрена», ч. I, 1794, стр. 244; ч. II, стр. 4.

[115] Песнь лирическая по взятии Измаила. СПб., 1791.

[116] См. изд. 1958 г., стр. 78.

Хотя в основе издания 1958 г. лежит издание 1808 г., редакторы почему-то без всяких объяснений дали вариант издания 1798 г.[117] в основном тексте.

Приведенные из разных изданий Державина примеры неточностей и искажений текстов доказывают, что необходимо новое, полное научное издание его произведений.

Интерес к литературному наследству XVIII в. все возрастает. Между тем имеется большое количество практически недоступного для исследователей материала: одни литературные памятники XVIII в. давно стали библиографической редкостью, другие, до сих пор никогда не издававшиеся, лежат в рукописях. Имеющиеся современные издания не всегда стоят на уровне современной филологической науки. Все это говорит о том, что новые издания литературных памятников XVIII в. необходимы. Чтобы в этих новых изданиях избежать искажения текстов литературных памятников, субъективизма и произвола издателей, необходимо выработать общие принципы построения научного аппарата издания, лингвистические принципы воспроизведения текстов XVIII в.

---

[117] Ср. как этот стих искажен в издании Я. Грота:

Он спит! — и насекомы, гады
Румяный потемняют зрак.

(т. I, стр. 351).

В. Н. СЕРГЕЕВ

К ИСТОРИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

Терминология изобразительного искусства остается одной из малоразработанных тем в лексикологии русского языка. Лингвисты в основном касаются этимологии отдельных терминов, но не показывают их места в общей системе данной терминологии и связи их с другими терминами. Выяснением источников русской терминологии изобразительного искусства занимаются также искусствоведы и художники, однако многие важные вопросы, связанные с данной терминологией, не нашли окончательного разрешения до настоящего времени.

Являются ли термины изобразительного искусства исконно русскими или только заимствованными? Произошли ли изменения в составе терминологии, а если произошли, то каковы причины, вызвавшие их? Эти вопросы весьма актуальны и ждут своего освещения.

Многие термины, обслуживающие область «трех знатнейших художеств» XVIII в., по своей структуре и по характеру в какой-то степени отличаются от современных терминов изобразительного искусства. Нельзя понять и усвоить современную терминологию изобразительного искусства, не изучив ее историю, не выяснив базу, на которой она создавалась.

Недостаточная изученность терминов изобразительного искусства отражается на их лексикографическом описании. В словари нередко попадают ошибочные или неточные толкования этих терминов и справки об истории их происхождения и употребления. Многие термины либо совсем не включаются в словари и справочники, либо вводятся, но с большим опозданием, почему порой бывает трудно определить хронологию употребления того или иного термина.

В настоящей работе рассматриваются термины живописного, гравировального и скульптурного художеств XVIII—начала XIX в. Основной материал для наблюдений извлечен из ориги-

нальной и переводной литературы: руководств, наставлений, деловых документов, частной переписки.

Терминология художеств XVIII в. представляет собой довольно пеструю картину. Наличие орфографических вариантов (абрис—обрис, аврипигмент—арпигмент—аурипигмент, павза—памза, политра—палитра, лак—лакк, ескиз—эскис—эскиз), морфологических вариантов (альфреск—альфреска—альфреско, гумми-гутт—гумми-гутта, груп—группа), терминов-дублетов (браунрот—чернь, тушь—китайские чернила, истукан—статуя, истуканщик—скульптор, писатель—живописец, портретист—портретный живописец, лавр—кубовая краска), неассимилированных специальных слов (encaustique, etudes, intaglio, en camée) свидетельствует о неупорядоченности данной терминологии.

Неупорядоченность терминологии художеств объясняется несколькими причинами: во-первых, базу терминологии художеств XVIII в. составляют как исконно русские слова, так и термины, иноязычные по происхождению; во-вторых, продолжается процесс формирования отечественной «художнической» терминологии, идет «борьба» между словами за право быть термином и остаться в системе терминологии.

В XVIII в. в связи с общей тенденцией введения в русский язык международной терминологии заметно меняется и состав терминологии художеств. Большую роль в этом играют заимствования из западноевропейских языков. «Заимствование слов, — пишет К. Горалек, — связано с усвоением культурных ценностей. Поэтому изучение заимствованных слов с точки зрения связи развития языка с историей народа, говорящего на этом языке, является важной задачей исторической лексикологии».[1]

Активный процесс заимствования иноязычных терминов художеств начался в Петровскую эпоху; предпринимавшиеся действия в области искусства представляли собой часть тех преобразований, которые были задуманы Петром I и его сподвижниками. «Способы» развития нового светского искусства были в основном те же, что и в области науки и производства. Малочисленность, иногда полное отсутствие русских специалистов, знающих живопись, скульптуру, архитектуру, вынуждали Петра I выписывать из-за границы в числе других специалистов также живописцев, скульпторов, архитекторов. Обучение русских учеников было одним из непременных условий, которые ставились перед приглашенными иностранными мастерами.

В начале XVIII в. в России открываются первые рисовальные школы. Искусство той поры имеет чисто практическое назначение. Это особенно бросается в глаза при чтении указа Петра I об ор-

---

[1] К. Горалек. Несколько замечаний о задачах сравнительно-исторической лексикологии. В сб. «Славянское языкознание», Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 32.

ганизации Академии наук в 1724 г.: «Без живописца и градировального мастера обойтися невозможно будет, — писал Петр I, — понеже издания, которые в науках чиниться будут (ежели оные сохранять и публиковать) имеют срисованы и градированы быть».[2]

Петр I отправляет «молодых людей, выказавших способность к разным отраслям искусства, ... на свой царский счет за границу учиться... Эту посылку в 1716 г. Петром первых пенсионеров за границу, с целью образовать из русских настоящих художников, ... следует считать началом действительно художественной деятельности в нашем отечестве».[3]

Общение с западноевропейскими художниками, распространение в России оригинальной и переводной литературы, освещающей разные вопросы художеств, способствовали появлению в языке большого числа иноязычных терминов. Последние пополняли русскую терминологию, в которой было уже немало иностранных терминов, заимствованных в более ранний период.

Изучение состава терминологии художеств XVIII в. приобретает особо важное значение, так как исследуемые материалы дают возможность проследить процесс становления термина. Сравним, например, ряд терминов гравировального художества. В XVII в. сам процесс гравирования называется *резьбой, резанием* (резание медных досок, резание на меди, мастерство резьбы), произведение, полученное в результате резьбы, резания, называется *резные листы, резные доски,* а лицо, занимающееся производством резных листов и досок, именуется *резным мастером, резчиком* и т. п.

В начале XVIII в. появляется ряд терминов, которые употребляются до 60-х годов XVIII в.: градировать, грыдировать, грыдоровать, гридоровать, градировальный мастер, грыдоровальная доска и др. С 60-х годов под влиянием французского языка они заменяются другими терминами, а именно: гравировать, гравировальный (гравировальный класс, художник гравировальный на меди, гравировальный пейзаж), гравировальщик (гравировальщик на камнях), гравирование (гравирование на меди) и др.

Грот в «Заметке о некоторых старинных технических терминах...»[4] считает, что замена слов *сделал, вырезал, гридировал* термином *гравировал* происходит в 70-х годах, точнее — в 1771 г. Однако материалы показывают, что термин *гравировать* употреблялся уже в 60-е годы: В гравировании на меди гравировальщик в начале предприемлемую свою работу представляет Академии

---

[2] Материалы для истории Имп. Академии наук, т. I. СПб., 1885, стр. 19.

[3] П. Н. Петров. Русские живописцы-пенсионеры Петра Великого. «Вестник изящных искусств», т. I, вып. 1, 1883, стр. 72.

[4] Я. К. Грот. Заметка о некоторых старинных технических терминах русского языка. Тр. Я. К. Грота. Т. II. Филологические разыскания. СПб., 1899, стр. 219.

в рисунке а по разсмотрении оной гравирует (Заведение факторское при Академии. Представление Кокоринова, 1766).[5]

Известно, что иностранные термины в русской терминологии художеств получают широкое распространение, но сам процесс их ассимилирования проходит у разных терминов по-разному. Одни термины подвергаются только транслитерации, другие калькируются, третьи заменяются более или менее подходящими по значению русскими терминами.

Подыскивание равноценных терминов было делом очень трудным, занимались им главным образом переводчики и авторы компилятивных сочинений. Например, Писарев в своей работе[6] вместо французского copies употребляет слово *списки*: Искусство гравирования не одни только производить списки (copies) (стр. 63); вместо copiste — *списатель*: Только бы списатель (copiste) подробностей кончил свое учение познанием действия всего целого (стр. 197). Переводные работы в XVIII—начале XIX в. составляют основную часть специальной литературы по художествам. Трудности в переводе разного рода руководств, наставлений и справочников не останавливали переводчиков XVIII в. В предисловии к книге «Понятие о совершенном живописце» ее переводчик Архип Иванов писал: «Долгом себе поставлю просить Читателя о извинении, если встретит какую-нибудь неясность в моем переводе, и о приписании сего трудности относительных к Живописи выражений, кои в рассуждении недавного художеств здесь заведения, оставались не переведенными с Итальянского языка на Российский. Признаюсь, что они составляли наибольшее для меня затруднение, которое неоднократно приводило меня к намерению оставить сей перевод, дабы новостию прииcканных мною наименований не оскорбить нежность слуха и не подвергнуть себя порицанию; но рассудив напоследок, сколь много перевод сея книги может служить к пользе Российских художников, а потому и к общественной, и что хотя наименованы мною некоторые слова не столь искусно, однако в разуме оных не должно было мне обмануться, для долговременного в художестве моего упражнения».[7]

Термины, которые по каким-либо соображениям переводчика или автора книги могут быть непонятны читателю, своеобразно

---

[5] В кн.: Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Изданный под ред. П. Н. Петрова и с его примечаниями. Ч. I. 1758—1811. СПб., 1864 (в дальнейшем: Материалы для истории АХ), стр. 159.

[6] Начертание художеств или правила, в живописи, скульптуре, гравировании и архитектуре с присовокуплением разных отрывков касательно до художеств, выбранных из лучших сочинителей А. Писаревым. СПб., 1808 (в дальнейшем: Писарев).

[7] Понятие о совершенном живописце (служащее основанием судить о творениях живописцев) и примечание о портретах. Переведены, первое с итальянского, а второе с французского А. Ивановым. СПб., 1789 (в дальнейшем: Иванов), стр. IX—X.

объясняются. В одном случае это осуществляется посредством примечаний. Так, например, поступает в своей работе Решетников[8] почти со всеми иноязычными терминами. В примечаниях он показывает, что слово *абрис* значит «окружность фигуры» (стр. 13), *тушь* — «китайские чернила» (стр. 16), *рашкуль* — «жженный из сырых березовых тонких прутиков уголь» (стр. 17), *шпатель* — «планочка выстроганная тонко, и с одного конца наискось срезанная, оною живописцы во время терения красок, сбирают их тертые с плиты» (стр. 34), *флейц* — «кисть, сделанная из барсучьей шерсти, мягкая пушистая и ровная, ею слегка по поверхности притушовывают живописцы проложенные краски или сравнивают колера» (стр. 37).

Некоторые авторы рядом с малоизвестным термином ставят более распространенный, связь между ними осуществляется посредством союза *или*: клампензель или плоская кисть, эльштихень или масленый камень, браунрот или чернь, эстамп или гравированная картина. В других случаях при иноязычных терминах помещается термин-оригинал. У Писарева мы встретим: отсвет (reflet), истукан (statues), тушевание (lairs), полуцветной (demitinte), остов (squelete), очерчения, округлости (contours), светлотень (clair-obscur), изображение сельского вида (paysage), живописец сельских видов (paysagiste), живопись по извести или фреско (al fresco), живопись восчаными красками (en caustique), живопись на стекле, на финифти (email), живопись на масле (á l'huile), живопись сухими красками (en pastels), выпуклость или обронная работа (relief), изображение лица прямо (en face), изображение лица сбоку (en profil), купа (grouppe), подлинная картина (original), списки (copies), рисование карандашом (a la crayon), гравировать точками (gravure pointillé), глубина рисунка (fond), вырезывать впадинами или во внутрь и выпукло или обронно (gravure en creauxet, en relief ou camée), резной камень (pierre gravée), чеканцы (poinçon).

Нельзя, однако, думать, что все взятые в скобки французские термины в начале XIX в. не были известны, а следовательно и не употреблялись в русском языке. Так, например, слово *пунцон* (в современном русском языке пуансон, пунсон) употребляется в середине XVIII в.: Пунцонов в грыдоровальный класс для вырезывания нотов (Извлечение из подробных счетов по книге. Первое полугодие 1761 г. Материалы для истории АХ, стр. 32); слово *копия* помещено в словаре И. Нордстета,[9] а слово *профиль* — в «Словаре Академии Российской».[10]

---

[8] Любопытный художник и ремесленник или записки.., собранные А. Решетниковым, ч. I. М., 1791 (в дальнейшем в тексте: Решетников).

[9] Российский, с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом, ч. I. СПб., 1780.

[10] Словарь Академии Российской, ч. IV, СПб., 1793.

Разнообразие исследуемых источников (оригинальная и переводная литература различных жанров) позволяет решить вопрос, в какой степени тот или иной термин был употребителен в русском языке на протяжении определенного отрезка времени.

Так, например, если термин *муштабель* встречается только в конце 90-х годов XVIII в., его употребление прослеживается не во всех текстах этого периода одинаково, то следует, по-видимому, предположить, что это слово было новым и только входило в русскую терминологию художеств.

Обратимся к примерам. У Решетникова в 1791 г.: Муштабель: Прямая в мизинец толщины сделанная трость, из красного или из другого крепкого дерева, длиною в полтора аршина, у которой на верхнем конце из кости выточенной насажен маленький шарик (стр. 38); у У[рванова][11] в 1793 г.: Живописцу необходимо иметь ящик с доскою, которую художники называют палитрою, кисти разной величины... станок под картину и палочку для поддерживания руки во время писания (стр. 118).

Как видим, один и тот же предмет называется по-разному: в одном случае это *муштабель*, в другом — *палочка*.

Оказывается, и раньше, до 90-х годов XVIII в., этот инструмент художника называется то палочка, то палка, но только не муштабель.

Ср., например, в Счетных книгах И. И. Шувалова в 1761 г.: Куплено... для живописцов... шесть палочек (Материалы для истории АХ, стр. 38); в «Иконологическом лексиконе», переведенном И. Акимовым:[12] Живописное художество познается по Политре, Кистям, и употребляемой живописцами Палке.

В словарях слово *муштабель* впервые отмечается Н. Яновским в 1804 г.

В XVIII в. известны такие дублеты, как *станок* и *мольберт*, *доска* и *политра*.

Слово *молберт* встречается в 60—70-х годах, например в Счетных книгах И. И. Шувалова в 1761 г.: Столяру за дело в живописный класс трех молбертов, рубль пятдесят копеек (Материалы для истории АХ, стр. 34); в 90-х годах, например у Решетникова: Мольберт: Трех ножная подставка на которой ставит живописец перед собой картину (стр. 38).

---

[11] Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода основанное на умозрении и опытах. Соч. И. У., 1793 (в дальнейшем в тексте: У[рванов]).

[12] Иконологический лексикон или руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых стихотворцев. С французского переведен Академии наук переводчиком Иваном Акимовым. I-е изд., 1763; 2-е изд., СПб., 1786 (в дальнейшем в тексте: Акимов).

Однако в переводной литературе и компилятивных сочинениях чаще употребляется слово *станок* или *живописный станок*. Ср., например, у Акимова в 1763 и в 1786 гг.: Живописное художество представляется в виде женщины сидящей перед живописным станком, на котором стоит зачатая картина; и у У[рванова] в 1793 г.: Живописцу необходимо иметь ящик с доскою, которую художники называют палитрою, кисти разной величины... станок под картину (стр. 118).

В словарях [13] слово *мольберт* отмечается только с середины XIX в. В начале же XIX столетия в словарях фиксируется форма *малбрет*,[14] т. е., по-видимому, та первоначальная форма, в которой слово входило в русский язык.[15]

Исследуемые источники пока не позволяют назвать точно, когда слово *палитра* стало употребляться в русском языке. Оно встречается, например, в оригинальных и переводных текстах [16] с середины XVIII в. Ср., например, в Счетных книгах И. И. Шувалова в 1761 г.: Семь политр, три рубли шестьдесят копеек (Материалы для истории АХ, стр. 38); у Акимова в 1763 и в 1786 гг.: Живописное художество познается по Политре, кистям.

Почти до 80—90-х годов XVIII в. это слово имеет написание *политра*, в 90-х же годах наблюдается колебание: *пОлитра* и *пАлитра*. Например, у Чекалевского: [17] Множество разумных людей списывали много раз с самых превосходнейших произведений в живописи и состарилися почти держа в руках кисть и политру; у Решетникова в 1793 г.: Политра: Тонко выструганная дощечька... на ней живописец разкладывает по порядку все тертые краски и составляет из них колера (стр. 38—39). Но в том же 1793 г. встречается и написание *палитра*.

---

[13] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1865, стр. 939.

[14] Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч. II, столб. 649. СПб., 1806.

[15] Происхождение слова *мальбрет*, например, объясняют И. Ф. Бурдон и А. Д. Михельсон: Мальбрет, нем., от malen, рисовать, и Brett, доска. Трехножный станок у живописцев, на который они ставят картины, когда их пишут. (Объяснительный словарь 60 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней. СПб., 1880, стр. 437).

[16] В отдельных переводных работах 60-х годов встречается лишь транслитерация иноязычного термина. Так, например, М. Агентов, делая перевод с немецкого языка «Основательного и ясного наставления в миниатурной живописи...», вместо слова *политра* употребляет *паллет* (нем. palétte): Сверьх (красок, — *В. С.*) потребно иметь несколько паллетов, или дощечек из слоновой кости, и несколько черенков из оной же для кистей, и при том такой же кости ящичек (стр. 11).

[17] П. П. Чекалевский. Рассуждение о свободных художествах с описанием некоторых произведений Российских художников. СПб., 1792, стр. 104 (в дальнейшем в тексте: Чекалевский).

Ср. у У[рванова]: Живописцу необходимо иметь ящик с доскою, которую художники называют палитрою (стр. 118).

Вопрос о том, какова история слова *палитра* в русском языке, остается не вполне ясным. По мнению А. Преображенского,[18] «слово преобразовано, вероятно, из итальянского paletta, под влиянием макотра, макитра, т. е. суффикса -тра; след., понято: *доска, на которой трут краски*» (курсив А. Преображенского, — *В. С.*). И. И. Огиенко[19] считает, что слово *палитра* было заимствовано из итальянского языка наряду с такими словами, как *акварель, аквафорта, акватинта* и др. По-видимому, более правдоподобной и правильной будет первая точка зрения, так как в итальянском языке известно только слово paletta.

Одним из первых слово *палитра* отмечает Н. Яновский.[20] Однако в «Словаре Академии Российской»[21] это слово приводится в виде *палетра*. Из нескольких орфографических вариантов (политра—палитра—палетра) и дублетов (палитра—доска) в русском языке в качестве термина закрепляется слово *палитра*.

В терминологии художеств XVIII в. употребляются слова *ландшафт* и *пейзаж*, заимствованные первое из немецкого языка (landschaft), второе — из французского (paysage). Какое же из этих слов было более употребительным, например, с середины XVIII в.? Сопоставление одних и тех же слов в конкретных текстах позволяет установить, что слово *ландшафт* встречается у Агентова в 1765 г.,[22] в «Материалах для истории АХ» в 1767, 1779, 1790 гг., у Чекалевского в 1792 г., у У[рванова] в 1793 г., у Винкелльмана,[23] Алферова,[24] Гальберга;[25] слово пейзаж — в «Материалах для исто-

---

[18] А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1910—1914, стр. 9.

[19] И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915, стр. 95.

[20] Н. Яновский. Новый словотолкователь, ч. III.

[21] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. IV. СПб., 1822.

[22] Основательное и ясное наставление в миниатурной живописи, посредством которого, можно сему искусству весьма легко и без учителя обучиться, с приобщением многих редких, и особливых способов, как разныя краски, твореное золото, серебро и Китайской лакфернис делать, и как на полименте золотить. Переведено с немецкого языка переводчиком Михайлом Агентовым. М., 1765.

[23] Лудвига фон Винкелльмана Руководство к точнейшему познанию древних и хороших живописей к скорейшему ободрению любителей сего художества и для удобности странствующих могущее служить карманною книжечкою. СПб., 1798.

[24] Н. Алферов. Способ гравировать крепкою водкою, который по виду чрезвычайно похож на рисунок Китайскою тушью, что Англичане называют Engraving in Acquatinta; а французы, Gravure dans le genre du lavis. С прибавлением способа гравировать карандашом и составлять потребные для сего лаки и проч. СПб., 1805.

[25] Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818—1828. СПб., 1884.

рии АХ» в 1768, 1769, 1773, 1775, 1777 гг., у Иванова в 1789 г., у Гальберга.

В числе таких родов живописи, как исторический, батальный, портретный, цветочный, перспективный, изображение животных, Писарев называет также и *ландшафтный*. В Академии художеств занятия ведутся в классах: скульптурном, медальерном, портретном, миниатюрном, баталическом, архитектурном, перспективном и ландшафтном. Художника, специализирующегося в ландшафтном роде, называют *живописцом ландшафтов, ландшафтным живописцом.*

По-разному переводят в конце XVIII—начале XIX в. слова landschaft и paysage. Если в переводах, сделанных с немецкого языка, употребляется только *ландшафт* (см., например, перевод книги Винкельмана), то в работах с французского языка вместо предполагаемого слова *пейзаж* встречаются описательные выражения *изображение сельского вида, сельские изображения* (см., например, отрывки из работ французских авторов в книге Писарева). Эти и подобные словосочетания употребляются в оригинальных работах начала XIX в. В статье «Взгляд на славнейших живописцев в XVIII в.» читаем: «Андрей дель Сарто и Тициан оставили много начертаний сельских видов, писанных непринужденною, вольною рукою»;[26] «Когда Альбани отлично прославился картинами сельских видов, то кардинал... просил его написать сельский вид для короля английского».[27]

Таким образом, в начале XIX в. появляется для обозначения рода живописи выражение *живопись сельских видов, изображение сельских видов.* Художников называют *живописцами сельских видов.* (См., например, в книге Писарева перевод французского слова paysagiste выражением *живописец сельских видов*).

Слова *ландшафт* и *ландшафтный* (ландшафтный живописец, ландшафтный класс, ландшафтная карта) на рубеже XVIII—XIX вв. являются более распространенными, чем *пейзаж* и *пейзажный* (пейзажная живопись). Подтверждает это и Н. Яновский.[28] В «Новом словотолкователе» он определяет слово пейзаж через *ландшафт*, а слово пейзажист через *ландшафтный живописец.* В XIX в. положение резко меняется. В связи со все более усиливающимся влиянием французского языка и, в частности, его специальной терминологии слово *ландшафт* и его производные (ландшафтный, ландшафтист, ландшафтик и др.) вытесняются из активного употребления словом *пейзаж* и его производными (пейзажный, пейзажик, пейзажист и др.). Выходят из употребления и выражения: живопись сельских видов, изображение сельских видов, живописец сельских видов.

---

[26] «Журнал изящных искусств», кн. I, М., 1807, стр. 38.
[27] Там же, кн. 2, стр. 11.
[28] Н. Яновский. Новый словотолкователь, ч. III, столб. 294.

В данной статье мы коснулись лишь небольшой группы терминов художеств XVIII—начала XIX в. Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Русская терминология художеств XVIII—начала XIX в. еще не представляет собой строгую и стройную лексическую систему. В этот период продолжается процесс образования русских терминов. Новые термины постепенно подчиняются фонетическим, грамматическим и словообразовательным законам русского языка. В толковых словарях и справочниках разного рода термины художеств либо не помещаются, либо фиксируются с опозданием на 30—60 лет.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы и исследования по лексике
русского языка XVIII века

*Утверждено к печати
Институтом русского языка*

Редактор издательства *А. И. Смирнова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *И. С. Дементьева, Э. В. Коваленко*
и *Л. Э. Фрадкина*

Сдано в набор 9/III 1964 г. Подписано к печати 16/IV 1965 г. РИСО АН СССР № 30-177 В. Формат бумаги $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. л. $9^3/_4$. Печ. л. $19^1/_2 = 19^1/_2$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 22.63. Изд. № 2198. Тип. зак. № 655. Тираж 1600. ТП 1964 г. № 387

Цена 1 р. 56 к

Ленинградское отделение издательства «Наука».
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1р. 50к.